2 р. 20 к.

Г. ЗИНОВЬЕВ

ЕН131
Y948

УЧЕНИЕ МАРКСА И ЛЕНИНА О ВОЙНЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Г. ЗИНОВЬЕВ

ЕН 131
У 948

УЧЕНИЕ МАРКСА И ЛЕНИНА О ВОЙНЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

1 экз

К.

ЕН 131
У 948

БИБЛИОТЕКА
Института марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

1058017

ОТПЕЧАТАНО
в 1-й Образцовой типографии
Гиза. Москва, Валовая ул., 28.
Гл. № А-50240. С.61 Гиз. № 33952.
Заказ № 2541. Тир. 10 000 экз.
$22^1/_2$ л.

~~С ф~~
~~3687~~

ПАМЯТИ
ЗЛАТЫ ИОНОВНЫ
ЛИЛИНОЙ

ЕН131
Э949
БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
ЛЕНИНА
(043)
30
2609
36 с 1.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Новая война — вернее сказать, новый цикл войн — надвигается с неумолимой неизбежностью. Предотвратить новые империалистические войны, покончить с войнами навсегда — могут только победоносные пролетарские революции в решающих странах капитализма. Мы живем в эпоху *войн и революций*.

Учение Маркса и Энгельса о войне толкуется вкривь и вкось. Нередко можно натолкнуться и на отрицание того, что такое учение существует вообще. Учение Маркса и Энгельса о войне чаще всего извращалось и извращается реформистами, анархистами, синдикалистами и т. д. Но оно неправильно излагалось, например, и таким выдающимся историком марксизма, как Франц Меринг, по книгам которого училось истории международного рабочего движения (и, в особенности, истории германской социал-демократии) целое поколение. Франц Меринг, выдающийся писатель и один из основателей германской компартии, страдал примиренчеством к лассальянству. Эта крупнейшая ошибка влекла за собой другие крупные ошибки. Пытаясь «примирить» Лассаля с Марксом как раз в тех областях, где взгляды их были в корне непримиримы, Меринг неизбежно лишал себя возможности изложить правильно самое учение Маркса и Энгельса о войне. Ибо именно в вопросах войны и международной политики пролетариата, в самых коренных вопросах пролетарского интернационализма марксизм и лассальянство расходились резче всего. Лассаль был крупной индивидуальностью. Его дарование сверкало всеми цветами радуги. Но специфическое в Лассале, то, что было у него «свое», то, что создавало «учение» лассальянства, — было в корне враждебно марксизму.

Случилось так, что враждебность лассальянства марксизму до сих пор недостаточно освещена, недостаточно «разжевана». До сих пор еще нередко можно встретить и коммунистов, которые недостаточно усвоили себе, в чем же именно состоит коренное расхождение между марксизмом и лассальянством. А между тем, не поняв этого, нельзя в достаточной степени усвоить учение Маркса и Энгельса о войне, представляющее собою и сейчас могучее и незаменимое орудие в руках пролетариата — против буржуазной социал-демократии, против пацифизма, анархизма, синдикализма.

Учение Ленина о войне является продолжением учения Маркса о войне, его углублением, его применением к новой эпохе империалистских войн и пролетарских революций. Учение Ленина о войне «относится» к учению Маркса о войне, как ленинизм в совокупности к марксизму в целом. Учение Маркса о войне испытано в историческом

действии на протяжении почти 50 лет — с 1848 до 1895 г. (год смерти Энгельса). Учение Ленина о войне испытано в историческом действии в продолжение 25 лет — с 1904 по 1929 г., стоивших иного столетия. Учение Ленина о войне более свежо в памяти современного поколения рабочего класса. Но и оно еще недостаточно популяризировано. Эта сторона ленинизма пока изучена менее, чем другие его стороны, менее, чем, например, учение Ленина о крестьянстве, или о советах, или о роли партии. А между тем, если даже взять только небольшую частичку учения Ленина о войне, скажем, его теорию «передышки», то и то уже сразу становится ясной гигантская практическая важность учения Ленина о войне, именно в предстоящие решающие годы и десятилетия, когда международный пролетариат будет — в обстановке войн и революций — перестраивать на свой лад весь мир.

В частности, недостаточно объяснены троцкистские извращения учения Ленина и Маркса о войне, — в особенности борьба троцкизма против ленинизма в эпоху мировой войны. Есть в этой области некоторые черты сходства между лассальянством (его *худшими* сторонами) и троцкизмом. И то и другое блещет всеми цветами радуги. Но и то и другое есть что угодно — только *не* марксизм, *не* ленинизм. Эпоха мировой войны, эпоха величайшего кризиса социализма показала это воочию. Достаточно напомнить троцкистскую постановку вопроса о пораженчестве. Малейшие уступки троцкизму в этих вопросах, малейшее примиренчество к нему чреваты величайшими опасностями. Если посмотреть на нынешнюю эволюцию иных групп «международного» троцкизма; если ознакомиться, например, с теми совершенно *меньшевистскими* оценками, которые дали немецкие и французские троцкисты первомайским событиям 1929 г. в Берлине, первоавгустовской (1929 г.) демонстрации против военной опасности и событиям вокруг КВЖД, — не остается места для сомнений, что в случае возникновения новой войны «международный» троцкизм в лучшем случае будет стоять в этой войне на старых позициях троцкизма 1914—1916 гг., т. е. на деле будет лить воду на мельницу меньшевизма.

Предлагаемая книжка ставит себе задачей дать некоторую сводку взглядов Маркса и Ленина на войну, освежить в памяти учение Маркса и Ленина о войне, облегчить читателю самостоятельное изучение этого важнейшего вопроса по первоисточникам. Попутно пришлось — это сделано слишком недостаточно — остановиться на внешней политике современной социал-демократии, превратившейся в буржуазную рабочую партию контрреволюции, и в кратких чертах осветить — это сделано тоже недостаточно — нынешнее международное положение. Настоящая книжка примыкает к нашей работе «Война и кризис социализма», до известной степени являясь продолжением ее.

I. ВВЕДЕНИЕ. МАРКС И ЛЕНИН.

Раньше, чем перейти к изучению учения Маркса и Ленина о войне, — остановимся на вопросе о том, как «относится» Ленин к Марксу «в целом»? Ответив себе на этот вопрос, легче будет разобраться в том, как «относится», в частности, учение Ленина о войне к учению Маркса о войне.

Ленина сравнивали с Петром Великим, с крупнейшими деятелями французской революции, с героями древности и т. д. Все эти сравнения хромают на обе ноги. Сравнивать Ленина можно и должно только с Марксом. XIX век подарил человечеству двух величайших деятелей. Один из них родился в 1818 г. и умер в 1883 г.; другой родился в 1870 г. и умер в 1924 г. Оба были одинаково гениальны, оба делали одно и то же дело — только на различных стадиях его. Маркс сошел с трибуны около середины 80-х годов; Ленин взошел на трибуну в начале 90-х годов XIX столетия. Между Марксом и Лениным почти нет «перерыва»; а поскольку он был, — его заполнил Энгельс, переживший Маркса на 12 лет. В 1895 г. умирает Энгельс, а в 1898 г. Ленин выступает уже как будущий вождь большевизма.

Неверно, будто марксизм есть только теория, а ленинизм — только практика. Неверно, будто марксизм есть преимущественно теория социалистического переворота, а ленинизм — преимущественно теория социалистического строительства. Неверно, будто Ленин есть «русский» Маркс. В действительности, Ленин — *второй* Маркс, только живший в более счастливую пору, когда первая великая пролетарская революция побеждала и победила, — фигура столь же международная, мировая, великая, составляющая целую эпоху, как и Маркс.

Марксизм, говорил Ленин, есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма. Маркс явился «продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных течений XIX века, принадлежавших трем наиболее передовым странам человечества: Германии, Англии, Франции».

Но, а сам Ленин? Не явился ли он, в свою очередь, «продолжателем и гениальным завершителем» дела Маркса?

Какие события заполнили мировую авансцену в течение тех 40 лет, которые лежат между смертью Маркса и смертью Ленина?

На глазах у Ленина складывается империализм как последний этап капитализма; определяется роль колоний; углубляется техническая революция в капитализме; происходят три революции в России; пробуждается Азия — происходят великие события в Китае, Индии, Турции, Персии; обрисовывается мировая роль Америки; поднимается крестьянство, начиная на деле играть роль союзника пролетарской революции; разгораются национально-освободительные движения колоний и угнетенных наций; происходят войны — русско-японская, балканские и, наконец, мировая империалистская война; начинается эпоха войн и революций; сумерки буржуазной демократии, в частности, буржуазного парламентаризма, становятся уже не предвидением, а фактом; впервые в 1905 г. рождаются Советы как прообраз будущего государства пролетарской диктатуры; пролетариат выдвигает и осуществляет на деле соединение всеобщей стачки с вооруженным восстанием; контрреволюционность буржуазии становится фактом, характеризующим этот класс во всем мире; социал-демократия отрекается от диалектического материализма Маркса, подменяя марксистский анализ современного капитализма апологетикой; встает задача осветить с точки зрения марксизма происходящую во всех областях знания (в том числе естествознания) революцию, указать пути борьбы за материализм и диалектику против идеализма и поповщины в новых условиях; правые тенденции в социал-демократических партиях вырастают в целую «систему» ревизионизма, отречения от революции; большинство социал-демократических партий превращается в буржуазные рабочие партии; империалистская война превращается в войну гражданскую — из империалистской войны в 1917 г. рождается первая победоносная пролетарская диктатура; коммунизм раскалывается с социал-демократией во всем мире; рождается Коминтерн; советская власть, обнимающая $^1/_6$ часть земной суши, становится средоточием растущей мировой революции пролетариата, становится осью всей мировой политики.

Все эти события новейшей мировой истории Ленин «переплавил» в горниле марксова учения. Уроки этих событий он объяснил с точки зрения марксизма, расширив и обогатив в громадной степени само учение Маркса.

В зародыше у Маркса и Энгельса можно найти предвидение почти всех этих мировых событий, во всяком случае — ключ к пониманию их. В статье о значении воинствующего материализма Ленин справедливо писал, что «теперь каждый день пробуждения новых классов к жизни и к борьбе на Востоке (Япония, Индия, Китай)... все больше и больше подтверждает марксизм».

Но нужен был новый Маркс, нужен был Ленин, чтобы объяснить их и показать мировому пролетариату дорогу в этой новой обстановке.

* * *

Маркс и даже Энгельс не дожили до собственно-империалистского периода. Изучить и объяснить в духе Маркса эту важнейшую фазу

капитализма легло на плечи Ленина и оказалось «по плечу» только ему. Это была особенно трудная, ответственная, новая задача.

В тезисах Коминтерна о большевизации справедливо сказано, что «ленинизм есть марксизм эпохи монополистического капитализма (империализма), империалистских войн и пролетарских революций». В области изучения империализма как последней стадии капитализма, выяснения его экономических и политических корней и тенденций, его исторического прошлого, настоящего и будущего — Ленин сделал особенно много. Работа Ленина «Империализм» есть прямое продолжение «Капитала» и бесспорно принадлежит к лучшим из классических произведений марксизма.

Марксовы теории государства и диктатуры пролетариата составляют революционную сердцевину марксизма.

«Государство — это есть машина для поддержания господства одного класса над другим... Государство есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы». Конечно, такое толкование государства не могло нравиться рыцарям буржуазии и «чистой демократии» вроде Каутского, Бернштейна и К°. Им нужно было во что бы то ни стало поддержать фикцию «надклассового» государства. Едва ли найдется другой вопрос, столь запутанный умышленно и неумышленно представителями буржуазной науки, философии, юриспруденции, политической науки, публицистики, как вопрос о государстве, — говорил В. И. (см. его лекцию о государстве, напечатанную в «Правде» от 18 января 1929 г.). Еще бы! Это — вопрос коренной. Здесь сходятся центральные узлы всей исторической тяжбы между пролетариатом и буржуазией.

Столь же ненавистной для ревизионистов всех оттенков является марксова теория диктатуры пролетариата. Больше всего искажений и извращений «критики» Маркса «наворотили» в этой именно области. Годы европейской и мировой реакции были использованы ревизионистами для того, чтобы навалить как можно больше мусора и хлама именно здесь.

Одна из самых величайших заслуг Ленина состоит в том, что он с огромной силой, равной Марксу, отбил атаки исказителей марксизма и в этой области и восстановил марксовы теории государства и диктатуры пролетариата во всей их гениальности. Ленинская работа «Государство и революция» есть прямое продолжение шедевров Маркса и Энгельса, посвященных этим темам.

«Учение о классовой борьбе, примененное Марксом к вопросу о государстве и о социалистической революции, ведет необходимо к признанию *политического господства* пролетариата, его *диктатуры*, т. е. власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс» (Ленин, «Государство и революция», XIV, II, 316—317).

Маркс не считал своей заслугой ни открытие классов, ни открытие борьбы их между собой. «То, что я сделал нового, — писал

Маркс, — состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими формами борьбы, свойственными развитию производства; 2) что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к установлению общественного строя, в котором не будет места делению на классы».

Историческое преимущество Ленина перед Марксом состояло в том, что, действуя в более позднюю эпоху, В. И. имел возможность подкреплять марксовы и свои собственные теоретические аргументы особенно вескими «доводами» великой пролетарской революции в России. Вы хотите знать, что такое диктатура пролетариата? Вы хотите видеть, как классовая борьба приводит к диктатуре пролетариата? Посмотрите на пролетарскую революцию в России, господа!..

* * *

Главное в учении Маркса, это — выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как создателя социалистического общества (Ленин). Главное в учении Ленина — то же самое.

Но вместе с тем Лениным было внесено и много нового. Особенно много нового сказал Ленин по вопросу о крестьянстве.

Замечательно, что многое из того, что сказал Ленин на эту тему, было заложено в тех писаниях Маркса, которые стали известны Ленину лишь позднее, или не стали известными вовсе. Переписка Маркса с Энгельсом, например, вышла только в 1913 г. Часть работ Маркса публикуется только теперь.

Сказанное Марксом о необходимости «подкрепить пролетарскую революцию своего рода вторым изданием крестьянской войны» стало известно лишь по опубликовании переписки Маркса и Энгельса.

Сказанное Марксом о том, что для своей победы пролетариат «должен быть, по меньшей мере, в состоянии сделать для крестьян mutatis mutandis непосредственно хотя бы столько же, сколько французская буржуазия во время своей революции сделала для тогдашнего французского крестьянина» — опубликовано только в 1926 г.

Слова Маркса о том, что «реформы агрикультуры и основанного на ней собственнического свинства должны стать альфой и омегой будущего переворота», стали известны лишь после опубликования переписки Маркса и Энгельса. Статьи об Индии опубликованы у нас лишь в 1927 г.

А между тем Ленин уже с конца 90-х годов и во всяком случае с начала 900-х годов строил свою работу именно на этих посылках. Настолько «впитал» он в себя учение Маркса, настолько родственны по духу были Маркс и Ленин.

Таких примеров можно привести множество: достаточно указать на то поразительное совпадение мыслей, которое мы находим у Ленина в его заметках о Гегеле и диалектике, с пролежавшей под спудом у Бернштейна несколько десятилетий и опубликованной совсем недавно

«Диалектикой природы» Энгельса. В национальном вопросе, в вопросе о колониях, в оценке Америки, в аграрном вопросе и в ряде других вопросов повторилось то же самое. То, что у Маркса и Энгельса было лишь в «зародыше» (и часто не могло даже быть известно Ленину), В. И. развил, конкретизировал, применил к новой обстановке. Ленин берет с благодарностью из рук Маркса небольшое зернышко, сажает его в землю и получает богатые всходы. А иногда об этом зернышке он только догадывается.

Гигантские мировые события, лежащие между эпохой Маркса и эпохой Ленина, при всем их многообразии, могут быть сведены в основном к трем группам явлений, которые прежде всего и были объяснены Лениным с точки зрения учения Маркса.

1. Опыт монополистического капитализма и империалистских войн; сюда же относится начало пролетарских революций в ряде западных стран, затронутых мировой войной.

2. Русская революция или, точнее сказать, три русских революции с ролью пролетариата и крестьянства в них.

3. Национально-освободительные движения в колониальных странах и значение национального вопроса вообще.

Если Маркс был «законным преемником», «продолжателем и гениальным завершителем» лучшего из того, что создало человечество в XIX веке в трех наиболее передовых странах, то Ленин, непосредственный продолжатель дела Маркса, стал законным преемником и гениальным завершителем лучшего из того, что создало человечество в конце XIX столетия и в течение первой четверти XX века не только в трех вышеназванных передовых странах Европы, но и на рубеже между Европой и Азией и в самой Азии и во всем мире.

* * *

Случайно ли, что второй Маркс родился в России? Случайно ли, что «реабилитация» марксизма, после того как вожди II Интернационала так уронили и сфальсифицировали его, произошла в России?

Нет, это не случайно. В 1902 г. Каутский, когда он еще был марксистом, умел предвидеть, что в противоположность 1848 г. в начале XX века центр тяжести революционной мысли и революционного дела все более и более передвигается к славянам — передвигается с Запада на Восток. «В 1848 г., — писал Каутский, — славяне были трескучим морозом, который побил цветы народной весны. Быть может, теперь им суждено быть той бурей, которая взломает лед реакции и неудержимо принесет с собою новую, счастливую весну для народов».

В первой половине XIX века революционный центр лежал во Франции, временами в Англии; в 1848 г. Германия вступила в ряды революционных наций; в 1871 г. Парижская коммуна попыталась вновь выдвинуть Францию в первые ряды революции. Начало XX столетия перенесло революционный центр в Россию. Тем самым и ближайшие судьбы марксизма решались в этот период именно в России. Достаточно представить себе на минуту, как выглядел бы марксизм без рус-

ской революции, без Ленина, без победы Октября, чтобы понять, что не случайно второй Маркс родился именно в России.

Первые полвека своего существования, с 40-х до 90-х годов XIX столетия, марксизм боролся с теориями, которые в корне были враждебны ему. К концу жизни Маркса победа его учения была в основных чертах завершена. Но когда марксизм вытеснил все сколько-нибудь цельные враждебные ему учения, — те тенденции, которые выражались в этих учениях, стали искать себе иных путей, изменили формы и поводы борьбы, но борьба продолжалась. И вторые полвека существования марксизма начались (90-е годы прошлого века) с борьбы враждебного марксизму течения *внутри* марксизма. Об этом подробно рассказывал еще 20 лет назад Ленин в замечательной работе «Марксизм и ревизионизм».

Период 1889—1914 гг., представлявший собою мирный период II Интернационала, подготовлял и подготовил неслыханный крах социал-демократии, который с началом империалистской войны обнаружился перед всеми. Но уже в середине этого периода, к концу 90-х годов, начинается «расцвет» бернштейнианства. Из марксизма вытравляют его душу живу. Ревизионизм начинает побеждать по всей линии. «Возражения» ревизионистов против марксизма сводятся к «довольно стройной системе взглядов: именно давно известных либерально-буржуазных взглядов» (Ленин).

Марксизм без классовой борьбы, без диктатуры пролетариата, без революционной страсти, без гражданской войны, — вот то «учение», которое проповедуют ревизионисты. В их трактовке «марксизм становится брентанизмом, струвизмом, зомбартизмом» (Ленин — в предисловии к «Письмам к Кугельману»). Так называемый «кризис марксизма» подошел к той стадии, когда опровергнуть ревизионистов можно было уже только *делом, фактом*, конкретной, очевидной для всех победой пролетарской революции; другие доводы были бы уже недействительны. И так как наиболее революционная ситуация существовала в России, то здесь именно и решались судьбы борьбы между марксизмом и ревизионизмом. Если бы первая всемирная империалистская война не привела к первой победе пролетарской революции, — социал-демократия «с успехом» превратила бы марксизм на целый исторический период в брентанизм, струвизм, зомбартизм.

Всякое поражение пролетариата ревизионисты, уже тогда игравшие роль агентуры буржуазии, использовали прежде всего для нового похода против учения Маркса. Разве не замечательно, что поражение русской революции 1905 г. тотчас же было использовано международным ревизионизмом (в том числе русскими меньшевиками) именно в этих целях? «Никто не станет думать уже теперь в России о том, чтобы делать революцию по Марксу», — писали наиболее откровенные меньшевики в 1908 г., в эпоху контрреволюции (Ленин, XI, 1, 73). Раз контрреволюция победила, то виноват Маркс! По поводу такого рода заявлений оглушенных поражением мещан Энгельс однажды писал Марксу, что «полное забвение революционной (и контрреволюцион-

ной) причинности есть результат победоносной реакции» («Переписка», IV, 125).

«Ни в одной стране в мире, — писал Ленин в феврале 1907 г., — нет в данную минуту такого глубокого революционного кризиса, как в России, ни в одной стране нет «марксистов» (принижающих и вульгаризирующих марксизм), которые бы так скептически, филистерски относились к революции».

И Ленин советует поучиться у подлинного Маркса российским интеллигентским «марксистам», расслабленным скептицизмом, отупленным педантством, склонным к покаянным речам, быстро устающим от революции, мечтающим, как о празднике, о похоронах революции и замене ее конституционной прозой.

Брентанизмом, струвизмом, зомбартизмом Ленин называл тот «марксизм», который проповедывали ревизионисты в 1907 г. Еще гораздо хуже обстояло дело в 1914 г., к началу империалистской войны, когда весь или почти весь II Интернационал открыто пошел на службу к буржуазии. И еще хуже обстояло бы дело в 1917 и в позднейшие годы, если бы российский пролетариат, под руководством Ленина, не одержал победы над буржуазией и меньшевиками. Борьба большевизма с меньшевизмом в 1917 г. решала ближайшие судьбы марксизма во всем мире.

Карл Маркс был не только автором «Капитала», но и организатором I Интернационала, певцом Парижской коммуны, теоретиком диктатуры пролетариата. Карл Маркс, закончивший свою деятельность в 1883 г., был возможен и без непосредственной победы пролетарской революции. Но Ленин мог подняться во весь рост лишь при победе пролетарской революции. Ленина могла «подготовить» и поставить на мировой пьедестал лишь великая победоносная пролетарская революция — хотя не всякая победоносная пролетарская революция в дальнейшем будет выдвигать столь гениальные головы, как Ленин.

* * *

«Обрабатывая» Маркса под дюжинного социал-либерала типа Зомбарта и Брентано, Бернштейн, Каутский и К° представляют дело так, будто «по Марксу» революция пролетариата может *начаться* только одновременно в нескольких странах и притом обязательно в странах, наиболее капиталистически развитых. На этом основании «теоретики» социал-демократии до сих пор считают нашу пролетарскую революцию в России «незакономерной».

В действительности Маркс и Ленин ничего общего с такой постановкой вопроса не имели.

Еще в «Классовой борьбе во Франции» Маркс писал: «Естественно, что насильственные вспышки происходят раньше в конечностях буржуазного организма, чем в его сердце, так как здесь урегулирование скорее возможно, чем там».

Еще в 1853 г. в статье «Британское владычество в Индии» Маркс говорил: «Совершая социальную революцию в Индостане, Ан-

глия, правда, руководилась самым грубым интересом и проявила тупость в способах ее проведения. Но не в этом дело. Вопрос в том, может ли человечество выполнить свое назначение без коренной революции в социальном состоянии Азии? Если нет, то Англия, несмотря на все свое преступление, была бессознательным орудием истории в совершении этой революции».

Еще в начале 60-х годов Маркс писал по поводу восстания тайпингов: «Можно смело предсказать, что китайская революция бросит искру в пороховой погреб современной промышленной системы и вызовет взрыв давно подготовлявшегося всеобщего кризиса, за которым, когда он распространится за границей, непосредственно последует политическая революция на континенте».

В середине XIX столетия Маркс допускал, что пролетарская революция может начаться из Франции, — а Франция далеко не была тогда передовой промышленной страной. В течение долгих годов Маркс и Энгельс были полны самой радужной веры в *русскую* революцию и ее могучее всемирное значение.

Маркс, таким образом, ставил вопрос о пролетарской революции, как и все остальные вопросы, глубоко диалектически. Он допускал, что первый толчок может притти и из Индии, и из Китая, и из Франции, и из России. И, конечно, он готов был «принять» революцию — откуда бы она ни пришла. И в то же время он указывал на то, что при тогдашнем положении мирового производства и мировой политики судьбы социалистической революции окончательно разрешались в Англии.

О возможности крестьянской революции в России Энгельс говорил еще в письме к Марксу от 23 мая 1851 г. «В России началась революция», — писал Маркс Энгельсу еще 8 октября 1858 г. по поводу созыва «нотаблей» в Петербурге. 11 января 1860 г. Маркс в письме к Энгельсу с восторгом отмечает, с одной стороны, американское движение рабов, с другой стороны, движение крепостных в России. «Открылось социальное движение на Западе и на Востоке. Это будет грандиозно вместе с предстоящим крушением в центральной Европе». 12 февраля 1870 г. Маркс пишет Энгельсу (по поводу книги Флеровского «Положение рабочего класса в России»), что в России предстоит «грозная социальная революция».

«Революция на этот раз начнется на востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции... Все слои русского общества находятся экономически, морально и интеллектуально в состоянии полного разложения... Молодцы турки ускорили взрыв ударами» и т. д. — пишет Маркс в письме к Зорге 27 сентября 1877 года.

В таком же духе продолжалась переписка между Марксом и Энгельсом в течение десятилетий.

Известно, что Маркс и Энгельс считали (см. письма к Николаю — ону, Вере Засулич, а также статьи против Ткачева), что если буржуазно-демократическая революция в России совпадет во времени

с социалистическими революциями на Западе, то Россия, перескочив через стадию капитализма (или сократив ее до минимума), сможет сразу войти в полосу социалистического развития. Первое условие, требовавшееся для этого, заключалось в наличности некоторого *толчка извне*, в уничтожении капиталистической системы в тех странах, где она получила свое начало (Письма К. Маркса и Ф. Энгельса к Николай — ону. Перевел Г. А. Лопатин).

Не русской революции вообще, а лишь *социалистической* революции в России должен был предшествовать «толчок извне», т. е. пролетарская революция на Западе. Так представляли себе дело Маркс и Энгельс, а вместе с ними в основном долгое время и Ленин.

Однако сроки революции оказались иными, чем ожидали Маркс и Энгельс. А вместе с изменением сроков несколько изменилось и взаимоотношение между революцией в России и революцией на Западе.

Пролетарские революции на Западе запаздывают; буржуазно-демократическая революция в России также запоздала, но отчасти, именно в силу своего опоздания, вышла после генеральной репетиции 1905 г. настолько радикальной, что, в связи с империалистской войной, быстро переросла в социалистическую революцию. На деле вышло так, что «толчок извне» русская революция дала Западу, а не наоборот, — что, конечно, не следует понимать слишком упрощенно, ибо *самый размах русской революции и быстрое перерастание ее в социалистическую революцию были теснейшим образом связаны с грандиозным размахом всемирного рабочего и революционного движения, в особенности рабочего движения на Западе.*

Взаимозависимость между революциями в отсталых крестьянских странах и странах передового капитализма получилась более сложная. Ход истории оказался сложнее, «хитрее» (Ленин), чем ожидали даже марксисты. Но недаром Маркс и Ленин были диалектиками, недаром Ленин учил нас понимать в марксовой диалектике взаимозависимость и теснейшую неразрывную связь *всех* сторон каждого явления, — «причем история открывает все новые и новые стороны» (Ленин). Диалектика революционного развития в 1917 г. подвела вплотную к возможности прорыва капиталистической системы именно в отсталой крестьянской стране. При такой исторической ситуации Маркс ни на минуту не задумался бы сделать то же, что сделал Ленин в 1917 г., и что так превосходно объяснил «недоумевающим» мелким буржуа Ленин в записках о Суханове.

Если бы в России в 1917 г. не победил пролетариат; если бы милюковско-гучковская Россия закрепилась на продолжительный исторический этап; если бы после снятия могильной плиты царского самодержавия развитие производительных сил в России пошло под ферулой буржуазии; если бы «свободное» капиталистическое развитие овладело русской деревней, — тогда «свободная» буржуазная Россия на некоторое время вполне могла бы вновь претендовать на роль всемирного жандарма, но уже не по отношению к буржуазно-демократическим, а

по отношению к пролетарским социалистическим революциям Европы и национально-освободительным движениям всего Востока. Тогда мир мог бы стать свидетелем того, как «свободная» (хотя на деле и весьма зависимая от иностранных империалистов) капиталистическая Россия Гучковых, Львовых, Милюковых и даже Черновых повела бы русских крестьян, одетых в солдатские мундиры, против пролетарских революций Запада и национально-освободительных движений Востока.

По всей мировой обстановке «свободная» буржуазная Россия не могла бы на сколько-нибудь длительный срок оставаться «демократической» и «парламентарной» республикой. Она неизбежно должна была бы стать фашистской, — в той или другой форме. И для русских рабочих и крестьян это, помимо всего прочего, означало бы необходимость вести не одну войну, — но войну реакционную за интересы «русского» империализма и фашизма, под кнутом буржуазно-фашистского офицерства.

Исторический вариант, ожидавшийся Марксом и Энгельсом, — социалистическая революция на Западе *предшествует социалистической* революции в России — имел бы, разумеется, свои огромные преимущества. Прямая помощь развитой социалистической промышленности Англии или Германии неслыханно ускорила бы у нас темп социалистического строительства и избавила бы от многих трудностей, стоящих перед пролетарской диктатурой в крестьянской стране.

Но и тот исторический вариант, который получился на деле, при всей его трудности и оригинальности, также имеет *свои* преимущества. Страна, которая могла бы на целую историческую эпоху стать главным экономическим резервом капитализма против социализма, которая могла бы дать капитализму неисчерпаемую крестьянскую армию под руководством буржуазных офицеров против пролетарских восстаний, — эта страна, ходом истории, приведена к тому, что она стала *первой советской страной*, первой страной, создавшей могучую регулярную армию социализма, что она сама дает могучий толчок пролетарским революциям на Западе и национально-революционным движениям десятков и сотен миллионов людей на Востоке.

* * *

Две исполинских фигуры осветили исторический путь мирового пролетариата: Маркс и Ленин. Один стал собирательным пунктом в эпоху *исторического подготовления* пролетарской революции, другой — в эпоху ее *первой всемирно-исторической* победы. XIX столетие было щедро к человечеству. Оно дало ему Маркса и Ленина — на протяжении всего каких-нибудь 50 лет.

Пролетарские революции несколько затянулись. Но во всяком случае ясно, что гораздо меньше, чем 50 лет, будет отделять одну пролетарскую революцию от другой. Что новые пролетарские революции не за горами — за это можно ручаться. Но, что скоро появятся такие же гении, как Маркс и Ленин, за это ручаться нельзя.

Речь на могиле Маркса, 17 марта 1883 г., Энгельс закончил так:

«И вот он умер, — окруженный уважением и любовью, оплакиваемый миллионами его сподвижников по революционному делу, рассеянных по всему лицу земли: от сибирских рудников, через всю Европу и Америку, до Калифорнии. И я смело могу сказать: у него еще были противники, но едва ли остались личные враги. Его имя будет жить в веках, а равно и его дело».

С неменьшим правом эти слова могут быть отнесены теперь и к Ленину.

Да, и Маркс и Ленин были настолько гиганты, что личных врагов у них быть не могло — в особенности, к концу их жизни. Личных врагов не было у В. И. Ленина, несмотря на то, что он еще больше, чем Маркс, стоял в центре борьбы и был в течение долгих лет ее фокусом и средоточием. Ленин возглавлял первое пролетарское правительство в мире — правительство, родившееся в грозе и буре гражданской войны, правительство, которому пришлось не только разрубать узлы старых общественных отношений — отношений феодализма и капитализма, — но иногда и прямо рубить головы врагов рабочего класса. И тем не менее, величие дела Ленина, самого образа Ленина сделало то, что личных врагов у Ленина не было.

Борьба была его стихией, и он боролся со страстью, упорством и успехом, как лишь очень немногие в мировой истории. Эти слова Энгельса, сказанные о Марксе, также целиком относятся и к Ленину. Борьба была его стихией, борьба за дело угнетенных и эксплоатируемых, за дело того класса, который не может освободить себя, не освободив весь мир. Борьба останется стихией учеников Ленина — вплоть до того счастливого момента, когда будут уничтожены классы, когда коммунизм, когда программа Маркса и Ленина победят во всем мире.

«Вам придется пережить 15—20—50 лет гражданских войн и битв народов, не только чтобы изменить строй, но чтобы изменить и себя самих и сделаться способными к политическому господству», — говорил Маркс рабочим всего мира.

10—20 лет напряженной борьбы, — и, в частности, правильных взаимоотношений с крестьянством — требовал Ленин незадолго до своей смерти от пролетариата нашей страны, чтобы обеспечить победу в мировом масштабе.

Второе десятилетие существует диктатура пролетариата в России, а мы все еще сидим по горло в трудностях и теперь быстро приближаемся к новым войнам! Да, это так. Но нельзя забывать слова Маркса о том, что 20 лет равняются одному дню в великих исторических развитиях — хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточивается по 20 лет (К. Маркс и Ф. Энгельс, т. III, стр. 127, «Переписки»).

В одну из трудных для русской революции эпох Ленин написал:

«*Все те победы, — или полупобеды, четверть поб ды, вернее сказать, — которые одержала наша революция, одержаны всецело и исключительно благодаря непосредственно-революционному на-*

1058017 3 ст

тиску пролетариата, шедшего во главе непролетарских элементов трудящегося населения. Все поражения вызваны ослаблением такого натиска» (XI, 1, 73).

Эти слова учителя означают для большевиков Советского Союза напоминание, что, когда приходят трудности, наше дело апеллировать прежде всего туда, где заложены самые глубокие корни советской власти: к рабочей массе, к миллионам пролетариев. А для большевиков, еще борющихся против владычества буржуазии, эти слова — призыв сильней бороться за то, чтобы вызвать, ускорить, усилить непосредственно-революционный натиск миллионов и десятков миллионов рабочих.

Новую войну (или новые войны) мы должны встретить под знаменем Маркса и Ленина. Вызывать, пробуждать, организовывать «непосредственно-революционный натиск пролетариата» — это и будет лучшая подготовка к испытаниям новых войн.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

II. ОБЩИЙ ОЧЕРК УЧЕНИЯ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА О ВОЙНЕ.

Существует ли вообще сколько-нибудь цельное, сколько-нибудь законченное учение Маркса о войне?

Да, существует.

В начале первой всемирной империалистской войны 1914—1918 гг. самой злободневной темой недаром был вопрос о взглядах Маркса и Энгельса на войну. Кто только ни «излагал» этих взглядов Маркса и Энгельса! Тут были и «авгуры» большой европейской печати; тут были и контрреволюционные вожди социал-демократии, наперебой старавшиеся «установить» правоту «своего» отечества; тут были анархисты «патриотического» типа, сводившие старые счеты с марксизмом; тут были и «наши» народники, старавшиеся доказать, что Маркс и Энгельс, как народники «всегда говорили», были, в сущности говоря, шовинистами. Каждый из лагерей пытался «истолковать» взгляды Маркса и Энгельса на войну в свою пользу. Истолкование в шовинистическом духе позиций Маркса и Энгельса стало одним из важнейших орудий политической борьбы. Это было своеобразной данью обаянию марксизма. Ибо, если бы в массах не было так сильно обаяние марксизма, ни социал-шовинистам, ни анархо-шовинистам, ни откровенным буржуа не-зачем было бы вообще «апеллировать» к Марксу и Энгельсу.

Но если различные лагери могли истолковывать взгляды Маркса и Энгельса на войну в свою пользу, то не значит ли это, что, собственно говоря, законченного учения Маркса о войне как раз и не существует? Быть может, дело ограничилось у Маркса и Энгельса лишь замечаниями на злобу дня? Быть может, цельности, стройности и законченности во взглядах Маркса и Энгельса на войну и не существовало вовсе?

Нет, это не так!

Конечно, нельзя сказать, что учение Маркса о войне представляет собою нечто столь же законченное, как, скажем, его учение о прибавочной стоимости или как его теория классовой борьбы и диктатуры пролетариата. Однако, сумма взглядов Маркса и Энгельса на проблемы войны все же представляет собою настолько законченное целое, что можно и должно говорить об учении марксизма и в этой области — по крайней мере, в том же смысле, в каком мы говорим: учение Маркса о вооруженном восстании, учение Маркса и Энгельса о государстве и т. п.

* * *

Учение Маркса и Энгельса о войне состоит из трех составных частей.

1. *Война и материалистическое объяснение истории.* Прежде всего — марксистское освещение вопроса о *происхождении* войн.

2. *Война и революция.* Вопрос о *соотношении* войн и революций, об их *взаимодействии.*

3. *Война и рабочий класс. Конкретная тактика пролетариата в отношении к конкретным войнам,* в зависимости от их различного характера.

Первая тема — война и материалистическое понимание истории — *на первый взгляд* есть чисто академическая тема. Но в действительности это далеко не так. Научиться с точки зрения материалистического понимания истории подходить хотя бы только к вопросу о *происхождении* войн и т. п. значит получить ключ к пониманию *характера каждой конкретной войны.* А это есть одна из важнейших предпосылок для марксистской оценки каждой конкретной войны и для выработки правильного, с точки зрения пролетариата, поведения в отношении такой войны.

Вторая тема — соотношение войн и революций (и обратно) — выясняет нам *принципиальное* отношение марксизма к войне, *коренную разницу между марксизмом и всеми видами пацифизма.* Знакомясь с этой темой, знакомишься с тем, как создалось марксистское представление об *эпохе войн и революций.*

И, наконец, *третья* тема в учении Маркса и Энгельса о войне, это — *конкретная оценка* Марксом и Энгельсом ряда конкретных войн и выработка ими *тактики* (или, по крайней мере, элементов тактики) пролетариата в отношении к данным конкретным войнам в данной конкретной обстановке. Сюда относятся прежде всего войны: 1) 1848 г., 2) 1853 г., 3) 1859 г., 4) 1864—1866 гг., 5) 1870—1871 гг., 6) 1877—1878 гг.

Сюда же относится анализ конкретной ситуации (франко-русский союз, перспективы всеевропейской войны, роль Америки), который дал Энгельс после смерти Маркса.

Ознакомление с теми постановками вопроса, которые давали Маркс и Энгельс в ходе перечисленных войн, помогает, на основании опыта, выработать правильный марксистский подход к вопросам войны вообще.

Маркс и Энгельс не имели возможности наблюдать непосредственно войны современной империалистской эпохи. Ленин справедливо считает, что империализм как высшая стадия капитализма Америки, Европы, а затем и Азии сложился вполне к 1898—1904 гг. Войны испано-американская (1898 г.), англо-бурская (1900—1902 гг.), русско-японская (1904—1905 гг.) и экономический кризис в Европе (1900 г.) — вот, по Ленину, главные исторические вехи новой эпохи мировой истории. До этого времени ни Маркс, ни Энгельс не дожили. Маркс умер в 1883 г., Энгельс — в 1895 г. Но Маркс и Энгельс более всего

изучали *Англию*. А особенностью Англии было уже с половины XIX в. то, что, по крайней мере, две крупнейшие отличительные черты империализма в ней были налицо: 1) необъятные колонии и 2) монопольные прибыли (Ленин). Маркс и Энгельс гениально провидели ряд черт будущего империализма, а стало быть, и империалистских войн. Мы увидим ниже, что нигде и никем с такой глубиной и конкретностью не были предвидены почти все основные черты первой мировой империалистской войны, как Энгельсом в его известных статьях «Социализм в Германии» и «Иностранная политика царизма», в его письмах к друзьям конца 80-х годов и т. д. Энгельс не мог предвидеть точно сроков этой первой всемирно-империалистской войны, но основные группировки держав, размеры войны, ее разрушительные последствия, ее громадную революционизирующую роль он предвидел.

Взять хотя бы вопрос об Америке. Теперь мы все видим гигантскую решающую роль Америки. Но Энгельс видел ее еще в 1882 г., затем предсказывал ее в 1886 и 1887 гг., т. е. более 40 лет тому назад.

Гениальное проникновение в пути грядущего исторического развития, способность схватить в основном историческое явление уже в момент его зарождения (in statu nascendi) — все это позволило Марксу и Энгельсу провидеть многие черты будущих чисто империалистских войн задолго до того, как империализм вполне сложился.

Войны при капитализме неизбежны. Но войны в истории часто идут рядом с революциями. Наше дело — дело рабочего класса — действовать так, чтобы и каждая война, которую затеют разбойники капитализма, максимально приближала нас к пролетарской революции, к социализму. В этом смысле Маркс «не боялся» войн и часто связывал именно с войной или с перспективой войны надежды на ускорение революционного развития. Марксизм является чем угодно, только не пацифизмом. Войн не уничтожить, пока не уничтожен капитализм. Это приходится брать, как факт. Вывод для нас, пролетариев? Нужно уничтожить капитализм! Нужно быть готовыми: будет война между «ними» (т. е. между буржуазными или буржуазно-феодальными государствами) — будет возможность для нас, пролетариев, использовать эти кризисы в интересах революции. Примеров, иллюстрирующих подобное отношение Маркса к войне, можно привести не мало.

1848—1849 гг. Маркс проповедует революционную войну против царской России.

В начале 1849 г. (см. в особенности статью из «Новой рейнской газеты» — «1849 год») перспектива Маркса сводится к следующему: французский пролетариат восстанет и победит свою буржуазию; победа французского пролетариата вызовет всемирную войну; в этой войне старая Англия потерпит поражение; к власти придут чартисты. «Чартисты во главе английского правительства — лишь в этот момент социальная революция переходит из области утопии в область действительности».

Крымская война. Маркс и Энгельс не раз характеризуют ее, как «скучную» войну именно потому, что решающие европейские

державы ведут эту войну нехотя, «лениво» и тем мешают разгораться всемирному или, по крайней мере, всеевропейскому кризису капитализма. Деритесь, как следует! — как бы «поощряют» воюющие буржуазные державы Маркс и Энгельс, — бросайте побольше войск, расширяйте территорию войны, разбейте наголову царизм, тем самым будет брошена искра в пороховой погреб европейского капитализма!

Брошюры Энгельса «По и Рейн» и «Савойя, Ницца и Рейн». В этих брошюрах Энгельс как будто прямо «поощряет» Германию к войне — поощряет в том именно смысле, в каком «поощряли» Маркс и Энгельс к революционной войне против *царской* России в 1848 г. или в эпоху Крымской войны.

Об австро-французской войне 1859 г. Маркс писал, что она, как и экономический кризис 1857 г., сдвинула политическую жизнь европейских государств с мертвой точки. К этому присоединилось влияние американской «междоусобной» войны. Про эту последнюю войну Маркс сказал, что она бьет набат для европейского рабочего класса подобно тому, как американская война за независимость в XVIII в. пробила набат для европейского среднего класса.

Франко-прусская война 1870—1871 гг. В связи с ней и произошло восстание парижских коммунаров. Марксовы оценки Парижской коммуны находятся в тесной связи с его взглядами на соотношение войны и революции вообще.

Война зачастую есть «набат» для угнетенных классов. Эта мысль чаще всего попадается у Маркса и Энгельса, когда они говорят о войнах.

В этом именно смысле и следует понимать слова о том, что Маркс и Энгельс «не боялись» войн.

Из этого, конечно, отнюдь не вытекает вульгарный вывод, будто Маркс и Энгельс были «сторонниками войны». Именно они и их ученики являются единственно последовательными борцами против буржуазных войн. Именно коммунисты искоренят войны — вместе с порождающим их буржуазным строем.

Подробное ознакомление с позицией Маркса и Энгельса 1) в 1848 г., 2) во время крымской войны, 3) во время итальянской войны, 4) во время франко-прусской войны; 5) ознакомление с соответствующими работами Энгельса после смерти Маркса покажет на живых примерах подлинное отношение творцов научного коммунизма к войне. Всегда и неизменно Маркс и Энгельс подходят к каждой из пережитых ими войн или к возможным войнам с одним и тем же критерием: *польза пролетарской революции — вот высший закон!* Дело освобождения пролетариата, который освободит весь мир, — вот дело Маркса и Энгельса. Хорошо все то, что служит этому делу. Плохо то, что ему мешает.

III. МАРКСИЗМ И ЛАССАЛЬЯНСТВО.

Раньше, чем перейти к систематическому изложению учения Маркса о войне, необходимо остановиться на расхождении взглядов Маркса и Лассаля.

Взгляды Маркса на войну вырабатываются и оттачиваются, между прочим, в борьбе со взглядами Лассаля на тот же предмет. *Маркс и Лассаль* — эти имена *противопоставляются* особенно резко именно в разработке вопросов войны и пролетарского интернационализма. Когда говорят о *марксизме и лассальянстве,* то больше всего приходится иметь в виду два коренным образом расходящихся направления в указанной области. *Отсюда* пошли два направления в международном рабочем движении. *Сюда* восходит в значительной мере и нынешняя борьба двух лагерей: пролетарски-интернационалистского и социал-патриотического.

Нельзя, конечно, ставить знак равенства между ролью Лассаля и ролью, скажем, Носке и Эберта. Лассаль жил в другую эпоху. Лассаль *кое в чем* вел рабочих вперед. Лассаль имеет и заслуги перед мировым пролетариатом. Между тем нынешние вожди социал-демократии тащут рабочих *назад;* когда же рабочие упираются, «воспитывают» их путем расстрелов. Но идеология современного социал-патриотизма безусловно повторяет во многом идеологию лассальянства. Недаром и Эдуард Бернштейн (1898) и «наш» Петр Струве (1900) начали свою «ревизию» Маркса с призывов «назад к Лассалю».

Разница между марксизмом и лассальянством до сих пор не разъяснена в достаточной степени. Не только фальсификаторы марксизма из лагеря II Интернационала, но и такие люди, как Франц Меринг, долгое время защищали тот взгляд, будто Маркс был несправедлив к Лассалю, будто взгляды Маркса и Лассаля в основном совпадают. Меринг, один из лучших знатоков Маркса и Энгельса, писал буквально, что «величайшей ошибкой их (т. е. М. и Э.) жизни было то, что они совершенно не сумели оценить исторического дела Лассаля». Меринг заблуждался, конечно, искренно. Фальсификаторы же марксизма прямо *заинтересованы* в том, чтобы стирать разницу между марксизмом и лассальянством.

Лассальянство представляло собою своеобразный, «оригинальный» тип оппортунизма. Кто судил о Лассале по его знаменитому тезису о буржуазии, как «единой реакционной массе», или по его тезису о «железном законе зарплаты», тому при поверхностном взгляде Лассаль

мог показаться даже стоящим «левей» марксизма. В действительности же Лассаль стоял, конечно, *справа* от марксизма и был родоначальником оппортунизма в германской социал-демократии. Отдельные крупные ошибки Лассаля видел и Меринг, но он именно не видел и не хотел видеть ошибочной *системы взглядов* Лассаля, не хотел видеть того, что Лассаль является представителем оппортунистических, анти-марксистских взглядов.

Если обратиться к *основам* марксистского мировоззрения, то прежде всего необходимо отметить, что Лассаль был противником исторического материализма. Даже Меринг вынужден признать, что «от исторического материализма идеализм Лассаля отличался тем, что Лассаль воспринимал условия и законы пролетарской классовой борьбы не в их экономической наготе, а переводил их предварительно в идеалистические формы мышления, и притом в те идеалистические формы мышления, которые больше всего были характерны для буржуазного века, т. е. в формы философии и права» [1].

Лишь в корне ложная установка Меринга в его основных оценках Лассаля могла привести к следующему неверному выводу: «Лассаль был убежденным коммунистом в духе «Коммунистического Манифеста»; к некоторым промахам и ошибкам приводило его лишь (!) то обстоятельство, что он предварительно переводил себе экономические воззрения «Манифеста» на юридический и философский язык» [2]. Глубоко неправ Меринг и тогда, когда он пишет: «Идеализм Лассаля, будучи его слабостью, был и его силой (??). Он дал Лассалю ту несокрушимую веру в могущество идеи, под влиянием которой он совершил так много» [3].

Подобные эклектические оценки дорого обошлись германскому да и международному пролетариату. Как известно, одним из первых грехопадений германского ревизионизма явился отход от исторического материализма к идеализму — в том числе и к «идеализму Лассаля». Столпы ревизионизма не раз пытались доказать, что их измена историческому материализму и переход на позиции идеализма «дают им несокрушимую веру в могущество идей». На деле это философское ренегатство лишь подготовляло ренегатство политическое. Лассаль именно не был *ни* убежденным коммунистом, *ни* тем более «убежденным коммунистом» *в духе «Коммунистического Манифеста»*.

Под «пролетариатом» Лассаль понимал совсем не то, что Маркс. Пролетариатом Лассаль считал всю сборную разношерстную массу «трудящихся классов», мелкого люда, и потому он был убежден, что уже в начале 60-х годов, когда немецкий рабочий класс был еще сравнительно очень малочислен, «немецкий пролетариат» составлял 96% всего населения. Эта коренная ошибка Лассаля, делавшая его прямым антиподом Марксу, приводила Лассаля, между прочим, к переоценке

[1] *Меринг*, История германской социал-демократии, т. II, русск. изд., стр. 222.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 223.

значения всеобщего избирательного права, к такому фетишизированию всеобщего избирательного права, которое ничего общего с марксизмом иметь не могло. Нынешние взгляды германской да и всей международной социал-демократии на парламентаризм, нынешнее обожествление социал-демократами буржуазной демократии целиком унаследованы социал-демократией именно от Лассаля.

В Лассале не было и атома того революционного отношения к крестьянству, которое характеризовало позицию Маркса и Энгельса. Даже Меринг вынужден признать, что в великой крестьянской войне, которую Энгельс трактовал как революционную традицию немецкого народа, Лассаль хотел неизменно видеть лишь реакционное явление. Даже Меринг вынужден отметить, что глубоко ложен взгляд Лассаля на крестьянские войны, как на реакционное явление[1]. Меринг допускает громадную натяжку, когда пытается доказать, что «в аргументации Лассаля есть нечто подкупающее на первый взгляд». Ничего «подкупающего» во взглядах Лассаля на крестьянство не было. Напротив, именно эта коренная ошибка приводила Лассаля к ложной в корне политической тактике по отношению к германской буржуазии, приводила его к попыткам компромисса с феодальной реакцией в лице Бисмарка и к фальшивой позиции по отношению к прогрессистской буржуазии. «Подло — писал Энгельс по адресу Лассаля в 1865 г., обмениваясь мыслями с Марксом, — в земледельческой стране нападать от имени промышленных рабочих только на буржуа, забывая о патриархальной палочной эксплоатации сельских рабочих феодальным дворянством». Тактика «общенациональной оппозиции», которую проводили русские меньшевики в революции 1905 г., была столь же «подла». Русские меньшевики тоже считали крестьянство классом реакционным. Они употребляли все усилия, чтобы соединиться в «общенациональный блок» с «прогрессистской» буржуазией и либеральным дворянством. И это тоже была тактика, родственная лассальянству, против тактики марксизма, которую в русской революции представляли большевики.

Особенно фальшивой была позиция Лассаля в вопросах войны и мира, в вопросах патриотизма и пролетарского интернационализма. В этой области германская социал-демократия впоследствии целиком пошла за Лассалем против Маркса. Основоположником социал-патриотизма германской социал-демократии следует признать именно Лассаля. С полным правом идеологи самого махрового социал-патриотизма объявляют теперь Лассаля своим. С полным правом писал, например, известный германский ревизионист Конрад Хениш в 1925 г.: «Лассаль является теперь святым не только для маленькой секты, он стал ныне чем-то гораздо большим. Мертвый Лассаль ныне жив более, чем когда бы то ни было — он живет не только в своей партии, но он живет или должен жить во всем немецком народе. Весь немецкий народ будет чтить дело Лассаля, вышедшее далеко за пределы его партии, далеко за пределы любой партии вообще».

---

[1] *Меринг*, История германской социал-демократии, стр. 240—241.

Такие же оценки Лассаля можно найти у Карла Реннера и у ряда других вождей II Интернационала.

Замечательно, что в начале мировой войны не только германские социал-шовинисты попытались более или менее открыто сослаться на Лассаля против Маркса, но и русские социал-шовинисты, например Потресов (об этом ниже).

Нарушение принципов последовательного пролетарского интернационализма, уступки лассальянскому социал-патриотизму более всего бичевал Маркс в «Критике Готской программы». И более всего ошибался Меринг, защищая позицию Лассаля в *этих* вопросах. Коренным образом неправильно мнение Меринга, когда он утверждает, что «во всех принципиальных вопросах Лассаль был согласен с Марксом и Энгельсом: он разделял их мнение о необходимости немецкого и итальянского единства, о своекорыстной политике Бонапарта, о предосудительности австрийского владычества в Италии, о внутренней пустоте бонапартистской и габсбургской пропаганды, наконец, — о необходимости войны, *если* немецким интересам угрожает опасность» [1].

Нет, Лассаль именно защищал прямо противоположную принципиальную позицию, нежели Маркс и Энгельс, — позицию социал-патриотизма в тогдашних своеобразных условиях Германии. «Тактика Лассаля, — ошибочно писал Меринг, — была во всех отношениях честна, ясна, революционна, и она была также правильна» (стр. 277). Ко всем этим характеристикам Меринга надо добавить приставку «не»: *не* честна, *не* ясна, *не* революционна, *не* правильна.

Лишь в корне неправильная установка Меринга могла привести его к заявлению: «Можно сказать, что «Программа работников» Лассаля это — «Коммунистический Манифест», отраженный в немецких условиях» [2]. (Там же, стр. 314.) Сам Меринг вынужден был признать в другом месте, что Лассаль до последнего момента не закрывал дверей перед буржуазией; что еще в речи, произнесенной Лассалем на суде 16 января 1863 г., он заявил: «буржуазия и рабочие, мы все члены одного народа и вполне единодушны против наших угнетателей». Как же можно эти социал-патриотические установки сравнивать с установками «Коммунистического Манифеста».

Для Меринга смягчающим вину обстоятельством является тот факт, что он писал о Лассале в такое время, когда далеко не все материалы о деятельности Лассаля были известны. Меринг утверждал, что «наполовину злобной, наполовину ребяческой сплетней является утверждение, что Лассаль работает заодно с Бисмарком» (стр. 333). Между тем, теперь мы знаем, что это не сплетня, а факт. Материалами, опубликованными по-русски Институтом Маркса и Энгельса (см. ниже), это доказано абсолютно.

Главные черты лассальянства: 1) идеализм в философии — против исторического материализма; 2) смешение пролетариата с трудящимися

---

[1] Там же, стр. 270.

[2] «Фердинанд Лассаль как человек и политик», нем. изд., стр. 24.

классами вообще; 3) анти-революционный взгляд на крестьянство и поиски союза с «передовыми» государственными людьми господствующих классов; 4) мелкобуржуазный взгляд на всеобщее избирательное право и фетишизирование парламентаризма; 5) замена пролетарского интернационализма социал-патриотизмом. Все эти черты лассальянства заимствованы современной социал-демократией. Все это перешло к ней по наследству в значительной мере от Лассаля.

* * *

В силу ряда причин, о которых ниже, Маркс и Энгельс мало полемизировали с Лассалем открыто. Зато в письмах Маркса и Энгельса можно найти уничтожающую критику лассальянства.

В известном письме Маркса к Швейцеру (последователю Лассаля и его преемнику на председательском месте во Всеобщем Немецком Рабочем Союзе) Маркс дает следующую сводную оценку деятельности Лассаля: — «После 15-летнего сна Лассаль снова пробудил в Германии рабочее движение, и это остается его бессмертной заслугой. Но он совершил крупные ошибки... Он снова выдвинул тот лозунг, который Бюше — глава французского *католического* социализма — выставил в 1843 г. против подлинного рабочего движения во Франции. (Имеется в виду лозунг государственной помощи)... «Государство» превратилось таким образом в Прусское государство. Вследствие чего он (Лассаль) был вынужден сделать уступки прусской монархии, прусской реакции (феодальной партии) и даже клерикалам... Он не понял уроков Франции в вопросе о всеобщем избирательном праве... Он впал в ошибку Прудона, состоявшую в том, что он не искал реальной основы для своей агитации в действительных элементах классового движения, но хотел направить ход этого последнего по известному, определенному доктринерскому рецепту. То, что я говорю теперь после времени (post festum), я наперед предсказывал Лассалю, когда он в 1862 г. приехал в Лондон и приглашал меня стать вместе с ним во главе нового движения».

Читая это письмо, надо принять во внимание, что, обращаясь именно к Швейцеру, Маркс считал необходимым выражаться с максимально допустимой мягкостью. Однако оценка лассальянства и в этом документе достаточно беспощадна.

В письме от 26 августа 1868 г. Маркс писал Энгельсу:

«Полученное мной приглашение на Съезд Всеобщего Немецкого Рабочего Союза подписано Швейцером, как председателем, и более чем 20 рабочими из различных округов Германии.

Мне пришлось в своем ответе считаться с этим последним обстоятельством... Я высказываю (им в ответе) свою радость по поводу того, что в их *программе* подчеркнуты исходные пункты всякого «серьезного» рабочего движения. Именно — агитация за полную политическую свободу, регулирование рабочего дня и *международное сотрудничество рабочего класса*. Другими словами, я поздравляю их с тем, что они отказались от *программы Лассаля*. Поймут ли они всю соль, это мы — посмотрим».

В собственной переписке друг с другом и в переписке с ближайшими единомышленниками Маркс и Энгельс оценивали лассальянство еще куда резче.

В письме от 18 мая 1859 г. Маркс пишет Энгельсу, что «памфлет Лассаля («Итальянская война и задача Пруссии») — колоссальная ошибка». В письме к Энгельсу от 7 мая 1861 г. Маркс говорит, что Лассаля отличает «упорная привычка к «умозрительной идее»... зараженность старым французским либерализмом, широковещательный слог его писаний, навязчивость, бестактность и т. д.». В письме от 2 декабря 1861 г. Энгельс пишет Марксу: «Вообще же у Лассаля силен предрассудок, он все еще крепко верит в «правовую идею», в «абсолютное право».

9 декабря 1861 г. Маркс пишет Энгельсу о Лассале: «Насквозь пропитан идеологизмом и диалектический метод применяется *неправильно*».

21 апреля 1863 г. Энгельс пишет Марксу: «что за глупость вмешиваться в Шульце-Деличевские истории с подмастерьями и пытаться именно среди них образовать партию на основе наших прежних работ... Считать этих господ представителями пролетариата — это можно предоставить Лассалю».

12 июня 1863 г. Маркс в письме к Энгельсу дает следующую оценку известной речи Лассаля перед судом о косвенных налогах: «Ученическая вещь, написанная наспех учеником, желающим прокричать о себе, как об ученом муже и о самостоятельном исследователе. Тьма исторических и теоретических ошибок».

За день до этого, 11 июня 1863 г. Энгельс писал Марксу, что Лассаль работает теперь прямо на-руку Бисмарку.

Получив первое сообщение о внезапной смерти Лассаля, Энгельс в взволнованном письме к Марксу говорит: «Для нас он в настоящее время был очень ненадежным союзником, в будущем же был бы почти наверное нашим врагом». А Маркс отвечает 7 сентября 1864 г.: Лассаль «был врагом наших врагов. Я убежден, что если бы Лассаль не был в кругу «военных авантюристов» и «революционеров в лайковых перчатках» в Швейцарии, то до такой катастрофы дело бы не дошло. Но его роковым образом тянуло в этот Кобленц европейской революции».

Превосходно определил в одном слове сущность лассальянства Фр. Энгельс, когда он назвал его «тори-чартизмом». В письме от 13 февраля 1865 года Энгельс пишет Марксу: «Лассаль придал движению характер *тори-чартистский*. Теперь от этого трудно будет отделаться; и в Германии укоренилось направление, которого до сих пор среди рабочих не было. Везде проявляется это отвратительное пресмыкание перед реакцией. У нас будет с этим много хлопот».

Тори-чартизм!

Тори это — рабовладельцы из рабовладельцев, консерваторы из консерваторов. Чартисты — свежее массовое революционное рабочее движение той же Англии, отнюдь еще не стоявшее на уровне мар-

ксизма и включавшее в себя правое, почти либеральное течение. Лассальянство есть такой «чартизм», который пытается приспособиться к германским «тори». Вот что хотел сказать своим определением Энгельс.

* * *

Если сейчас ретроспективно взглянуть на всю историю германской социал-демократии и пережитое ею позорное падение, то нет никакого сомнения в том, что значительную роль в подготовке этого падения сыграли идеи лассальянства. Лассальянство влилось широкой струей в германское рабочее движение, и оно впоследствии отомстило за себя социал-патриотизмом. Конечно, было бы неправильно *сводить* крах германской социал-демократии *только* к влиянию идей лассальянства. Это — лишь *одна* из причин. Но о ней-то меньше всего до сих пор говорили.

Лассаль выступил на историческую арену в такую полосу, когда идеи Маркса и Энгельса далеко еще не были общепризнанными. Лассаль имел большие заслуги перед германским рабочим движением в ту полосу, когда рабочая партия Германии еще только складывалась. Его ораторский талант и агитаторские способности создали ему известный политический ореол. Положение было такое, что и сам Маркс при жизни Лассаля не выступал открыто против этого последнего. В «Капитале» Маркс посвятил Лассалю только одно примечание, в котором творец научного коммунизма отмежевывался от неправильных экономических взглядов Лассаля. Даже такой замечательный документ, как «Критика Готской программы», написанный Марксом в 1875 г., был опубликован Энгельсом лишь в 1891 г. Документ держался под спудом, между прочим, и потому, что в нем Маркс подверг резкой критике теоретические взгляды и политическую тактику Лассаля, а «практики» не хотели обострять борьбы с лассальянцами.

Маркс не только ясно видел теоретические ошибки лассальянства, еще в 50-х гг. Маркс в довольно ранний период правильно оценил всю политическую роль Лассаля, в том числе его двусмысленные взаимоотношения с Бисмарком. Уже 23 февраля 1865 г. в письме к Кугельману Маркс писал, что после смерти Лассаля для него (Маркса) «обнаружилось, что Лассаль на деле *предал* партию». «Лассаль, — утверждает уже тогда Маркс, — заключил форменный договор с Бисмарком (причем, конечно, никаких гарантий выполнения договора со стороны Бисмарка у него не было). В конце сентября 1864 г. он должен был отправиться в Гамбург, с тем, чтобы... «принудить» Бисмарка к аннектированию Шлезвиг-Гольштинии, т. е. прокламировать это присоединение от имени «рабочих». Бисмарк с своей стороны обещал всеобщее избирательное право и некоторые шарлатанские мероприятия мнимосоциалистического характера».

«Лассаль, — продолжает Маркс, — мог так сбиться с пути потому, что он был *реальным политиком* на манер г-на Микеля, только более крупного калибра и с более широкими задачами... Для театрально-

тщеславной натуры, как Лассаль (которого, однако, нельзя было подкупить такими пустяками, как теплые местечки, бюргермейстерская деятельность и т. д.), была соблазнительна перспектива крупного достижения непосредственно в интересах рабочего класса, которым последний обязан был бы Фердинанду Лассалю».

Густав Майер недавно опубликовал переписку Лассаля с Бисмарком (на русском языке она в 1928 г. опубликована институтом Маркса и Энгельса). Счастливый случай, — рассказывает Д. Рязанов, — дает теперь возможность проверить суждение Маркса и Энгельса о Лассале. В кабинете прусского премьер-министра, социал-демократа Отто Брауна, в том самом кабинете, в котором когда-то восседал «железный канцлер» Бисмарк, стоял с незапамятных времен сундук. Этот сундук треснул по всем швам от чрезмерной дряхлости. Оказалось, что в нем лежат различные официальные бумаги. Среди них нашлась переписка между Лассалем и Бисмарком.

И что же? Эта переписка оправдала самые худшие предположения о Лассале.

Летом 1863 г. Лассаль писал Бисмарку, что «рабочее сословие в самом деле инстинктивно чувствует себя склонным к диктатуре, если только его можно будет надлежащим образом убедить, что эта диктатура будет осуществляема в его интересах», что «рабочее сословие, склонное видеть в короне естественного носителя социальной диктатуры, в противоположность эгоизму буржуазного общества, если бы корона со своей стороны когда-либо могла решиться на, конечно, весьма мало вероятный шаг, а именно, если бы она пошла воистину революционным и национальным путем и превратилась из монархии привилегированных сословий в социальную и революционную монархию».

Не больше и не меньше!

Маркс и Энгельс, разумеется, не могли знать о существовании такой «дружеской» переписки между Лассалем и Бисмарком. И только анализируя теоретические ошибки Лассаля и учитывая его личные слабости, получавшие роковое значение на тогдашнем социально-политическом фоне, Маркс и Энгельс уже гораздо ранее приходили к выводу о печальной роли Лассаля.

В наиболее глухое реакционное время в Германии, в 1856 г., Маркс требовал ведения работы в революционном духе и приходил к выводу, что «все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны» [1]. Лассаль же сбивался направо именно в вопросе о крестьянстве. Пока демократическая (буржуазная) революция в Германии была не закончена, все внимание в тактике социалистического пролетариата Маркс устремлял на развитие демократической энергии крестьянства [2], Лассаля же он (Маркс) считал совершающим

---

1 «Переписка Маркса и Энгельса», т. II, стр. 108.
2 *Ленин*, т. XX, стр. 495, Карл Маркс.

«объективно измену рабочему движению на пользу Пруссии», между прочим, именно потому, что Лассаль мирволил помещикам и прусскому национализму.

В период 1864—1870 гг. Маркс не только осуждал Лассаля, заигрывавшего с Бисмарком, но и поправлял Либкнехта, впадавшего в «австрофильство» и в защиту партикуляризма; Маркс требовал революционной тактики, одинаково беспощадно борющейся и с Бисмарком и с австрофилами, — тактики, которая не подлаживалась бы к «победителю», прусскому юнкеру, а немедленно возобновляла революционную борьбу с ним и *на почве*, созданной прусскими военными победами [1].

Еще задолго до опубликования вышеупомянутых писем Лассаля к Бисмарку Ленин писал о Лассале:

«Лассаль и лассальянцы, видя слабые шансы пролетарского и демократического пути, вели шаткую тактику, приспособляясь к гегемонии юнкера Бисмарка. Их ошибки сводились к уклону рабочей партии на бонапартистски-государственно-социалистический путь» [2].

Или в другом месте:

«Если заигрывания лассальянцев с бисмарковщиной или их «приспособления» к ней не принесли вреда германскому рабочему движению, то только благодаря самому энергичному, беспощадно резкому отпору, какой давали этим поползновениям Бебель и Либкнехт» [3].

Полемизируя с А. Потресовым, Ленин в статье «Под чужим флагом» писал в начале мировой войны следующее:

«Между прочим, А. Потресов отказывается решать, Маркс или Лассаль был прав в оценке условий войны 1859 г. Мы думаем, что прав был (вопреки Мерингу) Маркс, а Лассаль был и тогда, как и в своих заигрываниях с Бисмарком, оппортунистом. Лассаль приспособлялся к победе Пруссии и Бисмарка, к отсутствию достаточной силы у демократических национальных движений Италии и Германии. Тем самым Лассаль шатался в сторону национально-либеральной рабочей политики. Маркс же поощрял, развивал самостоятельную, последовательно-демократическую, враждебную национально-либеральной трусости политику (вмешательство Пруссии против Наполеона в 1859 г. подтолкнуло бы народное движение в Германии). Лассаль поглядывал больше не вниз, а вверх, заглядывался на Бисмарка. «Успех» Бисмарка нисколько не оправдывает оппортунизма Лассаля» [4].

И далее в той же статье:

«Это значит, что при военных конфликтах на почве подъема буржуазии к власти в отдельных национальностях Маркс заботился больше всего, как и в 1848 году, о расширении и обострении буржуазно-демократических движений путем участия более широких и более «плебейских» масс, мелкой буржуазии вообще, крестьянства в частности, наконец, неимущих классов. Именно это соображение Маркса о расши-

[1] *Ленин*, т. XX, ч. 1, стр. 495—496.
[2] Там же, т. XII, ч. 2, стр. 178.
[3] Там же, стр. 179.
[4] Т. XVIII, 2-е изд., стр. 104.

рении социальной базы движения, о развитии его и отличало коренным образом последовательно-демократическую тактику Маркса от непоследовательной, склоняющейся к союзу с национал-либералами, тактики Лассаля»[1].

Ленин был одним из немногих марксистов, уделявших должное внимание расхождениям между марксизмом и лассальянством. Целиком и полностью Ленин поддерживал точку зрения Маркса против Лассаля.

«Роман» Лассаля с Бисмарком не был случайным эпизодом. Внутренняя политика лассальянства в основном, конечно, соответствовала внешней политике его. Ныне мы назвали бы позицию Лассаля в вопросах международной политики *социал-патриотизмом*. Маркс называл ее позицией *«королевско-прусских социалистов»*.

Маркс вел особенно решительную борьбу против «патриотических» элементов в политике Лассаля, а затем его преемника Швейцера. В 1875 г. Маркс высказался *против* объединения эйзенахцев (в основном — ученики Маркса) с лассальянцами в Германии — в первую голову именно потому, что ясно видел социал-патриотизм лассальянцев, которые каждым своим шагом доказывали, что они неспособны стать на точку зрения пролетарского интернационализма.

* * *

Когда стал известен первоначальный проект общей программы эйзенахцев и лассальянцев (потом принят с некоторыми изменениями на съезде в Готе), Маркс подверг его в доверительном письме от 5 мая 1875 г. (к Бебелю, Либкнехту, Ауэру и Гейбу) самой бичующей, самой безжалостной критике. Этот документ особенно ценен для суждения об отношении Маркса к лассальянству.

Наиболее жесткому обстрелу со стороны Маркса подвергся тот абзац в проекте программы, который трактовал о национальных и интернациональных задачах пролетарской политики.

Этот абзац в проекте гласил так:

«Рабочий класс борется за свое освобождение прежде всего в *рамках современного национального государства*, сознавая, что неизбежным результатом его стремлений, которые общи рабочим всех культурных стран, будет интернациональное братство народов»...

Критикуя это место, Маркс пишет:

«Лассаль в противоположность *Коммунистическому Манифесту* и всему прежнему социализму смотрел на рабочее движение с самой узкой национальной точки зрения. Теперь вы собираетесь последовать за ним. И это — после деятельности Интернационала!

«Само собою разумеется, что рабочий класс, дабы вообще быть в состоянии вести борьбу, должен у себя дома организоваться, как *класс*, и что собственная страна является непосредственной ареной его борьбы. Постольку его классовая борьба не по содержанию, а, как выражается Коммунистический Манифест, «по форме» является

[1] *Ленин*, т. XVIII, 2-е изд., стр. 110.

национальной. Но «рамки нынешнего национального государства», к примеру, германской империи, сами заключены экономически «в рамки» мирового рынка, политически — «в рамки» системы государств. Любой купец знает, что германская торговля есть в то же время и внешняя торговля, и величие господина Бисмарка состоит ведь тоже в своего рода *интернациональной политике.*

«И к чему сводит германская партия весь свой интернационализм? К сознанию того, что «результатом ее стремлений будет интернациональное братство народов!» Но это фраза, заимствованная у буржуазного союза «мира и свободы». И этой фразой хотят заменить международное братство рабочего класса в его общей борьбе против господствующих классов и правительств всех стран. Об *интернациональных обязанностях* германского рабочего класса, таким образом, не говорится ни слова. И под таким флагом сможет рабочий класс бороться со своей буржуазией, которая давно уже объединилась против него с буржуазией других стран! Под этим паролем пойдет он против политики международных заговоров, практикуемой господином Бисмарком!

«По сути дела выходит, что интернациональный символ веры вашей программы стоит еще *бесконечно ниже,* чем символ веры партии свободной торговли. Эта партия тоже утверждает, что результатом ее стремлений является «интернациональное братство народов». Но она вместе с тем и делает кое-что, чтобы в самом деле интернационализировать торговлю, не довольствуясь сознанием... что все народы у себя дома занимаются торговлей.

«Международная деятельность рабочего класса не находится ни в какой зависимости от существования «Международной ассоциации рабочих». Международное товарищество было только первой попыткой создать центральный орган для этой деятельности. Этот опыт оставил прочный след благодаря тому толчку, который он дал движению. Но после падения Парижской коммуны он стал более невыполнимым в его *первой исторической форме.*

«Бисмарковский официоз, «Северо-германская газета», был в своем полном праве, когда он возвестил об удовлетворении, испытанном Бисмарком по поводу того, что германская рабочая партия в ее новой программе отреклась от интернационализма».

Вот как бичевал Маркс уступки лассальянцам при формулировке интернациональных задач рабочего класса. Здесь не было места компромиссам, здесь для Маркса существовали *или* пролетарии — последовательные интернационалисты, — *или* буржуа-националисты.

Перечитывая прекрасные и так метко в цель бьющие строки Маркса по этому вопросу, думаешь: что сказал бы Маркс по поводу «национальной» политики нынешней германской социал-демократии или всего II Интернационала, какая уничтожающая ирония нашлась бы у него для нее, какими бичующими сарказмами осыпал бы он мещанский «патриотизм» наших дней!..

Непосредственного успеха письмо Маркса *не* имело. «Практики» не обратили должного внимания на критику, шедшую от «теоретика» Маркса. Вильгельм Либкнехт позднее рассказывает об этом следующее:

«Мы основательно проштудировали письмо... и я сам, который много лет был его (Маркса) товарищем по борьбе, его учеником... и другом — я должен был поставить себе вопрос: в интересах ли партии поступить так, как того желает Маркс? То, что он говорил о теоретической стороне проекта, было правильно до последней буквы; я знал это тогда так же хорошо, как теперь; *но теория и практика — две разные вещи, и, если я безусловно подчинялся Марксу в вопросах теории, на практике я шел своим путем.* Я спрашивал себя: возможно ли теперь провести программу, какую требовал сейчас Маркс? После зрелого размышления я пришел к убеждению, что это невозможно, и под страхом порвать на некоторое время с Марксом — что и случилось, но не надолго — я объявил: пусть будет, как будет — мне дорог Маркс, но дороже — партия!» [1]

Так рассуждал даже такой человек, как Вильгельм Либкнехт. За эту, мягко выражаясь... близорукость дорого заплатил впоследствии германский и весь международный пролетариат. Вульгарное противопоставление теории «практике», уступки позиции национал-патриотизма, оказывается, были свойственны даже Вильгельму Либкнехту. «Маркс мне дорог, но — партия дороже». Вильгельм Либкнехт искренно был убежден, что, ставя так вопрос, он служит рабочему классу. На деле же он открывал брешь для худших врагов партии. Партия мне всего дороже, и *поэтому* — ни пяди отступления от Маркса! Вот какая постановка вопроса была бы правильной.

В пессимистическом отзыве Маркса о Готской программе было гораздо больше правды, чем в «оптимистических» оценках Вильгельма Либкнехта, приведенных выше. Влияние мелкобуржуазных лассальянских идей в германской социал-демократии долгое время, в силу сочетания ряда обстоятельств, было прикрыто. Но в действительности родоначальником современного ревизионизма, ставшего ныне официальной идеологией германской социал-демократии, является именно лассальянство.

Критика Маркса была более чем обоснована. И, однако, даже Меринг находил, что как раз после опубликования письма Маркса о Готской программе нельзя уже больше отрицать тот «неприятный факт», что Маркс имел несправедливые суждения о личности Лассаля и совершенно не понял значения его деятельности!

Энгельс в письме к Зорге и в 1890 г. (8 февраля) писал, останавливаясь на судьбах немецкого рабочего движения в Америке: «Я считаю большим счастьем упадок специфической немецкой партии (в Америке) с ее лассальянцами, с ее смешной теоретической неясностью и соответствующим высокомерием. Только когда эти элементы будут

[1] Цитировано по русскому переводу кн. *Спарго*, Карл Маркс, стр. 212—213.

от движения отстранены, проявятся плоды вашей работы». Эту непримиримость к лассальянству даже самые крупные из практиков социал-демократии рассматривали, как причуду «стариков». Но жизнь подтвердила полную правоту Маркса и Энгельса и в этом вопросе...

В своей борьбе против либеральной буржуазии (прогрессистов) Лассаль искал союза с феодальными и абсолютистскими элементами (Бисмарком). Преемники же и последователи Лассаля во главе с Швейцером затем пошли в этом направлении еще дальше. Нынешняя социал-демократия отличается от Лассаля и Швейцера в этом отношении только тем, что склонна к союзу *и* с либеральной буржуазией *и* с феодально-дворянскими элементами, поскольку эти последние вообще еще сохранились.

Но особенно значительную роль в современной идеологии социал-демократии играют национал-патриотические, или, что то же, социал-шовинистские мотивы лассальянства. То, что отличало Маркса от Лассаля в области *международной* политики, составляет одно из *главных* различий между марксизмом и лассальянством.

Обстановка, в которой развивается борьба международного пролетариата в наши дни, радикально отличается от международной обстановки в ту пору, когда Маркс и Энгельс, с одной стороны, и Лассаль — с другой, намечали свою политику. Споры между марксизмом и реформизмом, между большевизмом и меньшевизмом, между Коминтерном и II Интернационалом сейчас во многих отношениях, конечно, отличаются от споров между Марксом и Лассалем. Но *в основе* наши нынешние споры все-таки во многом похожи на исторический спор между марксизмом и лассальянством.

В одном не может быть никакого сомнения: идеология современного социал-патриотизма во многом пересекается с идеологией лассальянства.

Политическая борьба Лассаля, много раз оказывавшегося на деле орудием в руках Бисмарка, может и должна рассматриваться как известное предзнаменование. Бисмарк обманывал Лассаля. Фактически Лассаль сделался его пленником. Кто знает, до чего довела бы эта «игра» Лассаля с Бисмарком, если бы внезапная смерть не прервала деятельности Лассаля. На самом деле не Лассаль играл с Бисмарком, а Бисмарк с Лассалем — как кошка с мышкой.

Худшее из того, что было в лассальянстве, теперь проводит «мировая» социал-демократия — в обстановке, когда от ее тактики зависит большее, нежели зависело в свое время от тактики Лассаля. В эпоху, когда на историческую сцену выступал Лассаль, рабочее движение делало еще только свои первые шаги. Тогда идея политической самостоятельности рабочего класса, идея «рабочего сословия» была еще чем-то совершенно новым. Теперь рабочий класс вырос и возмужал во всем мире, теперь рабочий класс стал гигантской силой.

И в то же время капитализм подошел к последней его стадии — к империализму. Друг против друга стоят готовые схватиться в смер-

тельной схватке классы-антиподы: пролетариат и империалистская буржуазия. Человечество вошло в эпоху войн и революций. Эра пролетарской революции, эра пролетарской диктатуры началась. Рабочее движение стало могучей державой. Международный империализм может теперь длить свое существование, уже только раскалывая рабочее движение, деморализуя его, опираясь на его верхи против основных масс рабочих. От того, насколько буржуазии удается эта «работа», в прямом смысле слова зависят судьбы мира. Со времени смерти Лассаля, а затем и смерти Маркса и Энгельса буквально каждый шаг рабочего движения, каждый день подтверждали правоту марксизма против лассальянства.

IV. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ВОЙНЕ И МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОМ ПОНИМАНИИ ИСТОРИИ.

Тема «война и материалистическое понимание истории» не нашла вполне систематической разработки в трудах Маркса и Энгельса. Ни у Маркса, ни у Энгельса нельзя найти законченной работы, посвященной специально этой теме. Но в ряде работ обоих творцов научного коммунизма вопрос этот затрагивается не раз — и освещается с присущей им глубиной. В настоящей главе мы ставим себе задачей только напомнить *кое-что* из высказанного Марксом и Энгельсом на этот счет.

Наиболее систематическое изложение взглядов Маркса и Энгельса на этот вопрос можно найти у Маркса в «Капитале» (глава «Так называемое первоначальное накопление» в I томе; сюда же относится отчасти глава «Современная теория колонизации»), у Энгельса — в «Анти-Дюринге» и в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». Наиболее известные работы Маркса и Энгельса, дающие классическое изложение *основ* материалистического понимания истории, — «Введение и предисловие к критике политической экономии» и пр., — помогают, конечно, подойти также и к вопросу о войне.

Ряд публицистических работ Маркса и Энгельса, посвященных более или менее преходящим темам текущей политики, в свою очередь изобилует замечаниями, отдельными тезисами, оброненными гениальными мыслями о войне. Это же приходится сказать о некоторых письмах Маркса и Энгельса.

Начиная с публицистических боевых статей Маркса и Энгельса в «Новой рейнской газете» (1848 г.), продолжая работой Энгельса «Возможности и предпосылки военного священного союза против Франции в 52 г.», статьями Маркса и Энгельса в «Нью-Йоркской Трибуне», статьями в большой Американской энциклопедии и кончая военными брошюрами и статьями Энгельса, о которых речь ниже, мы находим в изобилии эти рассыпанные жемчужины.

Все эти работы тоже помогают поставить вопрос глубже и подводят вплотную к теме: война и материалистическое понимание истории.

Своими работами Маркс и Энгельс доказали, что только исторический материализм дает правильное понимание происхождения войн и их значения в истории.

К любой из войн Маркс подходил под углом зрения материалистического понимания истории. «Маркс не написал почти ничего, в чем бы

эта теория не играла роли», — писал Энгельс в 1890 г. (в письме к Иосифу Блоху). На вопрос о том, в каких именно произведениях можно найти наилучшее изложение теории исторического материализма, — Энгельс (в том же письме) отвечал: «В особенности великолепным образцом ее применения является «18 брюмера Луи Бонапарта», точно так же множество указаний и в «Капитале». Затем я могу, конечно, указать на свои сочинения: «Переворот в науке, произведенный г-ном Дюрингом» и «Людвиг Фейербах и завершение классической немецкой философии», в которых я дал самое подробное, насколько мне известно, из всех существующих изложение исторического материализма».

Вопрос о происхождении войн есть один из важнейших вопросов в истории развития человеческого общества, в истории развития классовой борьбы внутри общества. История войн есть одна из важнейших глав исторической науки вообще. Объяснить по-марксистски происхождение войн, историческую обусловленность войн, их характер, их ход, их объективные исторические результаты, объяснить, как в войнах гибли старые общества и рождались новые, как войны меняли карту мира и т. п. — значит объяснить все это с точки зрения диалектического материализма.

Война не есть продолжение биологической борьбы за существование между *индивидами*, а борьба между *общественными группами*. Только под этим углом зрения можно понять действительное *происхождение войн*. Не каждая борьба есть война. Если два индивидуума борются друг против друга, никто не называет это войной. Война наступает лишь тогда, когда друг против друга борются два коллектива. Войны в этом смысле слова (если не считать муравьев) имеют место только у людей [1].

Этими вопросами Маркс отчасти занялся и в знаменитом «Введении к критике политической экономии».

«Война достигла законченных форм раньше, чем мир; необходимо указать способ, каким на войне и в армиях и т. д. некоторые экономические отношения, как наемный труд, применение машин и т. д., развились раньше, чем внутри буржуазного общества. Равным образом и отношение между производительными силами и средствами сообщения особенно наглядно в армии».

«Народ-завоеватель, — пишет Маркс там же, — либо разделяет землю между завоевавшими и устанавливает таким образом известное распределение и форму земельной собственности, а потому определяет и производство, либо обращает побежденных в рабство и основывает тогда производство на рабском труде. Или народ революционным путем разбивает крупную земельную собственность на отдельные участки и этим новым распределением сообщает, следовательно, новый характер производству».

[1] Это положение марксизма — в виде исключения из правила — не искажено у Каутского в недавно вышедшем его сочинении «Материалистическое понимание истории», ср. т. I, стр. 252 немецкого издания.

«...Например, опустошавшие Россию монголы действовали согласно их способу производства; для скотоводства большие, необитаемые пространства являются главным условием. Германские варвары, для которых земледелие с помощью крепостных было обычным способом производства, так же, как изолированная жизнь в деревне, тем легче могли подчинить этим условиям римские провинции, что происшедшая там концентрация земельной собственности совершенно опрокинула прежние системы земледелия. Существует традиционный взгляд, что в известные периоды существование поддерживалось якобы одним грабежом. Однако, чтобы иметь возможность грабить, должно существовать нечто для грабежа, т. е. производство. И способ грабежа опять-таки определяется способом производства».

Война, которая раньше велась только для отмщения за нападения или для расширения ставшей недостаточной территории, становится теперь постоянным промыслом. Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияют могилы родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию. То же самое происходит и внутри общества. Грабительские войны усиливают власть верховного начальника... Обычное избрание превращается в наследственную власть, которая сперва терпится, затем требуется и, наконец, узурпируется; закладываются основы наследственной монархии и наследственного дворянства... Из орудий народной воли выборные органы делаются самостоятельными органами господства и угнетения против собственного народа. Но это ни за что не могло бы случиться, если бы алчное стремление к богатству не разделяло членов рода на богатых и бедняков, если бы «имущественные различия внутри одного и того же рода не превращали общность интересов в антагонизм между членами рода» (Маркс) и если бы распространившееся рабство не повело уже к тому, что добывание средств к существованию собственным трудом стало признаваться делом, достойным раба, более унизительным, чем грабеж. Этот беглый очерк развития мы заимствуем из «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Энгельса, который, как мы видели, прямо ссылается на Маркса.

В зависимости от того или иного характера средств производства изменяются, конечно, и общественные отношения, в которые производители вступают друг к другу, изменяются условия, при которых они обмениваются своей деятельностью и участвуют в совокупном производстве [1].

Развитие техники дает в руки человека смертоносное оружие.

С изменением экономических отношений меняется понятие неприятеля так же, как и характер конфликтов, ведущих к войне: сначала война возникает в связи с потребностью в местах для охоты, в пастбищах; затем — в связи со стремлением расширить площадь эксплоатации, завоевать и укрепить тот или другой географический пункт, господствующий над лучшими позициями и т. п.

---

[1] Ср. *Д. Рязанов*, Марксизм и военное дело, стр. 7.

От материальных условий зависит также род ведения войны; все военное дело, вооружение и организация войск, стратегия и тактика, победа и поражение в последнем счете определяются развитием производительных сил и производственными отношениями [1].

Данное Марксом объяснение *происхождения* войн единственно правильно. И оно попутно кладет конец мифу о «вечности» войн.

Глубочайшие причины каждой войны лежат в экономических условиях и классовой борьбе. Борьба за расширение сфер эксплоатации — вот главный стимул капиталистических войн. Только марксизм в состоянии объяснить глубочайшие причины и войн революционных — те первичные причины, к которым восходят войны освободительного характера. «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция» [2].

В главе «Так называемое первоначальное накопление» можно прочитать следующие классические строки:

«Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства... За ней следует торговая война европейских наций, ареной для которых служил земной шар. Война эта начинается отпадением Нидерландов от Испании, принимает гигантские размеры в английской антиякобинской войне и теперь еще продолжается в таких грабительских походах, как война с Китаем из-за опиума и т. д.» [3]. «Колониальная система, государственные долги, гнет налогов, протекционизм, торговые войны и т. д. — все эти отпрыски собственно-мануфактурного периода гигантски разрастаются в младенческий период крупной промышленности» [4].

Ход войны, ее формы, ее средства и их обусловленность экономическими и классовыми отношениями обрисованы Марксом и Энгельсом с гениальной простотой и ясностью. «Ничто не зависит в такой степени от экономических условий, как армия и флот, — писал Энгельс. — Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от путей сообщения. Не «свободное творчество разума» гениальных полководцев действовало здесь революционизирующим образом, а изобретение лучшего оружия и изменение живого солдатского материала; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивается тем, что они приспособляют характер борьбы к новому оружию и новым борцам» [5].

---

[1] Ср. *Каутский*, Материалистическое понимание истории, т. 1, стр. 853, 854 немецкого издания.

[2] Капитал, т. I, стр. 744 русского изд.

[3] Там же, стр. 744.

[4] Там же, стр. 750.

[5] Анти-Дюринг, гл. II 2-й части «Теории насилия».

«Револьвер одерживает победу над шпагой, и тогда даже младенцу-аксиоматику должно стать ясным, что насилие не есть просто волевой акт, но требует весьма реальных предпосылок для своего совершения, именно известных *орудий*... что, таким образом, победа основывается на производстве оружия, а последнее, в свою очередь, на производстве вообще, следовательно, на «экономической силе», на «экономическом положении», на *материальных* средствах, которыми может располагать сила» [1].

Уже в «Немецкой идеологии» Маркс указывает на то, что в войнах римской империи «решающим являлось то, располагала ли побежденная нация развитыми силами производства».

Только охотничий народ, как американцы, мог вновь изобрести стрелковый строй, но охотниками они были по чисто экономическим причинам — точно так же, как теперь те же янки старых штатов превратились по чисто экономическим причинам в крестьян, промышленников, моряков и купцов, которые не стреляют больше в девственных лесах, но зато тем лучше подвизаются на поле спекуляции, где они тоже далеко подвинули искусство пользоваться массами [2].

Энгельс тщательнейшим образом прослеживает развитие военной техники в американской войне за независимость, в войнах Великой французской революции и т. д.

«То, что было начато американской революцией, завершила французская, между прочим, и в военной также области».

Энгельс прослеживает затем роль военной техники во франко-прусской войне, в которой впервые выступили друг против друга две армии, вооруженные обе нарезными ружьями, заряжающимися с казенной части. С чрезвычайной рельефностью обрисовывает Энгельс революционизирующую роль системы всеобщей воинской повинности. Взаимное соперничество отдельных государств, говорит он, принуждает их, с одной стороны, с каждым годом тратиться все больше на армию, флот, пушки и пр., следовательно, все более ускорять финансовую катастрофу; с другой стороны, оно заставляет их все серьезнее применять всеобщую воинскую повинность и тем самым освоить, в конце концов, весь народ с употреблением оружия, так что последний приобретает возможность в последний момент осуществить свою волю вопреки командующему военному начальству. И этот момент, говорит Энгельс, наступит, как только народная масса — деревенские и городские рабочие и крестьяне — будет иметь определенную волю. На этой ступени развития войска государей превратятся сразу в войска народа; машина откажется служить, и милитаризм погибнет под действием собственного диалектического развития. «То, что оказалось не по силам буржуазной демократии 1848 г. именно потому, что она была буржуазной, а не пролетарской, — мы разумеем: дать трудящимся массам определенную волю, содержание которой соответ-

[1] Анти-Дюринг, гл. II 2-й части «Теории насилия».
[2] Там же, т. III.

ствовало бы их классовому положению, — это непременно совершит социализм».

С замечательной выпуклостью Энгельс рисует зависимость армий и флота от развития промышленности и развития производительных сил вообще. «Современный броненосец, — пишет Энгельс, — есть не только продукт крупной индустрии, но в то же время и образец ее, плавучая фабрика — преимущественно, правда, для расточения денег».

К этому можно прибавить только то, что *новейшие* тенденции *в современных* армиях после первой всемирной империалистической войны еще ярче обрисовывает ценность того, что сказал Энгельс о значении техники для военного дела, о зависимости военной тактики от состояния техники и уровня промышленности (достаточно вспомнить об авиации), о связи между формами ведения войны и состоянием отношений между классами.

Обратное влияние войн на экономическое и политическое развитие в состоянии объяснить только исторический материализм. Главы из «Анти-Дюринга» о роли насилия до сих пор являются в этом отношении непревзойденными образцами. Только в свете этих глав Энгельса можно понять значение некоторых войн, как ускорителей темпа исторического развития. Рядом с этими главами следует поставить замечательное письмо Энгельса к Виктору Адлеру от 4 декабря 1889 г., посвященное почти целиком теме «Великая французская революция и война». «Коалиционная война определяет всю французскую революцию, — пишет Энгельс. — От нее зависит состояние ее пульса. Как только во Францию вступает коалиционная армия, побеждает блуждающий нерв (vagus), напряженный пульс, революционный кризис; если она вынуждена уйти, побеждает другой нерв (sympatikus), сердце начинает слабее биться, реакционные элементы снова выступают на первый план, плебеи, этот будущий пролетариат, которые одни своей энергией спасли революцию, призываются к благоразумию и порядку» [1]. В этом замечательном письме дан превосходный подход к теме — *война вообще и война гражданская в частности*. Вся история Великой французской революции, ее «пульс», глава о терроре в Великой французской революции — все это освещено под углом зрения войны.

Или взять другой пример.

С величайшим вниманием следил Маркс, например, за «междуусобной» войной в Америке. Маркс дал блестящие образцы революционной диалектики и в оценке этого крупнейшего события.

Маркс пишет Энгельсу 11 января 1860 года: «Величайшее, по моему мнению, из всего происходящего сейчас в мире — это, с одной стороны, американское движение рабов... с другой стороны, движение крепостных в России».

Маркс пишет Энгельсу 7 августа 1862 года:

«Север сам превратил рабовладение в военную силу юга, вместо того чтобы направить это рабовладение против юга. Юг заставляет

[1] Письма Энгельса к В. Адлеру, русское издание, стр. 16, 17.

рабов заниматься производительным трудом и всю свою военную силу может благодаря этому беспрепятственно вести в бой. На юге военное командование едино, на севере — нет... Я думаю, что все это примет другой оборот. Север, наконец, примется серьезно за войну, он прибегнет к революционным средствам и устранит влияние людей из пограничных рабовладельческих штатов. Даже один только полк из негров окажет поразительное действие на нервы южан... Если Линкольн не уступит (а он это сделает), тогда будет революция... Вывод из всего этого, на мой взгляд, таков, что подобные войны необходимо вести по-революционному, а янки пытались до сих пор вести эту войну по-конституционному».

Разве не замечательны эти слова? «Один полк из негров» — разве это не ключ к разрешению целого ряда крупнейших вопросов революционной стратегии и сейчас? Вести войну «по-революционному», а не «по-конституционному» — разве одно это замечание не открывает целую большую перспективу?..

Маркс пишет Энгельсу 10 октября 1862 г.:

«Тот способ, каким ведет войну север, и не может быть другим в буржуазной республике, где так долго царило надувательство. Юг — олигархия и гораздо лучше приспособлен к военным действиям; это олигархия, где производительный труд выпадает на долю негров, а 4 миллиона белых прохвостов (white trash) являются разбойниками по профессии. Несмотря на это я готов прозакладывать свою голову, что эта публика потерпит поражение... Очень возможно, конечно, что раньше на самом севере дойдет дело до некоторой революции».

Насчет победы севера предсказания Маркса оправдались вполне.

В предисловии к 1-му изданию «Капитала» (1867) Маркс подвел следующий итог: «Подобно тому как в XVIII в. американская война за освобождение прозвучала набатным колоколом для среднего класса Европы, точно такую же роль по отношению к рабочему классу Европы сыграла американская гражданская война в XIX веке».

Легко представить себе после этого, какие слова Маркс нашел бы для того, чтобы описать великое революционизирующее значение гражданской войны в России в 1917—1921 гг. — той войны, в которой шла уже прямая борьба за социализм против капитализма. (В главе «Война и революция» мы останавливаемся на этой теме подробнее).

Война и диалектика — эта тема также находит себе многостороннее освещение в целом ряде произведений Маркса и Энгельса. Особенно богатый материал содержится на этот счет в четырех томах переписки Маркса и Энгельса.

За диалектическую постановку вопросов войны больше всего ценил Энгельс Клаузевица (в скобках сказать: также и Ленин, как это видно не только из опубликованных его работ, но и из неопубликованного еще ленинского конспекта главной работы Клаузевица). Образцами диалектического подхода к предмету является подход Маркса и Энгельса к вопросу о наступательном и оборонительном характере войн

(см. нашу главу о франко-прусской войне 1870—1871 гг.), их оценка исторического значения целого ряда конкретных войн.

Маркс и Энгельс любили приводить иллюстрации именно из области военного дела, когда они хотели особенно наглядно показать зависимость между развитием производительных сил и организацией общества. Ряд глав в «Анти-Дюринге» полон таких примеров. Ими изобилуют также специальные военные работы Фридриха Энгельса.

Когда Марксу нужно пояснить ту мысль, что известные формы сотрудничества, формы кооперации между людьми способны давать прибавочное количество энергии (по сравнению с суммой, получающейся в результате простого сложения отдельных энергий участников кооперации) — Маркс берет пример из области военного дела.

«Сила натиска кавалерийского эскадрона или сила сопротивления пехотного батальона существенно отличны от суммы индивидуальных сил натиска и сопротивления, которое могли бы оказать отдельно взятые кавалеристы и пехотинцы». Таков этот пример.

Когда Марксу нужно пояснить, как общественные отношения производства изменяются, преобразуются с изменением и развитием материальных средств производства, производительных сил, — он также прибегает к примеру из области военного дела:

«С изобретением нового орудия войны — огнестрельного оружия — необходимо должна была измениться вся внутренняя организация армии, должны были измениться те отношения, на основании которых отдельные личности сплачиваются в армию и могут действовать, как армия, равно как и взаимные отношения различных армий».

Область войн и военного дела в глазах Маркса и Энгельса является той областью, где аксиомы материалистического понимания истории особенно наглядны, убедительны, обнажены.

Уже в письме к Энгельсу от 5 сентября 1857 г. Маркс пишет: «История военного дела дает возможность всего нагляднее подтвердить правильность нашего воззрения на связь производительных сил и общественных отношений. Вообще армия очень важна для экономического развития. Например, заработная плата впервые развилась вполне в армии, у древних. Равным образом у римлян лагерное имущество (peculium castrense) явилось первой правовой формой, в которой стали признавать движимую собственность не отца семейства (pater familias). Точно так же впервые при войске возник цеховой порядок корпораций Fabri (ремесленников). Точно так же здесь впервые встречается в крупных размерах применение машин. Даже особая ценность металлов и их роль, как денег, повидимому, основывалась первоначально на их военном значении... Точно так же и разделение труда *внутри* отдельных отраслей промышленности было впервые проведено в армиях. Тут в сжатом виде — вся история буржуазных общественных форм. Если у тебя когда-нибудь будет время, ты должен разработать этот вопрос с этой именно точки зрения».

Среди немногих замечаний Маркса о военном деле это одно из наиболее важных. Разделение труда между Марксом и Энгельсом воз-

лагало на последнего темы, связанные с военным делом. Энгельс действительно и дал ряд превосходных работ на эти темы — работ, которые должны рассматриваться как совместные труды его и Маркса.

В письме от 7 июля 1866 г. Маркс пишет вновь Энгельсу:

«Наша теория, что *организация труда* (или трудовая организация: по-нем. Arbeits-Organisation) обусловливается *средствами производства*, нигде, кажется, так блестяще не подтверждается, как в человекоубойной промышленности».

«Право, стоило бы, чтобы ты написал об этом что-нибудь (у меня для этого нехватает знаний), что можно было бы за твоею подписью внести в мою книгу в виде приложения. Подумай об этом. Если это делать, то надо делать для первого тома, где я эту тему исследую подробно».

Говоря о «первом томе», Маркс имеет в виду первый том «Капитала». Он придавал такое огромное значение объяснению войн и военного дела с точки зрения диалектического материализма, что хотел дать специальное приложение на эту тему к первому тому «Капитала».

Только опираясь на метод исторического материализма, Маркс и Энгельс смогли выяснить источники войн, их движущие силы, отношение различных классов к данной войне, их взаимоотношения и т. д. Именно Марксу и Энгельсу, и только им, как диалектическим материалистам, удалось действительно преодолеть и доктринерский мелкобуржуазный пацифизм и «критерий» великодержавного национализма. Они рассматривали задачи, встающие перед пролетариатом в войне, с точки зрения борьбы его за свою диктатуру и освобождение. Главное в марксовом учении о войне — его *материалистичность* в объяснении войны, исходящая из оценки отношений между классами и из состояния производительных сил. Самое характерное в учении Маркса о войне — его *конкретный диалектический анализ* задач пролетариата по отношению к данной войне. Конкретность истины в отношении к каждой данной войне есть самое ценное и самое главное у Маркса.

Такой *философский* подход Маркса и Энгельса к вопросам войны облегчал им возможность и правильного *политического* подхода к проблемам войны. Диалектика пронизывала каждое положение, каждую строчку Маркса и Энгельса о войне.

К слову сказать, основной ошибкой наших «левых» коммунистов (виднейших из них) в 1918 году, в эпоху Бреста, было именно *недиалектическое*, схематическое, механистическое отношение к войне и миру.

Основную задачу тактики пролетариата, писал Ленин, Маркс определил в строгом соответствии со всеми посылками своего диалектически-материалистического мировоззрения. *Политическая* линия марксизма неразрывно связана с его *философскими* основами.

V. ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ.—РЕВОЛЮЦИЯ И ВОЙНА.

Связь между войной и революцией Маркс и Энгельс прослеживали систематически. Для них как нельзя более ясна была диалектическая взаимозависимость между войной и революцией. Революция часто рождается из войны, и затем сама рождает новые войны, что, однако, не значит, что революции невозможны и без войн.

Кант писал накануне Великой французской революции, что «на той ступени культуры, на которой стоит еще человеческий род, война является *необходимым средством* вести человечество дальше; только после того как будет достигнуто завершение культуры, — вечный мир будет для нас благодетельным и вообще только тогда станет возможным» [1].

Еще в 1784 г. он обосновывал необходимость войны — в отличие от его позднейшего сочинения «К вечному миру», написанного в 1795 г.

Горе-марксисты, пытавшиеся «объединить» Маркса с Кантом, ссылались, между прочим, на это место из Канта. Они пытались «доказать», что кантовское понимание истории, как результата борьбы двух противоречивых начал в человеческом индивидууме, есть предвестник марксова учения о развитии общества путем классовой борьбы. Это, конечно, чистейший вздор.

Маркс говорил: только при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, *социальные эволюции* перестанут быть *политическими революциями*. До тех же пор, накануне полного переустройства общества, последним словом социальной науки будет: *война или смерть*, кровавая борьба или уничтожение. Такова неотразимая постановка вопроса.

Д. Рязанов, конечно, прав, когда вслед за Марксом и Энгельсом говорит, что с точки зрения марксизма политика, сила, война есть не только результат экономики, но и могущественнейшее орудие воздействия на экономику [2].

Сила, говорит Маркс, всегда служит повивальной бабкой старому обществу, которое бывает беременно новым.

В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс, полемизируя против Сисмонди, говорит:

---

[1] Собр. соч., т. IV, стр. 327 немецкого издания.

[2] См. *Д. Рязанов*, Марксизм и военное дело, стр. 10.

«Если, как это делал Сисмонди, противопоставлять благо отдельного человека этой цели, то это равносильно утверждению, что надо задержать развитие общности, дабы обеспечить благо отдельного человека; что таким образом, например, нельзя вести войну, в которой, разумеется, отдельные личности гибнут. Сисмонди прав лишь против тех экономистов, которые замазывают, отрицают это противоречие, которые не понимают, что это развитие..., т. е. высшее развитие индивидуальности, может быть куплено только путем исторического процесса, в котором отдельные индивидуумы приносятся в жертву» [1].

Сисмонди прав лишь против тех экономистов, которые замазывают это противоречие. Маркс же безбоязненно констатирует его и видит разрешение этого противоречия только в победе пролетарской революции. В войне отдельные личности гибнут, но война может быть полезна угнетенному классу. И во всяком случае, без гражданской войны не будут уничтожены классы и классовый антагонизм, не будут созданы условия, между прочим, и для «высшего развития индивидуальности».

В статье Маркса о панславизме мы читаем: «Без насилия и железной беспощадности в истории ничего не проводится. И если бы Александр, Цезарь и Наполеон обнаружили ту же самую сантиментальность, трогательность, к которой теперь апеллирует панславизм... что сталось бы с мировой историей» [2].

Марксизм принципиально враждебен пацифизму. Марксизм — воинствующее революционное учение пролетариата, принципиально враждебное мещанским воздыханиям о вечном мире.

«Эта теория всеобщего братства народов, которая не считается ни с исторической позицией, ни со ступенью общественного развития отдельных народов, есть не что иное, как пустое мечтание о братании, как швыряние в воздух пустых слов о братании», — говорит Маркс [3].

В Зомбартовском «Архиве» в 1922 г. было помещено обширное исследование д-ра Герхарта Люткенса под названием «Военные проблемы и марксистская теория». Вполне правильно доказывая, что марксизм не мирится с пацифизмом, Люткенс пишет: «Ведь пацифизм плохо подходил бы к тому учению, которое в восстании пролетариата видит средство, долженствующее обеспечить осуществление основных его целей» [4].

Поистине не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться об этом — тем более, что марксисты никогда не скрывали своей враждебности «принципиальному» (на деле буржуазному или, в лучшем случае, мелкобуржуазному) пацифизму.

---

[1] *Д. Рязанов*, Марксизм и военное дело, т. II, ч. 1, стр. 306 немецкого издания.

[2] Литературное наследие Маркса и Энгельса, т. III, стр. 255 немецкого издания.

[3] Там же, стр. 250 немецкого издания.

[4] Archiv für Sozial-Wissenschaft und Sozialpolitik, 1922, S. 475—476.

Тот же Люткенс прав, когда говорит: «Несомненно, что внутри марксизма образовалось принципиальное пацифистское направление. Но аргументация, которая ведет к этой позиции, почерпнута не из социалистического принципа, а из демократического» [1].

Что правда, то правда. Ревизионистское течение, возникшее внутри марксизма и во всех других областях, заимствует свои мотивы из принципа не социалистического, а демократического. Не из принципов рабочего класса, а из принципов мелкой буржуазии; не из социализма, а из буржуазного демократизма.

Было бы большой ошибкой, писал Маркс, предполагать, что «евангелие мира» манчестерской школы имеет сколько-нибудь философское значение. Оно целиком сводится к тому, что феодальный метод ведения войны должен быть заменен торгово-промышленным, что место пушек должен занять капитал.

Марксизм принципиально враждебен пацифизму. Из этого, конечно, отнюдь не следует вульгарный вывод, будто Маркс и Энгельс были «сторонниками» войны, будто марксизм «хочет» войн, «спекулирует» на войнах и т. п. Маркс и Энгельс хорошо знали, с какими жертвами и лишениями связана война для народных масс. Но они отдавали себе отчет в том, что войны при капитализме неизбежны. Они знали, что ограничиваться жалобами и ламентациями по поводу войн было бы бесплодным занятием. Они ясно сознавали, что дело не только в том, чтобы объяснить происхождение войн и их неизбежность при капитализме, а дело в том, чтобы создать общественные условия, способные раз навсегда убить войну. Они ясно видели, что путь всемирно-исторического развития лежит через неизбежность ряда войн. И свою задачу — задачу представителей угнетенного класса — они видели не в том, чтобы эти войны оплакивать, а в том, чтобы использовать их в интересах того класса, который не может освободить себя, не освободивши весь мир.

Свою последнюю двухтомную работу «Материалистическое понимание истории» Каутский превратил в своеобразную «энциклопедию» *подделки* марксизма. В конце II т. этого сочинения бывшего марксиста можно найти, например, следующее место: «Каждый мыслящий человек предвидел мировую войну, которая при данных обстоятельствах (бешеное вооружение и т. д.) была неизбежна; хотя почти никто не мог предвидеть размеров мировой войны и ее ужасающего опустошения... Нарушение (капиталистического равновесия) наступило в таком размере, который превзошел все самые худшие ожидания и опасения. Однако капитализм не крахнул. Оказалось, что его эластичность, его приспособляемость к изменившейся обстановке были гораздо сильнее, нежели его чувствительность. Капитализм выдержал огненное испытание войны и, говоря чисто экономически, он стоит ныне на ногах крепче, чем когда бы то ни было. Он уже оправился, несмотря на величайшие глупости правительств и близоруких капиталистов и агра-

[1] Archiv für Sozial-Wissenschaft und Sozialpolitik, 1922, S. 478.

риев, после войны, несмотря на безумства Версальского договора и его санкций, несмотря на инфляции и всевозможные нарушения свободы сношений» [1].

Что сказать об этих словах престарелого ренегата марксизма? Едва ли и среди сколько-нибудь мыслящих экономистов буржуазии найдутся ныне многие, кто стал бы рисовать «прочность» положения капитализма после войны в столь розовых красках, как это делает Каутский. И среди буржуазных писак ныне не так легко найти людей, которые с таким упованием взирали бы на нынешнюю «стабилизацию» капитализма. Но нас в приведенной цитате непосредственно интересует другое место. Мы говорим о словах Каутского, будто «никто не мог предвидеть размеров мировой войны и ее ужасающего опустошения». Экое подлое лганье! Каутский не может не знать письма Маркса к Кугельману, писанного еще в 1866 г., где говорилось:

«Поймут ли, наконец, наши филистеры (речь идет о немецкой либеральной буржуазии), что без революции, которая устранит Габсбургов и Гогенцоллернов, дело в конце концов должно опять привести к 30-летней войне».

Каутский не может не знать, что еще в 1887 г. Энгельс (в предисловии к брошюре Сигизмунда Боркгейма «На память немецким убийцам-патриотам») предсказывал, что грядущая война принесет «опустошение, причиненное 30-летней войной, сжатое на протяжении 3—4 лет и распространенное на весь континент».

Насколько могуч анализ Маркса и Энгельса, насколько далеко вперед видели эти гениальные творцы научного коммунизма, насколько марксизм открывает пути предвидения, — это лучше всего доказано тем предсказанием, какое сделал Энгельс в 1887 г. Это предсказание разительно; мы приведем его здесь полностью.

Обозревая мировое положение в 1887 г. — читатель не забудет, что это было почти за 30 лет до начала мировой войны — Энгельс писал:

«Германия будет иметь союзников, но при первых же удобных обстоятельствах она бросит их, равно как и они ее. И, наконец, для Пруссии-Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От 8 до 10 млн. солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное 30-летней войной, — сжатое на протяжении 3—4 лет и распространенное на весь континент, крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны, абсолютная невозможность предусмотреть, как все это кончится, и кто выйдет победителем из борьбы, — только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса.

[1] *К. Каутский*, Материалистическое понимание истории, т. II, стр. 559 немецкого издания.

Такова перспектива, если доведенная до крайности система взаимной конкуренции в военных вооружениях принесет, наконец, свои неизбежные плоды. Вот куда, господа короли и государственные мужи, привела ваша мудрость старую Европу. И если вам ничего больше не остается, как открыть последний великий военный танец, — мы не заплачем. Пусть война даже отбросит, может быть, нас на время на задний план, пусть отнимет у нас некоторые уже завоеванные позиции. Но если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то, как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо, во всяком случае, неизбежна».

С этим изумительным предсказанием Энгельса можно сравнить только другое, не менее изумительное предсказание, сделанное Марксом, который в разгар франко-прусской войны в письме к Зорге от 1 сентября 1870 г. писал: «Нынешняя война — чего не видят прусские ослы — *ведет к войне Германии с Россией столь же неизбежно, как война 1866 г. привела к войне Пруссии с Францией* (курсив наш). И это — *лучший результат*, которого я от нее ожидаю. Специфическое пруссачество никогда не существовать иначе, как в союзе с Россией и в подданстве ей. Кроме того, та *война номер второй станет повивальной бабкой неизбежной социальной революции в России*» [1].

Таким образом, уже в 1870 г. Маркс предсказал не только неизбежность будущей войны России с Германией, но и то, что из этой войны родится социальная революция в России. Через два десятилетия после этого Энгельс еще с гораздо большей подробностью обрисовал основные черты будущей мировой войны. Но ее важнейшие черты — столкновение Германии с Россией и рождение в России социальной революции — Маркс, как видим, предсказал еще значительно раньше.

Разве это не поразительно?

Приведенные слова Энгельса Ленин называл «пророческими словами». Чудесное пророчество есть сказка, научное пророчество есть факт. Приведенное пророчество Энгельса Ленин рассматривал, как образец такого научного пророчества [2].

А вот отрывок из письма Энгельса к Зорге, написанного примерно в тот же период — 7 января 1888 г.: «Война отбросила бы нас назад на годы. Шовинизм все потопил бы, так как это была бы борьба за существование. Германия выставила бы около 5 млн. солдат или 10% населения, другие около 4—5%. Россия относительно меньше. Но в действие были бы пущены от 10 до 15 млн. солдат. Хотел бы я видеть, как их прокормят. Опустошение было бы такое же великое, как и в Тридцатилетнюю войну. И дело не кончилось бы быстро, несмотря на колоссальные военные силы. Ибо на северо-восточных и

[1] Письма к Зорге, стр. 17 немецкого издания.
[2] Ср. *Ленин*, т. XV, стр. 359.

юго-восточных границах Франция защищена очень длинной линией крепостей, а Париж снабжен образцовыми укреплениями. Стало быть, война затянулась бы надолго; точно так же и Россию нельзя одним ударом победить. И если все пойдет по желанию Бисмарка, то на нацию будет возложено столько тягостей, каких она раньше никогда не терпела, и вполне возможно, что отсутствие решающих битв и частичные поражения вызовут внутренний переворот.

Если же немцы с самого начала будут побиты или будут вынуждены на продолжительную оборонительную войну, тогда переворот уже несомненно наступит. А в том случае, если война кончится без внутренних потрясений, то наступит такое истощение, какого Европа уже 200 лет не переживала. Победительницей явилась бы по всей линии американская промышленность и поставила бы всех нас перед выбором: либо вернуться назад к сельскому хозяйству и производить только для собственного потребления (так как всякое другое применение агрикультуры исключается американской конкуренцией на хлебном рынке), либо — социальный переворот».

Здесь предсказана даже будущая роль Америки — конечно, только в общих чертах. Победительницей явилась бы по всей линии американская промышленность! Не забудьте, читатель, что это писано более 40 лет тому назад, писано тогда, когда эра империализма по-настоящему еще не начиналась.

Даже еще на пять лет раньше (1882 г.) Энгельс заговорил о будущей гигантской решающей роли Америки. Уже тогда писал он (в письме к Бернштейну), что Америка это — «страна, которая через 20 лет будет самой населенной, самой богатой и могущественной страной в мире» [1]. А в 1886 г. Энгельс в письме к г-же Вишневецкой предсказывал: «Америка разрушит монополию английской промышленности, поскольку от нее еще что-нибудь осталось» [2].

Маркс и Энгельс предвидели не только это. Они предвидели также кризис социал-демократии в связи с будущей войной. Много раз Маркс и Энгельс выражали свой скептицизм по отношению к германской социал-демократии. Уже в начале 80-х годов Энгельс писал своему старому другу Иоганну-Филиппу Беккеру: «По моему мнению, старая партия со всей своей организацией стоит у начала конца». А в письме к Бебелю Энгельс выразился еще гораздо определеннее. Говоря о возможности большой европейской войны, Энгельс прямо предсказывает, что такая война похоронит партию: «Такая война была бы нашим большим несчастием. Она могла бы отбросить движение назад на 20 лет. Но *новая партия*, которая, в конце концов, *родится из войны в целом ряде европейских стран*, будет свободна от массы слабостей и минусов, которые ныне задерживают движение повсюду» [3].

Так или почти так оно и случилось.

---

[1] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. I, стр. 316.
[2] Письма Маркса и Энгельса к Зорге, стр. 220 русского издания.
[3] Письмо Энгельса к Бебелю от 16 декабря 1879 г.

Маркс и Энгельс предвидели опустошение 30-летней войны, «сжатой на протяжении 3—4 лет». Энгельс почти с точностью предвидел даже число участников войны, количественный состав их армий. Энгельс более 40 лет тому назад предвидел будущую роль Америки. Маркс и Энгельс предвидели до известной степени крах социал-демократии в мировой войне и рождение новых пролетарских партий из войны и революции.

И вот ныне приходит Каутский, до сих пор именующий себя марксистом, и через 40 лет после предсказаний Маркса и Энгельса в «ученом» труде доказывает, что «никто не мог предвидеть размеров мировой войны и ее ужасающего опустошения»!

Никто не мог предвидеть размеров предательства господ Каутских и ужасающего «опустошения» в их головах и сердцах!..

Первая пролетарская революция — великая Октябрьская революция в России — родилась из первой всемирной войны. Вожди «мировой» социал-демократии — из них же первый Каутский — не хотят «признать» этой революции только потому, что роды ее произошли на фоне обнищания и опустошений, созданных мировой войной.

Они слыхали, писал Ленин про этих теоретиков, и признавали «теоретически», что революцию следует сравнивать с актом родов, но, когда дошло до дела, они позорно струсили и свое хныканье дрянных душенок превратили в перепев злобных выходок буржуазии против восстания пролетариата. Возьмем описание акта родов в литературе, те описания, когда целью авторов было правдивое восстановление всей тяжести, всех мук, всех ужасов этого акта, например, Эмиля Золя «Радость жизни» или «Записки врача» Вересаева. Рождение человека связано с таким актом, который превращает женщину в измученный, истерзанный, обезумевший от боли, окровавленный, полумертвый кусок мяса. Но согласился ли бы кто-нибудь признать человеком такого «индивида», который видел бы *только* это в любви, в ее последствиях, в превращении женщины в мать? Кто на *этом* основании зарекался бы от любви и от деторождения?

«Роды бывают легкие и бывают тяжелые. Маркс и Энгельс, основатели научного социализма, говорили всегда о *долгих муках родов*, неизбежно связанных с переходом от капитализма к социализму» [1].

Марксизм отнюдь не «ставит ставку» на войну, как это подсовывают ему социал-демократические и просто буржуазные политики. Но марксизм знает, что от войн при капитализме не уйти. За сохранение данного положения вещей, за сохранение статус-кво не может стоять угнетенный класс по той простой причине, что статус-кво означает увековечение гнета над ним.

«Импотентность... всегда концентрировалась в тезисе: сохранить статус-кво, — пишет Маркс в «Восточном вопросе». — В убеждении, что нужно оставить положение вещей таким, как оно сложилось благо-

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XV, стр. 362.

даря случаю или стечению обстоятельств, заложено свидетельство о бедности»[1].

Революция — враг статус-кво. Революционная теория Маркса — враг «данного положения вещей». Да, соотношение сил на мировой арене не стоит на месте, оно изменяется непрерывно. Оно изменяется не только путем войн. Войны сами являются продолжением политики, только в другой форме.

Именно поэтому Маркс еще на заре международного рабочего движения, еще в эпоху I Интернационала учил рабочих проникать в «мистерии» иностранной политики. Именно поэтому Маркс и Энгельс ценили брутальную правду старого германского военного теоретика Клаузевица о том, что война есть продолжение политики другими средствами.

Интересно, что Каутский в его последнем сочинении «Материалистическое понимание истории» пытается «углубить» и Клаузевица: «Строго говоря, нельзя формулировать так, как это формулирует Клаузевиц в его книге о войне (кн. 1, гл. 1, § 24). Клаузевиц говорит, что война есть продолжение политики другими средствами». Между тем, по мнению Каутского, надо было бы сказать: есть только продолжение *внешней* политики. «Иначе пришлось бы гражданскую войну также причислить к войнам», между тем как гражданская война есть особое явление, с особыми предпосылками, законами и целями. Это видно уже потому, как начинаются гражданские войны. Гражданская война вспыхивает, но она «никем не объявляется, и никто предварительно не решает, что гражданская война начинается»[2].

Не правда ли, как «глубоко»?

Да разве внешняя политика не связана тысячами нитей с внутренней и наоборот? Да разве новейшая история не показала нам образцы *превращения* внешней войны в войну внутреннюю, империалистской войны в войну гражданскую? Да разве не видим мы теперь попыток или «посулов» вызвать в СССР начало внутренней войны и превратить ее в войну внешнюю, создать хотя бы видимость новой гражданской войны и превратить ее в новую империалистскую войну против Советского Союза? Политики польской буржуазии, вдохновляемые англо-французским империализмом, говорят об этом довольно открыто: мы, дескать, вызовем «восстание», например, на Украине и попытаемся затем превратить его в войну против СССР. Если Ленин выдвинул лозунг «превращения империалистской войны в гражданскую», то буржуазия делает потуги выдвинуть «обратный» лозунг: превращение гражданской войны (или эпизодов такой войны, подобия такой войны) в контрреволюционную внешнюю войну. Таких примеров в истории можно найти множество. И в будущем они тоже неизбежны.

Классовой правды в сочинениях представителя господствующих классов, генерала Клаузевица, было несравненно больше, чем в нынешних якобы марксистских писаниях Каутского.

---

[1] *К. Маркс*, Собр. соч., т. I, стр. 145 немецкого издания.
[2] *К. Каутский*, Материалистическое понимание истории, т. II, стр. 66.

В письме Энгельса к Марксу от 7 января 1858 г. мы читаем:

«Я читаю теперь Клаузевица о войне. Своеобразный способ философствовать, но, в сущности, очень хорошо. На вопрос, какое следует употреблять название — военное искусство или военная наука, ответ гласит, что война более всего похожа на торговлю. Битва в войне это все равно, что плата наличными в торговле; как бы редко в действительности это ни происходило, все-таки все сводится к этому; в конце концов, она должна произойти и разрешить все».

Много интереснейших записей сделал и Ленин при чтении Клаузевица (он перечитывал его во время мировой войны). В сочинениях этого незаурядного военного писателя Ленин также более всего ценил классовую правду, которую теперь изо всех сил замазывает Каутский.

Пока были живы Маркс и Энгельс, организации, находившиеся под их влиянием, ставили вопрос о войне и революции с ясностью, не оставляющей желать большего. Известны резолюции I Интернационала, во главе которого стояли Маркс и Энгельс. Но и первые конгрессы II Интернационала, происходившие при жизни Энгельса, ставили этот вопрос в общем по-марксистски.

Парижский конгресс II Интернационала (1889 г.) говорил: «Война, проистекающая неизбежно из современных экономических условий, не исчезнет окончательно иначе как с исчезновением самого капиталистического строя, с эмансипацией труда и международной победой социализма».

Брюссельский конгресс 1891 г. говорил: «Только создание социалистического общества положит конец милитаризму и обеспечит окончательный мир».

Цюрихский конгресс 1893 г. говорил: «Лишь низвержение капитализма означает всеобщий мир».

Другими словами: лишь пролетарская революция положит конец войнам. Пока существует капитализм — войны неизбежны.

Эту азбуку марксизма «забывают» теперь вожди II Интернационала или делают вид, что забывают. Ведь дело доходит до того, что сказанное в программе Коминтерна по вопросу о войне пытаются изобразить как «спекуляцию на войне», как ставку на войну. А между тем, то, что сказал Коминтерн в его многочисленных документах по вопросу о войне — начиная с I конгресса и кончая VI — есть только повторение взглядов Маркса и Энгельса на войну и применение их к современному положению.

Дело дошло до того, что даже в «левой» социал-демократической печати (серия статей в «Лейпцигер Фольксцейтунг» в конце 1928 г.) против коммунистов полемизировали так: ведь вы же сами говорите, что войны при капитализме неизбежны, как же хотите вы бороться против неизбежности? До таких дешевых, аляповатых софизмов упали «левые» социал-демократы, забывшие, что мы говорим не только о неизбежности войн при капитализме, но и о неизбежности пролетарских революций, которые положат конец самому капитализму, забывшие, что мы говорим: войны неизбежны, *пока* пролетарские революции не уничтожили власть буржуазии.

Было время, когда и Каутский понимал, в каком взаимоотношении находятся *война и революция*, *р волюция и война*. В его работе «Путь к власти» (1909 г.) он писал: «Всемирная война надвигается угрожающе близко, но война, как показал опыт последних десятилетий, означает и революцию... Пролетариат всеми силами ненавидит войну, он приложит все усилия, чтобы не дать подняться военному настроению. Если, однако, война, несмотря на это, вспыхнет, то пролетариат в настоящее время является тем классом, который с наибольшими надеждами может ожидать ее исхода» [1].

Была ли тогда у Каутского «ставка на войну», что теперь приписывается нам, коммунистам? Нет. Каутский рассуждал тогда, как марксист, как представитель рабочего класса. «Путь к власти» — его *последнее* марксистское (в основном) произведение.

Маркс отнюдь не считал, что революция может родиться только из войны. Но задачей рабочего класса он считал — добиваться того, чтобы любая война была использована в интересах пролетарской революции. В интересах революции можно и должно прибегнуть, когда это нужно, и к войне.

Ленин отнюдь не считал, что революция может родиться только из войны. Обозревая мировое положение на III конгрессе Коминтерна (1921 г.), он сказал, что при нынешней ситуации революция может родиться и из большой стачки и т. п.

Революции возможны и без войн, но войны теперь уже невозможны без революций. Во всяком случае, долг представителя пролетариата — работать над тем, чтобы война была невозможна без революций, чтобы любая буржуазная война была использована для дела революции.

Только Коммунистический Интернационал остается верен Марксу и Энгельсу, в частности, и в вопросе о войне и революции.

---

[1] Путь к власти, русское издание, Гиз, 1923 г., стр. 92, 93.

VI. ЭПОХА 1848 Г. И КРИТЕРИЙ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА В ВОПРОСАХ ВОЙНЫ. ТАКТИКА НЕПРЕРЫВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Во время событий 1848 г. марксизм, как известно, впервые выходит на мировую политическую арену. К началу революций 1848 г. рабочих партий, как таковых, в Европе еще не существовало — ибо только складывался еще рабочий класс. Марксу и Энгельсу вначале приходится участвовать в событиях 1848 г., как представителям крайней левой буржуазной демократии. Но субъективно они чувствуют себя уже вполне представителями рабочего класса. Об этом лучше всего говорит «Коммунистический Манифест», вышедший в свет уже в 1847/48 г.

И вот чрезвычайно поучительно рассмотреть позицию Маркса и Энгельса в вопросах международной политики, изучить их конкретный подход к проблемам войны уже при первом их выступлении на арену мировой политики.

Позиция Маркса и Энгельса в эпоху революций 1848 г., можно сказать, определялась следующими тремя лозунгами:

1) против царизма в России;

2) против мирового господства буржуазной Англии (в особенности, против либеральной буржуазии Англии);

3) против национального угнетения ряда неполноправных народов.

Этими тремя пунктами определялась позиция Маркса и Энгельса в вопросах мировой политики, в сущности говоря, не только непосредственно в событиях 1848 г., но и значительно позже — на целый исторический период.

Конечно, Маркс умел ненавидеть и бичевать не только русского царя, но и «Меттерниха и Гизо», Папу и Наполеона III, умел распознавать и разъяснять реакционную роль австрийской монархии, американских рабовладельцев и т. д. Но тремя центральными лозунгами, определявшими во всем главном международную позицию Маркса и Энгельса на целый исторический период, были именно указанные три пункта.

Это дало впоследствии повод идеологам угнетающих классов фальсифицировать позицию Маркса и Энгельса, изображая ее то как специфически анти-русскую, то как англо-фобскую, то как враждебную

определенным нациям и т. п. На такого рода обвинения против Маркса сбивались в свое время и такие противники марксизма, как Бакунин, Герцен.

Эти извращения вновь оживились к моменту начала всемирной империалистской войны 1914 г.

Достаточно привести один пример. В начале войны 1914 г. Петр Струве — бывший марксист, ставший одним из виднейших идеологов русской буржуазии — написал следующие поистине бесстыдные строки:

«Всякий, знакомый в целом с деятельностью Маркса, знает, что агрессивное германское расширение против славянства не только в прошлом, но и в современной Марксу действительности встречало с его стороны сочувствие и одобрение. Маленькие славянские народности (до чехов включительно) Маркс сознательно обрекал на съедение германизму...

«Анти-русская политика и даже, еще более, вражда к славянству, свободное объединение которого рисуется в виде какого-то чудовищного «панславизма», является исторической традицией германской социал-демократии...

«Маркс в 1848/49 г. желал и требовал войны с Россией; эту войну, как он рассчитывал, революционная Германия будет вести в союзе с революционной Польшей... В 1848/49 г. Маркс желал европейской войны потому, что ждал от нее социальной революции, совершенно так же, как того ожидал от англо-русской войны Жюль Гэд в 1885 г....

«Принципиальный пацифизм был всегда чужд социал-демократии, поскольку она опиралась на ортодоксальный марксизм» [1].

Во всей этой тираде П. Струве правдива только последняя фраза. Да, совершенно верно, что Маркс и марксизм всегда были чужды принципиального пацифизма. Марксизм не пацифистское, а революционное учение. Марксизм «признает» войны, имеющие освободительный характер. Марксист выступает вовсе не против *всякой* войны. Еще великий русский социалист и демократ, Н. Г. Чернышевский, которого так высоко ценили Маркс и Ленин, в свое время писал, что такие абсолютные приговоры несостоятельны, и утверждал, что, например, Марафонская битва была благодетельнейшим событием в истории человечества.

В 1848 г. Маркс рассуждал, конечно, не как пацифист. Это верно. Но он рассуждал и не как шовинист, не как ненавистник славянства, не как деятель, готовый отдать славянские территории «на съедение германизму». Маркс рассуждал и тогда и после как международный пролетарский революционер.

И всего замечательнее, что «версию» П. Струве, с другой стороны, охотно принимали вожди *германской* социал-демократии, когда они в 1914 г. перешли на сторону «своей» буржуазии. Они только выворачи-

[1] «Русская мысль», т. X, 1914 г., стр. 159, 160, 166.

вают заявление Струве наизнанку. То, что Струве приводит со знаком минуса, вожди германской социал-демократии в 1914 г. стали приводить со знаком плюса. Они делают вид, будто в самом деле Маркс в 1848 г. выступал против России потому, что он стоял за «германизм», за «немецкое человечество». «Мы» только продолжаем традицию Маркса, поддерживая теперь войну против русского царизма, против русского варварства, — твердили во время первой всемирной империалистской войны вожди германской социал-демократии. Эти господа хорошо знали, что среди лучшей части германского пролетариата жива и не может не жить ненависть к русскому царизму. И эту благородную ненависть *революционных* пролетариев вожди германских социал-демократов старались отвести на мельницу Гогенцоллерновской монархии. И в этом черном деле они не стыдились «ссылаться» на Маркса. Они поступали еще хуже, чем П. Струве, потому что этот последний все же не забыл сказать, что Маркс имел в виду войну *революционной* Германии в союзе с *революционной* Польшей против царской России. Между тем вожди германской социал-демократии в начале мировой войны сплошь и рядом «забывали» эту мелочь, они говорили «просто» о войне Германии против России.

Совершенно так же искажались позиции Маркса и Энгельса в вопросе об их оценке буржуазной Англии и в вопросе об их отношении к угнетенным национальностям.

* * *

Для начала приведем наиболее замечательные тексты из Маркса, определяющие его позицию в указанных трех важнейших пунктах.

По вопросу о войне против царской России в указанный исторический период наиболее замечательным является следующее место из Маркса:

В «Новой рейнской газете» от 11 июля 1848 г. Маркс писал:

«В тот самый момент, когда немцы борются со своими правительствами за внутреннюю свободу, их заставляют под командой этих же самых правительств предпринять крестовый поход против свободы Польши, Богемии, Италии — какая глубина соображения! Какой исторический парадокс! Охваченная революционным брожением, Германия вовне ищет спасения в войне реставрации, в походе за укрепление старой власти, *против* которой она только что устроила революцию. *Лишь война с Россией есть война революционной Германии* — война, в которой она может смыть грехи прошлого, окрепнуть и победить своих собственных самодержцев, война, в которой она, как подобает народу, сбрасывающему с себя оковы долгого покорного рабства, кровью своих сынов купит право на пропаганду цивилизации и освободит себя внутри, освобождая народ вовне» [1].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции. Русское издание 1926 г., стр. 116—117.

Марксова оценка исторической роли тогдашней буржуазной Англии ярче всего выражена в его статье «Новый 1849 год».

«Падение буржуазии во Франции, победа французского рабочего класса и освобождение рабочего класса вообще составляют поэтому лозунг европейского освобождения.

«Но та *страна, которая превращает целые нации в своих наемных рабочих, которая своими гигантскими руками охватывает весь мир, которая однажды уже взяла на себя расходы европейской реставрации, в собственном лоне которой классовые противоречия развились в наиболее ясной и бесстыдной форме,* — *Англия* кажется скалою, о которую разбиваются революционные волны, которая хочет уморить голодом новое общество еще во чреве матери. Англия господствует над мировым рынком. Переворот в экономических отношениях любой страны европейского континента или даже всего европейского континента без Англии — только буря в стакане воды. Промышленные и торговые отношения внутри каждой нации зависят от ее сношений с другими нациями, они обусловлены ее *отношением* к мировому рынку. Но Англия господствует над мировым рынком, а буржуазия — над Англией» [1].

И, наконец, отношение Маркса и Энгельса к вопросу освобождения угнетенных национальностей в указанный период ярче всего выражено в следующих словах:

«Нация, позволившая превратить себя на протяжении всей своей истории в орудие угнетения всех других наций, — такая нация должна раньше доказать на деле свою действительную революционность... Революционная Германия должна была, особенно в отношении соседних народов, отречься от всего своего прошлого. Вместе со своей собственной свободой она должна была провозгласить свободу тех народов, которые доселе ею угнетались» [2].

«Поражение рабочего класса во Франции, победа французской буржуазии одновременно означали новое порабощение национальностей, которые на крик галльского петуха ответили героическими освободительными попытками» [3].

«Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии; и никакие фразы и указания на неопределенное демократическое будущее этих стран не помешают нам относиться к нашим врагам, как к врагам» [4].

* * *

В течение многих и многих десятилетий русский царизм играл роль международного жандарма. Реакционная международная роль царизма особенно ярко обнаружилась в событиях 1848 г. Русский царизм

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции, 1926 г., стр. 243—244.
[2] Там же, стр. 111—112.
[3] Там же, стр. 243.
[4] Там же, стр. 276.

и сам представлял собою огромную реакционную силу, но еще больше были те международные реакционные силы, главным оплотом которых являлся царизм. Единственным до конца последовательным врагом царизма, единственным до конца последовательным обличителем его международной реакционной роли являлся со времени 1847/48 г. марксизм. Маркс и Энгельс с необычайной силой и с каждым годом все с большим и большим успехом разоблачали реакционную роль русского царизма в международной политике, в частности, срывали маску с его освободительной «миссии» по отношению к балканским народам; все настоятельней и громче били в набат; все больше сосредоточивали внимание крепнущего международного пролетариата именно на этой роли царизма.

Легко представить себе поэтому, какие могучие силы должны были работать над тем, чтобы *извратить* взгляды марксизма на вопросы международной политики, чтобы подсунуть Марксу и Энгельсу совершенно чуждые им мотивы в вопросе о войне против царской России. Этим и объясняется то обстоятельство, что с таким усердием горы мусора наваливались на подлинные взгляды Маркса и Энгельса. Этим объясняется тот факт, что не только «чистые» идеологи русского царизма и русской буржуазии, но и идеологи мелкой буржуазии (вплоть до народников и мелкобуржуазных анархистов даже типа Бакунина) так и не в состоянии были понять подлинных мотивов Маркса и Энгельса, когда авторы «Коммунистического Манифеста» призывали к революционной войне против царской России как в 1848 г., так и позже.

А между тем ларчик открывался очень просто. Соотношение сил на мировой арене в течение долгого исторического периода было таким, что главным врагом демократических революций, а через это и будущей всемирной революции пролетариата, был именно русский царизм. Такова была общая «большая посылка» Маркса и Энгельса. Но были в 1848 г. и более специальные частные причины, побуждавшие Маркса и Энгельса видеть в тогдашней царской России главного врага революции. Меринг был совершенно прав, когда, разъясняя позицию, занятую Марксом и Энгельсом в 1848 г., впоследствии писал:

«Теперь мы знаем также, что призыв к войне с Россией имел за собою не только те общие разумные основания, которые тогда были высказаны и повторены впоследствии Энгельсом в 1884 г. «Страх перед Россией», охвативший Германию в июне 1848 г., отнюдь не был так неоснователен... Уже давно опубликован официальный материал, в котором царь Николай предлагает предоставить русские войска в качестве резерва, если принц прусский, вместо того, чтобы соглашаться на признание... революции... встанет во главе войск в восточных провинциях и поведет их на Берлин» [1].

В 1848 г. Маркс и Энгельс не могли располагать конкретными сведениями и материалами, подтверждающими эту опасность; они могли

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции, стр. 16.

только догадываться о ней на основании общеполитических соображений. Тем больше чести делает им тот анализ, который они дали по свежим следам событий, в самом ходе развития их.

Прусский король и прусское юнкерство ни за что не хотели допустить войны против царской России. Сколько-нибудь дальновидные представители реакции как прусской, так и русской отлично отдавали себе отчет в том, что война между Германией и Россией в обстановке развивающихся революционных событий 1848 г. неизбежно привела бы к подлинной серьезной победе немецкой революции, а быть может и к развязыванию революции европейской. Но именно это и заставляло Маркса и Энгельса в «Новой Рейнской Газете» выдвигать как один из центральных лозунгов лозунг революционной войны против самодержавной России.

«Ненависть к России была и еще остается у немцев их первой революционной страстью» [1], писал Маркс.

История Великой французской революции показала особенно наглядно, как тесно связана между собою внутренняя и внешняя политика. Чтобы придать прочность революционным завоеваниям внутри страны, необходимо прежде всего вырвать из рук старого режима его сильнейшее орудие: международную политику. Вот почему уже в самом начале своей политической деятельности Маркс придает огромное значение вопросам иностранной политики. В самом начале событий 1848 г. он не перестает повторять не только социалистам, но и просто демократам, что они должны тщательно разбираться в вопросах международной политики. На германскую революцию 1848 г. Маркс и Энгельс в самом начале посмотрели под углом зрения *международного* всеевропейского переворота. «Новая Рейнская Газета», боевой политический орган, которым тогда непосредственно руководили Маркс и Энгельс, выступает поэтому перед немецкой демократией с широкой программой *международной* политики. Эта программа требовала: 1) свободной Германии, 2) свободной Польши, 3) свободной Венгрии. И именно эта программа приводила Маркса и Энгельса к лозунгу революционной войны против тогдашней самодержавной России: *свободная* Россия в этот момент могла осуществиться только через революционную войну против нее.

«Россия стоит перед воротами Терна», — восклицала «Новая Рейнская Газета» уже в июне 1848 г. Контрреволюционная роль царской России, сыгранная весною 1849 г. в отношении к венгерской революции, могла только укрепить Маркса и Энгельса в их взглядах на необходимость революционной войны против тогдашней России.

«Выступление в защиту каждого революционного народа, призыв к всеобщей войне революционной Европы против великого тормоза европейской революции — России... Если бы удалось довести Германию до войны против России, то с Габсбургами и Гогенцоллернами было бы покончено, и революция победила бы по всей линии».

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции, 1926 г., стр. 276.

После того как русский царизм участвовал непосредственной посылкой войск в разгроме венгерской революции; после подавления польского восстания войсками русского царя; после роли, сыгранной иностранной дипломатией русского царизма в войнах 1864—1866 гг. и 1870—1871 гг., — после всего этого представителям подлинного социализма нетрудно было уже догадаться, что лозунг борьбы против царской России должен явиться одним из основных лозунгов международной политики пролетариата. Прозорливость Маркса и Энгельса сказалась именно в том, что они выдвинули этот лозунг уже в 1848 г.

Маркс и Энгельс в 1848 г. прямо призывали к наступательной войне против царской России, ибо они уже тогда отдавали себе отчет в том, что даже резко выраженная наступательная *в стратегическом смысле* война революционной Германии против царской России была бы *в историческом смысле* войной оборонительной. Главный враг, стоявший в эту эпоху основным препятствием к развитию демократических революций в Европе, был, несомненно, русский царизм. Что революциям часто сопутствуют войны и наоборот — в этом также ясный отчет отдавали себе Маркс и Энгельс уже в 1848 г. Уже при самом зарождении событий 1848 г. Маркс и Энгельс прекрасно знали, что если революция не пойдет войной против царской России, то эта последняя так или иначе пойдет войной против революции.

Совершенно ясно, что такая точка зрения Маркса и Энгельса являлась точкой зрения революционеров, вытекавшей из всех условий тогдашней эпохи. Ни атома анти-русского или анти-славянского шовинизма в ней не было. Маркс и Энгельс так же страстно ненавидели реакцию своей собственной страны, как и русскую реакцию. Первейшим *условием*, необходимейшей *предпосылкой* внешней войны против царской России Маркс и Энгельс выставляли низвержение *реакции немецкой*, истребительную борьбу против нее, внутреннюю гражданскую войну в своем собственном отечестве. Маркс и Энгельс все время говорили о *революционной* войне *революционной* Германии против *крепостнической* России, где народы спали еще мертвым сном, где не чувствовалось еще ни ветерка свободы. Право на войну против самодержавной России Маркс и Энгельс признавали только за той Германией, которая *низвергнет своих собственных тиранов*, победит свою собственную реакцию, словом, за страной революции. И самую войну революционной Германии против царистской России Маркс и Энгельс рассматривали тогда лишь как один из этапов развития революции *международной*.

Только идеологи буржуазии могли впоследствии изображать эту позицию Маркса и Энгельса, как «анти-русскую» позицию. На деле это была позиция *международных революционеров*, ясно отдающих себе отчет в том, что главным противником при данной обстановке является царская Россия, и поэтому старающихся приковать внимание международных революционных сил именно к этой главной мишени.

* * *

Осью всей внешней политики Маркса и Энгельса в эпоху «Новой Рейнской Газеты», по правильному замечанию Меринга, была война против царской России. Через революционную войну с Россией германская революция и вообще революции 1848 г. должны были выйти на широкую мировую арену. Но, сделав этот первый шаг, разрастающаяся революция должна была скоро натолкнуться на Англию, эту тогда абсолютно решающую страну. Через войну с Россией революция затем должна перейти к войне с Англией. Англия господствует над мировым рынком. Переворот в экономических отношениях любой страны европейского континента или даже всего европейского континента без Англии — только буря в стакане воды. Капиталистическая Англия и есть та скала, о которую и разбиваются революционные волны. «Англия измором берет новое общество еще в утробе матери». На следующем этапе развития революция, стало быть, упирается именно в твердыни английского капитализма. «И старая Англия найдет свое падение *только в мировой войне* (курсив наш), которая обеспечит партии чартистов, организованной английской рабочей партии, возможность успешной борьбы с ее могущественными угнетателями».

Маркс и Энгельс прекрасно отдают себе отчет в том, что господствующее положение Англии на мировом рынке не вечно, что и оно, как все на свете, преходяще. Не трудно видеть теперь, как первенствующая роль в мировом капитализме переходит от Англии к Америке. Но Маркс и Энгельс — в самой общей форме — предвидели это еще 80 лет тому назад. Еще в «Положении рабочего класса в Англии», вышедшем в свет в 1845 г., Энгельс писал: «если вообще какая-нибудь страна способна завладеть промышленной монополией, то этой страной будет Америка». Обсуждая «шансы английской буржуазии», Энгельс допускал тогда, что уже лет через 20 английский капитализм лишится своего монопольного положения на мировом рынке, уступив его частью промышленности германской, но прежде всего промышленности Северо-Американских Соединенных Штатов. Маркс и Энгельс, таким образом, отнюдь не фетишизировали роли современной им Англии. Господствующее положение английского капитализма на мировом рынке Маркс и Энгельс оценивали вполне диалектически. Но они ясно отдавали себе отчет в том, что в эпоху революций 1848 г. (а также и значительно позднее), при данных конкретных исторических условиях, решающая роль безусловно будет принадлежать революции в Англии.

Маршрут революции в 1848 г. представлялся Марксу и Энгельсу следующим образом. Она начинается в Германии, перебрасывается в Австрию, Венгрию и ближайшие страны, идет войной на царскую Россию, ускоряя в этой последней «крестьянскую революцию», затем перебрасывается во Францию, где субъективные условия для пролетарского восстания более всего назрели, затем через мировую войну перебрасывается в Англию, где и разрешаются ближайшие судьбы мировой

революции на данном этапе. Такова схема, рисовавшаяся Марксу и Энгельсу в эпоху 1848 г.

Если в данный момент Маркс и Энгельс сосредоточивают свое внимание на Германии, то только потому, что начало буржуазной революции здесь ближе, чем в какой бы то ни было другой стране.

«На Германию, — говорится в «Коммунистическом Манифесте», — коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции, потому что она совершит этот переворот при более прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще, с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII в. Немецкая буржуазная революция, следовательно, может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции» [1].

В Германии, в силу сложившихся обстоятельств, мировая революция *начнется*, но далее перед ней будут стоять две главных помехи: 1) международный жандарм в лице царской России и 2) господство английского капитализма на мировом рынке.

При ее дальнейшем развитии революция должна была итти через Францию, полагал Маркс. В статье «О классовой борьбе во Франции», написанной для Обозрения «Новой Рейнской Газеты» (1850), Маркс разъяснял французским рабочим, насколько неправильно с их стороны было питать надежду на их освобождение при существовании буржуазии, насколько неправильно было верить, что пролетарская революция возможна «в пределах национальных стен Франции», «при существовании других буржуазных наций». Маркс подробно объяснял французским рабочим, что само это их заблуждение являлось отражением недостаточного промышленного развития Франции. Французская промышленность того времени не только не могла претендовать на сколько-нибудь равную роль с английской промышленностью на мировом рынке, но французская промышленность «не господствует над французским производством», т. е. даже в национальном масштабе еще недостаточно сильна. Задача революции или, как выражался тогда Маркс, «задача рабочего» «разрешается не во Франции, — но во Франции она возвещается. Она нигде не разрешима в пределах национальных границ; классовая война внутри французского общества превращается в мировую войну, в которой нации выступают друг против друга. Решение начинается лишь с того момента, когда мировая война поставит пролетариат во главу народа, господствующего над мировым рынком, — во главу Англии. Революция, которая здесь не оканчивается, а только получает свое организаторское начало, не будет кратковременной революцией. Теперешнее поколение похоже на евреев, ведомых Моисеем через пустыню. Оно не только должно завоевать новый мир: оно должно сойти со сцены, чтобы дать место людям, достаточно выросшим для нового мира» [2]. Англия есть «демиург буржуазного космоса».

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Коммунистический Манифест, с введением и примечанием Д. Рязанова, Гиз, 1923 г., стр. 112.

[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Собр. соч., т. III, Гиз, 1921 г., стр. 36, 98.

«Поэтому, хотя кризисы и вызывают революции прежде всего на континенте, но причина их всегда заложена в Англии» [1].

«Революционное восстание французского рабочего класса и мировая война — таковы перспективы 1849 г.», так писал Маркс в статье «Новый 1849-й год». «Всякая европейская война, в которой замешана Англия, есть мировая война», говорил Маркс там же. Побеждающая революция не только не имеет права останавливаться перед перспективой войны или ряда войн, но она обязана итти на нее. Революционная война является необходимым этапом революции, без войны невозможно поколебать твердыни английского капитала, господствующего на мировом рынке. «Могла ли Франция, — писал Маркс, — нарушить их (законы мирового рынка) без европейской революционной волны, которая была бы в состоянии потрясти Англию, этого деспота мирового рынка» [2].

Революция в Германии, если она будет победоносна — это уже кое-что. Революционная война против царской России — это уже будет огромный шаг вперед. Новое восстание французского пролетариата — это уже будет серьезнейшим продвижением революции на Запад. Но решение, действительное решение начинается лишь с того момента, когда мировая война поставит пролетариат во главу народа, господствующего над мировым рынком — во главу Англии. Англия господствует над мировым рынком, в Англии действительно решается судьба революции.

* * *

О какой революции говорили в эту эпоху Маркс и Энгельс: о демократической или социалистической революции?

«Маркс и Энгельс, — писал в 1905 г. Ленин, — в 1850 г. не различали демократической и социалистической диктатуры или, вернее, вовсе не говорили о первой, ибо капитализм казался им дряхлым, а социализм близким... Маркс и Энгельс в 1850 г. считали социализм близким, и потому недооценивали демократических завоеваний, которые казались им вполне прочными, ввиду несомненной победы мелкобуржуазной демократической партии... Если бы Маркс и Энгельс понимали неизбежность сравнительно продолжительного господства демократического строя, то они *тем больше* значения придавали бы *демократической* диктатуре пролетариата и крестьянства» [3].

У Маркса и Энгельса не было в этот исторический период строгого разграничения между демократической и социалистической революциями. В то же время марксов лозунг перманентной революции, как мы увидим ниже, на деле содержал уже в себе все основные элементы теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (и национальной — в международную), впоследствии разработанной Лениным.

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Собр. соч., т. III, стр. 117.
[2] Там же, стр. 36.
[3] *Н. Ленин*, Собр. соч., т. VI, стр. 214—215.

То же самое в основном можно сказать о подходе Маркса и Энгельса в эпоху 1848 г. к вопросу об угнетенных национальностях. Эта проблема в тогдашнем марксизме далеко не была так подробно и тщательно разработана, как это удалось сделать, спустя целое поколение, Ленину, на основе нового исторического опыта империалистического периода капитализма. Но, тем не менее, в подходе Маркса и Энгельса к национальным проблемам уже в период 1848 г. (и даже в 1848 г.) содержится все основное, что дало возможность Ленину впоследствии разработать вопрос о соотношении между национально-освободительными движениями и всемирной революцией пролетариата.

В публичной речи на собрании, устроенном обществом «Fraternal Democrats» 29 ноября 1847 года в память польского восстания 1830 года, Энгельс сказал:

«Ни одна нация не может стать свободной, пока она продолжает угнетать другие нации. *Поэтому Германия не может стать свободной, пока она не освободит Польшу от угнетения ее немцами*» [1].

Подчеркнутые нами слова содержат, можно сказать, важнейшую марксистскую аксиому применительно к национальному вопросу. В нескольких словах мы имеем здесь суть всей политики Маркса и Энгельса в области национальных вопросов.

Не может свергнуть «своей» буржуазии тот рабочий класс державной нации, который не сознал необходимости борьбы против привилегий «державности», который не сознал необходимости отстаивать право наций на самоопределение. Без этого он сам остается рабом своей буржуазии.

Только отстаивая право наций на самоопределение, он отнимает оружие у национализма как державной, так и недержавной буржуазии, и создает условия, при которых он *в праве требовать и может добиться слияния рабочих недержавной нации с рабочими державной нации*. Теперь, когда 5—6 «великих» держав угнетают сотни миллионов людей порабощенных национальностей, для рабочих этих «великих» держав отстаивать право на самоопределение является особенно обязательным. Это — единственный способ последовательной борьбы против шовинизма «своей» буржуазии. Без этого у рабочих порабощенных наций все время будет недоверие к рабочим привилегированных наций. Без этого буржуазия всегда будет иметь возможность натравливать рабочих друг на друга, раскалывать и развращать их и тем тормозить борьбу за социализм.

Программа «Новой Рейнской Газеты» требовала, как мы видели, не только свободной Германии, но и свободной Польши, свободной Венгрии и, вместе с тем, она относилась резко отрицательно к панславизму — даже в его революционном выражении, какое ему пытался придать Бакунин. В панславизме Маркс справедливо видел сознательное

[1] См. интересную сводку материалов в ст. «Karl Marx und Friedr. Engels über die Polenfrage» von *N. Riasanoff* в «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung» von Dr. *Karl Grünberg*, 1915, I, S. 179—180.

или бессознательное реакционное стремление, объективно направленное против освободительных порывов европейских народов, стремление, эксплоатируемое правительствами в своих реакционных интересах. Единственный из всех славянских народов, в котором жило тогда революционное брожение, — поляки стояли в стороне от панславизма и относились к нему даже враждебно. На это обстоятельство не переставала указывать «Новая Рейнская Газета».

Газета страстно нападала на то, что славяне нигде не принимали участия в революционном движении 1848 г. В то время как французы, немцы, итальянцы, поляки, венгерцы подняли знамя революции, славяне почти повсюду встали под знамя контрреволюции и впереди всех — южные славяне, которые уже много лет раньше защищали свои контрреволюционные вожделения против венгров, затем чехи, а позади них — готовые в решительный момент появиться на поле брани русские.

«Новая Рейнская Газета» самым решительным образом выступила в защиту угнетенной Польши. Она не уставала доказывать, что буржуазное министерство Кампгаузена, забывая о своем буржуазно-«революционном» происхождении, оказывает царизму в Познанской провинции неоценимые услуги — ибо принимает на себя столь же самоубийственную, сколь и презренную роль палача Польши. При первых проблесках германской революции 1848 г. революционный энтузиазм захватил и некоторые слои буржуазии. В этот момент в Германии считали чем-то само собою разумеющимся, что победа Польши будет означать и победу Германии, а поражение Польши явится и германским поражением. Этим объясняется то обстоятельство, что даже франкфуртский парламент в начале своей просвещенной «деятельности» заявил, что восстановление Польши является священной обязанностью немецкой нации. Но чем больше выяснялось, что действительная победа Польши требовала бы революционной войны против России, тем больше буржуазные круги Германии отходили от идеи восстановления Польши.

Однако и к вопросу о восстановлении Польши Маркс и Энгельс подходили ни с каким иным критерием, как с критерием международной революции. Крайне интересно в этом отношении письмо Энгельса к Марксу, написанное 23 мая 1851 г. Энгельс пишет:

«Чем больше я думаю об этой истории, тем яснее становится мне, что Польша — это нация разложившаяся: ею можно пользоваться как средством лишь до тех пор, пока Россия не будет захвачена аграрной революцией. С этого момента существование Польши теряет всякий смысл. Поляки ничего другого в истории не делали кроме храбрых и задорных глупостей. Нельзя даже указать ни одного момента, когда Польша действительно являлась представительницей прогресса, хотя бы даже по сравнению с Россией, или совершала что-либо исторически значительное; Россия же, наоборот, по отношению к Востоку действительно прогрессивна. Русское господство со всей его грубостью, со всей его славянской грязью было цивилизующим для Черного и Каспийского морей и для Центральной Азии, для башкир и татар. Россия по

сравнению с Польшей, по самой природе своей лежебоко-шляхетской, восприняла в себя гораздо больше элементов просвещения и особенно промышленности. Уже одно то, что русское дворянство занимается фабричным производством, спекулирует, надувает, поддается на подкупы и обделывает всевозможные христианские и еврейские делишки, начиная с императора и князя Демидова, вплоть до самого паршивого барина четырнадцатого класса, носящего титул простого благородия,— уже одно это — преимущество. Польше никогда не удавалось ассимилировать иностранные элементы. Немцы в городах (в Польше) — немцы и остаются немцами. А разительным примером того, как Россия умеет руссифицировать немцев и евреев, является всякий русский немец во втором поколении. Даже евреи приобретают там славянские скулы... К счастью, мы в «Новой Рейнской Газете» не взяли на себя никаких положительных обязательств по отношению к Польше, кроме неизбежного восстановления в пределах подходящих границ и притом при условии наличности аграрной революции. Я уверен, что эта революция случится в России гораздо скорее, чем в Польше, благодаря национальному характеру русских и благодаря более развитым буржуазным элементам в России. Что такое Варшава и Краков по сравнению с Петербургом и Москвой, Одессой...» и т. д. и т. д.

Это письмо Энгельса замечательно, конечно, не словами о «разложении» Польши, как нации — что оказалось неправильным. Оно замечательно как образчик того, насколько Энгельс и Маркс, защищая Польшу, умели смотреть на польский вопрос, как на служебный вопрос мировой революции. Оно замечательно тем, как при своей ненависти к царской России Энгельс и Маркс уже в начале 50-х годов умели видеть грядущую революционную роль Петербурга, Москвы и Одессы, умели распознавать прогрессивную роль «элементов промышленности» в царской России.

Маркс и Энгельс всегда стояли на стороне революционного прогресса, они всегда отдавали себе отчет в том, что решающее значение *для мировой революции* имеют несколько больших стран. А так как решающими для Маркса и Энгельса были интересы *мирового* пролетариата, *мировой* революции, — то они, естественно, уделяли больше внимания решающим крупным странам. Но это пытались толковать, как пренебрежение к малым нациям.

«В общем и целом «Новая Рейнская Газета» всегда стояла на стороне великих культурных народов, интересы которых она более заботливо охраняла, чем интересы малых народностей» — так пишет даже Меринг [1].

Это сказано, в лучшем случае, крайне неточно. Дело не в том, что Маркс и Энгельс «более заботливо охраняли» интересы великих культурных народов, нежели интересы малых народностей. Дело в том, что сами интересы этих малых народностей *в последнем счете* разрешались победой революции «в великих культурных странах». В на-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции, 1926 г., стр. 77.

чале 1848 г. Маркс и Энгельс, несомненно, придавали большее значение элементам революционного движения в Австрии, нежели в Венгрии. Но когда, спустя несколько месяцев, Кошут поднял восстание против Вены, Маркс и Энгельс больше всех сделали для популяризации этого движения. «Новая Рейнская Газета» с величайшим интересом следила за борьбой венгерского народа. Тот же Меринг находит, что «Новая Рейнская Газета» не только отдавала должное революционному движению венгерского народа, но часто даже несоразмерно переоценивала его. Во всяком случае, Маркс имел полное право впоследствии сказать в «Нью-Йоркской Трибуне», что редактировавшаяся им газета больше, чем какой-либо иной печатный орган, содействовала популяризации в Германии венгерского дела. Меринг прав, когда говорит, что «из основных положений исторического материализма уже вытекало, что Маркс и Энгельс должны были относиться весьма критически к общим фразам о братстве европейских народов». Маркс и Энгельс взвешивали совершенно конкретно, считаясь со всей мировой обстановкой, объективное значение того или иного движения данного угнетенного народа, и они со всей страстностью пролетарских революционеров умели обрушиваться на руководящие круги тех из угнетенных народов и народцев, которые оказывали услуги контрреволюции — хотя бы эти слои надеялись такой ценой купить независимость для своей угнетенной нации.

Впоследствии, в 80-х годах, Энгельс в письме к Бернштейну, посвященному вопросу о южных славянах, писал:

«Поскольку все мы прошли сперва через либерализм и радикализм, мы все восприняли также эти симпатии ко всем порабощенным народностям, и я знаю, сколько времени и умственных усилий стоило мне от них — но зато уж окончательно — отделаться... Мы должны работать над освобождением западно-европейского пролетариата и подчинять этой цели все остальное. Какой бы интерес ни возбуждали к себе балканские славяне, но если их стремление к освобождению противоречит интересам пролетариата, ну их к дьяволу. Эльзасцы тоже порабощены... Но если последние накануне надвигающейся революции вздумают провоцировать войну между Францией и Германией, натравить оба эти народа друг на друга и этим оттянуть революцию, тогда я скажу: «Остановитесь! Вы должны иметь столько же терпения, как и европейский пролетариат. Если освободится он, свободны будете и вы, а до тех пор мы не потерпим, чтобы вы вставляли палки в колеса борющемуся пролетариату». Так же обстоит дело со славянами; победа пролетариата освободит их действительно и по существу, а не фиктивно и временно, как это сделал царь. Поэтому пусть они, которые не только ничего не сделали для Европы и ее развития, но служили для последнего тормозом, имеют, по крайней мере, столько же терпения, как наши пролетарии... Они являются и остаются пособниками царизма, а в политике нет места поэтическим симпатиям. И если в результате восстания этих молодцов может разгореться мировая война, которая испортила бы всю нашу революционную ситуацию, то они и права их

должны быть беспощадно принесены в жертву интересам европейского пролетариата... Из-за нескольких герцеговинцев зажечь мировую войну, которая поглотит в тысячу раз больше людей, чем их имеется во всей Герцоговине, — это, по-моему, не входит в политику пролетариата» [1].

В статье «Кошут и Маццини» Маркс говорит: «Это большой прогресс, что партия Маццини, наконец, пришла к убеждению, что даже в национальных возмущениях против чужеземного деспотизма играют роль классовые различия, и что не от высших классов можно ожидать в наше время революционного движения. Может быть, сторонники Маццини сделают еще один шаг вперед и придут к сознанию, что им надо серьезно заняться материальным положением итальянского крестьянства» [2].

В этом кратком замечании необычайное богатство мыслей. Важнее всего запомнить следующие три мысли: 1) классовые различия играют роль и в национально-освободительных движениях; 2) не от высших классов можно ожидать в наше время революционной борьбы (в «наше» время, т. е. уже в 1853 г.); 3) кто хочет вести вперед национально-освободительные движения, тот должен серьезно заняться материальным положением *крестьянства*. Эти три мысли, высказанные 75 лет тому назад, как нельзя более живы и сейчас. Понимание этих трех тезисов Маркса является, в частности, ключом к правильной тактике в вопросах китайской революции в наши дни.

Разумеется, теперь Энгельс говорил бы не об освобождении западно-европейского пролетариата, а мирового пролетариата. Разумеется, в нынешнюю эпоху империализма постановка и национальных вопросов во многом отличается от постановки их в эпоху доимпериалистического капитализма. Но это письмо Энгельса к Бернштейну достаточно ясно воспроизводит ход мыслей Маркса и Энгельса в ту эпоху, которую мы здесь рассматриваем. Маркс и Энгельс были «против» чехов, когда эти последние играли реакционную роль. Но когда в июне 1848 г. вспыхнуло восстание в Праге, «Новая Рейнская Газета» первая приняла сторону чехов в Богемии — так же, как она принимала сторону поляков в Познани и итальянцев — в Ломбардии. Национально-освободительные движения угнетенных народов, в представлении Маркса и Энгельса, уже и тогда являлись составной частью мирового революционного процесса. И именно с точки зрения возможного усиления этого революционного процесса Маркс и Энгельс подходили к вопросу о судьбах угнетенных наций и их борьбе за независимость в эпоху 1848 г. Именно с этим критерием подходили они и к вопросу о войнах, связанных с проблемами национального порабощения и борьбы за независимость. Для Маркса и Энгельса национальные вопросы в эпоху 1848 г. были одним из слагаемых в той сумме революционных факторов, которые подготовляют мировую революцию.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции, 1926 г., стр. 77—78.
[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Сочинения, т. X, стр. 153.

* * *

Еще раз. Какова же общая схема взглядов Маркса и Энгельса в эпоху 1848 г.?

Случилось так, что революция началась в Германии. Германию приходится сделать исходным пунктом работы в данный исторический отрезок времени. Подлинная победа германской революции и дело перенесения революции на общеевропейскую арену требуют революционной войны против царской России. Развитию революции и революционной войны должны сопутствовать национально-революционные движения в Польше, в Венгрии, в Чехии, на Балканах. Июньское поражение отбросило назад не только французских рабочих, но и европейскую революцию. Но во Франции вновь подымается пролетариат. Однако, задача рабочего во Франции только возвещается, разрешается же она в Англии. Победа революции в Германии, Франции и Англии позволит и России развивать свою революцию быстрей, перескакивая через некоторые стадии буржуазной революции[1].

Все это увенчивалось взглядами Маркса и Энгельса на перманентную революцию.

Что вкладывал Маркс в понятие «непрерывная революция»? Дабы понять это, нужно прежде всего перенестись в ту обстановку, *когда* Маркс писал те из своих произведений, в которых встречается данный термин. Произведения эти посвящены, главным образом, подытоживанию опыта Великой французской революции и ряда революций 1848 г. Если вдуматься в то, что писал Маркс — отчасти и Энгельс — в те времена, то станет совершенно ясно, что они вкладывали в этот термин следующее: *во-первых*, они хотели с помощью этой формулы *описать* то, что в тех же, а также и в других произведениях ими не раз называлось «*восходящей*» линией революции, в отличие от «*нисходящей*» линии революции; *во-вторых*, совершенно ясно, что, употребляя понятие «непрерывная революция», Маркс и Энгельс близко подходили к тому, что у Ленина впоследствии получило более отчетливое выражение в формуле «перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую».

Это становится вполне ясным, если вдуматься в один из важнейших документов по истории марксизма — «Обращение Маркса к Союзу коммунистов» в 1850 г. В этом документе, если хотите, содержится в концентрированном виде вся тактика революционного марксизма, а тем самым в значительной мере и тактическая часть ленинизма. В этом документе сделана попытка по свежим следам неостывших событий, непосредственно после ряда движений 1848—1849 гг. проследить взаимоотношения революционного пролетариата и мелкой буржуазии и наметить тактику первого по отношению ко второй. В 1847—1848 гг. и в начале 1849 г. Маркс и Энгельс одной рукой писали «Коммунистический Манифест», а другой — редактировали «Новую Рейнскую Газету»; в это

[1] О том, при каких условиях Россия может миновать буржуазное развитие, см. ниже.

время творцы научного социализма считали возможным прямо входить в организации революционной буржуазной демократии, в ее боевые дружины, и т. п. А в 1850 г., когда заканчивается известный цикл общественного развития, Маркс, подводя итоги закончившемуся периоду и извлекая уроки из него, намечает уже несколько иную тактику по отношению к мелкой буржуазии, все больше отслаивающейся от молодого класса, выходящего на историческую арену, — от пролетариата.

Уже в «Борьбе классов во Франции» Маркс, подытоживая опыт революционного движения 1848—1850 гг., писал:

«*Пролетариат*... все больше группируется вокруг *резолюционного социализма, коммунизма*, который сама буржуазия окрестила именем Бланки. *Этот социализм есть не что иное, как перманентная революция, классовая диктатура пролетариата* (подчеркнуто нами), как необходимая переходная ступень к отмене всяких классовых различий, отмене всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к отмене всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту всех идей, вытекающих из этих общественных отношений».

Здесь Маркс употребляет термин «непрерывная революция» как формулу, почти совпадающую с понятием *социализма вообще* или с понятием революционной борьбы за социализм.

Но заглянем в «Обращение Центрального комитета союза коммунистов» (1850 г.). Здесь мы имеем уже гораздо большее приближение к тому, о чем мы говорили выше: непрерывная революция совпадает здесь: 1) с восходящей линией революции вообще и 2) с перерастанием буржуазно-демократической революции в социалистическую. Следующие строки из этого документа подтвердят высказанную мысль:

«В то время как демократические мелкие буржуа хотят с проведением возможно большего числа вышеуказанных требований наиболее быстро закончить революцию, наши интересы и наша задача заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциации пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьются настолько, что конкуренция между пролетариями этих стран прекратится, и пока, по крайней мере, решающие производительные силы не будут сконцентрированы в руках пролетариев. Для нас дело идет не об изменении частной собственности, а об ее уничтожении, не о затушевывании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества» [1].

Итак, необходимо сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы один за другим не будут устранены, сначала — феодальная аристократия, затем — крупная буржуазия, затем и мелкая буржуазия. И притом не в одной только,

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Исторические работы, Гиз, стр. 501.

а во всех странах. Мы видим, что «непрерывная революция» под пером Маркса в другой формулировке получает то же самое значение, что и революция, развивающаяся по восходящей линии, — революция, которая начинает, так сказать, с малого, затем приобретает все больше и больше сил, поднимается все на новые и новые ступени, устраняет сначала либеральную буржуазию, а затем и мелкобуржуазное господство.

В этом же документе Маркс более точно характеризует и тактику, которую молодой пролетариат должен вести по отношению к мелкой буржуазии. Он делает это в следующей, в высшей степени ясной и наглядной форме:

«Они (т. е. коммунисты. — *Г. З.*) должны доводить до крайних пределов предложения демократов, которые во всяком случае будут выступать не революционно, а лишь как реформисты; они должны превращать эти требования в прямые нападения на частную собственность. Так, например, если мелкие буржуа предлагают выкупить железные дороги и фабрики, рабочие должны требовать, чтобы эти железные дороги и фабрики, как собственность реакционеров, были конфискованы без всякого вознаграждения. Если демократы предлагают пропорциональные налоги, рабочие должны требовать прогрессивных; если сами демократы предлагают умеренно-прогрессивные налоги, рабочие должны настаивать на налоге, ставки которого растут так быстро, что крупный капитал при этом должен погибнуть; если демократы требуют регулирования государственных долгов, рабочие должны требовать государственного банкротства. Следовательно, требования рабочих всюду должны будут сообразоваться с уступками и мероприятиями демократов» [1].

Здесь та же мысль Маркса о «перманентной революции» выражена *тактически: если* революция будет итти по линии восходящей, т. е. *если* буржуазно-демократическая революция будет перерастать в социалистическую, — *то* тактика рабочих, возглавляемых коммунистами, должна быть именно такова, как она охарактеризована Марксом в приведенных выше словах. Совершенно кратко эта мысль формулирована Марксом так:

«Отношение революционной рабочей партии к мелкобуржуазной демократии таково: она борется вместе с нею против той фракции, к низвержению которой она стремится; она выступает против нее во всех случаях, когда она сама хочет упрочиться» [2].

В этих замечаниях, набросанных Марксом по свежим следам событий 1848—1850 гг., в зародыше содержится, повторяем, вся *тактика* революционного марксизма, а *постольку* в значительной мере и тактическая часть ленинизма.

Интересно будет сопоставить сказанное с ходом мыслей у Энгельса в его письме к Бернштейну от 27 августа 1883 г., опубликованном недавно в I томе «Архива К. Маркса и Энгельса» под редакцией Д. Рязанова.

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Исторические работы, Гиз, стр. 507.
[2] Там же, стр. 500.

«У нас, — пишет Энгельс применительно к Германии, — первым непосредственным результатом революции *по форме* точно так же может и *должно* быть не что иное, как *буржуазная* республика. Но здесь это будет только короткий переходный момент, так как мы, к счастью, не имеем чисто республиканской буржуазной партии. Буржуазная республика, может быть, с прогрессивной партией во главе, сперва послужит нам, *чтобы завоевать большие массы рабочих для революционного социализма*. Это будет проделано в год или два и поведет к разрушению и самоуничтожению всех, кроме нас, еще возможных промежуточных партий, и только тогда мы можем взяться с успехом за дело.

«Большая ошибка немцев заключается в том, что они представляют себе революцию как нечто такое, что может быть закончено за ночь. На самом деле она представляет длящийся многие годы процесс развития масс с ускоренным темпом движения. Всякая революция, которая была закончена за ночь, устраняла только уже заранее безнадежную реакцию (1830 г.) или же вела прямо к противоположному в сравнении с тем, к чему стремились ее участники (1848 г. во Франции)» [1].

С одной стороны, Энгельс говорит, что буржуазная республика в Германии продержалась бы только один-два года, что за это время рабочие могли бы уже накопить силы для перехода к социализму. Это — отзвук старых оценок, которые оказались неверными: Маркс и Энгельс, как известно, ошибались именно в вопросе о сроках революции. Зато, с другой стороны, в заключительной части мы видим уже вполне зрелую постановку вопроса: всякая глубокая революция представляет собою длящийся многие годы процесс и притом процесс развития самих масс с ускоренным темпом движения. Эта последняя формула очень близко подходит к ряду формул, которые давал Ленин не раз после Октябрьской революции, когда указывал, что переваривание опыта революции есть в значительной мере сама революция, что процесс перевоспитания масс в революции длится долгие годы.

Этих мест достаточно для того, чтобы подтвердить выставленные нами выше три тезиса.

Первый: формула «перманентной революции» у Маркса означала больше всего подытоживание опыта Великой французской революции и революций 1848 г.; эта формула часто означала для Маркса то же, что он имел в виду, говоря о развитии революции по восходящей линии.

Второй: к этой формулировке Маркса близки не Парвус — Троцкий, всуе ссылавшиеся на Маркса, а как раз Ленин. Тезис, неоднократно высказывавшийся Лениным, — о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую — есть продолжение того, что Маркс говорил о «непрерывной революции». Описание и анализ

[1] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, ред. Д. Рязанова, кн. I, Гиз, Москва, 1924 г. «Письма Ф. Энгельса к Э. Бернштейну», стр. 349.

процесса отделения рабочего класса от мелкобуржуазной демократии ведет к тезису (впоследствии развитому Лениным) о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Третий: Маркс и Энгельс ошибались в вопросе о *сроках* победы революции. «Да, много ошибались и часто ошибались Маркс и Энгельс в определении близости революции, — писал Ленин в 1907 г. — ...Но *такие* ошибки гигантов революционной мысли, поднимавших и поднявших пролетариат всего мира над уровнем мелких, будничных, копеечных задач — в тысячу раз благороднее, величественнее и *исторически ценнее, правдивее,* чем пошлая мудрость казенного либерализма, поющего, вопиющего, взывающего и глаголющего о суете революционных сует, о тщетности революционной борьбы».

VII. ЭПОХА КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ И УСТАНОВКА МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА.

Те же идеи, что и в 1848—1849 гг., красной нитью проходят через писания Маркса и Энгельса в 1853—1854 гг., в эпоху крымской войны. Революция 1848 г. потерпела поражение. Надежды, которые непосредственно связывали с нею Маркс и Энгельс, не оправдались. Уже в 1849 г. Маркс и Энгельс начали ясно сознавать, что контрреволюция воцаряется в Европе на длительный срок. Однако когда в начале 50-х годов между самыми крупными державами начали обостряться конфликты вокруг восточного вопроса, у Маркса и Энгельса вновь возродились надежды на возможность того, что революционные процессы опять ускорятся. При этом, как и в 1848 г., надежда эта связывалась с перспективой «всеобщей» войны — особенно, когда в русско-турецкую войну вмешались Англия и Франция.

Отсюда и то, что Маркс и Энгельс проявили к крымской войне громадный интерес и даже как бы «приветствовали» эту войну. Война между Россией, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой, означала, что все европейское «равновесие» может серьезно пошатнуться. Три главные державы, игравшие каждая по-своему роль контрреволюционного оплота, теперь стали драться *между собою*. Если воры дерутся, быть может, от этого выиграют честные люди...

Общая перспектива, в которой Маркс рассматривал крымскую войну, лучше всего выражена в его статье «Европейская война», помещенной в «Нью-Йоркской Трибуне» 2 февраля 1854 г. Маркс почти не скрывает своей радости по поводу того, что «наконец-то так долго висевший над Европой турецкий вопрос достиг, повидимому, той стадии, когда дипломатия с ее вечно хлопотливыми, вечно боязливыми и вечно безрезультатными действиями не может уже дольше играть доминирующую роль». Маркс доволен тем, что в драке мечутся «великие» европейские державы, что «французский и английский флоты вошли в Черное море» и т. д.

Великие державы вцепляются друг другу в волосы.

«Но не следует забывать, — пишет Маркс, — что в Европе существует еще одна, шестая, держава, которая в известные моменты подчиняет себе все пять так называемых «великих держав» и каждую из них заставляет дрожать. Держава эта — революция. Она долго дер-

жалась тихо и смирно, но теперь кризис и голод зовут ее снова на поле битвы. От Манчестера до Рима, от Парижа до Варшавы и Будапешта — всюду чувствуется ее присутствие, всюду поднимает она голову и пробуждается от дремоты. Много различных симптомов вновь возрождающейся жизни; повсюду дают они себя знать в беспокойстве и возбуждении, охватившем рабочий класс».

С 1849 по 1854 г. прошло около пяти лет. В эти годы реакция торжествовала по всей линии, а революция, по выражению Маркса, держалось тихо и смирно. 5 лет — это достаточно «долго» по Марксу.

С напряжением всматриваются Маркс и Энгельс в создающуюся русско-турецкой войной новую обстановку. Кризис и голод, сопутствуемые войной, в которой участвуют почти все великие державы, способны вновь создать революционную ситуацию в Европе.

«Достаточно одного сигнала, — пишет Маркс, — чтобы выступила вперед шестая и величайшая европейская держава в блестящем вооружении, с мечом в руке, как Минерва из головы олимпийца. Сигнал этот будет дан грозящей нам войной, и тогда выступление на сцену нового элемента опрокинет все расчеты на равновесие держав; и в своем юношеском порыве этот новый элемент так же расстроит все планы старых европейских держав и их генералов, как это было в 1792—1800 гг.» [1].

Было бы поверхностно и глупо сказать, что Маркс был «сторонником» крымской войны, что он хотя бы на минуту мог забыть, каких громадных жертв для народных масс требует каждая большая война, в том числе и война, подобная крымской. Но верно то, что Маркс, видя, что механика общественного развития и соотношение сил на международной арене неизбежно ведут к указанной войне, не искал словесного прибежища в пацифизме, а вновь и вновь разворачивал проблему *связи и взаимозависимости* войн и революций. Его ставка была на победу «шестой державы» — революции. Этот критерий оставался для Маркса основным и непреложным. Ко всем вопросам надвигающейся войны, в том числе и крымской войны, Маркс и Энгельс подходили с этим критерием.

Разумеется, Маркс ни на минуту не становился и не мог становиться на вульгарную точку зрения «оборонительной» и «наступательной» войны, истолковываемую в том смысле, что тот, кто первый напал, тот, кто первый объявил войну или сделал первый выстрел, является стороной нападающей и наоборот. 26 сентября 1853 г. в Константинополе собрался Великий совет и единогласно решил объявить войну, если Россия не очистит Молдавии и Валахии. 4 октября 1853 г. Омер-паша потребовал от русского верховного главнокомандующего очищения Придунайского княжества в двухнедельный срок. Так как кн. Горчаков дал уклончивый ответ, турки начали наступление. Военные действия начались 23 октября 1853 г. 25 октября турки

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Собр. соч., т. X, стр. 354—359.

прочно укрепились в Калафале, а 28 октября они взяли приступом русский форт св. Николая на кавказском побережьи. Со стороны царской России объявление войны последовало только 31 октября 1853 г. Это объявление войны составлено в тоне угнетенной невинности: «Россия вызвана на брань: ей остается, возложив упование на бога, прибегнуть к силе оружия, дабы понудить Порту к соблюдению трактатов и к удовлетворению за все оскорбления, коими отвечала она на самые мирные наши требования и на законную заботливость нашу о защите на Востоке православной веры, исповедуемой и народом русским». Так писал царь.

Непосредственная завязка войны, таким образом, представлялась как наступательная война со стороны Турции и оборонительная — со стороны царской России. Но, конечно, с этим дешевеньким критерием Маркс и Энгельс ничего общего не имели. Побудительные мотивы царской России к войне против Турции представлялись Марксу следующим образом:

«Царь, недовольный и озлобленный тем, что вся его громадная империя ограничена одной только единственной гаванью для вывоза, лежащей к тому же при море, которое в продолжение одного полугодия несудоходно, а в продолжение другого полугодия доступно англичанам, — берется за осуществление плана своих предков: получить доступ к Средиземному морю. Один за другим отделяет он от тела Оттоманской империи отдаленнейшие члены и собирается продолжать таким образом, пока, наконец, Константинополь — сердце — не перестанет биться. Всякий раз, как он замечает, что его видам на Турцию угрожает заметное усиление турецкого правительства или еще более опасные симптомы самоосвобождения славян, он заново повторяет свои периодические нападения. Рассчитывая на трусость и боязливость западных держав, он запугивает Европу и предъявляет такие высокие требования, какие только возможно, чтобы явиться затем великодушным, удовлетворившись тем, чего он, собственно говоря, с самого начала и хотел непосредственно достигнуть»[1].

«Россия, — пишет Маркс в другом месте, — безусловно нация завоевателей, и она была ею в продолжение целого столетия, пока великое движение 1789 г. не породило ей могучего соперника, полного жизненных сил. Мы разумеем европейскую революцию[2]...»

Ну, а как относятся к восточному вопросу западные державы?

«Западные державы, — пишет Маркс, — неустойчивые, малодушные, всегда взаимно друг другу недоверяющие, сначала всегда поощряют султана к сопротивлению царю, агрессивности которого они боятся, для того чтобы, в конце концов, принудить его к уступкам угрозой всеобщей войны, которая может привести ко всеобщей революции»[3].

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Собр. соч., т. X, стр. 216.
[2] Там же, стр. 176.
[3] Там же, стр. 216.]

Каковы же интересы революции, этой великой «шестой» державы, при таком положении вещей?

«Теперь революция кажется подавленной, но она живет, и ее боятся, как никогда раньше» [1].

Революция не может позволить царской России слопать Турцию, ибо «если Россия овладеет Турцией, силы царской России увеличатся вдвое, и она окажется сильнее всех стран остальной Европы, вместе взятых. Такой оборот дела явился бы неописуемым несчастьем для дела революции» [2].

Буржуазная Англия — враг революции. Но еще больший враг — царская Россия.

«Сохранение турецкой независимости или расстройство аннексионистских планов России, в случае, если Оттоманская империя все же распадется, являются фактами величайшей политической важности. В этом вопросе интересы революционной демократии и Англии идут рука об руку. Ни та, ни другая не могут позволить царю сделать Константинополь одной из своих столиц, и если дело дойдет до крайности, то обе указанные силы окажут царю одинаковое энергичное противодействие» [3].

Попытки изобразить позицию Маркса и Энгельса в крымской войне, как позицию «туркофилов», смешны и беспомощны. Маркс прекрасно отдавал себе отчет в том, что Турция представляла тогда собою не менее отсталую, не менее варварскую страну, нежели царская Россия. Неверна также версия, будто на Маркса и Энгельса в этом вопросе имел особенно большое влияние Уркарт, который действительно был туркофилом. Маркс и Энгельс ценили Уркарта, как крупного знатока турецких отношений, как человека, который со знанием дела и энергией разоблачал козни ненавистной Марксу и Энгельсу царской дипломатии. Но туркофильская ограниченность Уркарта, его влюбленность в Турцию вызывали у обоих друзей ироническое отношение.

Точно так же глубоко неправильно было бы изображать позицию Маркса и Энгельса в крымской войне, как позицию поддержки «просвещенных и культурных» англичан и французов против отсталых русских. Маркс превосходно бичевал не только царскую Россию, но и капиталистическую Англию и Францию. В статье «Россия и западные державы» он говорил прямо:

«Революционная партия может себя только поздравить с этим состоянием дел. Унижение реакционных западных правительств и их явная неспособность защитить интересы европейской цивилизации против русских покушений должны, безусловно, вызвать целительное негодование в народах, которые, начиная с 1849 г., принуждены были склонить свою шею под иго контрреволюции» [4].

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Собр. соч., т. X, стр. 176.
[2] Там же, стр. 177.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 216—217.

И не скрывая своих расчетов, Маркс прямо подчеркивал, что «этот полуазиатский хаос действует на приближающийся промышленный кризис ускоряющим образом, как и вполне азиатский хаос в Китае» [1].

Шестая держава — революция — вот «за кого» выступают Маркс и Энгельс. Маркс прекрасно знает, что «с турками придется так или иначе покончить. Тем не менее, утверждать, что это может быть сделано только тем путем, чтобы поставить на их место русских или австрийцев, значит утверждать вместе с тем, что теперешнее политическое состояние Европы будет продолжаться вечно. Кто решится поддержать такого рода утверждение?» [2].

Покончить с турками, т. е. покончить со статус-кво на Балканах, покончить с (тогдашним) положением Турции можно и должно, но — ни *в коем случае не через победу царя!* В этом гвоздь позиции Маркса и Энгельса.

«Константинополь в руках султана, это — только залог, хранимый для революции» [3].

Константинополь же, попавший в руки царя, увеличит силу царизма в громадной степени и ослабит революцию.

Создавшееся международное положение приводит к тому, что капиталистическая Англия и Франция вынуждены выступить против царской России, вынуждены спешить на помощь Турции. Но это ни в коем случае не означает, что Маркс будет в какой бы то ни было мере идеализировать позицию Англии и Франции. Английское и французское правительства времен русско-турецкой войны Маркс называет «номинальными представителями Западной Европы». Он пишет:

«Нынешние номинальные представители Западной Европы, видящие с своей стороны последний оплот своего «порядка» на берегах Невы, не могут сделать ничего иного, как оставить вопрос нерешенным до тех пор, пока Россия не очутится с глазу на глаз со своим настоящим противником — революцией. Революция, которая низложит западный Рим, победит также демоническое влияние восточного Рима» [4].

У Маркса не только нет и речи о каких бы то ни было элементах «гражданского мира» для Англии и Франции во время войны, но, напротив, он с радостью подхватывает малейшие признаки внутреннего революционного движения в Англии. В статье «Стачечное движение и манчестерцы» Маркс пишет:

«В то время как в войне России против Европы прогремели первые выстрелы, в войне, которая свирепствует теперь между трудом и капиталом, пролилась первая кровь.

«В то время как лицемерная, болтливая, плутовская банда манчестерских спекулянтов проповедывала царю в Эдинбурге мир, она вела в Манчестере войну против своих собственных земляков. Требуя

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Собр. соч., т. X, стр. 217.
[2] Там же, стр. 183.
[3] Там же, стр. 223.
[4] Там же.

третейского суда между Россией и Европой, она высокомерно отклоняла все предложения о третейском суде между собой и своими согражданами... Дальше, дальше, все дальше пусть раздается ваш призыв и собирается ваш класс, — пишет Маркс, обращаясь к рабочему классу, — в каждом городе, в каждой профессии. Если господа двигают против вас все свои силы, выдвигайте против них весь ваш класс. Если они хотят великой классовой борьбы, *дадим им ее* и будем ждать исхода этой гигантской борьбы» [1].

* * *

Восточный вопрос интересовал Маркса и Энгельса и сам по себе, ибо проблема эта касалась, во всяком случае, десятков миллионов людей. Но в центр внимания Маркса и Энгельса восточный вопрос в описываемые годы попал прежде всего потому, что с ним были связаны дальнейшие судьбы всеевропейской революции.

«Как только на время утихает революционный ураган, можно с уверенностью сказать, что снова всплывет на поверхность вечный «восточный вопрос». Так было, когда прошумели бури первой французской революции, и Наполеон и Александр после Тильзитского мира поделили между собой весь европейский континент... восточный вопрос в 1840 г. снова чуть было не вовлек во всеобщую войну великие державы. И ныне, когда господствующие пигмеи близоруко хвастают тем, что счастливо избавили Европу от опасностей «анархии и революции», на сцену вновь выплывает все тот же неразрешимый вопрос, все тот же никогда не иссякающий источник затруднений: как быть с Турцией?» [2]

В этом смысле восточный вопрос имел для Маркса и Энгельса лишь служебное значение. В их глазах восточный вопрос прежде всего был или мог стать тараном против царской России.

Марксу и Энгельсу прежде всего было ясно, что попытки сохранить в Турции статус-кво (т. е. сохранить старое положение) обречены на неудачу, что решение стучится в дверь, что хода событий остановить невозможно.

«Сохранить в Турции статус-кво! С таким же правом можно было бы пытаться удержать лошадиную падаль на одной и той же ступени гниения, не давая наступить полному разложению. Турция разлагается и будет все больше разлагаться, пока будет существовать теперешняя система «европейского равновесия» и статус-кво» [3].

С точки зрения марксова критерия — более или менее безразлично, возникнет ли «всеобщая война», т. е. в первую очередь европейская война против царской России из обстановки 1848—1849 гг. или из обстановки 1853—1854 гг.; вспыхнет ли эта война из-за Польши или из-за Турции — лишь бы она сильнее ударила в грудь царскому

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Собр. соч., т. X, стр. 326—327.
[2] Там же, стр. 161—162.
[3] Там же, стр. 163.

самодержавию. Все равно, где взять взрывчатый материал против главного врага революции, против международного жандарма — царской России — лишь бы найти этот материал, лишь бы взорвать врага, лишь бы добиться нужных результатов.

Пока война 1853 г. сводится к единоборству между Россией и Турцией, исход ее остается вне сомнения; победа должна достаться царской России — хотя бы ей за это и пришлось заплатить дорогой ценой. Совсем по другому ставится вопрос, когда в войну вмешиваются Англия и Франция. Только с этого момента соотношение сил складывается так, что возможным становится поражение царской России.

Однако Маркс ни на минуту не забывает, что бить царскую Россию в данном случае придется руками реакционных Англии и Франции. Ни на минуту не упускают творцы научного социализма и в этой обстановке того, что сказано ими о мировой реакционной роли английского капиталистического владычества, как и о контрреволюционной роли Франции Наполеона III.

Капиталистическая Англия попрежнему остается важнейшим врагом социалистической революции. Но в данной конкретной обстановке — еще большим врагом остается царская Россия. «В порядке очередности» необходимо прежде всего уничтожить этот *русский* оплот мировой реакции. «Шестая держава» — революция — сумеет в данной обстановке на этот краткий миг использовать в своих интересах и борьбу Англии против России.

«Сохранение турецкой независимости или расстройство аннексионистских планов России, в случае, если Оттоманская империя все же распадется, являются фактами величайшей политической важности. В этом вопросе интересы революционной демократии и Англии идут рука об руку. Ни та, ни другая не могут позволить царю сделать Константинополь одной из своих столиц, и если дело дойдет до крайности, то обе указанные силы окажут царю одинаково энергичное противодействие» [1].

Важно не то, насколько правы были Маркс и Энгельс в конкретной оценке роли Англии в данной исторической обстановке. Важна сама методология Маркса и Энгельса, важен способ их подхода к разрешению вопроса, важны те критерии, которые они выбирают. Никто с такой исчерпывающей ясностью не рисовал контрреволюционной роли тогдашней Англии на мировой арене, как именно Маркс и Энгельс. Никто не питал такой сознательной, концентрированной, глубокой ненависти к английскому капиталистическому владычеству, как именно Маркс и Энгельс. Никто не схватил с такой исчерпывающей ясностью всемирно-историческую контрреволюционную роль английской монополии на мировом рынке, как именно Маркс и Энгельс. И в то же время они сумели в конкретной исторической ситуации, сложившейся в русско-турецкой войне, ясно увидеть, что *на один исторический*

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Собр. соч., т. X, стр. 177.

момент, на одну минуту, ненавистная капиталистическая Англия может пригодиться «шестой державе» — революции. Дело идет о революции против *главного* врага: царской России.

Ни на одну секунду и в этой обстановке Маркс и Энгельс, конечно, не склонялись в какой бы то ни было мере к «теории» гражданского мира. Мы видели выше, как в статье «Стачечное движение и манчестерцы» Маркс умел разжигать внутреннюю борьбу против английского капитализма как раз в тот самый момент, когда интересы революционной демократии на короткий миг шли как бы рука об руку с интересами Англии. Но в то же время он видел, что «подвертывается» такая всемирно-историческая ситуация, которая может и должна быть использована для удара прежде всего по голове русского царизма. Русская дипломатия — дипломатия царизма — вот тот институт, который пользовался тогда особенной ненавистью Маркса и Энгельса. Маркс и Энгельс прямо с досадой смотрели на то, как царская дипломатия водила за нос представителей великих держав, проявляя при этом необычайную ловкость и прямо первоклассное понимание своих классовых интересов.

«В то время как Англия, Франция, а некоторое время даже и Австрия, в своей восточной политике бродили в потемках, их всех перехитрила другая держава. В России — которая сама является полуазиатской страной по своим традициям и учреждениям, по своей сущности и условиям жизни — нашлось достаточно людей, правильно понимавших истинное положение и характер Турции» [1].

«Как собакам выкидывают кость, так и Россия забрасывает западных дипломатов таким множеством нот, повидимому, только для того, чтобы доставить им невинное занятие, а себе — выигрыш во времени» [2].

И в то же время «царь бомбардируется, только не двумя флотами, а предложениями о переговорах» [3].

«Верная старой азиатской системе обмана и уловок, Россия опять пользуется легковерием западных государств и распространяет слух, будто царь «только что собирался спешно отправить в Вену курьера с заявлением, что он охотно и вполне принимает все условия, предложенные вмешавшимися державами», когда к «несчастью», «узнал об объявлении войны со стороны Порты...» Таким образом выходит, что царь вынужден был к войне султаном» [4].

Царская дипломатия — вот главный враг. Царизм силен, необычайно силен. Чтобы свалить с ног этого колосса, нужны и удары необычайной силы. Царская Россия может потерять ряд городов и областей и все-таки остаться еще великаном.

«После того как Одесса, Рига, Севастополь будут взяты, Финляндия освобождена, неприятельская армия у ворот столицы, все русские реки и гавани блокированы — что останется от России? Вели-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Собр. соч., т. X, стр. 178.
[2] Там же, стр. 213.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 320.

кан без рук, без глаз, которому больше ничего не остается, как стремиться раздавить врага тяжестью своего еще не разбитого торса, бросая его во все стороны, всюду, где зазвучит вражеский боевой клич» [1].

Вот почему интересы революции требуют, чтобы против царской России сплотилось, хотя бы на время, как можно больше сил, чтобы война шла как можно более решительно, чтобы удары наносились как можно более сокрушительно. И если при данном положении вещей Англия способна взять на себя часть этой работы — пусть будет так; очередь самой Англии еще придет, и придет — довольно скоро.

* * *

Таково же в основном отношение Маркса и Энгельса и к участию Франции Наполеона III в войне против России. Из дальнейшего изложения мы увидим, что при другой исторической ситуации Маркс и Энгельс считали именно Наполеона III врагом, так сказать, первой очереди и со всей страстностью доказывали необходимость нанести удар прежде всего режиму Наполеона III.

С достаточной силой, настойчивостью и талантом Маркс и Энгельс разоблачали и бичевали Наполеона III и в 1853—1854 гг. Но при данной исторической ситуации они считали желательным нанести прежде всего удар *русскому царизму* хотя бы и при помощи наполеоновской Франции.

Маркс и Энгельс, конечно, полностью отдают себе отчет в том, каковы побудительные мотивы Наполеона III, когда он, пытаясь играть на вопросах национально-освободительного движения, выступает в роли «защитника» угнетенных народов.

«Виды на европейскую войну, которая повлекла бы за собой революционные движения в Италии, Венгрии и Польше, — странах, где народ, поглощенный почти исключительно восстановлением своей национальной независимости, не очень строго относится к тому, из какого лагеря идет ему помощь,—все эти возможности как будто предопределяют для героя 2 декабря роль вождя народов, если бы ему суждена была неудача в роли миротворца среди королей» [2].

«По слухам, Луи Бонапарт дал понять австрийскому правительству, что в случае конфликта с Россией и перехода Австрии на сторону России Франция использует повстанческие брожения в Венгрии и Италии, которым достаточно искры, чтобы превратиться во всепожирающее пламя, и будет стремиться тогда к восстановлению итальянской и венгерской нации. Подобная угроза едва ли останется без влияния на Австрию» [3].

Мотивы Наполеона III более чем ясны. Ему нужно отвлечь недовольство и гнев «своего» народа, для чего лучшим средством

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Собр. соч., т. X, стр. 357.
[2] Там же, стр. 342.
[3] Там же, стр. 355.

являются внешние конфликты. Вот почему он грязными руками хватается за национальный вопрос, являвшийся в тогдашней обстановке одним из самых жгучих вопросов. Но что за беда, дело не в намерениях Наполеона III, дело в том, какую объективную роль сыграет он в надвинувшейся войне против царской России.

«Я, с своей стороны, не сомневаюсь, что за этими шумными военными приготовлениями коалиции, — пишет Маркс, — кроется предательство. Бонапарт, разумеется, пускается в эту войну вполне серьезно. Ему не остается никакого другого выбора, как внутренняя революция или внешняя война. Он не имеет больше возможности длить соединение жестокого деспотизма Наполеона I с коррупционной мирной политикой Луи-Филиппа. Ему придется отказаться от посылки все новых и новых этапов арестантов в Кайенну, если он не осмелится одновременно дать французским армиям приказ перейти границу. Но конфликт между несомненными намерениями Бонапарта и тайными планами коалиции способен только еще более запутать положение. Из всего этого я отнюдь не заключаю, что войны не будет, но что, наоборот, она примет такие ужасные и революционные размеры, которых и в отдаленной степени не подозревают маленькие людишки коалиции. Именно их коварство является лучшим способом превратить местный конфликт во всеевропейский пожар» [1].

Так оценивали Маркс и Энгельс историческое значение участия наполеоновской Франции в войне против царской России в данной конкретной мировой обстановке.

* * *

И если что волновало Маркса и Энгельса в это время, так это недостаточно энергичное ведение войны со стороны Англии и Франции против царской России. «Скучная война!» — писал Энгельс. Чтобы разбить царскую Россию, нужно самое энергичное ведение войны.

«Россия может потерять Крым, Кавказ, Финляндию, С.-Петербург и все свои окраины; но пока остается целым ее тело, сердце которого — Москва, а правая рука — укрепленная Польша, — она не уступит ни иоты», — писал Энгельс [2].

«Пока Англия и Франция раскачиваются столь медленно, их война остается войной скучной, никчемной, «показной войной», — писал в другом месте Энгельс.

«Факт налицо, что консервативная Европа — Европа порядка, собственности, семьи и религии, Европа монархов, полководцев и капиталистов, как бы ни противостояли они друг другу в различных странах — доказала свое полное бессилие. Даже в гнилой Европе война должна была разбудить много свежих сил. 250 млн. человек могли бы иметь достаточно энергии, чтобы, вступив в борьбу, проявить мужество и силу и добиться некоторой славы для обеих сторон. Нет!

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Собр. соч., т. X, стр. 387.

[2] *Ф. Энгельс*, Статьи и письма по военным вопросам, рус. изд. 1924 г., стр. 125.

не только Англия средних классов и Франция Бонапарта не способны вести правильную, энергичную, напряженную войну, но даже и Россия, менее всех других европейских стран затронутая расслабленной вероломной цивилизацией, также показала себя на нее неспособной» [1].

Так оценивал эту стадию войны Энгельс и он противопоставлял этому бессилию официальной Европы начавшееся восстание в Испании.

«В то время как официальная Европа показала свое бессилие, на юго-западной части континента началось движение, которое показывает, что имеются другие силы, гораздо более влиятельные, чем официальные. Какой бы характер ни приняло в дальнейшем испанское восстание, и чем бы оно ни кончилось, можно с уверенностью признать, что оно стоит в таком же отношении к будущей революции, в каком стояли швейцарское и итальянское движения 1847 г. к революции 1848 г.» [2].

Но Маркс и Энгельс не теряли надежды на то, что война разгорится, что в бой будут втянуты огромные силы, и что Англия, с одной стороны, и Россия — с другой, вынуждены будут обострить борьбу настолько, что станут наносить друг другу чувствительные удары и тем революционизируют обстановку.

«Большие события 1854 г. являются, как мы смеем это утверждать, лишь бледной прелюдией битвы народов, которая будет вписана в анналы 1855 г. Только тогда, когда на сцену выступят большие армии: русская, западная и австрийская, только тогда мы увидим истинно великую войну — нечто вроде больших наполеоновских войн, и возможно, что эти битвы явятся лишь прелюдией других, еще более жарких и решительных битв, — битв европейских народов против победоносных сейчас и уверенных в себе европейских деспотов» [3].

Конечно Маркс и Энгельс прекрасно понимали, что победа тогдашних Англии и Франции над царской Россией, в свою очередь, таила в себе громадную опасность для дела мировой революции — ибо увеличивала прежде всего мощь реакционной Англии и наполеоновской Франции. Но выбор принадлежал, конечно, не Марксу и Энгельсу. Данная группировка держав складывалась в силу всей обстановки на мировой арене. От идеологов и вождей международного пролетариата зависело лишь то, чтобы из *данной* ситуации, при *данной* группировке держав взять *максимум* того, что можно было взять в интересах революции. Лучше всего в лабораторию мысли Маркса и Энгельса позволяет заглянуть письмо Маркса к Энгельсу от 17 октября 1854 г., написанное Марксом в разгар военных событий. Мы приводим его:

«Если бы стать на точку зрения *старой* политики, то пришлось бы делать различие между интересами Англии и Франции; а что другое представляют Англия и Франция, с той лишь разницей, что нынешнее английское министерство относится к делу не серьезно, а Напо-

[1] *Ф. Энгельс*, Статьи и письма по военным вопросам, 1924 г., стр. 106.
[2] Там же, стр. 106—107.
[3] Там же, стр. 125.

леон III — карикатура? С уничтожением русского флота в Черном и Балтийском морях, с изгнанием русских из Крыма и с Кавказа и из украденных ими у персов и турок провинций Англия снова обеспечила бы себе на 50 лет морское верховенство и единодержавие в самой культурной части Азии. После этого вполне отвечало бы ее старому обычаю предоставить жителям континента истощить себя в семилетних и других войнах, главный театр которых — Германия и, пожалуй, Италия, — чтобы не допустить в конце борьбы господства на континенте ни России, ни Австрии, ни Франции. Для Франции же, наоборот, после уничтожения русского морского могущества и влияния России в южных частях Азии... борьба только бы еще начиналась. Необходимость для Франции сломить сухопутную мощь России увеличилась бы в силу того, чтобы оказаться в состоянии, в противовес англичанам, бросить на чашку весов соответствующий груз в виде расширения своего сухопутного могущества. Кто поручится за то, что, как только англичане уничтожат русских в Балтийском и Черном морях и сделают их для себя безвредными, не вспыхнут на континенте революции, и Англия не воспользуется этим предлогом, чтобы тогда вновь установить свою официальную связь с Россией против континента? Ведь суть-то дела остается та, что правящие теперь англичане — как и при Чатамах, Питтах Младших и даже в Веллингтоновы времена — вовсе не думают серьезно об уничтожении русского морского могущества и русского влияния в Турции, Персии и на Кавказе. Если же путем своих половинчатых мер они принуждены будут к этому, возможно, что они надумают пойти *так далеко,* но их половинчатость и мошенничества вовлекут их, вероятно, в такие неприятности, которые вызовут здесь внутренние движения».

Из этого письма совершенно ясно, что Маркс отдает себе отчет в том риске, который несет с собою победа Англии. Но еще большие опасности заложены были бы в победе царской России. Разгром царской России в данной исторической обстановке, во всяком случае, перевешивал опасность от победы Англии. Главная же ставка Маркса заключалась в ставке на победу шестой державы — революции.

«Есть одна сила, которая может «мобилизоваться» при всяких неожиданных событиях, и которая может также «мобилизовать» и Луи Бонапарта и его продажных слуг, как она уже «мобилизовала» не одного повелителя. Эта сила сумеет оказать сопротивление всем этим вторжениям: она уже однажды показала это объединенной Европе. И эта сила — революция — будьте покойны, не заставит себя ждать тогда, когда ее действие будет необходимо» [1].

Итог Крымской войне Маркс подвел в письме к Энгельсу от 8 октября 1858 г. В этом письме говорится: «Какой бы ничтожной ни была русская война 1854—1855 гг. и как ни мало повредили ее последствия русским (скорей только туркам), все же она очевидно ускорила поворот дела в России».

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Собр. соч., т. X, стр. 470.

1855 год не принес, вопреки предсказаниям Энгельса, тех событий, которых ожидали он и Маркс. Да и вся крымская война непосредственно не привела к тем результатам, которых ждали они. Но крымская война все же нанесла серьезный удар царской России: через несколько лет она привела к «освобождению» крестьян, надломив царское самодержавие. Предвидеть во всей конкретности последствия крымской войны уже в самом ходе ее и по свежим следам событий было крайне трудно. Но самый подход Маркса и Энгельса к событиям, связанным с крымской войной, их оценки, их критерии, их масштабы были и остаются верными, были и остаются непревзойденными образцами оценки любой войны с точки зрения интересов мирового пролетариата и мировой революции.

Еще и еще раз: и в эпоху крымской войны Маркс и Энгельс отнюдь не показали себя пацифистами. Таковыми они не были. Они были пролетарскими революционерами, воинствующими материалистами. Они знали, что войны при капитализме неизбежны, они знали, что войны при капитализме часто связаны с революциями, а революции — с войнами. Они знали, что войны *между* державами-угнетательницами, при всем том, что они связаны с громадным количеством жертв для народных масс, могут при известных обстоятельствах ускорить революционное движение. В этом смысле они «не боялись» войн. В этом смысле они могли даже при известных обстоятельствах «приветствовать» ту или другую войну. Нельзя смешивать наше нынешнее отношение к войне, которая могла бы затронуть СССР, с войнами, о которых шла речь в эпоху Маркса и Энгельса. Теперь, конечно, каждый марксист будет против любой войны, которая была бы направлена против СССР прямо или косвенно, которая угрожала бы интересам первого пролетарского государства. Теперь есть «мы» и «они», *наше* пролетарское государство и «ихние» государства буржуазии. В эпоху, когда жили и боролись Маркс и Энгельс, были только «они». И «им», державам-угнетательницам, государствам капитализма, государствам королей и царей, Маркс и Энгельс иногда от души желали: подеритесь получше друг с другом, вцепитесь друг другу в горло зубами, от этого при известных обстоятельствах выиграет *наш* класс, выиграет революция.

Конкретная оценка данной мировой ситуации, конкретная оценка роли каждой из воюющих держав под углом зрения коренных интересов *международного* пролетариата и *международной* революции — вот критерий Маркса и Энгельса.

VIII. СОБЫТИЯ 1854—1859 ГГ. И ПОЗИЦИЯ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА. — ЕЩЕ РАЗ МАРКСИЗМ И ЛАССАЛЬЯНСТВО.

Крымская война вновь поставила на очередь с особой остротой вопрос о мировой политике. «Священный союз» — Россия, Пруссия, Австрия — распался. Против царской России и на стороне Турции стояли Франция и Англия. Пруссия осталась верной России, но Австрия «изменила» ей, заплатив «черной неблагодарностью» за ту помощь, которую оказал царь, послав свои войска для подавления венгерской революции.

И Маркс с Энгельсом, и Лассаль одинаково надеялись, что крымская война вызовет новое революционное оживление в Европе. Эта надежда, как известно, непосредственно *не* оправдалась. Лассаль полагал, что война приведет к распаду Турции, а вместе с тем и к распаду Австрии. В результате распада Австрии он ожидал создания немецкого единства. Уже события крымской войны Лассаль оценивал преимущественно под углом зрения немецких национальных интересов. Если Австрия будет разбита, — тем самым будет уничтожено соревнование между Австрией и Пруссией и облегчится немецкое национальное объединение, под эгидой Пруссии.

С другой стороны, Маркс и Энгельс оценивали события, как всегда, с точки зрения *общих международных интересов пролетарской революции*. Главным врагом международного революционного движения они считали царскую крепостническую Россию. В интересах революционного движения они и желали поражения этой последней.

В 1854 г. разногласия между Марксом и Лассалем не пошли дальше частных писем. Гораздо большую глубину разногласия между ними получили во время австро-итало-французской войны в 1859 г.

В сущности говоря, это были те же разногласия, что и в 1854 г., только на более широкой базе и при более сложной международной обстановке.

Как складывалось положение ко времени войны 1859 г.?

Италия была раздроблена и находилась частью под гнетом полуабсолютистской Австрии. Главный центр тогдашних итальянских национальных стремлений — Пьемонт, — опираясь на довольно широкое национально-революционное движение в различных уголках внутри страны, готовился к войне против Австрии — с целью добиться объединения всего итальянского государства.

В этом смысле Италия отстаивала тогда справедливое и исторически прогрессивное дело. Но сама она была слишком слаба, чтобы справиться с Австрией, и, вследствие этого, она вынуждена была искать союзников для борьбы против нее. Где было найти этих союзников? Италия нашла их в лице самых реакционных правительств Европы: 1) в бонапартистской Франции и 2) в крепостнической России. Из-за спины Наполеона III явственно вырисовывалась фигура царского вельможи Горчакова. Оба они — и Наполеон III и Горчаков — руководились, конечно, своими узко-корыстными реакционными интересами. К делу освобождения Италии они, разумеется, не могли относиться искренно. Вопрос о национальном объединении Италии был для них простым предлогом, чтобы улучшить собственные дела. Царской дипломатии в ее специфических целях нужно было ослабить Австрию; в частности ей хотелось отомстить Австрии за измену во время крымской войны. Наполеону III нужно было «спекульнуть» на деле национального освобождения, чтобы поднять свой собственный престиж; в частности представлялся подходящий случай прибрать к рукам Савойю и Ниццу.

Так обстояло дело с национальным объединением Италии.

Чтобы отдать себе полный отчет в создавшемся положении, нужно еще припомнить, как стоял к этому моменту вопрос о *немецком* национальном единстве. Союзники Италии — царская Россия и бонапартистская Франция — которые якобы готовы были бороться за национальное объединение Италии, в течение ряда лет сами боролись против национального объединения немцев. В течение долгих десятилетий Франция и Россия угнетали Германию, искусственно поддерживая ее национальную раздробленность. Увековечение этой национальной раздробленности Германии было, можно сказать, основой политики Наполеона III. Удерживая Германию в беспомощном состоянии полуфеодальной раздробленности, Наполеон III сразу убивал двух зайцев: он ослаблял немцев, с одной стороны, и укреплял свой бонапартистский режим внутри Франции, с другой стороны. Наполеон III и теперь, в 1859 г., почти не скрывал своих намерений: как только он справится с Австрией, пойти войной на Германию, чтобы отнять ее владения на Рейне. Отсюда и создалось положение, которое резюмировалось словами: Рейн приходится защищать на По (долина реки По была главным полем сражения между итальянцами и австрийцами). Этой теме была посвящена известная брошюра Энгельса «По и Рейн», впервые вышедшая в 1859 г. и переизданная в 1915 г. Рернштейном.

Уже тогда, в 1859 г., было ясно, что войны между Пруссией и бонапартистской Францией не миновать. Так оно и оказалось впоследствии — в 1870 г. И вот, в связи со всем этим переплетом, возникал вопрос: хорошо ли будет, если дать в войне 1859 г. победить Наполеону III, позволить французскому бонапартизму покрыть себя славой внешнего победителя и косвенно улучшить также положение царской России. Возникал вопрос, не лучше ли немцам вмешаться сейчас же.

Лассаль судил о событиях с немецко-национальной точки зрения, и для него вопрос решался довольно просто. Для немцев было выгодно *ослабление Австрии*. Пусть Австрия будет разбита, и тогда падет одно из главных препятствий к объединению немцев. В своей брошюре «Итальянская война и задача Пруссии» Лассаль писал:

«Россия — естественно варварская страна, деспотическое правительство которой стремится цивилизовать ее ровно настолько, насколько это совместимо с его деспотическими интересами. Варварство имеет здесь то оправдание, что оно является, так сказать, *национальным элементом*. Совсем другое дело Австрия. Здесь *правительство* представляет варварский принцип *против* своих народов, искусственно и насильственно пригнетая под этот принцип свои культурные народы... Австрия — это *реакционный принцип*, крепкий и последовательный. Поэтому она была всегда опаснейшим врагом освободительных идей. Наполеон III, как личность — деспот и тиран. Но *принципы*, которыми он поддерживает свое правление, которые он всякий раз должен провозглашать вновь, — демократичны» [1].

Австрия — вот враг. Таков пароль Лассаля.

Конечно, Лассаль мотивирует свою позицию и другими соображениями. Он аргументирует и тем, что Италия ведет справедливейшую священнейшую войну, какую когда-либо вообще народ вести будет в борьбе за свою национальную независимость и существование. Но решающим для него является аргумент *немецко-национальный*.

«Неужели не ясно, — спрашивал Лассаль, — что практически-политические последствия никому в большей степени не идут на пользу, как именно *Германии?* Неужели не видно, что Наполеон III... осуществляет этой войной не что иное, как устранение препятствий, о которые разбились немецкая революция 1848 г. и все стремления к германскому единству? Если есть вообще прочно установленный факт, так это именно тот факт, что на пути германского единства стоит дуализм Пруссии и Австрии... Самостоятельное мировое положение, которое занимает Австрия, опираясь на свои не-немецкие владения, вот неизбежная, неустранимая никакими паллиативными средствами причина германского дуализма и невозможности германского единства. *С разделом Австрии* падает и особая Пруссия сама собой... с этого только дня германское единство, благодаря реальному соотношению государств, делается реально возможным и потому неизбежным».

Сомнений быть не может: у Лассаля преобладала именно «*немецкая*» точка зрения. Именно в силу этой национальной ограниченности Лассаль допускает фальшивые нотки снисходительности по отношению к Наполеону III и даже к царской России, которая, будто бы, имеет историческое оправдание в том, что ее варварство носит «национальный» характер. Оттого-то в его позиции сквозит сочувствие Пруссии, — за которое Маркс справедливо называл лассальянцев «королевско-прусскими социал-демократами».

---

[1] Речи и сочинения Лассаля, т. I, стр. 306—310 немецкого издания.

Такова была позиция Лассаля.

Какую же точку зрения противопоставляли ему в ту пору Маркс и Энгельс?

Разногласия между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лассалем — с другой, укладывались, кратко говоря, в две формулы: *против Австрии* — Лассаль; *против царской России* — Маркс и Энгельс.

Маркс и Энгельс, разумеется, всецело стояли за немецкое единство — хотя бы под эгидой Пруссии, *если нельзя иначе*. Но к паролю «за велико-германское единство» они тут же прибавляли три других лозунга:

1) за *революционное* решение вопроса об этом единстве; и для этого —

2) *против царской России* — во что бы то ни стало!

3) *против империи Наполеона III!*

Нечего и говорить о том, что делу национального объединения Италии Маркс и Энгельс сочувствовали всей душой. Но в то же время они не верили в то, чтобы это объединение было возможно под эгидой Наполеона III и при содействии царской России. Они справедливо боялись, что Италия попадет из огня в полымя — из-под ига Австрии под иго Наполеона III. «Получая Савойю, Наполеон III получает ключ против Италии», — писал Энгельс в его второй военной брошюре тогдашнего периода «Савойя, Ницца, Рейн», вышедшей в 1860 г. «Савойя в руках Франции есть исключительно ключ к нападению на Италию». Более того: «аннексия Савойи Францией заключает в себе и аннексию французской Швейцарии», — предупреждает Энгельс.

Маркс и Энгельс справедливо боялись, что при победе Наполеона III над Австрией Италия вместо свободы приобретет новые цепи, и что даже часть Швейцарии может быть захвачена бонапартистской Францией. Их опасения были совершенно основательны. Если бы через 10 лет Наполеон III не был побежден Пруссией, дело пошло бы именно по этому пути. Подлинное объединение Италии стало возможно только после войны 1870—1871 гг., когда Наполеон III был побежден Пруссией, и во Франции была восстановлена республика.

С другой стороны, Маркс и Энгельс опасались, что, справившись с Австрией и взявши Савойю и Ниццу, Наполеон III двинет войска на Рейн, увековечит национальное раздробление немцев и упрочит свой гнусный режим внутри самой Франции. Отсюда и та связь, которую Энгельс в своей брошюре устанавливал между Савойей и Ниццей, с одной стороны, и Рейном — с другой.

Какую же программу предлагали при таком положении вещей Маркс и Энгельс? Их программа не была так «проста», как программа Лассаля. Она была гораздо более трудна. Но это была программа громадного международного революционного размаха.

Маркс и Энгельс были убеждены, что в Германии все больше нарастает национальное движение, которое будет превращаться в национально-революционное движение. Они были уверены, что своими угрозами Наполеон III еще больше разожжет это движение. Революю-

ционерам и демократам тогдашнего времени Маркс и Энгельс предлагали взять это германское национальное движение в свои руки, придав ему последовательно-революционный характер, свергнуть реакцию и в Пруссии и в Австрии, создать *снизу* единую велико-германскую республику, свергнуть бонапартизм во Франции, помочь французскому народу учредить республику, помочь при помощи революционной войны низвержению царизма в России и, таким образом, создать почву для подлинного национального освобождения и национального объединения и Италии и Германии.

«Без свержения Наполеона III не будет прочного национального объединения ни Италии, ни Германии, — говорили Маркс и Энгельс. — Без свержения царизма в России ни одно революционное завоевание не будет прочно. Предлагаемая нами программа трудна и сложна, она может быть выполнена только в течение длительного исторического периода, но она единственно правильна».

Надежды Маркса и Энгельса на возможность могучего национально-революционного движения немцев против коалиции русского царизма и французского бонапартизма не оправдались. Если бы это движение стало фактом, оно принесло бы громадное оживление революции *во всей Европе*. Пока была хоть какая-либо надежда на этот революционный путь представители пролетариата обязаны были поддерживать его. А когда оказалось, что история пошла по-иному, Маркс и Энгельс, конечно, не отвернулись и от работы на почве, созданной «революцией сверху». «Нелепо и смешно было бы, — писал Маркс Энгельсу, — желать повернуть назад колесо истории и «не признавать» итальянское единство только потому, что оно завоевано при помощи Наполеона III. Нелепо и смешно было бы, — говорили позднее Маркс и Энгельс, — отворачиваться от германского единства только потому, что его осуществил Бисмарк сверху». Но пока была надежда на возможность международного *революционного* решения национальных вопросов, Маркс и Энгельс были правы, когда звали рабочих именно на этот путь и отвергали немецко-национальную точку зрения Лассаля, шедшую по линии наименьшего сопротивления.

В соответствии с этой своей позицией международных пролетарских революционеров Маркс и Энгельс звали Германию в 1859 г. вмешаться в войну, выступивши против Наполеона III. Это вмешательство вызвало бы вмешательство царской России, которая пошла бы, несомненно, рука об руку с Наполеоном III. Но Маркс и Энгельс этого и хотели. Они именно добивались превращения войны 1859 г. в международную *революционную* войну против реакционной франко-русской коалиции — против союза русского царизма с французским бонапартизмом.

Проповедуя такую войну, Маркс и Энгельс *должны* были разжигать национально-*революционные* страсти в тогдашней раздробленной Германии. В своих брошюрах «По и Рейн» и «Савойя, Ницца и Рейн» Энгельс в ярких красках рисовал немецкому народу те опасности, которые ожидают его, если Наполеону III удастся двинуть войска на

Рейн и еще больше увеличить расчленение Германии. Эти брошюры Энгельса, посвященные преимущественно военной стороне дела, имели чисто служебное значение. Они должны были разжечь революционную ненависть против франко-русской коалиции. Они должны были научить немецких демократов тому, что «если на нас нападут, мы должны обороняться», должны были пробудить в них революционную гордость, вызвать в них мысль, что «нашим гением должна опять стать — атака», и т. п. Маркс вполне одобрял эти брошюры и чрезвычайно хвалил их, как это видно из его переписки с Энгельсом. А в своем памфлете «Господин Фогт» в 1860 г. Маркс защищал в общем ту же линию.

Скажем тут же, что в начале мировой войны 1914 г. социал-шовинисты всех стран и, в особенности, германские социал-шовинисты усиленно пытались использовать названные брошюры Энгельса. Как мелкие воришки, они обшаривали обе брошюры Энгельса и, вырывая из исторической связи отдельную фразу, кричали на весь мир: «Вот видите, сам Энгельс говорил, что когда на нас нападут, мы должны обороняться», и т. п. Эти господа упускали из виду только ту «мелочь», что для Маркса и Энгельса в 1850—1860 гг. борьба против франко-русской коалиции должна была быть только эпизодом в *международной революционной* борьбе за свержение абсолютизма *и* в Германии, *и* во Франции, и прежде всего в царской России. Шарлатанское «использование» названных брошюр Энгельса социал-демократическими вождями зашло так далеко, что не выдержал даже Бернштейн, занимавший в это время центристскую позицию. Он выступил в 1915 г. со статьей под заглавием «Фальшивое использование классиков социализма», в которой старался пристыдить своих соратников за слишком откровенное мошенничество. «И в произведениях наших учителей можно в большом количестве найти отдельные обороты, которые, взятые буквально и примененные к условиям настоящего времени, выставляли бы наших учителей пангерманистами, антисемитами и еще бог знает кем. Писанные при других условиях, они (эти места из произведений) имеют коренным образом отличный характер». Бернштейн оговаривается при этом, что по цензурным условиям он не может выразиться яснее: он не мог тогда сказать главного, что Маркс и Энгельс в 1859—1860 гг. звали к международной *революционной* войне, направленной прежде всего к свержению реакции в самой Германии [1].

Таковы были взгляды Маркса и Энгельса в событиях 1859—1860 гг. Это были взгляды международных пролетарских революционеров. И именно поэтому взгляды эти шли вразрез со взглядами Лассаля и лассальянцев, олицетворявших уже тогда национально-патриотическую струю.

Один из самых видных последователей Лассаля, Швейцер, довел до логического конца позицию Лассаля, когда он в 1866 г. во время

[1] Названная статья Бернштейна была помещена в «Форвертсе», от 15/VII 1915 г.

войны между Пруссией и Австрией из-за Шлезвиг-Голштинии прямо объявил себя бисмаркианцем. В одной из своих тогдашних речей Швейцер говорил: «Слыханное ли дело, что право и свобода могут быть в Австрии? Лжецы и обманщики те, которые говорят вам, что в Австрии существует свобода и право... Если нам удастся побудить прусское правительство пойти дальше по пути уступок нам; если обстоятельства сложатся так, что базис наших действий окажется только в Пруссии, а в Австрии у нас, как и прежде, будут связаны руки, тогда, господа, да, — тогда мы выскажемся не против права и свободы нации, как нам говорят лжецы и самонадеянные болтуны, а — против австрийского правительства и союзного хозяйничанья; тогда мы будем надеяться и желать, чтобы победа была не у знамен Австрии, а у *знамен Пруссии*, не у знамен Бенедека, а у *знамен Бисмарка* и Гарибальди» [1].

В это же время Энгельс, как и Бебель с Либкнехтом, высказывались за *поражение Пруссии*. В письме от 2 апреля 1866 г. Энгельс писал Марксу: «Что ты скажешь о Бисмарке? Сейчас уже почти ясно, что он добивается войны и тем самым дает прекрасную возможность Луи Бонапарту без всякого труда захватить кусок левого берега Рейна и этим укрепить свою власть на всю жизнь. Если, вообще говоря, каждый из виновников этой войны — если дойдет до нее — одинаково заслуживает быть повешенным (и я с полнейшим беспристрастием не желал бы в этом отношении никакого исключения для австрийцев), то все-таки мое главное желание заключается в том, чтобы Пруссию безжалостно поколотили» [2].

Тот же виднейший лассальянец Швейцер, выставляя свою кандидатуру в северо-германский рейхстаг, писал в своем программном кредо: «Я заявляю, что если бы нашему немецкому отечеству стала угрожать какая-нибудь иноземная опасность, я буду всеми моими силами и всеми доступными мне средствами поддерживать как в парламенте, так и вне его короля Пруссии, в котором воплотилось теперь национальное могущество Германии, а равно и его правительство» [3].

Такие слова уж во всяком случае могли быть произнесены только «королевско-прусским социал-демократом».

Уже в событиях 1859—1860 гг., а тем более в событиях 1866 г. отчетливо наметились две различных линии поведения: марксистов и лассальянцев или, что в значительной мере то же, эйзенахцев и лассальянцев.

Разница между Швейцером и «эйзенахцами» в основном и главном уже издавна сводилась к тому, что Швейцер с *холопской торопливостью* преклонился перед исторической миссией Бисмарка и уже при первых этапах «революции сверху» поспешно отказался от всяких

[1] См. Политические сочинения и речи *Швейцера* в издании Меринга, стр. 155 немецкого издания.

[2] Переписка *Маркса с Энгельсом*, т. III, стр. 306.

[3] Цитируем по воспоминаниям *Бебеля*, Из моей жизни, т. II, стр. 48 немецкого издания.

надежд на организацию народных сил для революции *снизу*. Между тем, эйзенахцы — Август Бебель и Вильгельм Либкнехт, — несмотря на частичные их колебания, которые подвергались резкой критике со стороны Маркса и Энгельса, — в общем исполняли свой долг революционеров: до самой последней возможности продолжали борьбу за революционно-демократический путь объединения Германии *снизу* и за *революционное* решение стоявших на очереди коренных вопросов.

Непосредственно перед австро-прусской войной 1866 г. Бебель на публичном собрании прогрессистов в Лейпциге выступил единственным оппонентом и заявил: «Не будем так пугаться этой войны; из этой войны может выйти нечто совсем другое, чем предполагают ее вдохновители. *Может быть, еще окажется, что народ во-время восстанет и окончит войну в своем смысле*» [1].

На громадном собрании в Лейпциге 8 мая 1866 г. Бебель проводит резолюцию, в которой заявляется, что всякая помощь прусскому правительству в подготовленной им войне должна рассматриваться как акт, противоречащий интересам немецкого народа. Интересы народа, — говорится в этой резолюции, — могут защищаться только на основе *всеобщего вооружения народа*. Необходимо высказаться «против всякой наследственной центральной власти» [2].

На другом большом народном собрании Бебель требовал вооруженного сопротивления против политики Пруссии. Бебель и Либкнехт выступали прямыми «пораженцами» в отношении прусского правительства в войну 1866 г. А в это же время единомышленники Швейцера, Хазенклевер, Тэльке и другие лассальянцы писали прямо хвалебные оды в честь Бисмарка.

Только Маркс и Энгельс в это время отстаивали последовательную позицию пролетарского интернационализма и боролись против национальной ограниченности лассальянцев.

---

[1] *Меринг*, История германской социал-демократии, т. III, стр. 239 немецкого издания.

[2] *Август Бебель*, Из моей жизни, т. I, стр. 126 русского издания.

IX. ВОЙНА 1870—1871 ГГ. И ПОЗИЦИЯ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА.

В годы мировой войны (1914—1918 гг.) враги революционного марксизма с особым рвением подкапывались под позицию Маркса и Энгельса, которую занимали эти последние в период франко-прусской войны 1870—1871 гг. Германские социал-шовинисты устами Давида и К°, русские эсеры устами «самого» Чернова (Гарденина), анархисты «патриотического» толка устами Гильома, русские либералы устами Петра Струве — все они одним хором пытались «доказать», что уже в 1870—1871 гг. Маркс и Энгельс занимали такую же «патриотическую» позицию, как немецкие социал-шовинисты в 1914—1918 гг. Одним такая версия нужна была, чтобы укрепить свою «патриотическую» позицию по отношению к германскому империализму, другим — по отношению к империализму стран Антанты. «Первородный грех не у них (Шейдеманов, Эбертов, Зюдекумов), его приходится открыть у их идейных прародителей», т. е. у Маркса и Энгельса, — такую «формулу» защищал вождь эсеров Чернов. И это «открытие» поддерживалось как всем сонмом грязных ренегатов марксизма, так и теми социал-патриотами, которые никогда марксистами себя не объявляли.

Только большевики в это смутное время взяли на себя защиту взглядов Маркса и Энгельса. Большевикам пришлось, отбиваясь от нападений врагов марксизма, отвести в это время много страниц в своей бедной по размерам нелегальной печати для простого восстановления документов, рисующих подлинные взгляды Маркса и Энгельса в 1870—1871 гг.

Война 1870—1871 гг. была последней из больших *национальных* войн в Европе. Конечно это была война капиталистическая. Но сам капитализм переживал совершенно другую фазу, нежели в эпоху 1914—1918 гг. В 1870—1871 гг. завершалась *первая* фаза капитализма. В 1914—1918 гг. начинает завершаться его последняя фаза [1].

[1] Здесь, как и вообще в этой главе, мы в ряде мест употребляем те формулировки, которые были употреблены в наших работах, вошедших в книгу «Война и кризис социализма» и в сборник «Против течения». Мы делаем это потому, что названные работы прошли через редакцию В. И. Ленина. Эпоха 1870—1871 гг. освещена нами особенно подробно (гораздо подробнее, нежели в этой главе) в первой части «Войны и кризиса социализма» — работе, которая целиком написана под руководством Ленина.

Маркс и Энгельс смотрели на войну 1870—1871 гг., как на одну из последних (или последнюю) больших *национальных* войн в Европе.

«Эта война, — пишет Маркс Энгельсу в письме от 8 августа 1870 г., — привела, наконец, к осуществлению «национальных» задач 1848 г. — Венгрия, Италия, Германия».

Спрашивается, верен или неверен был этот взгляд Маркса?

Каждый социалист, конечно, признает, что этот взгляд был верен, что война 1870—1871 гг. действительно завершила собой эру *национальной* консолидации больших европейских государств, что она объединила Германию и тем выполнила крупную исторически-прогрессивную задачу. Этим война 1870—1871 гг. коренным образом отличалась от типичной *империалистской* войны 1914—1918 гг. Война 1870—1871 гг. завершала первую стадию капиталистического развития в Европе; война 1914—1918 гг. открывает завершение последней его стадии. Ибо империализм в его нынешних размерах есть последняя стадия капитализма, когда ему тесно уже в национальных рамках, когда он делает последнее усилие приспособиться к развитию производительных сил, неизбежно ведущему к социалистической революции.

Оценивая *с точки зрения международного пролетариата* мировое положение, как оно сложилось конкретно в 1870 г., Маркс и Энгельс считали: нам, *рабочим всех стран*, выгодно поражение бонапартистской Франции в войне ее с Пруссией. Почему? По двум причинам: 1) тогда падет империя Луи Наполеона, которая душит Францию и вместе с тем служит оплотом злейшей реакции во всей Европе; 2) если даже в Германии не произойдет революции и не осуществится объединение Германии снизу, то, во всяком случае, объединение совершится хотя бы сверху, хотя бы на бисмарковский лад; это создаст новую широкую базу для германского рабочего движения и даст толчок росту социализма во всем мире.

Если победит бонапартистская Франция, то это приведет, во всяком случае, к двум тяжелым последствиям: 1) империя Бонапарта тогда надолго укрепится во Франции, будет попрежнему и с еще большей силой терзать собственный народ и вместе с тем душить всякие проблески демократизма в остальной Европе; 2) национальное объединение Германии наверняка затянется, раздробление Германии пойдет еще дальше, внимание всего народа и рабочих в том числе будет еще больше приковано к вопросам национальным в ущерб развитию классового рабочего движения, в ущерб росту социализма.

Поражение бонапартистской Франции будет победой французского рабочего класса. Германский же пролетариат использует объединение Германии для того, чтобы повести более объединенную централизованную борьбу против прусского юнкерства, против германской буржуазии за социализм. Именно с точки зрения французского и германского и всего международного пролетариата, раз война началась, в дан-

ной конкретной обстановке приходится стоять за поражение бонапартистской Франции.

До Седана, до падения Бонапарта и провозглашения французской республики война с точки зрения Маркса и Энгельса была оборонительной войной со стороны Германии. После Седана, когда вопрос шел уже не о создании немецкого единства, а шла борьба за аннексию Эльзас-Лотарингии, война с точки зрения Маркса и Энгельса была уже *наступательной* войной со стороны Германии.

Верен или неверен был этот взгляд?

Он был, безусловно, верен — именно с точки зрения всего *международного* рабочего движения.

Если брать события с точки зрения их *исторического содержания*, то это было именно так. До Седана Германия вела оборонительную войну, а Наполеон III — войну наступательную. И это независимо от того, кто первый объявил войну, кто первый напал, кто применял наступательную или оборонительную стратегию в ходе войны, кто был нападающей и кто обороняющейся стороной с точки зрения развития дипломатических переговоров, предшествовавших войне, и т. д.

Дипломатическая история возникновения войны 1870—1871 гг. имеет, конечно, известное значение, — но только весьма подчиненное. Позиция Маркса и Энгельса должна была определиться и определялась вовсе не этой стороной дела, а реальным политическим и историческим содержанием данной войны. Наполеон III первый объявил войну Пруссии. Дипломатическая обстановка была такова, что в момент начала войны все считали Наполеона III ее зачинщиком и в узко-дипломатическом смысле. Жорес писал свою историю франко-прусской войны через три десятилетия после событий, обладая почти всеми секретными материалами, относившимися к началу войны, и то он затруднялся сказать, кто больше провоцировал войну непосредственно, кто больше «задирал» в последнюю минуту — Наполеон III или Бисмарк. После прусской победы над австрийцами (1866 г.), когда Бисмарк оставил Наполеона III без обещанных этому последнему компенсаций, — французский бонапартизм *должен был* искать войны «для реванша за Садовую». После конфликта из-за Люксембурга (1867 г.), когда Наполеон III опять не получил ничего, это стремление к реваншу должно было еще усилиться. В самой Франции Наполеон III мог держаться, только имея те или другие успехи на арене внешней политики. В 1868—1869 гг. на почве неудач в области иностранной политики начинается распад в самом бонапартистском лагере. Бонапартизм вынужден поставить на карту все. Он нервничает и все больше теряет почву под ногами. И — он попадает в ловушку Бисмарка: Наполеон III доводит до крайнего обострения случайный конфликт из-за вопроса о заместителе вакантного испанского престола, Наполеон III *первый* объявляет войну Пруссии.

Маркс и Энгельс не могли в 1870 г., в самом начале войны, знать того, как ловко надувал простаков-дипломатов Бисмарк. Никто не

знал и не мог знать в ту пору мошенничества, проделанного вокруг эмской депеши. Но можно ручаться, что если бы Маркс и Энгельс знали это, они *по существу* нисколько не изменили бы своей оценки войны 1870—1871 гг. и, безусловно, высказались бы и в этом случае за поражение бонапартистской Франции.

В своей незаконченной работе («Gewalt und Oeconomie bei der Herstellung des neuen deutschen Reiches») Энгельс, описывая события, признает, что Бисмарку удалось расставить ловушку Бонапарту и что с точки зрения дипломатической истории этим и объяснялась ошибка при определении *непосредственно* нападающей стороны. Все осведомленные политики, в том числе Маркс и Энгельс, полагали, что именно Наполеон III хотел этой войны *в данную минуту* — между прочим, и потому, что Наполеон III мог в это время надеяться на поддержку Австрии (реванш за 1866 г.), Дании (реванш за Шлезвиг-Голштинию) и даже Италии. Так оно и было в действительности. Наполеон III, в сущности говоря, хотел войны и готовился к ней. Бисмарк перехитрил его лишь в очень узких пределах, заставив его объявить войну *тотчас же* и создав при помощи ловко задуманной ловушки впечатление, будто Наполеон III является нападающей стороной не только в смысле историческом, но и в смысле *узко-дипломатическом*.

Для Маркса и Энгельса все дипломатические хитрости сбеих сторон имели только совершенно подчиненное значение. Объективный исторический процесс надолго затянувшегося, с начала XIX в., освобождения Германии от средневековья, раздробленности, застоя и угнетения французскими королями и императорами, вплоть до Наполеона III — вот что имело доминирующее значение в глазах Маркса и Энгельса. Наполеон III долгое время угнетал не только Францию, но и всю Европу. Он мешал объединению Германии. Покончить с этим гнетом хотя бы посредством войны, хотя бы от этого временно выиграл Бисмарк, было делом нужным, важным, исторически прогрессивным.

Маркс и Энгельс справедливо считали войну 1870—1871 гг. национальной войной, справедливо считали, что нападающей стороной в *историческом* смысле является Наполеон III, справедливо считали, что с точки зрения *международного пролетариата*, в частности французского и германского пролетариата, наиболее выгодным будет поражение Наполеона III. И в то же время они не переставали клеймить — как это и полагается подлинным пролетарским революционерам-интернационалистам — господствующие классы своей собственной страны. А сторонники Маркса и Энгельса, Бебель и Вильгельм Либкнехт, действовавшие непосредственно в Германии, следуя советам своих учителей, голосовали против военных кредитов (Швейцер голосовал — за), выступали с революционно-интернационалистскими речами, подчеркивали свою солидарность с французскими рабочими, которым посылали слова дружбы и привета во время войны, и т. п.

Генеральный совет I Интернационала выступил во время франко-прусской войны с двумя обращениями.

Первое обращение Генерального совета помечено 23 июля 1870 г., другими словами, оно написано сейчас же вслед за объявлением войны. В нем вкратце излагаются прежние выступления Международного товарищества рабочих по вопросам иностранной политики[1]. А затем Маркс переходит к характеристике положения во Франции, с одной стороны, в Германии — с другой. Резкими штрихами обрисована реакционная роль империи Бонапарта, которой Маркс тут же предсказывает неминуемую гибель. *«Чем бы ни кончилась война Луи Бонапарта с Пруссией — похоронный звон по Второй империи уже прозвучал в Париже. Вторая империя кончится тем же, чем началась: жалкой пародией»* [2] — пишет Маркс.

Относительно Германии мы находим в первом обращении следующие слова:

«Для немцев война эта является оборонительной. Но кто привел Германию к необходимости обороняться? Кто дал Луи Бонапарту возможность вести войну против Германии? *Пруссия!* Не кто иной, как Бисмарк, конспирировал с Бонапартом, в надежде подавить внутри Пруссии демократическую оппозицию и закрепить Германию за династией Гогенцоллернов. Если бы битва при Садовой была не выиграна, а потеряна, французские батальоны наводнили бы Германию в качестве союзников Пруссии. Разве Пруссия после победы хоть на минуту подумала о том, чтобы порабощенной Франции противопоставить свобод-

[1] В учредительном адресе Интернационала в 1864 году, на который теперь ссылался Маркс, он писал:

«Если успех дела освобождения рабочих классов зависит от их братского единодушия и взаимного содействия, то каким образом могут они выполнить свое великое назначение, когда международная политика, руководясь единственно преступными замыслами и пользуясь национальными предрассудками, проливает в своих разбойничьих войнах кровь и деньги народа?! Не благоразумие английских правительствующих классов, но оппозиция рабочего класса преступному безумию этих высших образованных классов спасла недавно Западную Европу от повора нового крестового похода ради поддержки и развития рабства по ту сторону океана.

Бесстыдное одобрение, лицемерная симпатия и идиотское равнодушие, с которым высшие классы Европы смотрели на то, как царская Россия завладела горами Кавказа и душила героическую Польшу; громадные завоевания этого варварского исполина, голова которого в Петербурге, а руки которого находят себе место во всех кабинетах Европы, — показали, наконец, рабочим, что пора им вникнуть в таинства международной политики, что пора им наблюдать за дипломатическими действиями своих правительств, сопротивляться им в случае нужды всеми средствами, находящимися под рукою, и, наконец, в случае неудачи подобных отдельных усилий, соединиться в одном общем протесте против преступных замыслов правительств, провозглашая необходимость соблюдать естественные законы нравственности и справедливости, которыми должны руководиться все люди в своих индивидуальных отношениях и которые должны служить также высшей нормой для взаимных отношений народов!»

(См. *К. Маркс*, «Первый манифест Международного товарищества рабочих», русское издание, стр. 13, 14). Последняя часть фразы (об естественных законах нравственности и справедливости) была, как известно, навязана Марксу другими членами Генерального совета, не стоявшими на почве марксизма.

[2] Цитируем по русскому изданию «Гражданской войны», под ред. Ленина.

ную Германию? Как раз наоборот! Она ревниво оберегала исконные прелести своей системы и в добавление к ним заимствовала у Второй империи все ее уловки: ее фактический деспотизм и призрачную демократичность, ее политические фокусы и финансовые мошенничества, ее высокопарные фразы и самое низкое жульничество. Бонапартистский режим, который до сих пор процветал только на одном берегу Рейна, нашел себе, таким образом, двойника на другом берегу его. А при таком положении дел чего иного можно было ждать, кроме войны?»

Маркс — да и не он один, а весь Генеральный совет I Интернационала, в котором были англичане и французы, — считал, что Бонапарт ведет наступательную войну, а Бисмарк — оборонительную. И тем не менее, каким языком говорил он тогда о бисмарковской Пруссии! Он клеймит ее, как двойника Луи Наполеона, он заявляет прямо, что юнкерская Пруссия ничем не лучше бонапартовской Франции, что ответственность за войну в одинаковой мере лежит и на Пруссии, что все худшее из нравов Второй империи Пруссия у нее позаимствовала.

«Если немецкий рабочий класс, — продолжает Маркс, — допустит, чтобы война потеряла свой оборонительный характер и выродилась в войну против французского народа, — *тогда и победа и поражение будут одинаково гибельны*. Все те несчастия, которые постигли Германию после так называемых освободительных войн, обрушатся на нее снова с еще большею жестокостью».

С первых же дней после объявления войны Маркс считает долгом призывать немецких рабочих к борьбе против того, чтобы война выродилась в войну против французского народа. С восторгом цитирует Маркс первые отклики социалистических рабочих Германии, проникнутые духом интернационализма.

«Мы всей душой присоединяемся к вашему (французских социалистов) протесту... Мы даем великий обет в том, что ни звуки труб, ни громы пушек, ни победа, ни поражение не отвратят нас от нашего общего дела — объединения рабочих всех стран».

В этом же первом обращении Генерального совета Маркс перепечатывает французское воззвание парижских членов Интернационала, гордясь героизмом французских рабочих и выставляя их как образец для рабочих-социалистов всех стран.

Обращение заканчивается указанием на ту опасность, которая в связи с войной угрожает мировому рабочему классу со стороны России. «На заднем плане этой братоубийственной борьбы виднеется фигура царской России, — пишет Маркс. — Плохим признаком является то, что сигнал к нынешней войне был дан как раз в тот момент, когда русское правительство закончило постройку важных для него в стратегическом отношении железных дорог и уже сконцентрировало войска в направлении к Пруту... Пусть они (немцы) припомнят, что Германия после ее войны за независимость против Наполеона I целые десятилетия беспомощно лежала у ног царской России».

До Седана не только Маркс, но и многие *французские* социалисты стояли за поражение Франции, т. е. поражение Наполеона III. «Если бы, — писал в свое время Эрве, — императорская армия не потерпела поражения в Меце и при Седане, а победоносно вошла бы в Берлин, то большинство того народа, который некогда сделал великую революцию, лежало бы теперь у ног наследников Наполеона III» [1]... И Эрве был в этом отношении прав. Без поражения Франции в 1870 г. французский народ не мог свергнуть Луи Наполеона.

Маркс рассуждал не как «немецкий» социалист. Он, по словам Лассаля, всегда говорил о себе, как о «гражданине мира». И в данном случае он выступал в таком же качестве.

Маркс и Энгельс одинаково ненавидят и бонапартизм и юнкерский режим Бисмарка. «Марсельеза из уст Терезии — вот картина воплощенного бонапартизма. Тьфу, мерзость!» — пишет Энгельс 28 июля. — «Jesus meine Zuversicht» из уст Вильгельма I с Бисмарком по правую и Штибером по левую руку — это немецкая марсельеза», — отвечает ему Маркс 28 июля.

В том же письме Маркс продолжает:

«Немецкий филистер, повидимому, прямо восхищен тем, что он может теперь, не стесняясь, дать исход своему прирожденному сервилизму. Кто бы предположил возможным, чтобы через 22 года после 1848 г. национальная война в Германии приобрела *такое* теоретическое выражение!»

Второе воззвание Генерального совета выходит 9 сентября 1870 г. сейчас же после Седана. С восторгом отмечает Маркс предсказанное им в начале войны падение бонапартовской империи. «Оборонительная война действительно кончилась сдачей Луи Наполеона, капитуляцией Седана и провозглашением республики в Париже». Огромные трудности создались теперь для французского рабочего класса. С одной стороны, внешний враг стоит у ворот. Бисмарк и король Пруссии утверждали в начале войны, что они воюют только против Бонапарта, а не против французского народа. Они, конечно, лгали. Бонапарт теперь уж был их пленником, а они и не думали прекратить войну и двигались на Париж к самому сердцу Франции. С другой стороны, французские рабочие не могли доверять новому «республиканскому» правительству, которое Маркс заслуженно клеймил, как правительство, состоящее частью из заведомых орлеанистов, частью из буржуазных республиканцев, запятнанных в крови повстанцев июня 1848 г.

В момент, когда Маркс писал второе обращение, среди парижских рабочих было уже сильное брожение. 31 октября 1870 г. мы видим уже в Париже первые попытки прямого восстания и провозглашения нового временного правительства из 9 человек — в том числе Бланки, Флуранс, Виктор Гюго. Восстание это кончилось неудачей. Бланки, Флуранс и другие были брошены в тюрьму. Маркс радовался растущей революционности парижских рабочих, но он боялся одного: как бы

[1] *Гюстав Эрве*, Leur Patrie, стр. 78—79.

вспышки рабочих во Франции именно в данный момент не помогли зарвавшимся пруссакам, которые после падения Наполеона III стали, с точки зрения Маркса, главным врагом. И он боялся, далее, того, как бы разогревание национальных традиций 1792 г. не помогло правящей клике Франции обмануть рабочих.

Некоторые «критики» Маркса упрекали последнего в том, что он сначала предостерегал французских рабочих против восстаний во время франко-прусской войны и поддержал Парижскую коммуну лишь тогда, когда мятежное движение стало фактом. Но это было продиктовано как раз тем, что Маркс был с головы до ног интернационалистом и в этот момент опасался, как бы преждевременное восстание в Париже не оказалось косвенной помощью Бисмарку.

Теперь, после Седана, Маркс обрушивается прежде всего именно на Пруссию.

«Прусская военная камарилья решила превратить войну в завоевательную... режиссеры всей этой комедии (Бисмарк и король Вильгельм) должны были представить дело так, как будто они против своей воли уступают неотступным требованиям немецкого народа; для этого они сейчас же дали пароль немецкому либеральному среднему классу с его профессорами и капиталистами, с его депутатами и газетчиками. Этот средний класс, который во время борьбы за буржуазную свободу 1846—1870 гг. выказал невиданную трусость, нерешительность и неспособность, был, конечно, чрезвычайно восхищен той ролью льва немецкого патриотизма, в которой ему предстояло теперь выступить на европейской арене».

«...Они (режиссеры комедии) не осмеливаются утверждать, что население Эльзас-Лотарингии тоскует по немецким объятиям. Как раз наоборот. Чтобы наказать Страсбург за чувства патриотизма к Франции, его бесполезно и варварски... бомбардируют «немецкими» взрывчатыми снарядами, зажигают город и убивают массу беззащитных жителей.

«История, — продолжает Маркс, — воздаст не по числу оторванных от Франции квадратных миль земли, а по величине преступления, состоящего в том, что во второй половине XIX в. вновь вызвали к жизни политику завоеваний».

И далее Маркс переходит к своему постоянному указанию на опасность, грозящую со стороны царской России. Он предвидит, что своей политикой аннексий и насилий Бисмарк бросит Францию в объятия русского царя. «Неужели германофилы думают, что свобода и мир для Германии будут обеспечены, если она принудит Францию броситься в объятия России? Если военное счастье, опьянение своими успехами и династические интриги толкнут Германию на путь грабительского присвоения французской области — для нее останутся только два пути. Либо она должна во что бы то ни стало сделаться явным рабом русской завоевательной политики, либо она должна, после короткой передышки, начать готовиться к «оборонительной» войне, не к одной из так называемых «локализованных» войн, а к войне расовой, к войне против объединенных славянских и романских рас».

Когда в Германии в связи с военными успехами летом 1870 г. особенно высоко поднимается волна буржуазного и мелкобуржуазного патриотизма, Маркс делает все возможное для того, чтобы побудить своих сторонников в Германии дать отпор этой отвратительной волне. «К счастью, — пишет он, в письме к Энгельсу от 28 июля 1870 г., — вся эта демонстрация исходит от среднего класса. Рабочий класс, за исключением прямых сторонников Швейцера, не принимает в этом никакого участия. К счастью, классовая война в обеих странах — и во Франции и в Германии — уже настолько развилась, что никакая внешняя война не может серьезно повернуть назад колесо истории».

Когда английская олигархия начинает агитацию за вступление в войну Англии для поддержки Пруссии, Маркс [1] страстно восстает против этого и грозит английской буржуазии мятежом со стороны народных масс Англии.

«Здешняя (т. е. лондонская) олигархия желает, чтобы Англия вступила в войну *за Пруссию*.

«После того как в течение 18 лет она ползала на брюхе перед Бонапартом и окончательно использовала его, как спасателя ренты и профита, — эти господа надеются теперь, в лице солидной и богобоязненной монархической Пруссии, найти себе более респектабельного и более надежного континентального полицейского. Но пусть эти субъекты поостерегутся. Здесь (в Лондоне) среди народа стал уже всеобщим пароль: проклятая германская династия! Она хочет из своих семейных интересов запутать нас в континентальную войну... Бисмарк порядочно израсходовался на подкуп английской прессы» [2].

В письме от 8 августа 1870 г. Маркс пишет Энгельсу: «Что меня в настоящий момент мучает, так это положение дел в самой Франции. Ближайшее большое сражение едва ли может кончиться иначе, как против французов. А тогда? Если побитая армия под руководством Наполеона бросится в Париж, тогда дело кончится миром, унизительным для Франции, быть может, реставрацией Орлеанов. А если в Париже начнется революция, то вопрос, будут ли у нее средства и руководители, чтобы оказать серьезное сопротивление пруссакам? Нельзя скрывать от себя, что 20-летний бонапартистский фарс внес изрядную деморализацию.

В письме от 17 августа Маркс пишет: «Кугельман смешивает оборонительную войну с оборонительными военными операциями. Выходит, что если кто-нибудь напал на меня на улице, я должен парировать его удары и не имею права расправиться с ним, ибо иначе я попаду в положение нападающего. Недостаток диалектики сквозит из каждого слова этих людей».

Полное благородного мужества, дальновидности и истинного интернационализма поведение Маркса и Энгельса в войну 1870—1871 гг.

---

[1] См. его письмо к Энгельсу от 1 августа 1870 г.

[2] Переписка, т. IV, нем. изд., стр. 305, 306; все цитаты из переписки Маркса и Энгельса приводятся по немецкому изданию.

настолько врезывалось в сердце современников, что даже в 1914 г., когда вся Франция кипела шовинизмом, когда до белого каления доведены были «патриотические» страсти и у французских «социалистов», не кто иной, как Эдуард Вальян поднял голос против клеветы на Маркса и Энгельса, широкой волной разлившейся тогда по всему миру. Вальян сам пережил войну 1870—1871 гг., был видным и активным участником событий, был тогда уже социалистом и вожаком рабочих как до Парижской коммуны, так и во время нее. В 1914 г. Вальян стал вождем социал-патриотов, он выступал против всего «немецкого» со всем пылом души, какой только был ему доступен. Немецких социалистов он готов был обвинить в самых чудовищных преступлениях и во всех смертных грехах, как действительно совершенных ими, так и мнимых. В анти-французском шовинизме, в недостаточно внимательном отношении к французам он готов был обвинить кого угодно. И вот, в разгар шовинистических страстей, в момент, когда он буквально проклинал все немецкое, старый Вальян выступает со статьей, в которой заявляет: «Единственные люди, которые остались на высоте интернационализма в войну 1870—1871 гг., были Маркс и Энгельс».

В статье, помещенной в «Юманите» от 14 декабря 1914 г. («По поводу Карла Маркса»), Вальян заявляет: «Это клевета, будто Маркс и Энгельс повинны были в шовинизме. Нет, они действовали, как истинные интернационалисты и ни малейшей неприязни к Франции не обнаружили».

Нечто подобное случилось и с вождем германского ревизионизма, Эдуардом Бернштейном. В начале войны Бернштейн выступил в «Форвертсе» с рядом статей, в которых «доказывал», будто в вопросе о борьбе против русского царизма Энгельс стоял в начале 90-х годов на той же позиции, что и германская социал-демократия в 1914 г. Через год после этого в Бернштейне проснулась совесть и на одном собрании он выступил с заявлением, что день, в который он написал статью, так «истолковавшую» Энгельса, он будет считать самым несчастным днем своей жизни...

«Как бы ни кончилась война, — пишет Маркс Кугельману 13 декабря 1870 г., — *она научила французский пролетариат пользоваться оружием, и в этом наилучшая гарантия для будущего*».

А 14 февраля 1871 г. Маркс в письме к тому же Кугельману лелеет надежду на то, что революционная Франция возьмет еще верх над Бисмарком. «Если, — пишет он, — Франция не упадет духом, использует время для реорганизации своей армии и, наконец, придаст войне *действительно революционный характер*, — а лукавый Бисмарк делает все от него зависящее, чтобы придать ей такой характер, — то новой немецко-прусской империи еще могут быть нанесены совершенно неожиданные удары».

Ход событий пошел по-иному. Восстание парижского пролетариата поставило на очередь совсем другие вопросы. Бисмарк сошелся с Тьером в деле кровавого подавления парижских коммунаров. Неожиданный эпилог, который вписали парижские рабочие в историю франко-

прусской войны, выдвинул перед международным пролетариатом гигантские проблемы большей важности, чем те проблемы, которые были заложены в самой франко-прусской войне. Нечего и говорить о том, что эти проблемы оказались по плечу только Марксу. Не кто иной, как Маркс своей «Гражданской войной» золотыми буквами запечатлел Парижскую коммуну в бессмертной книге всемирного пролетарского движения. Не кто иной, как Маркс сумел по свежим следам событий поставить перед международным пролетариатом во весь рост те вопросы, которые разрешатся дальнейшими поколениями пролетарских революционеров, которые частично разрешены великой пролетарской революцией в России и будут разрешаться в ближайший период во всем мире.

X. РАБОТЫ ЭНГЕЛЬСА ПОСЛЕ СМЕРТИ МАРКСА.

Нечего и говорить о том, что работы Энгельса на рассматриваемые нами темы и после смерти его великого друга целиком продолжали традицию Маркса. Так же, как, работая, скажем, над третьим томом «Капитала», Энгельс продолжал дело Маркса и опирался при этом на 40 лет совместной работы и теснейшей дружбы с Марксом, — в рассматриваемых нами вопросах Энгельс тоже опирался на громадную переписку с Марксом, на множество устных бесед, на всю свою совместную работу с ним. В вопросах международной политики, войны и революции, пролетарского интернационализма и т. п. — между Марксом и Энгельсом в течение всей их совместной работы господствовало полное единодушие. Не раз случалось, что, живя в различных местах, они в трудных и ответственных положениях давали на трудные и сложные программные и тактические вопросы такие ответы, которые совпадали едва ли не слово в слово. Крупнейшие работы того и другого, начиная с «Коммунистического Манифеста», являются, в сущности говоря, коллективными работами Маркса и Энгельса. Случалось не раз, что Маркс писал для работ Энгельса целые главы и наоборот. И частенько это оставалось не оговоренным в печати.

В 1914 г. Эдуард Бернштейн (Энгельс назначил Бернштейна своим душеприказчиком, конечно, до того времени, как Бернштейн повернул к ревизионизму) опубликовал первоначальный проект «Коммунистического Манифеста», написанный в форме вопросов и ответов Энгельсом. Вопрос 22-й в этой работе Энгельса озаглавлен: «Как коммунистическая организация будет относиться к существующим национальностям?» К сожалению, в набросках Энгельса не сохранилось его ответа на этот вопрос, и Бернштейн вставил ответ от себя, на основании опубликованного окончательного текста «Коммунистического Манифеста». Исторические слова в окончательном тексте «Коммунистического Манифеста»: «Пролетарии не имеют отечества; нельзя отнять у них то, чего они не имеют», — всецело гармонируют с мыслями Энгельса в его первоначальном проекте «Коммунистического Манифеста».

В публичной речи на собрании, устроенном обществом «Fraternal Democrats» 22 ноября 1847 г., в память польского восстания 1830 г., Энгельс сказал: «Ни одна нация не может стать свободной, пока она продолжает угнетать другие нации». Известно, что в различных вариациях этот же тезис иногда дословно высказывал не раз Маркс —

в его выступлениях по ирландскому вопросу, по национальному вопросу вообще[1].

Таких примеров можно привести множество.

С полным правом поэтому работы Энгельса на рассматриваемые нами темы, написанные уже после смерти Маркса, могут и должны быть отнесены к учению Маркса о войне.

Из этих последних работ Энгельса наибольшее значение имеют: 1) незаконченный крупный труд, написанный в 1888 г. и напечатанный в 1896 г. серией статей (пять больших статей) в журнале «Нейе Цейт», под заглавием «Сила и экономика в образовании новой германской империи»; 2) его известная статья «Внешняя политика России» (русского царизма), написанная в 1890 г.; 3) его статья «Социализм в Германии», напечатанная в 1891 г.

Обозревая мировое положение на рубеже между концом 80-х и началом 90-х годов, Энгельс приходил к выводу, что над всем европейским положением господствуют три факта: 1) аннексия Эльзас-Лотарингии Германией, 2) стремление России к Константинополю, 3) все более разгорающаяся во всех странах света борьба между пролетариатом и буржуазией.

Первые два факта, говорил Энгельс, обусловливают разделение Европы на две группы, на два больших военных лагеря. Аннексия Германией Эльзас-Лотарингии делает Францию союзником царской России против Германии; угрозы со стороны царской России по отношению к Константинополю делают Австрию и даже Италию союзниками Германии. Оба лагеря вооружаются для решительной схватки, для войны,

[1] Особенно большое принципиальное значение имеет письмо к Зигфриду Мейеру от 9 апреля 1870 г., посвященное целиком ирландскому вопросу: «вызвать в английском рабочем классе сознание того, что национальное освобождение Ирландии является для него не вопросом абстрактной справедливости и чувства человечности, но первым условием его собственного социального освобождения», — так формулирует задачу Маркс. Письмо это полностью приведено в нашей работе «Война и кризис социализма». Не менее замечательны следующие слова Энгельса и Маркса по вопросу об Ирландии. В письме от 24 октября 1869 г. Энгельс пишет Марксу: «От Ирландии до России всего лишь один шаг. На истории Ирландии можно наблюдать, какое несчастье для народа, если он покорил другой народ. Все английские свинства имеют свое начало в порабощении Ирландии».

В письме от 29 ноября 1869 г. Маркс писал к Кугельману: «Я все более и более прихожу к убеждению—и теперь дело только в том, чтобы вкоренить это убеждение в умы английского рабочего класса,—что он никогда не будет в состоянии сделать в самой Англии решительного шага вперед, пока не порвет окончательно с политикой господствующих классов в ирландском вопросе. Английский рабочий класс должен не только содействовать ирландцам, но и взять на себя инициативу в деле роспуска основанного в 1801 г. союза и замены его свободным союзом на федеративных началах. И такой политики английский пролетариат должен держаться не из-за сочувствия к ирландцам, а потому, что она является необходимой с точки зрения его собственных интересов... Первое условие освобождения пролетариата в Англии есть низвержение английской земельной олигархии,—но пока эта олигархия сохраняет за собою позицию в Ирландии, нельзя сокрушить ее могущества в самой Англии».

которой не видел еще мир, для войны, в которой от 10 до 15 млн. солдат будут противостоять друг другу.

С величайшим негодованием и горечью Энгельс не раз возвращается в этих работах к вопросу об Эльзас-Лотарингии:

«...Онемечить родину Марсельезы, Страсбург, это было так же противно здравому смыслу, как офранцузить Ниццу, родину Гарибальди... Посредством голого насилия осуществлено замышленное. Это было видом мести французской революции. Пруссия оторвала от Франции как раз кусок той территории, которую революция сплавила воедино с Францией»[1].

Энгельс возвращался к вопросу об аннексии Эльзас-Лотарингии не только из чувства попранной справедливости, но и потому, что именно этот момент служил исходным пунктом сближения между буржуазно-республиканской Францией и царской Россией — как это предвидели Маркс и Энгельс уже в 1880 г.

Работа Энгельса «Социализм в Германии» писалась в самом начале 90-х годов, под впечатлением только что оформленного франко-русского союза, празднеств в Кронштадте, эпопеи буланжизма (когда французский военный министр Буланже чуть было не вызвал войну против Германии). Энгельсу было ясно, что схватка между Германией, с одной стороны, и Францией — Россией — с другой, неизбежна.

«Осуществив насильственную аннексию Эльзас-Лотарингии, германское правительство... сделало царскую Россию вершителем судеб Европы... Никакого сомнения: против нынешней германской империи и нынешняя французская республика представляет революцию — конечно, только буржуазную революцию, но все-таки революцию. Но как только эта республика отдает себя под команду русского царя, дело меняется».

В начале 90-х годов война казалась не только неизбежной, но и очень близкой. В письмах к Бебелю Энгельс обсуждал с последним перспективы этой войны и тактику германской социал-демократии на случай, если такая война возникнет. Германская социал-демократия только что сбросила с себя цепи исключительного закона против социалистов и быстро вырастала в могучую пролетарскую организацию. Германская социал-демократия в этот период бесспорно была самой сильной рабочей партией в мире. В переписке с Бебелем и в статье «Социализм в Германии» Энгельс выступает горячим проповедником *революционной* войны Германии против царской России, защищая эту идею в основном теми же доводами, какими защищал ее Маркс еще в «Новой Рейнской Газете» в 1848 г.

29 сентября 1891 г. Энгельс писал Бебелю:

«Если дело дойдет до войны, то мы должны требовать всеобщего вооружения народа.... Сдерживать русских и разбить французов — с этого надо начинать войну... Если это пройдет благополучно, тогда во Франции непременно произойдет переворот. Мы одновременно должны

[1] «Сила и экономика», цитируем по «Нейе Цейт», 1896 г., т. I, стр. 774—775.

настаивать на том, чтобы французам в виде мирного предложения были предоставлены по меньшей мере Метц и Лотарингия».

24 октября 1891 г. Энгельс писал Бебелю (это письмо — крайне важный документ):

«Мне казалось, что с французами необходима была полная откровенность в вопросе о том, какое мы займем положение, если дело дойдет до войны... Я написал статью по-французски «La socialisme en Allemagne», «Almanach du parti ouvrier pour 1892 г.» («Социализм в Германии», «Альманах рабочей партии на 1892 г.»). Я говорю им прямо: мы почти уверены, что лет через 10 получим власть в свои руки. Мы не смогли бы ни получить власти, ни удерживать ее, не исправив грехов наших предшественников по отношению к другим национальностям, т. е.: 1) искренне приступить к восстановлению Польши; 2) предоставить населению Северного Шлезвига и Эльзас-Лотарингии свободно решить вопрос, в какое государство они войдут. Между социалистической Францией и социалистической Германией эльзас-лотарингского вопроса и вообще не может существовать. Следовательно, нет никакого основания для войны из-за Эльзас-Лотарингии. Но если все-таки французская буржуазия начнет войну и для этой цели пойдет на службу к русскому царю, который является также и врагом всей западно-европейской буржуазии, то это будет *отрицанием* революционного призвания Франции. Наоборот, мы, немецкие социалисты, мы, которым при сохранении мира в течение 10 лет удастся достичь власти, мы должны отстоять завоеванное нами положение во главе рабочего движения не только против внутреннего, но и против внешнего врага. Если победит Россия, то мы будем раздавлены... Итак, если Россия начнет войну, — вперед на русских и их союзников, *кто бы они ни были!*.. Тогда уже наше дело позаботиться о том, чтобы война велась всеми революционными средствами и чтобы всякое правительство, отказывающееся от этих средств, сделалось бы невозможным; а в нужный момент мы сами должны стать во главе. Мы еще не забыли славного примера французов 1793 г., и если нас к тому вынудят, то может случиться, что мы отпразднуем столетний юбилей 1793 г., показав, что немецкие рабочие 1893 г. достойны санкюлотов того времени, и если французские солдаты придут к нашим границам, то мы их встретим возгласом:

> Quoi, ces cohortes étrangères feraient la loi dans nos foyers?
>
> (Как, эти чужеземные отряды несут закон в наши жилища?)

Таков общий ход мысли...»

Приблизительно в это же время Бебель на партейтаге германской социал-демократии, в полемике против Фольмара особенно подчеркивал свое полное согласие с Энгельсом в оценке международного положения и перспектив войны. Сам Энгельс, в свою очередь, писал (24 октября 1891 г.) к Зорге: «Меня радует, что в этом вопросе

я имею на своей стороне Бебеля, т. е. самого делового из наших товарищей».

И вот, когда в 1914 г. грянула мировая война, германские социал-шовинисты пытались изобразить дело так, будто, впрягаясь в колесницу Вильгельма II, они, в сущности говоря, идут по тому пути, который предлагали Маркс в 1848 г. и Энгельс в 1891 г. Пожалуй, ни одна работа Энгельса не подверглась в это время столь бесстыдным извращениям и столь наглым подделкам, как его работа «Социализм в Германии». В действительности ход мыслей Энгельса в статье «Социализм в Германии» был таков:

«С уверенностью можно сказать одно: ни русский царизм, ни французская буржуазная республика, ни само германское правительство не упустят такого прекрасного случая (как война), чтобы задушить единственную партию (социал-демократию), которая для всех троих является главным врагом».

Что же при такой обстановке должна сделать германская социал-демократия, наиболее сильная рабочая партия в мире? Она должна взять на себя инициативу *революционной* войны против русского царизма и *объединившись с французскими рабочими*, заставить Францию отказаться от позорной поддержки русского царизма, — отвечает Энгельс.

«Война, во время которой русские и французы вторгаются в Германию, такая борьба станет для нас последней борьбой не на живот, а на смерть, — пишет Энгельс. — В этой войне она может обеспечить свое национальное существование только посредством применения *самых революционных мер*. Нынешнее правительство, если оно не будет к этому принуждено, без сомнения, не станет вызывать революцию. Но у нас есть сильная партия, которая может его к этому принудить или в случае нужды может стать на его место. Это — социал-демократическая партия. И мы не забыли того великого примера, который показала нам Франция в 1793 г. 100-летний юбилей 1793 г. совсем уже близок... Надо показать, что «нынешние немецкие пролетарии не уступают санкюлотам, жившим 100 лет назад, и что 1893 г. может померяться с 1793 г.».

Мы видим: Энгельс проповедует *революционную* войну, он проповедует *пролетарский якобинизм*, он апеллирует к лучшим образцам Великой французской революции, имея в виду, что применять эти образцы будет «сильная партия» современности, партия рабочего класса. Не о гражданском мире говорит в эту пору Энгельс, а об образцах наиболее резкой гражданской войны. Он подходит к международным событиям, как они сложились в данной обстановке, с тем же критерием, с которым всегда подходил Маркс: *польза международной пролетарской революции*. Царизм — главный враг, но из этого не следует, что, в случае войны с царизмом, надо броситься на шею германской буржуазии. Из этого следует только то, что, если германская буржуазия ввяжется в войну с царизмом, рабочая партия Германии должна будет использовать этот момент для того, чтобы встать на место самой гер-

манской буржуазии и посредством применения самых революционных мер отбить атаки царизма, превращая в то же время Германию в рабочую республику.

А если русский царизм будет биться с Германией не один на один, а в союзе с французской буржуазной республикой? Энгельс не оставляет ни малейшей неясности и в этом вопросе. «По отношению к германской империи французская республика *может* при известных обстоятельствах представлять буржуазную революцию. Но по отношению к республике Констана, Рувье или даже Клемансо, а в особенности по отношению к республике, находящейся в услужении у русского царизма, — немецкий социализм, безусловно, представляет пролетарскую революцию»[1].

Говоря о борьбе против русского царизма, Энгельс не апеллирует в данный момент непосредственно к революционным силам внутри самой России, — потому что массовое движение у нас тогда только еще начиналось. Но замечательно вот что. Когда в России в 1891 г. разражается знаменитый голод, и в связи с ним появляются первые признаки народного брожения, Энгельс спешит сделать приписку к своей статье, — в том смысле, что дело серьезно изменится, если социализм получит союзника *внутри* самой России, если русская революция возьмет судьбы иностранной политики своей страны в свои собственные руки и тем уничтожит почву для франко-русского союза, являющегося воплощением реакционно-шовинистической политики.

Такие же идеи Энгельс развивает и в статье «Иностранная политика русского царизма», написанной по просьбе русских социал-демократов и помещенной одновременно в «Нейе Цейт» и в журнале «Социал-демократ», издававшемся под редакцией Плеханова, Аксельрода и др.

Только победоносная революция в России, если она поспеет раньше войны, может избавить человечество от всемирной войны, — так ставит вопрос Энгельс. Если в России произойдет победоносная революция такого размаха, что народ возьмет судьбы страны в свои собственные руки, тогда наступит сближение революционной России с революционной Францией. Только это может послужить толчком к тому, чтобы распался и реакционный блок, организующийся вокруг Германии. Победоносное движение внутри России чрезвычайно ускорило бы социалистический переворот на Западе. Борьба сосредоточилась бы между пролетариатом и буржуазией, а не между теми или другими целыми нациями.

Идеологи буржуазии и владыки мира сего это отлично понимают. И поэтому: «несмотря на все тяжбы с Россией по поводу Константинополя и т. д., могут наступить моменты, когда реакционные европейские правительства выбросят русскому царизму и Константинополь, и Босфор, и Дарданеллы, и, вообще, что он пожелает, только бы он

[1] «Нейе Цейт», 1892 г., стр. 584.

защитил их против революции. Европа со страшной быстротой катится по наклонной плоскости в пропасть всемирной войны невиданных еще до сих пор размеров и невиданной жестокости. Одно только может задержать неизбежное: перемена системы в России».

Судьбы международного революционного движения уперлись в русский царизм. В течение многих десятилетий Маркс и Энгельс исходили из этой истины, ее разъясняли, ее ставили во главу угла всех своих расчетов, всей своей политики. Совсем не задолго до смерти Маркса в одном из последних писем к нему Энгельс пишет: «прошло доброе старое время, и Россия не стоит больше за русской дипломатией, а противостоит ей» [1]. Это письмо относится к 12 сентября 1882 г. — к тому периоду, когда поединок между народовольцами и русским царизмом принял особенно драматические формы. В это время Маркс и Энгельс надеялись на быстрый революционный взрыв в России и были уверены, что русская революция может стать прологом грядущей европейской революции.

«Что может избавить от закона против социалистов?» — спрашивает Бебель в письме к Энгельсу (имея в виду закон против социалистов в Германии). «Конечно, взрыв в России!»

«Странно, что все не могут привыкнуть к тому, что толчок может притти оттуда», — замечает Энгельс в письме к Марксу от 30 ноября 1882 г. [2].

Конец 80-х и начало 90-х годов были как раз тем периодом, когда народовольцы сошли со сцены, а массовая революционная борьба рабочих еще по-настоящему не начиналась. Но и в годы затишья Энгельс верил в русскую революцию и придавал громадное значение каждому симптому оживления революционной борьбы в России.

Русская революция пришла значительно позже, нежели ее ожидали Маркс и Энгельс, но она сыграла и еще сыграет именно ту великую роль, которую отводили ей творцы научного коммунизма.

---

[1] Переписка, т. IV, стр. 476.
[2] Там же, стр. 492.

XI. ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ И НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ВОЙНА. [1])

Излюбленный прием господствующих классов и с.-д. вождей во время первой мировой империалистской войны состоял в том, что война изображалась как оборонительная с «нашей» стороны и наступательная с «их» стороны. К этому приему одновременно прибегают господствующие классы Германии и других стран. Спрашивается: *для чего?*

Для того чтобы поэксплоатировать прочную демократическую традицию *прежней* эпохи — в интересах нынешней империалистской политики.

Дельцы и идеологи буржуазии знают, что деление войн на оборонительные и наступательные в эпоху национальных движений (приблизительно 1789—1871 гг.) играло большую роль в среде демократии. Они рассчитывают — и рассчитывают правильно, — что обмануть широкие массы населения легче всего, опираясь на демократическую идеологию прошлого. Они знают, что за целое столетие 1789—1871 гг. деление войн на оборонительные и наступательные пустило прочные корни среди самых широких слоев демократии, что оборонительные войны в эту эпоху считались законными, справедливыми и заслуживающими поддержки и, наоборот, наступательные войны вызывали возмущение масс и готовность бороться на стороне обороняющегося. Остается только небольшая мелочь: перенести критерий оборонительной и наступательной войны на новую эпоху, когда, благодаря условиям общественного развития, это деление потеряло всякий смысл, и — задача буржуазных империалистов решена. Буржуазия так верит в это средство, что во всех государствах, без различия форм правления, языка, культуры и т. д., она прибегала именно к нему. «Техника» эта получила громадное распространение. Германская монархия, чопорно-парламентарная Англия, ветхая полуабсолютистская Австрия, Турция и Болгария — все одинаково прибегали к этому «верному средству». Послушать их, так все они, без исключения, вели оборонительную войну.

Все обороняются. Кто же нападает?..

С критерием оборонительной и наступательной войны была проделана такая же операция, как с лозунгом «защиты отечества». И ло-

---

[1] В основу этой главы положен соответствующий отрывок моей книги «Война и кризис социализма». Эта частичная перепечатка оправдывается тем, что вещь прошла через редакцию Ленина.

зунг «защиты отечества» и критерий «справедливой» оборонительной войны — оба родились в эпоху *национальных* войн. Защита отечества в эпоху национальных войн означала защиту национального единства против иноземных угнетателей, означала борьбу за создание условий для развития из феодализма и полуфеодализма более высокого общественного строя — *капиталистического строя*. И та же *«защита» означает* в империалистскую эпоху поддержку финансового капитала, который, пользуясь армией и всем аппаратом буржуазного государства, старается *задержать* переход от капитализма к назревшему в условиях общественного развития более высокому строю — *к социализму*. Придерживаться критерия оборонительных и наступательных войн в эпоху 1789—1871 гг. означало помогать массам разбираться в том, где друг и где враг, где угнетатель и насильник и где защитник общественного прогресса. И придерживаться критерия оборонительных и наступательных войн в эпоху 1914—1918 гг. означало помогать врагам общественного прогресса обманывать народные массы насчет того, где их общий враг и в чем единственный путь к спасению народов от массовых кровопролитий, которыми характеризуется вся империалистская эпоха.

Можно быть вполне уверенным, что на любом европейском конгрессе держав империалистские правительства, несмотря на разделяющие их разногласия, всегда единогласно признают, что критерий оборонительной и наступательной войны должен остаться в силе. И они со своей точки зрения правы. Пусть только попрежнему будет признан народами самый этот принцип. А уж убедить потом «свой» народ, что обороняемся «мы», а нападают «они» — это будет не так уже трудно. Так и поступает ныне Лига наций. Так поступают и вожди «мировой» соц.-демократии.

* * *

Мы уже отмечали, что следует различать не только две эпохи, но и два понятия: оборонительную и наступательную войну в *историческом* смысле и оборонительную и наступательную войну в *дипломатическом* смысле. Остановимся подробнее на этом различии.

Что понималось под оборонительной и наступательной войной в прежнюю эпоху национальных войн? Как применяли тогда этот критерий лучшие представители демократии? По какому признаку или по каким признакам судили они о том, где обороняющаяся, где нападающая сторона? Если, скажем, страна X *первая объявила войну* стране Y — считалось ли это достаточным, чтобы страна X признана была нападающей, а страна Y — обороняющейся? Или, если, скажем, в войне между страной X и страной Y — независимо от того, кто первый объявил войну — войска первой придерживались наступательной стратегии, а войска второй — оборонительной стратегии, — то считалось ли *это* достаточным, чтобы объявить страну X наступающей и страну Y обороняющейся? Или если были налицо оба признака,

т. е. *и* первая объявила войну страна *X*, *и* войска ее придерживаются наступательной стратегии, вторгаются в страну неприятеля — то достаточно ли было *этого* для объявления страны X наступающей стороной?

Нет! Ни дипломатическая, ни стратегическая стороны вопроса не являются исчерпывающими. Решающим является иной, гораздо более важный момент: оценка под углом зрения *всего исторического развития*. Какая страна борется за создание национального государства, за устранение связанного с полуфеодальными отношениями иноземного владычества национальной раздробленности? Какая страна своей войной дает исход длинному ряду национальных движений внутри страны, в какой стране войне предшествовали долгие годы национального гнета и, как реакция против него, — долгие годы национального движения, национальной борьбы против него? Другими словами: какая сторона борется за то, что лежит по линии исторического прогресса? Вот чем решается вопрос. Не то государство ведет наступательную войну, которое первое объявило другому войну — этого может и не быть. А то государство ведет наступательную войну, которое по всей ситуации, по всему стечению обстоятельств мешает созданию единого национально-капиталистического государства. То государство ведет наступательную войну, которое своей войной отстаивает политику, препятствующую историческому прогрессу в вышеочерченном смысле. И — обратно. Не то государство ведет оборонительную войну, которому война объявлена была другим государством или которое первое подверглось военному нападению, вторжению неприятельских войск и т. п. — этого может и не быть. А то государство ведет оборонительную войну, которое по всему положению вещей защищает, *обороняет* исторический прогресс от покушения чужестранного насильника, ведет войну за упразднение полуфеодальной раздробленности, за создание национально-капиталистического государства. Капитализм, по сравнению с феодализмом, есть исторический прогресс. По сравнению с капитализмом историческим прогрессом является только социализм. Поэтому в эпоху национальных войн оборонительную войну можно было вести, только защищая национально-капиталистическое единство против феодальной и полуфеодальной раздробленности. Потому, в эпоху империалистических войн, в эпоху войн, ведущихся при высшей стадии, при максимальной зрелости капитализма, оборонительную войну можно вести, только защищая тут или там победившее *социалистическое* государство против капиталистического, империалистского государства. В этом смысле Фр. Энгельс в 1882 году и писал Карлу Каутскому, что он после победы пролетариата, после завоевания им власти не считает исключенными оборонительные войны, т. е. войны, в которых пролетариат будет защищать, *оборонять* социалистические завоевания против исторически отживших капиталистических государств[1]...

---

[1] См. письмо Фр. Энгельса к Каутскому по вопросу о колониальной политике в брошюре *Каутского*, Sozialismus und Kolonialpolitik, 1907 г., нем.

Таким образом мы должны делать точное различие между наступательной и оборонительной войной *в историческом* коренном смысле и — оборонительной и наступательной войной *в дипломатическом* (и стратегическом), второстепенном смысле. Параллелизм между тем и другим вовсе не обязателен. Возможны случаи, когда оборонительная *в историческом* смысле война является наступательной *в дипло-*

изд., стр. 79. Каутский при первых предвестниках германского империализма запросил Энгельса, как относятся английские рабочие к английской колониальной политике. На это Энгельс ответил письмом от 12 сентября 1882 года. Ввиду большого интереса, который представляет это письмо, мы приведем его здесь полностью:

«Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике? Решительно то же самое, что они думают о политике вообще. Здесь не существует ведь рабочей партии, здесь существуют только консерваторы и либеральные радикалы, а рабочие усердно соучаствуют в потреблении (zehren flott mit) тех благ, которые несет с собой английская монополия на мировом рынке и в колониях. На мой взгляд колонии в собственном смысле слова, т. е. страны, заселенные европейскими пришельцами, — Канада, Южная Африка, Австралия — все станут самостоятельными. Напротив того, колонии, которые заселены туземным населением, но находятся под властью европейцев, — Индия, Алжир, голландские, португальские и испанские владения — пролетариат временно возьмет в свои руки и поведет их как можно скорее навстречу самостоятельности. Как будет протекать этот процесс — сказать трудно. Индия, быть может, сделает революцию, это даже очень вероятно. И так как освобождающий себя пролетариат не может вести колониальных войн, придется предоставить это ходу событий, причем, разумеется, не обойдется без различного рода разрушений. Но этого нельзя отделить ни от какой революции. То же самое возможно и еще в других странах, например, в Алжире и Египте, и это было бы для нас несомненно лучшим исходом. У нас будет достаточно работы дома. Когда Европа и Сев. Америка будут реорганизованы (т. е. реорганизованы на социалистических началах. — *Г. З.*), это создаст такую колоссальную силу и такой пример, что полуцивилизованные народы совершенно произвольно (ganz von selbst) потянутся по тому же пути. За это ручаются уже сами экономические потребности. Но через какие социальные и политические формы эти страны должны будут тогда пройти, пока они тоже придут к социалистической организации, — относительно этого, я полагаю, мы можем ныне высказывать только довольно праздные гипотезы. Одно только несомненно: *победоносный пролетариат не может пытаться насильно осчастливить какой-нибудь чужой народ, ибо иначе он рисковал бы подорвать свою собственную победу.* Чем, разумеется, ни в коем случае не исключаются различного рода оборонительные войны. (Имеются в виду оборонительные войны победившего в той или иной стране социалистического пролетариата против стран, желающих удержать капитализм и потому угрожающих существованию социализма в других странах. — *Г. З.*).

«История в Египте подстроена русской дипломатией. Гладстон должен взять Египет (которого он далеко еще не имеет, а если бы и имел, далеко еще не мог бы удержать), с тем, чтобы Россия взяла Армению; и это Гладстон, конечно, опять не преминет объявить освобождением христианской страны от магометанского ига. *Все остальное в этой истории — видимость, подлог, обман.* Удастся ли этот милый план — это скоро выяснится». (Последний абзац письма относится к занятию Египта англичанами после восстания египтян. Не задолго до этого было опубликовано посвященное этому письмо Энгельса от 9 августа 1882 года, в котором он предостерегал от того, чтобы к египетскому национальному движению относились только с точки зрения чувства. Из этого сделали вывод, будто Энгельс с сочувствием относится к аннексии Египта Англией. Письмо показывает, что ничего подобного не было в действительности.).

матическом или стратегическом смысле, и обратно. Таковы, например, войны Великой французской революции. Будучи иногда в дипломатически-стратегическом отношении чисто наступательными, они в историческом смысле могут быть названы *оборонительными войнами*. Их историческое значение заключалось в том, что они должны были защитить завоевания Великой французской революции от соседних монархий, стремившихся восстановить во Франции старый режим. Если бы революционной Франции не удалось отразить натиска Англии, которая защищала уже и тогда свое колониальное первенство, если бы в войнах против контрреволюционной Австрии и т. д. Франция не устояла, — она не смогла бы защитить, отстоять, *оборонить* завоевания 1789 г.

Несколько еще более близких исторических примеров лучше всего пояснят дело. Для краткости мы будем употреблять только два термина: оборонительная война в смысле *историческом* и оборонительная война в смысле *дипломатическом*.

* *
*

Итальянская война 1859 г. Это — классический пример национальной войны. Это — типичная оборонительная, *в историческом* смысле слова, война. Но вместе с тем в стратегически-дипломатическом смысле дело обстояло вовсе не так просто. В Италии давно уже ширилось и росло национальное движение против австрийского чужеземного гнета. После крымской войны дипломатическое положение дел сложилось так, что Австрия оказывалась на международной арене более или менее изолированной. Кавур, главный политический вождь Пьемонта, имел все основания считать, что данный момент наиболее удобен для итальянской войны против Австрии. Он начинает усиленно готовиться к войне, укрепляя армию, создавая благоприятную почву для вербовки многочисленных волонтерских отрядов и т. п. И вместе с тем он усиленно подготовляет почву для войны и *в дипломатическом* отношении. Он ищет союзника. И — находит его в лице Наполеона III.

По приглашению Наполеона III Кавур едет к нему в Пломбьер на тайное свидание, и там в строжайшей тайне даже от правительств обеих стран они заключают наступательный союз против Австрии. Наполеон дипломатическим путем прежде всего подготовит нейтральность России. Вместе с тем будут сделаны все нужные шаги для укрепления армий — французской и пьемонтской. Устанавливаются все детали. Франция даст армию в 200 000 человек, и ею будет командовать сам Наполеон III. Пьемонт выставит армию в 100 000 человек. Армии соединятся в таком-то месте и проведут такой-то стратегический план. В случае частичного успеха Наполеон III получит в виде компенсации только Савойю, в случае большего успеха (т. е. если Сардиния присоединит также Парму и Модену) — еще и Ниццу.

Кавур настолько горит желанием броситься в долгожданную борьбу за итальянскую независимость, что он готов *первый* объявить войну

Австрии, не считаясь с тем, что этот вызов создаст неблагоприятное впечатление и покажет всему миру, что *в дипломатическом* отношении эта война — наступательная со стороны Италии. Но Наполеон III действует хладнокровнее и осторожнее. Путем всевозможных дипломатических ухищрений он старается добиться того, чтобы первой непременно объявила войну Австрия. Кавур часто приходит в отчаяние от этих выжидательных приемов Наполеона III. Ему кажется, что медлительностью Луи Наполеон губит дело. Был момент, когда могло казаться, что создается такое дипломатическое положение, при котором самая война станет вообще невозможной. Кавур в отчаянии готов был наложить на себя руки. Это было в тот момент, когда Англия по просьбе Австрии предложила решить спорные вопросы на конгрессе с тем, однако, чтобы Сардиния предварительно разоружилась, так как иначе конгресс не мог бы-де спокойно заседать. Наполеон III сделал вид, будто он согласен и на это. Он потребовал только... чтобы и Австрия тоже разоружилась. Австрия не могла пойти на это, зная, что в Пьемонте сделаны уже все военные приготовления, и не сомневаясь в том, что война так или иначе разразится. К тому же финансовое положение Австрии было таково, что она могла либо начать войну сейчас, либо совсем не могла бы ее начать. Военные расходы достигли высшего предела. Начав войну, Австрия могла прибегнуть к принудительным внутренним займам, могла прекратить ряд платежей и таким образом справиться с финансовым кризисом. Отложив войну, Австрия создала бы себе новые громадные финансовые затруднения. Жребий был брошен. Австрия не могла больше на оттяжки и диверсии отвечать контрдиверсиями. Она вынуждена была *первая* объявить войну Сардинии. Она послала ей свой известный ультиматум — разоружиться в течение трех дней. Получив этот ультиматум, Кавур ожил. Этот ультиматум *означал войну*. Кавур настолько обрадовался ультиматуму, что чуть не бросился на шею австрийскому послу, передавшему ему этот документ. Кавур плакал от радости, как ребенок, когда обступившие его друзья поздравляли его с войной.

Австрия *первая* объявила войну Италии в 1859 г., и австрийские войска *первые* перешли границу. Но в *дипломатическом* отношении нападающей стороной была *не она*. Ей выгоден был status quo. Ей война не нужна была, она хотела бы ее избегнуть. *В дипломатическом* отношении это была наступательная война со стороны противников Австрии. Но в более глубоком, единственно важном, *историческом* смысле это была война оборонительная для Италии, война, в которой создавалось исторически-прогрессивное итальянское единство, война, в которой уничтожалась полуфеодальная национально-государственная раздробленность.

Какой смысл имел *дипломатический* поединок между Наполеоном III и Австрией? Почему обе стороны так усиленно добивались чтобы именно противник первый объявил войну?

Разумеется, потому, что и тогда руководители иностранной политики желали использовать в своих интересах тот эффект, который

производит на массы населения первый шаг. Каждой стороне хочется возложить в глазах масс весь odium за войну на противника, каждая сторона желает выставить зачинщиком другого.

Вот как описывает эффект от австрийского ультиматума один из современников, лично переживших события, Н. Г. Чернышевский:

«Дерзкий ультиматум разгневил против Австрии все нейтральные державы и общественное мнение целой Европы. Пруссия, Россия, Англия протестовали против такого крутого образа действий в самых сильных выражениях. Газеты целой Европы разразились негодованием на безрассудную наглость Австрии. *Император французов торжествовал: австрийский кабинет не мог сделать ничего более соответствовавшего видам Тюильри.*

Вся дипломатическая тактика Наполеона стремилась к тому, чтобы выставить перед Европою Австрию зачинщицей войны, и теперь сама Австрия исполнила его желание, даже превзошла его надежды» [1].

Дальновидные люди, как Н. Г. Чернышевский, уже в момент событий видели и знали, что *дипломатически* войну вызвала не Австрия. Знали это, конечно, и протестовавшие нейтральные державы. Но для широких масс народа, для тех миллионов, для которых общественное мнение делают «газеты целой Европы», для них нападающей стороной и в смысле дипломатическом выставлена была Австрия.

Таков пример итальянской войны 1859 г. Мы видим в ней целый клубок отношений. Наполеон III помогает Италии из своекорыстных «компенсационных» интересов. До национальной свободы ему, по существу, столько же дела, сколько до прошлогоднего снега. Ему нужны Савойя и Ницца, ему нужно упрочить свой авторитет в концерте держав, чтобы тем укрепить свое положение внутри Франции. В итальянской войне он является защитником исторического прогресса — поневоле. И то же относится к дореформенной реакционной России, которая своим нейтралитетом облегчает борьбу Италии против австрийского гнета.

И тем не менее война 1859 г. в *историческом* смысле была оборонительной, справедливой со стороны Италии, т. е. войной, в которой Кавур и Гарибальди обороняли дело прогресса, дело национально-буржуазного государственного объединения против феодального национально-государственного раздробления.

Австрия была в войне 1859 г. в историческом смысле *нападающей* стороной *не потому*, что она первая объявила войну, не потому, что ее войска первые перешли границу, а — *невзирая* на то, что дипломатическая наступательная тактика Кавура и его союзников принудила Австрию первой объявить войну. Италия (Пьемонт) была в 1859 г. обороняющейся стороной не потому, что ей первой вручен был ультиматум, а — *несмотря* на то, что она сама намеренно вызвала вручение этого ультиматума.

---

[1] *Н. Г. Чернышевский*, том V, «Политика», стр. 166.

Решающим является *историческое* значение войны. Дипломатическая подготовка играет совершенно подчиненную роль. Таков урок, вытекающий из войны 1859 г.

Еще больше интереса представляет более близкий к нам по времени — в своем роде тоже классический — пример франко-прусской войны 1870—1871 гг. Обратимся к дипломатической истории этой последней из больших национальных войн в Европе. На ней стоит остановиться подробнее.

* * *

Маркс и Энгельс предсказывали, что неизбежным результатом австро-прусской войны 1866 г. будет новая война, в которой Пруссии придется встретиться грудь с грудью с Францией. Тем не менее война 1870 г. была большой неожиданностью для всех социалистов, — да и не для них одних.

Еще в начале июля 1870 г., т. е. за каких-нибудь две недели до начала войны, французская палата депутатов постановила *понизить* военный контингент с 100 000 рекрут до 90 000. При этом военный министр Лебеф заявил, что он охотно соглашается на это понижение, ибо сам желает подчеркнуть миролюбивые стремления его министерства. А председатель совета министров Оливье на запрос депутата Жюля Фавра заметил, что никогда еще мир не был так обеспечен, как в данный момент, — ибо политический небосклон совершенно ясен, нет ни одного такого боевого вопроса, который в настоящий момент мог бы нарушить мир. А между тем в эти дни мир висел уже на волоске.

За кулисами шли последние приготовления к войне...

Была ли война 1870—1871 гг. в дипломатическом смысле наступательной со стороны Пруссии и оборонительной со стороны Франции, или наоборот? Желал ли, готовил ли, вызвал ли эту войну Бисмарк или, наоборот, ее навязал ему Наполеон? Это — вопрос, относительно которого в литературе много спорят еще и теперь. Целый ряд, в особенности немецких, историков [1] продолжают, например, и теперь отрицать факт фальсификации Бисмарком знаменитой Эмской депеши. Во всяком случае, в начале войны, как мы уже видели из прежнего изложения, все считали, что нападающей стороной является правительство Наполеона, а Пруссия-де только обороняется. Бебель в своих мемуарах рассказывает, что Либкнехт и он тогда же подозревали, что

---

[1] См., например, изложение дела в «Энциклопедии новейшей истории», основ. *Вильгельмом Гербстом*, или «Geschichte der neuesten Zeit» von Constantin Bulle, V B., или «Grundung des deutschen Reiches» von Wilhelm Mauerenbrecher (194—247). Тот же самый взгляд можно встретить даже у *Шарля Сеньобоса* («Политическая история современной Европы», нем. изд., стр. 746). В последнем сочинении немецкие социалисты обвиняются в том, что они смели приписать Бисмарку фальсификацию Эмской депеши.

на самом деле непосредственно нападающей стороной является Бисмарк, который годами подготовлял войну и теперь вызвал ее, только ловко позаботившись с внешней стороны обставить все дело так, как будто на Пруссию напали и она вынуждена обороняться. «Но, — прибавляет Бебель, — мы далеко не располагали тогда всеми данными для утверждения этого».

Во всяком случае, если бы еще нужны были исторические примеры для доказательства того, что критерий наступательной и оборонительной войны в узком, т. е. дипломатическом, смысле слова даже в прежнюю эпоху никуда не годился для социал-демократии, то история франко-прусской войны могла бы послужить для этого классическим примером. В оценках дипломатической стороны дела разошлись люди, которые в идейно-политическом отношении были самыми близкими единомышленниками. Вся обстановка была такова, что в момент событий вопрос о непосредственно нападающей стороне действительно мог стать чрезвычайно спорным.

В самом деле, какова была эта обстановка при возникновении войны 1870—1871 гг.? Поводом для объявления войны послужил совершенно случайно возникший вопрос о заместителе испанского трона. Одному из принцев гогенцоллернской крови (Леопольду) предложено было занять вакантный трон в Испании. Сначала он три раза отказывался, а потом согласился. Король прусский Вильгельм I относился к этой кандидатуре совершенно равнодушно, вначале даже враждебно. Известно его письмо к Бисмарку, в котором он заявил, что он, «в сущности говоря, *против* всей этой затеи».

Но в руководящих кругах наполеоновской Франции пожелали в этой кандидатуре увидеть casus belli (повод для объявления войны). Принц гогенцоллернской крови на испанском троне есть унижение для Франции, есть угроза французским интересам — таков стал пароль военной французской партии. Дело тянется более года. Но вот приблизилась развязка. Леопольд в самом деле готов сесть на испанский престол. Началась отчаянная шовинистская агитация. Наполеон поручает своему послу Бенедетти отправиться к Вильгельму, находившемуся тогда на водах в Эмсе, с поручением добиться отказа Гогенцоллернского принца от испанского престола. Вильгельм заявляет Бенедетти, что это дело совершенно приватное, его не касающееся. Однако после настояний и угроз со стороны Бенедетти принц Гогенцоллернский берет назад свою кандидатуру, о чем Вильгельм радостно сообщает Бенедетти, встретившись с ним на прогулке у источника. При этом Вильгельм выражает уверенность, что теперь призрак военного столкновения между Пруссией и Францией исчез окончательно.

Но Наполеон и его приверженцы на этом не успокоились. Они выдвигают новое требование: Вильгельм должен дать торжественную *гарантию*, что он и *впредь* ни под каким видом не допустит, чтобы кто бы то ни было из дома Гогенцоллернов принял испанский престол. Если Пруссия не желает гарантировать этого Франции, Франция сумеет постоять за свои интересы, не останавливаясь перед самыми решитель-

ными мерами. Это — прямая угроза войной. Но, несмотря на это, Вильгельм вновь дает аудиенцию Бенедетти и в лойяльной форме заявляет ему, что в гарантиях нет надобности и что Франция может вполне успокоиться после отказа принца Леопольда от испанского трона. Он разрешает Бенедетти в официальном донесении французскому правительству сослаться на слова короля Пруссии.

Бенедетти сносится со своим правительством и получает поручение *во что бы то ни стало* добиваться попрежнему торжественных гарантий. Он вновь отправляется к Вильгельму с прежними домогательствами. Вильгельм отказывает ему в новой аудиенции, но передает ему через своего адъютанта, что отказ Леопольда состоялся бесповоротно и что он не видит причин к нарушению мира. Об остальном пусть французское министерство сносится с прусским кабинетом обычным путем.

В то же время Абекен по поручению Вильгельма посылает из Эмса подробную депешу Бисмарку, в которой в совершенно мирном тоне излагаются события последних дней, переговоры с Бенедетти и пр. Бисмарку предоставляется право, если он найдет это нужным, опубликовать эти сведения в печати.

Когда пришла эта депеша из Эмса — рассказал впоследствии сам Бисмарк, — он вместе с Мольтке и Рооном (два главаря военной прусской партии) сидел за обедом. Пробежав глазами телеграмму, он отдал ее своим коллегам. Когда те прочитали эту Эмскую депешу, у них сразу пропал аппетит: они видели, что дело клонится к миру и что все их расчеты на немедленную войну расстраиваются. «Тогда, — говорит Бисмарк, — я взял у них из рук депешу и с карандашом в руках присел над ней у бокового столика. 5 минут работы и — телеграмма приняла другой вид. Когда я теперь показал ее Мольтке и Роону в новой редакции, они опять повеселели». «Вот это так, теперь это звучит иначе, — оживился молчаливый Мольтке, — vorher war es eine Schamade, jetzt ist es eine Fanfare!» И небольшая, но теплая компания вновь с аппетитом принялась за обед.

Теперь было ясно, что война обеспечена. Вызывающая Эмская депеша (в ее фальсифицированном виде) была опубликована во всей мировой прессе, брожение в наполеоновских кругах усилилось. 19 июля Франция объявила войну Пруссии. Французская палата депутатов одобрила это важное решение наполеоновского правительства при оппозиции небольшого меньшинства.

Такова внешняя история возникновения франко-прусской войны. Спрашивается, с чьей же стороны война эта была в смысле дипломатическом наступательной и с чьей — оборонительной?

Сам Бисмарк в его, в высшей степени интересных, мемуарах продолжает настаивать на том, что войну провоцировала Франция. Но из тех фактов, которые он же передает, вытекает, как дважды два, что войну подготовил и вызвал именно он, Бисмарк.

В ночь после Седана, — рассказывает Бисмарк, — он вместе с группой высокопоставленных офицеров на коне объезжал поле сраже-

ния. Было темно, хоть глаз выколи. Бисмарк не знал всех офицеров, которые находились в его свите. Зашел разговор о причинах, непосредственно вызвавших войну. «Я, — говорит Бисмарк, — заметил, что совершенно не понимаю французов. Я все время полагал, что кандидатура принца Леопольда на испанский престол будет даже очень приятна французам. Личные связи с французским двором у Леопольда всегда были прекрасные. К тому же, взойдя на испанский престол, он должен был бы вести *испанскую*, а не прусскую политику. И могло случиться, что он стал бы даже помогать Франции против Пруссии. Ибо, гранича с Францией и имея ряд общих с нею интересов, Испания, конечно, должна стараться жить в добром ладу с могущественной соседкой. Никто не мог бы и требовать, чтобы Испания ссорилась с Францией в интересах Пруссии.

«В эту минуту, к моей неожиданности, из темноты, — рассказывает Бисмарк, — раздался голос протеста. Оказывается, среди офицеров был и сам принц Леопольд, который протестовал против предположения, что он, принц Гогенцоллернский, мог бы проникнуться французскими симпатиями.

«Конечно, я понимал, что при данной обстановке Леопольд не мог не протестовать, и я даже попросил у него извинения, — продолжает Бисмарк. — Но из этого инцидента ясно видно, что я не мог особенно добиваться испанского престола для принца Леопольда».

Может быть, это не было в самом деле так. Самый испанский престол не мог иметь большой притягательной силы для Бисмарка. Но весь испанский инцидент был для него драгоценным как незаменимый повод для войны. Притом — такой повод, который давал возможность вину взвалить на другую сторону. Недаром Бисмарк в его воспоминаниях говорит, что он всегда держался того убеждения, что даже «победоносные войны только тогда легко оправдать, когда эти войны являются вынужденными» (или *кажутся* народу вынужденными — мог бы он сказать).

Во всяком случае инцидент, рассказанный Бисмарком, ничего не доказывает по существу вопроса. Как упорно добивался войны Бисмарк, видно из его собственного рассказа, что, когда испанский инцидент повернул на мирный исход, он, Бисмарк, решил подать в отставку. О своем категорическом решении он сообщил уже даже военному министру Роону и начальнику генерального штаба Мольтке. Он, видите ли, не мог стерпеть такого «интернационального бесстыдства» (internationale Unverschämtheit) со стороны Франции. Своею честью и честью Пруссии он не мог пожертвовать в пользу «политики». А «отступление» Пруссии в испанском конфликте равнялось, в его глазах, унижению.

Его отставка решена. Она у него в кармане. Но вот блеснула новая надежда на войну. Пришла Эмская депеша. Он «не прибавил в ней ни одного слова», он только «сократил» ее и изменил «формулировку» ее так, что «в новой редакции депеша приобрела *характер последнего слова* (только!!!) — меж тем как в прежней формулировке она

имела вид одного из эпизодов продолжающихся еще переговоров, которые должны теперь еще вестись в Берлине» [1]. *Только!* Не больше, не меньше...

Испанский инцидент был удобным для Бисмарка casus'ом belli еще и потому, что, как он надеялся (см. его мемуары), Испания сочтет себя обиженной за вмешательство Франции в ее внутренние дела (вопрос о престоле) и тоже объявит войну Франции. Этого, как известно, не случилось. «Испания предала нас» (im Stich gelassen), — меланхолически замечает Бисмарк по этому поводу.

В своих мемуарах Бебель рассказывает, что на него и его друзей произвело огромное впечатление то обстоятельство, что, как только война была провозглашена, оказалось, что прусская армия находится в полнейшей боевой готовности вплоть до самых мелких деталей. Это лучше всего открыло глаза Бебелю и его единомышленникам насчет того, где следует искать непосредственно нападающую сторону. Но — с другой стороны, из целого ряда важнейших эпизодов, предшествовавших объявлению войны, вытекало, что задирает, нападает, провоцирует войну правительство Наполеона. О фальсификации Бисмарком Эмской депеши в то время никто не мог догадываться. Германская дипломатия тщательнейшим образом, конечно, скрывала эту «профессиональную тайну». Проницательности Вильгельма Либкнехта делает большую честь то обстоятельство, что уже в 1873 г., сейчас же после выхода в свет официального сочинения прусского генерального штаба о франко-прусской войне, он стал догадываться, что Эмская депеша была фальсифицирована, и стал публично обвинять в этом Бисмарка в печати [2]. Но в самом начале событий и Либкнехт не видел всех «тонкостей» игры Бисмарка.

Через три десятилетия после событий Жорес написал целое исследование о франко-прусской войне. Меньше всего он, конечно, хотел оправдывать Бисмарка и бисмарковскую Пруссию. Но и из его изложения ясно, что добрая доля вины за войну 1870—1871 гг. лежала на бонапартистской Франции. И, во всяком случае, ясно, что положение было чрезвычайно сложно и запутано — так что в момент, когда события переживались, совсем не легко было сказать, где же непосредственный виновник войны.

Бисмарк, начиная с 1867 г., ведет систематическую интригу, чтобы втравить Францию в войну. Испанский инцидент ему чрезвычайно на руку, ибо дает шанс создать положение, при котором для внешнего мира непосредственно нападающей стороной будет Франция. Но с другой стороны, — говорит Жорес, — весь 1869 г. правительство Луи Наполеона лихорадочно готовит наступательный союз Франции плюс Австрия, плюс Италия против Пруссии. Нерешительность проявляет больше всего Австрия, боящаяся наступательных

[1] См. «Gedanken und Erinnerungen» von Fürst Otto von Bismark, II B., в особенности главу об Эмской депеше, S. 78—93.

[2] См. перепечатку этих статей Либкнехта из «Volksstaat'a» в его брошюре «Die Emser Depesche, oder wie Kriege gemacht werden», Nürnberg, 1891.

действий против Пруссии, но безусловно соглашающаяся заключить оборонительный союз против нее. Еще накануне самого объявления войны в июле 1870 г. дипломатия Наполеона III тешила себя мыслью, что Австрия активно поддержит Францию против Пруссии.

Бисмарк хитрил и прятался. Жорес предполагает, что в разгаре конфликта Бисмарк с Рооном и Мольтке умышленно уехали «на дачу», чтобы перед широкой публикой установить нечто вроде своего alibi, т. е. чтобы успешнее можно было сваливать вину за провокацию войны на Францию. Но и французский министр де-Грамон вел себя, по выражению Жореса, как слепой и потерявший голову человек. Он произносил угрожающие речи, он разжигал страсти, он ставил невозможные требования. Уже после отказа Леопольда от испанской кандидатуры Бенедетти телеграфировал де-Грамону, что дальнейшие демонстрации со стороны Франции неизбежно вызовут войну. Но бонапартистское министерство продолжает упорствовать. Ему кажется, что момент благоприятен для натиска на Пруссию.

В последнюю минуту отдельные влиятельные члены палаты депутатов пробуют задержать войну. Тьер заявляет, что это сумасшествие («c'est une folie») со стороны французского правительства. Ему вторят и другие голоса. Но — уже поздно. Конфликт зашел чересчур далеко.

Картина у Жореса ясна: *две* сети интриг неустанно плелись в течение нескольких лет до войны 1870—1871 гг. На берегах Сены работали для провокации войны столь же усердно, сколь и на берегах Шпре. Бисмарк перехитрил министров Луи Наполеона. Теперь, после событий, это ясно. Но ответственность за войну не может быть снята и с авантюристского правительства Бонапарта...[1].

Другой французский социалист (теперь — бывший социалист), который также никогда не питал больших симпатий к немцам, Гюстав Эрве еще в 1905 г. не решается сказать определенно, кто был непосредственно нападающей стороной в войне 1870—1871 гг.: Франция или Германия. «Войну первая объявила в 1870 г. Франция, — пишет Эрве. — Но если правда, что Бисмарк, как он сам хвастал, подделал текст пресловутой Эмской депеши, тогда надо признать, что и немецкое правительство несет по меньшей мере половину ответственности за это объявление войны» [2].

Пример франко-прусской войны способен убедить только в одном: формальный критерий, сводящийся к тому, кто первый напал, кто первый провозгласил войну, *не* дает социал-демократии исходной точки для определения ее тактики в связи с войной. И если бы представители международного пролетариата во время франко-прусской войны руководились только этим формальным критерием, они все наделали бы массу

[1] См. «Histoire Socialiste», Tome XI, «La guerre Franco-Allemande», par *Jean Jaurès*, стр. 163, 166, 169, 175, 176, 178, 179, 195, 241 в главе «Qui est responsable de la guerre?» См. также интересную статью о книге Жореса В. Ван-Равенштейна, «Neue Zeit», 1908, I, 388, 399.

[2] *Gustave Hervé*, Leur Patrie, p. 135.

ошибок и недалеко ушли бы в деле выполнения своих ответственных задач.

Каким же, summa summarum, представляется теперь положение дел во время франко-прусской войны?

В отношении стратегически-дипломатическом нападающей стороной выступил Наполеон III. Он первый объявил войну, его войска первые перешли границу. Но, с другой стороны, факты показали, что к этому путем ловких маневров *принудил* его Бисмарк — совершенно так же в 1859 г. сам Наполеон III принудил к таким шагам Австрию. В самый момент событий, ввиду необычайной сложности обстановки, этого могли не видеть даже самые передовые люди своего времени. Отсюда вытекли частные ошибки. Но ссылаться на эти ошибки, возводить их в теорию, как это делали социал-шовинисты всех стран в 1914—1918 гг., — значит сознательно запутывать вопрос.

Формально дипломатическим виновником войны был Наполеон III, *фактически* им был в гораздо большей степени Бисмарк. Но весь вопрос о дипломатических виновниках войны отступал на задний план перед вопросом о всемирно-*историческом* значении ее. В *историческом* смысле это была война оборонительная для Германии — и в этом отношении ничего не могли изменить мошеннические проделки Бисмарка. Могло бы случиться, что в силу стечения обстоятельств и дипломатических перипетий первым прямо объявил бы войну Бисмарк, как могло бы случиться в 1859 г., что первым объявил бы войну Кавур. Интриги Бисмарка могли быть еще грязнее, чем они были на самом деле. В *историческом* смысле Пруссия все-таки вела бы оборонительную войну. Почему? — Потому, что для Пруссии, как мы уже говорили много раз, дело шло о завершении исторически прогрессивного объединения Германии и об уничтожении феодальной раздробленности. Потому, что бонапартистская Франция в течение долгого времени стояла прямым препятствием на пути к этому объединению, потому, что Наполеон III прямо мешал этому объединению. Вся его позиция в Европе имела необходимой предпосылкой национальную раздробленность Германии. Даже после 1866 г. Наполеон III, как мы видели, продолжал выторговывать себе «компенсации» на немецкой стороне Рейна. Наполеон III был теперь *главным* врагом, мешавшим объединению Германии. Победа над Наполеоном III с полной несомненностью обеспечивала две вещи: 1) она приносила с собой объединение Германии: при удаче — объединение снизу, революционным путем, при неудаче — объединение хотя бы сверху, путем бисмарковским; 2) она освобождала Францию от бонапартизма, она уничтожала в лице Бонапарта злейшего представителя всеевропейской реакции.

Вот почему — совершенно независимо от того, кто был нападающей стороной в *дипломатическом* смысле — верно было мнение, которое считало, что в *историческом* смысле нападающей стороной является Наполеон, а обороняющейся — Германия.

Из этого правильного мнения некоторые «социалисты» того времени делали глубоко ложный вывод, будто в таком случае они обязаны

слить свою позицию с позицией Бисмарка, голосовать за военные кредиты, провозгласить «гражданский мир», стать буржуазными патриотами и т. д. Но этот вывод был абсолютно неверен. И в национальной войне, происходящей в такую эпоху, у социалистов есть свои особые задачи. Маркс и Энгельс, как мы видели в предыдущих главах, сумели создать образец *интернационалистского* поведения и при такой обстановке.

* * *

С другой стороны, можно привести ряд примеров колониальных войн, когда война непосредственно «начата» была не угнетателями, а угнетенными, и, тем не менее, война эта была *оборонительной* войной со стороны угнетенных. Ограничимся тремя примерами.

В 1877 г. английские империалисты объявили Бурскую республику частью Англии. В течение ряда лет они подстерегали добычу и прибегали к мерам всевозможного насилия. Затем, опираясь на петицию 2 500 (!) буров, якобы добровольно просивших о присоединении к Англии, английские империалисты решили действовать. Буры сначала покорились. А в 1881 г., собравшись с силами, они первые, под предводительством Крюгера, Преториуса и Жубера, напали на английскую армию генерала Голлэя и нанесли ей чувствительное поражение. Это был первый акт англо-бурской драмы, которая к 1900 г. сосредоточила на себе внимание всего цивилизованного мира. Непосредственно напавшей стороной были буры. Но вместе с тем — именно буры вели справедливую оборонительную войну.

Таков был пролог. В 1899—1900 гг. развернулась сама драма. Непосредственно нападающей стороной опять были буры. 9 октября 1899 г. правительство Бурской республики послало английскому правительству ультиматум, состоявший из 4 пунктов: 1) конфликт должен быть передан на рассмотрение третейского суда; 2) Англия должна отозвать свои войска с границы; 3) все резервы, отправленные в Южную Африку, начиная с 1 июня, должны быть отозваны назад в Англию; 4) войска, находящиеся на военных судах, не должны быть высажены нигде в Южной Африке.

Не дожидаясь окончания всех формальностей, связанных с обсуждением ультиматума в английской палате депутатов, буры первые напали на английские войска. Они были «нападающей» стороной, а англичане формально вели «оборонительную» войну и на весь мир кричали, что их война справедлива, что на них напали и т. п. И тем не менее англо-бурская война была справедливая война со стороны буров, и симпатии мирового пролетариата были на их стороне.

«Почему? — Потому, что бурский народ боролся за независимость [1]. А английский империализм боролся за то, чтобы захватить открытые в 1867 г. залежи алмазов в Кимберлее.

[1] Это не мешало бурам эксплоатировать часть туземцев.

Десятилетиями английские империалисты угнетали буров, эксплоатировали их и экономически и политически. В 1896 г. представитель Англии в Южной Африке, Джемсон, произвел кавалерийскую атаку на буров, перебив многих ни в чем не повинных граждан. Впоследствии он утверждал, что он действовал в положении «самообороны». А на деле просто английские ружья «сами выстрелили» немного раньше, чем это входило в планы английского правительства. Английское правительство вынуждено было сделать вид, что оно недовольно своим представителем. Оно предало его суду, осудив на 13 месяцев тюрьмы, но потом амнистировало его ввиду «слабости здоровья». Это было такое же лицемерие со стороны английских империалистов, как знаменитая сочувственная телеграмма Вильгельма II бурам, посланная им в связи с этим же происшествием. И английские и немецкие империалисты играли с бурами как кошка с мышкой.

Вот почему наступательная по внешности война буров против англичан была в действительности справедливой, оборонительной войной.

* * *

Или другой пример: война Абиссинии против Италии в 1896 г.

С 1881 г. Италия стала «приобретать» земли на африканской стороне Красного моря. Залежи золота, слоновой кости, резины, кофе, хлопка и т. п. все больше и больше привлекали сюда аппетиты итальянских империалистов. 2 мая 1889 г. королю Италии Гумберту удалось навязать Менелику договор, поставивший Абиссинию в жестокую экономическую зависимость от Италии. В 1894—1897 гг. Кассала уже тоже принадлежала итальянцам, которые потом за звонкую монету перепродали ее англичанам. Итальянские империалисты все больше чувствовали себя «как дома» в своих Эритрейских колониях (Eritria — красный, т. е. колонии на Красном море). Но, чтобы окончательно закрепить эти колонии, итальянский министр-президент Криспи все увеличивал здешнюю итальянскую армию. В 1896 г. он решил увеличить ее еще до 10 000 человек. Тогда Менелик, не дожидаясь, пока прибудут все итальянские солдаты, напал на итальянцев с армией в 90 000 человек и 1 марта 1896 г. при Абба-Капима разбил итальянцев на-голову. (После этого в декабре 1896 г. заключен был итальяно-французско-английский договор, признавший независимость Абиссинии и установивший здесь принцип «открытых дверей»).

Таким образом Абиссиния в 1896 г. *первая* объявила войну Италии. По внешности *она* являлась нападающей стороной. Но по существу дела она вела справедливую оборонительную войну против английских империалистов. Это же относится к китайским войнам, начиная с войны из-за продажи опиума (1840—1842) и кончая боксерской войной (1900). Это же относится к войне из-за острова Кубы и т. д.

В международном органе пацифистов «La voix de l'Humanité» в разгар империалистской войны проскользнула следующая не лишенная остроумия табличка:

КАЖДОЕ ВОЮЮЩЕЕ ГОСУДАРСТВО УТВЕРЖДАЕТ:

1) что оно ведет оборонительную войну и борется за справедливое дело;
2) что оно ведет борьбу за свободу и цивилизацию всех народов;
3) что оно добивается только прочного мира;
4) что оно напряжет все силы и будет бороться, пока противник будет окончательно низвергнут;
5) что в его окончательной победе не может быть никакого сомнения;
6) что оно всегда победоносно идет вперед и несет только незначительные потери;
7) что бомбы его летчиков попадают только в военные учреждения противников, и всегда с большим успехом;
8) что его летчики и его артиллерия гораздо лучше летчиков и артиллерии противников;
9) что оно как раз теперь подготовляет крупные предприятия, которые сулят несомненный успех;
10) что великий бог на его стороне.

КАЖДОЕ ВОЮЮЩЕЕ ГОСУДАРСТВО УТВЕРЖДАЕТ:

1) что противник хотел войны и давно подготовлял ее;
2) что противник первый начал войну и напал на «нас»;
3) что противник ведет завоевательную войну и хочет властвовать над миром;
4) что противник топчет ногами международное право;
5) что противник попрал нейтралитет ряда маленьких государств и угрожает нейтралитету других мелких государств;
6) что противник ведет войну варварскими приемами;
7) что противник употребляет пули дум-дум;
8) что противник злоупотребляет красным крестом;
9) что противник калечит пленных;
10) что противник насилует женщин, грабит и убивает;
11) что военные суды противника — сплошное надругательство над законом;
12) что противник убивает или издевается над пленными;
13) что противник бросает бомбы на незащищенные города, убивает женщин и детей, но никогда не причиняет «нам» этим военного ущерба;
14) что нападение противника всегда подавляется в зародыше или отбивается с огромными потерями для врага;
15) что противник употребляет газовые бомбы;
16) что противник является пиратом;
17) что противник бестолку вредит нейтральной торговле;
18) что информация противника — сплошь ложь и клевета;
19) что противник обрабатывает нейтральных посредством лжи, угроз и подкупа;
20) что противник загоняет в войну оставшиеся до сих пор нейтральными государства — к глубокому несчастью для последних;
21) что противник страдает от недостатка денег, дороговизны, промышленного застоя;
22) что военные займы противника терпят фиаско и реализуются только посредством обмана;
23) что у противника свирепствуют разные эпидемии;
24) что у противника происходят стачки и внутренние нелады;
25) что у противника меняются министры и генералы;
26) что противник больше не в силах воевать.

Можно бы еще увеличить этот список... Если бы широкая народная масса во время мировой империалистской войны читала газеты

всех стран, она увидела бы, что правящие классы всюду говорят одно и то же, она убедилась бы, что буржуазия решительно везде прибегает к одному и тому же методу для обмана «своего народа», к одной и той же «технике». Но народная масса в каждой стране читает — если читает — только печать «своей» буржуазии и «своих» социал-шовинистов, повторяющих премудрость «своей» отечественной буржуазии: И таким-то образом одни и те же доводы, одна и та же «хитрая механика» действует во всех воюющих странах. Буржуазным и социал-шовинистским писакам остается только поставить название одного «отечества» вместо названия другого «отечества», и — дело в шляпе.

* * *

Приведенные в этой главе исторические иллюстрации были необходимы, чтобы лучше уяснить себе, как с точки зрения марксизма следует подходить к вопросу о наступательной и оборонительной войне.

Мы изложили взгляды Маркса и Энгельса, как они применены были ими в ряде событий, начиная с 1848 г. и кончая 90-ми годами. Мы показали тем самым учение Маркса о войне *в действии*, в применении к ряду войн в современной им обстановке. Разумеется, войны 1848—1871 гг. носят иной характер, нежели империалистские войны нашей эпохи, в частности, нежели мировая война 1914—1918 гг. Строжайше различать две эпохи войн учил Ленин всеми своими работами, имеющими задачей применить учение Маркса к *империалистскому* периоду. На этом мы остановимся в другом разделе нашей работы, посвященном учению Ленина о войне.

Капитализм вошел в свою последнюю стадию — в стадию империализма — и вместе с этим изменился характер современных войн. Империалистская эпоха многое изменила с тех пор, как Маркс и Энгельс сошли в могилу. Но в самом учении Маркса дано «все необходимое и достаточное» для *различения* характера войн, — различения между войнами национальными и империалистскими, революционными и контрреволюционными. В учении Маркса Ленин и почерпнул все то новое и бессмертное, что сказал он международному пролетариату в связи с первой мировой империалистской войной.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

XII. ОБЩИЙ ОЧЕРК УЧЕНИЯ ЛЕНИНА О ВОЙНЕ.

Выше мы говорили о том, что учение Маркса о войне условно можно подразделить на три части: 1) война и материалистическое понимание истории; 2) соотношение между войной и революцией (война и революция — революция и война); 3) тактика пролетариата применительно к ряду конкретных войн, пережитых непосредственно Марксом и Энгельсом в доимпериалистскую эпоху капитализма. Таковы три составных части учения Маркса о войне.

Об этом подразделении можно говорить, конечно, только условно. В действительности учение Маркса о войне было вылито из одного куска.

Относительно учения Ленина о войне можно сказать, тоже условно, что и оно состоит из трех составных частей. Первые две составных части те же, что у Маркса. Третья составная часть посвящена тактике пролетариата в войнах *современного Ленину периода, т. е. в войнах преимущественно империалистского характера.* Учение Ленина о войне во всех своих частях основано на марксизме, в частности восходит к учению Маркса о войне. Вырабатывая тактическую линию мирового пролетариата в войнах *империалистского* периода, Ленин применял метод Маркса и стоял обеими ногами на почве общего учения марксизма. Но в этой области Ленину пришлось сказать особенно много нового.

Если взять первую тему «война и материалистическое понимание истории», то в этой области Ленин двигал вперед дело марксизма лишь постольку, поскольку внес свой самостоятельный — не малый — вклад в разработку диалектического материализма вообще. Напечатанный недавно ленинский конспект гегелевской «Логики» является ценнейшим прибавлением к философскому тому Ленина об эмпириокритицизме.

В Институте Ленина имеются еще 10 философских тетрадей с заметками В. И. (заметки сделаны в период 1911—1915 гг.), кроме того конспект «Святого семейства», сделанный в 1905 г. Эти тетради содержат блестящие резюме мыслей Аристотеля, Лейбница, Фейербаха, Гегеля и др. Осью всех этих заметок Ленина является, конечно, диалектический метод. Опубликование философских тетрадей Ленина несомненно явится ценным вкладом в марксистскую философию. В частности ценным подарком мировому пролетариату будет опубликование

конспекта Ленина *о военных работах Клаузевица*. В них содержится не мало важного, относящегося как раз к теме «война и материалистическое понимание истории».

Если взять вторую тему «война и революция — революция и война», то в этой области Ленину выпало на долю сказать много нового. В революциях 1905 и 1917 гг. и в революционных событиях 1917—1923 гг. Ленин почерпнул богатейший исторический материал для развития именно этой стороны учения Маркса о войне. Марксу и Энгельсу пришлось по необходимости ставить проблему взаимоотношений войны и революции преимущественно теоретически. Ленину же, жившему в более счастливый период, когда революция не только подготовлялась, но и совершалась, довелось облечь марксову теорию плотью и кровью. На долю Ленина выпало реальное руководство большими пролетарскими массами в гигантских революциях, выросших из войны и захвативших миллионные массы народа, а затем и в реальных революционных гражданских войнах, выросших из революции, невиданных по остроте борьбы и грандиозности захвата.

Если же взять третью тему «тактика пролетариата в конкретных войнах», то здесь Ленину пришлось, пользуясь общим методом Маркса, проторять самостоятельную дорогу.

Характер тех войн, современником которых был Ленин, отличался от характера войн, непосредственно пережитых Марксом и Энгельсом. Это были войны *другой эпохи*, именно эпохи империализма.

Эпоха 1789—1871 гг. есть особая эпоха для Европы. Нельзя понять ни одной национально-освободительной войны, которые особенно типичны для этого времени, не поняв общих условий этой эпохи. Значит ли это, что все войны той эпохи были национально-освободительные—спрашивает Ленин. И отвечает: «конечно, нет. Сказать это значило бы договориться до абсурда и на место конкретного изучения каждой отдельной войны поставить смешной шаблон. В 1789 — 1871 гг. бывали и колониальные войны, и войны между реакционными империями, угнетавшими целый ряд других наций»[1].

И обратно: эпоха империалистских войн не исключает возможности других войн: национальных, революционных. «Из того, что передовой европейский (и американский) капитализм вступил в новую эпоху империализма, вытекает ли, что войны теперь возможны лишь империалистские? Это было бы нелепым утверждением»[2].

Но мировая война 1914 — 1918 гг. была именно империалистской войной. И задача, поставленная историей перед Лениным, заключалась в том, чтобы дать международному пролетариату ключ к войнам *империалистского периода*.

Марксизм дал материалистическое объяснение войны вообще, показал неразрывную связь между внешней войной и борьбой классов, дал метод, с которым угнетенный класс должен подходить к вопросам войны,

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XIII, стр. 347.
[2] Там же.

обрисовал диалектическое взаимоотношение войн и революций, дал блестящий анализ войн 1789—1871 гг., по преимуществу национальных. Но анализа войн позднейшего — *империалистского* — периода Маркс и Энгельс дать не могли, ибо они не дожили до империализма. Они могли многое гениально предвосхитить. Основная же работа в этой области легла на Ленина — второго Маркса.

Учение Ленина о войне стоит в неразрывной связи с его учением о периоде империализма и пролетарской революции. Ни Энгельс, ни тем более Маркс не дожили до начала империалистского периода капитализма. Они смогли лишь гениально предвосхитить будущие его основные черты. Объяснить новую последнюю стадию капитализма — его империалистскую стадию — это легло на плечи Ленина. Осветить светом учения Маркса экономические и политические тенденции империалистского периода это оказалось по плечу только Ленину.

Сам Ленин непосредственно пережил, — если говорить о том периоде, когда Ленин сформировался как марксист, — войны Японии с Китаем из-за Кореи (1894), Испании с островом Кубой (1895), абиссинскую войну (1896), греко-турецкую (1897), американо-испанскую из-за острова Кубы (1898), англо-бурскую (1899—1900), войну европейских держав против Китая, так называемую боксерскую войну (1900), войну Англии против Тибета (1904), войну Германии против герреро (1904—1905), русско-японскую войну (1904—1905), войну Италии с Турцией из-за Триполи (1911—1912), войну балканских славян против Турции (1912), войну Сербии и Греции против Болгарии (1913), мировую войну (1914—1918) и ряд войн эпохи пролетарской диктатуры в России.

Важнейшими из пережитых Лениным непосредственно войн, в которых самому Ленину пришлось сыграть крупную роль, являются русско-японская война (1904—1905), мировая война (1914—1918) и войны эпохи пролетарской диктатуры в России. Именно применительно к этим войнам Ленин развил свое учение о войне, построенное во всем основном на общем учении Маркса и Энгельса.

Замечательно много глубокого и нового Ленин, как мы увидим ниже, сказал уже в период русско-японской войны. Уже в связи с ней Ленин поставил вопросы мировой революции с таким размахом и блеском, которые были по плечу только Марксу и Энгельсу. Но углубить, доработать, завершить свой анализ Ленин мог только на основе опыта мировой империалистской войны. Величайший из переломов в мировой истории происходил именно в связи с первой всемирной империалистской войной. Осветить все значение этого великого перелома в истории человечества, показать в этой сложной обстановке дорогу угнетенному классу — пролетариату, которому предстояло сыграть в этой войне всемирно-историческую роль, — эта громадная задача выпала на долю Ленина.

С первых же дней мировой империалистской войны, когда выяснился крах II Интернационала, когда на глазах рабочих лопнули десятки «авторитетов» II Интернационала, прикрывавшихся в течение десятков лет именем Маркса, — Ленину пришлось прежде всего за-

няться «реставраторской» работой. Ему пришлось прежде всего восстановить подлинные взгляды Маркса и Энгельса на войну и пролетарскую революцию и дать отпор подделкам и фальсификациям марксизма, которыми наводнили международное рабочее движение социал-шовинисты.

Уже с 1898 г., с выступлений Бернштейна, в недрах II Интернационала ведется вполне систематическая «работа» по фальсификации марксизма. В течение последнего периода II Интернационала фальсификаторами марксизма делалось особенно много для того, чтобы завалить хламом и исказить наиболее революционные стороны учения Маркса. Сюда относилось прежде всего учение Маркса о государстве и учение Маркса о войне.

Когда грянул первый выстрел на полях мировой войны, когда пришли первые сведения о громовом крахе II Интернационала, Ленин сразу поставил себе первой задачей реставрацию, восстановление подлинных взглядов Маркса и Энгельса на войну. Первые же работы Ленина в начале всемирной империалистской войны посвящены, с одной стороны, конкретной оценке данной конкретной войны на основе применения учения Маркса и, с другой стороны, восстановлению подлинного учения Маркса о войне вообще. Как работа Ленина «Империализм» есть прямое продолжение «Капитала» и бесспорно принадлежит к лучшим из классических произведений марксизма, так основные работы Ленина эпохи империалистской войны являются прямым продолжением тех работ Маркса, в которых изложено его гениальное учение о войне.

Ленинские работы по реставрации подлинных взглядов Маркса и Энгельса на войну носили, как почти все важнейшие работы Ленина, полемический характер. Восстановление учения Маркса о войне происходило в полемике против лассальянства, в боях против социал-патриотизма всех оттенков, в боях против социал-пацифизма, центризма, вплоть до самых «левых» оттенков этого последнего (Троцкий), в боях против ошибок люксембургианства и «левых» коммунистов в России и т. п.

С неслыханным, почти нечеловеческим напряжением работала идейная лаборатория Ленина в годы мировой войны. Можно себе представить, как работали бы Маркс и Энгельс в такую эпоху, если бы они были живы. Их обоих должен был заменить Ленин. Он один был призван осветить дорогу международному пролетариату факелом марксизма в запутанной, сложной, кровавой обстановке, чреватой великими историческими событиями.

Чтобы уяснить себе учение Ленина о войне, мы поступим правильнее всего, если остановимся (как это сделано и при выяснении взглядов Маркса и Энгельса на войну) на позиции Ленина в тех войнах, которые он пережил непосредственно как руководитель рабочего класса. Прежде всего, конечно, необходимо будет остановиться на позиции Ленина: 1) в русско-японской войне, 2) в мировой империалистской войне, 3) в войнах периода пролетарской диктатуры в России.

XIII. УЧЕНИЕ ЛЕНИНА О ВОЙНЕ И ЕГО ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ В ОГНЕ МИРОВЫХ СОБЫТИЙ.

Учение Ленина о войне является одной из важнейших составных частей ленинизма. Не все отдают себе отчет в том, что взгляды Ленина на войну представляют собою целую отрасль ленинизма.

«Самой большой трудностью является преодоление того предрассудка, что это вопрос простой, ясный и сравнительно легкий», — писал в конце 1922 г. Ленин в одной из самых последних его работ, посвященных вопросу о войне («Гаагская инструкция»).

Учение Ленина о войне сложно уже потому, что оно освещает: 1) и задачи пролетариев тех стран, где у власти пока еще «прочно» стоит еще буржуазия; 2) и задачи колониальных и полуколониальных народов; 3) и задачи пролетариев той страны, где существует уже пролетарская диктатура; 4) и задачи пролетариев тех стран, где она будет существовать завтра; 5) и, наконец, при обсуждении задач пролетариата Советской страны (или советских стран) *внутри* эпохи пролетарской диктатуры учение Ленина о войне различает свои особые периоды.

Позиция Ленина в мировой войне 1914—1918 гг. широко известна. Менее известна его позиция в русско-японской войне. А между тем, все мы, ученики и последователи Ленина, имеем полное право гордиться тем, что сделал в этом отношении Ленин уже в 1904—1905 гг. Кто хочет по-настоящему понять учение Ленина о войне, тот должен начать изучение этого вопроса с 1904—1905 гг.

Миросозерцание Ленина как марксиста сложилось уже вполне к середине 90-х годов. Когда происходили боксерская война и англо-бурская война, Ленин являлся уже одним из наиболее видных руководителей русского рабочего класса. Однако, по поводу двух упомянутых войн в печати сохранились лишь мимолетные замечания Ленина. Другое дело — *русско-японская война*. Она застала Ленина уже вождем большевизма. Она стояла в самой тесной связи с перипетиями русской революции 1905 г. и имела громадное значение для судеб всего международного революционного движения. Русско-японской войне Ленин и редакция тогдашнего ЦО большевиков посвятили пять более крупных работ: 1) статья «Падение Порт-Артура» (январь 1905 г.), 2) «Разгром» (май 1905 г.), 3) «Свидание в Бьеркоэ» (август 1905 г.), 4) «Мир и реакция» (сентябрь 1905 г.), 5) «Толки об измене» (июль 1906 г.) [1].

---

[1] См. Собр. соч., т. VI и т. VII, ч. 1 старого издания. Статьи под № 3 и 4 писаны соредакторами Ленина по газете «Вперед» (впоследствии — «Про-

Три работы, написанные Лениным, представляют собою настоящие политические шедевры. Взятые вместе, они дают законченное представление о том, как Ленин впервые самостоятельно применял учение Маркса о войне в огне событий 1904—1905 гг.

Ленин не раз говорил, что 1905 год был генеральной репетицией 1917 г. С таким же правом можно сказать, что работы Ленина о войне, относящиеся к периоду 1904—1905 гг., являются «генеральной репетицией» его будущих великих работ 1914—1918 гг. Оглядываясь теперь назад на работы Ленина 1904—1905 гг. и сравнивая их с тогдашними выступлениями Плеханова и других тогдашних представителей русского марксизма, можно только удивляться: как люди не видели, что только Ленин — *он один* во всем русском, да и мировом, революционном движении — непосредственно продолжил то, что сделали Маркс и Энгельс. В сущности говоря, в работах Ленина о войне, относящихся к периоду 1904—1905 гг., уже заложено многое из того, что он сказал во время мировой войны 1914—1918 гг.; в зародыше мы имеем здесь уже большие части всей программы Коммунистического Интернационала.

Начать с отношения к войне вообще: формулировки, которые по этому вопросу давал Ленин, в связи с русско-японской войной, являются образцами марксистского подхода к войне.

«Война сама по себе, — пишет в связи с русско-японской войной ленинский «Вперед», — независимо от ее исторического значения, есть великое народное бедствие. Она уносит десятки и сотни тысяч молодых жизней, она разоряет семьи убитых и изувеченных, лишая их работников, она останавливает промышленную жизнь страны, выбрасывая на улицу целые армии безработных, она бессмысленно поглощает миллиарды народных денег. Да, война — это великое народное бедствие. Но социал-демократ (теперь мы сказали бы: коммунист) не может рассматривать войну независимо от ее исторического значения. Для него не может быть абсолютного бедствия, как не может быть и абсолютного блага и абсолютной истины. Он должен рассматривать и оценивать значение войны с точки зрения интересов своего класса, пролетариата, интересов его развития и освобождения. Он должен оценивать войну не по количеству жертв, а по ее политическим последствиям. Выше интересов *личностей*, гибнущих и страдающих от войны, должны стоять интересы *класса*. И если данная война служит интересам пролетариата, как класса, пролетариата в целом, если она освобождает его от части уз, дает ему свободу борьбы и развития, то такая война есть явление прогрессивное, независимо от жертв и страданий, которые она влечет за собой» [1].

Такая постановка вопроса, разумеется, ничего общего не имеет с плаксивым пацифизмом, на который в 1905 г. сбивались не только

летарий»). Но они прошли через редакцию Ленина и вдохновлены им. Статьи печатались без подписи, *значит*, Ленин взял за них всю ответственность на себя.

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. VI, стр. 457. В новом издании эта статья, как и статья «Свидание в Бьеркое», не перепечатана.

такие люди, как Жорес, но и такие писатели, как Плеханов, и в особенности редакция новой «Искры» (Мартов, Аксельрод, Потресов, Плеханов и др.), выдвинувшая лозунг: «мир во что бы то ни стало».

«Классовая точка зрения на войну и мир не похожа на буржуазно-демократическое осуждение войны вообще», — пишет Ленин в «Заметке насчет войны» в апреле 1905 г. [1]

Смелая формулировка Ленина стоит совершенно особняком во всей социалистической литературе тогдашнего времени. За только что приведенные слова Ленину пришлось подвергнуться самым острым нападкам со стороны многих столпов II Интернационала. Но разве не ясно, что приведенная формулировка большевистского органа есть прямое продолжение наиболее блестящих формулировок Маркса и Энгельса. Всякий, кто познакомился хотя бы с нашей главой «Учение Маркса о войне», признает, что, выступая с таким заявлением, как только что приведенное, Ленин только применял учение Маркса о войне к конкретной войне 1904—1905 гг. в новой обстановке.

Замечательно, что, давая такую оценку войны вообще, Ленин тут же переходит к гражданской войне, к революции.

«С абсолютной точки зрения, — продолжает редакционная статья ленинского «Вперед», — революция есть такое же бедствие, как и война. Революция — тоже война, гражданская война, война более разрушительная и ужасная, происходящая всецело на территории данного народа и вовлекающая в борьбу все слои населения. Революция, как и война, несет с собой смерть, пожар, разорение, голод. Но разве повернется хоть у одного революционера язык, чтобы протестовать против революции, выдвигать против нее то соображение, что она есть бедствие, независимо от ее результатов? А между тем именно с этой сентиментально-этической точки зрения раздавался в известной части русской социал-демократии протест против войны» [2].

Гражданская война есть тоже война — не раз напоминал Ленин и после 1917 г. «Великие вопросы политической свободы и классовой борьбы решает, в последнем счете, только сила, и мы должны позаботиться о подготовке, организации этой силы и об активном, не только оборонительном, но и наступательном употреблении ее», — писал Ленин в «Двух тактиках» в 1905 г.

Вопрос о соотношении между войной и революцией Ленин ставил с марксовской смелостью уже в 1905 г.

«Безвозвратно канули в вечность те времена, когда войны велись наемниками или представителями полуоторванной от народа касты. Войны ведутся теперь народами» [3].

А раз это так, то совершенно ясно, что ход и исход любой войны теснейшим образом связан с состоянием классовых сил в борющихся государствах, с уровнем техники, с экономическим и политическим укладом в них.

---

[1] «Ленинский сборник», т. V, стр. 117.
[2] *Ленин*, Собр. соч., т. VI, стр. 457—458.
[3] Там же, стр. 37, ст. «Падение Порт-Артура».

«Темнота, невежество, безграмотность, забитость крестьянской массы выступили с ужасающей откровенностью при столкновении с прогрессивным народом в современной войне, которая так же необходимо требует высококачественного человеческого материала, как и современная техника. Без инициативного, сознательного солдата и матроса невозможен успех в современной войне. Никакая выносливость, никакая физическая сила, никакая стадность и сплоченность массовой борьбы не могут дать перевеса в эпоху скорострельных малокалиберных ружей, машинных пушек, сложных технических устройств на судах, рассыпного строя в сухопутных сражениях. Военное могущество самодержавной России оказалось мишурным... Связь между военной организацией страны и всем ее экономическим и культурным строем никогда еще не была столь тесной, как в настоящее время. Военный крах не мог не оказаться поэтому началом глубокого политического кризиса. Война передовой страны с отсталой сыграла и на этот раз, как неоднократно уже в истории, великую революционную роль» [1].

Разве в этой постановке вопроса мы не узнаем Маркса и Энгельса?

Ленин решительно отвергал меньшевистский лозунг «мир во что бы то ни стало». «Мир во что бы то ни стало, — писал «Вперед», — это значит мир, хотя бы ценой сохранения самодержавия, хотя бы ценой подавления революции» [2]. После того как японцы взяли Порт-Артур, американская и английская буржуазия стала настаивать на скорейшем заключении мира, боясь, как бы военный разгром царизма не ускорил и не радикализировал русскую революцию, которая в свою очередь могла бы переброситься тотчас же на Европу. Именно представители мировой буржуазии после падения Порт-Артура стали выдвигать лозунг «мир во что бы то ни стало». И «Вперед» учил меньшевиков: смотрите, «лозунгом европейской реакции, европейской буржуазии стал «мир во что бы то ни стало», мир — с целью не допустить падения самодержавия» [3].

Европейскую буржуазию стала не на шутку пугать неизбежная перегруппировка в международных отношениях, растущее могущество молодой и свежей Японии, потеря военного союзника в Европе. Во имя «дружбы» с царизмом европейская буржуазия взывает к его благоразумию, настаивает на необходимости мира — «мира с японцами и мира с либеральной буржуазией» [4].

А «Вперед» не боится в это время заявить открыто: «Крайности нередко сходятся в оценке событий, — и мы смотрим на Портсмутский мир так же, как и «Московские ведомости» (орган русских крайних реакционеров), именно, как на поворотный пункт в революции [5].

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. VI, стр. 37—38.
[2] Там же, стр. 458.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 219.
[5] Там же, стр. 460—461.

«Московские ведомости» писали, что с прекращением войны все внимание царского правительства должно будет сосредоточиться на внутренней жизни России и «главным образом на усмирении смуты». Ленинцы пользуются этим откровенным заявлением органа наиболее крайней реакционной группы в России, чтобы еще раз доказать, что лозунг «мир во что бы то ни стало» был лозунгом неправильным, не пролетарским, не революционным. Со смелостью мысли, с политическим бесстрашием, которое отличало Маркса и Энгельса, орган Ленина заявляет: «Война явилась очень важным и очень сильным подспорьем русской революции» [1]. Более того: русско-японская война в оценке «Вперед» «в некоторых отношениях вполне заслуживает названия войны революционной, но все же она была только подспорьем, только сторонней помощью».

Вспомним, как во время крымской войны Маркс писал, что на время, — только на короткое время, на один исторический момент, — интересы Англии «совпали» с интересами революции. Маркс считал Англию важнейшим и сильнейшим врагом международной революции. Но еще большим врагом, более непосредственным врагом в то время являлась царская Россия. И раз война началась, пролетариат должен был желать поражения, военного разгрома прежде всего царской России. В данной конкретной войне военный разгром царской России означал непосредственно победу Англии. Эпизодически на один момент Англия становилась союзником революции в том смысле, что ее армии помогали нанести военное поражение войскам царизма. Конечно, на завтра же после этого пролетариат должен был обернуть штык против английского капитализма, да и в ходе самой крымской войны Маркс поддерживал и поощрял малейшее проявление революционного движения в самой Англии. Вспомним его замечательную статью о стачечном движении в Англии в эпоху крымской войны. Но в данной конкретной обстановке, при данной расстановке сил Маркс не мог не желать поражения царской России, несмотря на то, что оно означало военную победу буржуазной Англии. Как только военный разгром царизма в эпоху крымской войны привел бы к революции в России, Маркс, разумеется, стоял бы за то, чтобы эту революцию сделать как можно более радикальной и постараться перебросить ее в другие страны, в том числе и в Англию. В этом именно и заключалась стратегическая установка Маркса и Энгельса в эпоху крымской войны.

По некоторой аналогии с марксовой постановкой вопроса Ленин подходил к оценке русско-японской войны — конечно, только *по некоторой* аналогии.

В некоторых отношениях положение во время русско-японской войны было проще. Представителю революционного пролетариата было легче найти правильный критерий в оценке ее. Если в крымской войне прямо участвовало несколько государств, то в русско-японской войне непосредственно столкнулись только два государства: цар-

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. VI, стр. 459.

ская Россия и Япония. Мы говорим: *непосредственно* — ибо военный конфликт 1904—1905 гг. получил международно-политический и даже мировой характер и предвосхитил во многом расстановку сил войны 1914 г. (Англия—Германия).

«Сознательный пролетариат, — писал Ленин, — будучи беспощадным врагом войны, неизбежного и неустранимого спутника всякого классового господства вообще, — не может закрывать глаза на эту революционную задачу, выполняемую разгромившей самодержавие японской буржуазией» [1]. Японская буржуазия есть буржуазия, есть классовый враг. Может быть, завтра именно этот классовый враг станет наиболее опасным. Но сегодня положение сложилось так, что этот классовый враг выполняет «революционную задачу». «Война передовой страны с отсталой сыграла и на этот раз, как неоднократно уже в истории, великую революционную роль» [2].

«Пролетариат враждебен всякой буржуазии и всяким проявлениям буржуазного строя, но эта враждебность не избавляет его от обязанности различения исторически прогрессивных и реакционных представителей буржуазии. Вполне понятно поэтому, что наиболее последовательные и решительные представители революционной международной социал-демократии, Жюль Гэд во Франции и Гайндман в Англии (Гэд и Гайндман были еще тогда марксистами), выразили без обиняков свои симпатии к Японии, громящей русское самодержавие. У нас в России нашлись, конечно, социалисты, которые проявили путаницу мысли и в этом вопросе. «Революционная Россия» (орган эсеров) сделала выговор Гэду и Гайндману, заявив, что социалист может быть лишь за рабочую, народную Японию, а не за буржуазную Японию. Этот выговор так же нелеп, как если бы стали осуждать социалиста за признание прогрессивности фритредерской буржуазии по сравнению с протекционистской» [3].

Конечно, Гэд и Гайндман не защищали японской буржуазии и японского империализма, но в вопросе о столкновении двух капиталистических стран они, по мнению Ленина, «правильно отметили исторически-прогрессивную роль одной из них».

Чтобы пояснить свою мысль, Ленин берет пример, неоднократно бравшийся и Марксом: «Борясь против свободной конкуренции, мы не можем забывать ее прогрессивности по сравнению с полукрепостным строем. Борясь против всякой войны и всякой буржуазии, мы строго должны отличать в своей агитации прогрессивную буржуазию от крепостнического самодержавия, мы всегда должны отмечать великую революционную роль исторической войны, невольным участником которой является русский рабочий» [4].

Так ставить вопрос Ленин мог только потому, что это была война лишь двух держав, из которых одна, царская Россия, в течение мно-

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. VI, стр. 38.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 38—39.
[4] Там же, стр. 39.

гих и многих десятилетий не только была тюрьмой народов, но и играла роль *мирового* жандарма. Это была, так сказать, локальная война, хотя оба участвовавших в ней государства принадлежали к числу великих держав и сама война имела всемирно-историческое значение. Когда наступила мировая империалистская война 1914 г., вопрос встал уже в некоторых отношениях по-иному. Пораженцем Ленин выступал и в 1914 г., но вопрос о роли «прогрессивной буржуазии» в 1914 г. встал уже по-иному, именно потому, что мы стояли перед *мировой* империалистской войной, в которой решающая роль принадлежала одинаково империалистским государствам: Германии, Англии, а затем и Америке (об этом подробнее в другой главе). А в 1905 г. Ленин был прав, когда рассматривал японскую армию как невольного союзника русской революции. Военные писатели говорят, писал тогда Ленин, что по своей силе Порт-Артур равен шести Севастополям. И вот маленькая, всеми до тех пор презираемая Япония в восемь месяцев овладевает этой твердыней после того, как Англия и Франция возились целый год со взятием одного Севастополя. Тут Ленин как бы непосредственно подходит к оценкам, которые давали Маркс и Энгельс именно во время крымской войны. Мы видели уже выше, как Маркс и Энгельс в ту пору с захватывающим интересом следили за военными операциями и были как бы разочарованы, когда Англия и Франция так долго возились над взятием Севастополя, так медленно и слабо раскачивались, так недостаточно били царские армии. По поводу самого факта падения Порт-Артура Ленин писал вполне определенно: «Пролетариату есть чему радоваться. Катастрофа нашего злейшего врага означает не только приближение русской свободы. Она предвещает также новый революционный подъем европейского пролетариата» [1].

Нужна была не малая смелость, чтобы в 1905 г. заявить во «Вперед» на весь мир открыто: «Победоносная Япония являлась, таким образом, невольным союзником, — далеким, незнакомым, стихийным союзником русского освободительного движения. Как разрушительные силы природы способствуют нередко творческой деятельности человека, так и эта кровавая, гибельная война расчищала путь для русской революции» [2].

Всякий новый удар, нанесенный военной силе царизма, пробивал брешь, в которую устремлялись новые волны революционного потока. А Ленин — уже тогда подлинный вождь революционного пролетариата России — с восторгом наблюдал, как военное могущество самодержавия подвергалось в это время тяжелым испытаниям. Проблему «война и революция» Ленин ставил так, как ставил ее Маркс. Глазами Маркса смотрел он на то единоборство, которое возникло между царской Россией и японской буржуазией.

Выступая последовательным и законченным пораженцем в русско-японской войне, Ленин исходил, конечно, не только из интересов рус-

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. VI, стр. 35.
[2] Там же, стр. 457.

ской революции, но и из интересов революции международной. Поражение царской России имело глубокое международное значение, ибо царская Россия стояла поперек дороги всему мировому революционному движению, ибо развитие мировой революции до известной степени «уперлось» в царскую Россию. С точки зрения непосредственного усиления революционного движения в Европе, да и во всем мире, представитель русского пролетариата *должен был* в русско-японскую войну выступить пораженцем. Уже на завтра — буквально на завтра — после падения Порт-Артура Ленин с замечательной тонкостью и глубиной отмечал тот катценяммер, то похмелье, которое переживали наиболее дальновидные представители *мировой* буржуазии по поводу этого поражения царизма. «Неудивительно, что даже не участвующая в войне европейская буржуазия чувствует все-таки себя униженной и подавленной. Она так привыкла отожествлять моральную силу России с военной силой европейского жандарма... Неудивительно, что катастрофа правящей и командующей России кажется всей европейской буржуазии «страшной»: эта катастрофа означает гигантское ускорение всемирного капиталистического развития, ускорение истории, а буржуазия очень хорошо, слишком хорошо знает, по горькому опыту знает, что такое ускорение есть ускорение социальной революции пролетариата. Западноевропейская буржуазия чувствовала себя так спокойно в атмосфере долгого застоя, под крылышком «могучей империи», и вдруг какая-то «таинственная, отрочески-юная» сила смеет рвать этот застой и ломать эти опоры» [1].

Тот, кто помогал низвергнуть трон Романовых, кто бы он ни был; тот, кто бил по военному могуществу царской России, кто бы он ни был, — при данной обстановке оказывал услугу не только русскому, но и мировому пролетариату. Убрать с дороги русский царизм означало убрать самый большой камень, лежащий на пути мирового революционного движения. Подлинный интернационалист не мог не выступать законченным пораженцем по отношению к царским армиям в русско-японской войне.

Когда в Портсмуте был заключен мир, «Вперед» жалеет только об одном: «европейский и американский капиталы соединились, чтобы не позволить Японии *добить* самодержавие, ибо быстрый крах его грозит революционным пожаром в Европе, восстаниями пролетариата против буржуазии» [2].

«Прежде вожди мировой буржуазии недооценивали революции в России, теперь даже за себя боятся», читаем мы в плане статьи «Падение Порт-Артура» [3].

«Японии не позволили добить царского могущества — эта задача целиком выпадает на долю революционного народа» [4].

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. VI, стр. 34—35.
[2] Там же, стр. 456.
[3] «Ленинский сборник», т. V, стр. 59.
[4] *Ленин*, Собр. соч., т. VI, стр. 461.

Стоять за поражение царской России в русско-японской войне, конечно, не значило «поддерживать» Японию, «служить» Японии, как это инсинуировали буржуазия и ее агенты. Русские социалисты демонстративно братались в эту пору с японскими социалистами. Русские социалисты, конечно, ни на минуту не приостанавливали своей вражды против японской буржуазии, как и против буржуазии любой другой страны, и советовали также поступать своим товарищам в Японии. Социалистическая партия в Японии была к этому времени еще очень слаба, но никаких элементов гражданского мира со «своей» буржуазией она не допускала. Позиция Ленина ни на минуту не требовала от японских социалистов поддержки «своей» буржуазии: она предполагала такое же пролетарское революционное отношение японских рабочих к «своей» буржуазии, какого Маркс требовал от английских рабочих во время крымской войны.

Позиция всей мировой буржуазии при окончании русско-японской войны, когда революция в России стала разгораться ярким пламенем, показала с максимальной убедительностью, как тесно связаны были русский царизм, с одной стороны, и судьбы мирового капитализма — с другой. Как только мировая буржуазия убедилась, что царский трон зашатался всерьез, что, пользуясь военным поражением царизма, русская революция переходит к решительному наступлению, они все гурьбой бросились спасать царя. Они спасали его не только в Портсмуте в 1905 г., но и в 1906 г., когда пришли на помощь царю крупными займами. «Наше правительство приглашает все европейские державы притти спасать тот строй, который всегда был «позвоночным столбом» всемирной реакции, защитником капиталистических эксплоататорских интересов западной буржуазии, защитником всех консервативных, националистических, реакционных, клерикальных и т. п. и т. п. принципов» [1].

«Чтобы добиться еще и еще денег, потеряв всякое чувство достоинства, они (царские министры) пресмыкаются перед Англией, готовой уделить России часть своего золота в обмен за услуги, которые должно оказать наше правительство Великобритании в ее империалистской, то бишь завоевательной, колониальной политике» [2].

Мы сказали, что дать надлежащую оценку русско-японской войны было легче и проще, потому что в ней участвовали только две державы, боровшиеся с глазу на глаз. Но это, разумеется, не значит, что другие державы стояли совершенно в сторонке, не преследовали своих интересов в этой войне. И царская Россия и буржуазная Япония жили в системе буржуазных государств. Каждое из этих последних, конечно, пыталось использовать русско-японский поединок в своих целях. В июле 1905 г. Германия Вильгельма II, например, изо всех сил толкала царя на продолжение войны. В статье «Свидание в Бьеркоэ» «Вперед» вкладывает в уста канцлера Бюлова следующий монолог:

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. VII, ч. 1, стр. 331.
[2] Там же.

«Извольте одурачить целую страну! Это трудно! Но когда у этой страны одна голова, и притом тупая, голова какого-нибудь Коко, тогда дело меняется. Война России с Японией гибельна для России, она уничтожает ее, как великую державу, и отдает Францию нам (т. е. немцам) на милость! Еще полгода войны, парочка Мукденов, и я прикажу Рувье (премьер-министр во Франции в 1905 г.) ежедневно чистить мне сапоги! Успехи Японии во всяком случае ослабляют ее, а главное, они вскружат ей голову; она потребует так много, что Франции и Англии станет жутко, и можно будет обделать дельце для совместной защиты захваченных нами китайских местечек на солнце»[1].

Конечно, Англия, Франция и Америка также преследовали свои интересы в этой войне. Марксист должен был зорко наблюдать за «ловкостью рук» каждой из буржуазных держав мира. Марксист должен был рассматривать русско-японскую войну в рамках *международной* политики. Но основной генеральной задачей, лежавшей по линии *мирового* революционного прогресса, являлась задача: *воспользоваться военным разгромом царизма, чтобы низвергнуть царскую монархию, продвинуться на пути революции как можно дальше, вплоть до победоносной диктатуры пролетариата и крестьянства в России, которая при благоприятных условиях должна была стать прологом к мировой социалистической революции.* Представители буржуазии богатейших стран не позволили довершить военный разгром царизма. Портсмутский мир — конечно в сочетании с целым рядом других факторов — дал царизму отсрочку от 1905 до 1917 г. — еще на целых 12 лет. Но нет никакого сомнения в том, что поражение царя в русско-японской войне в чрезвычайной степени содействовало революционным событиям 1905 г. и постольку подготовляло 1917 год.

Так подходил Ленин к русско-японской войне. Тот, кто вздумал бы доказывать, на основании сказанного, что в ходе русско-японской войны Ленин считал нужным «брать сторону» одной из воюющих держав, якобы по типу того, как «брали сторону» социал-патриоты в войне 1914—1918 гг., — совершил бы простое шулерство по той простой причине, что социал-патриоты неизменно «брали сторону» своей буржуазии, тогда как Ленин во всяком случае высказался за поражение «своего» правительства. Ленин не «брал сторону» Японии, а брал сторону международного пролетариата, брал сторону международного революционного движения, так же, как Маркс, скажем, в крымской войне отнюдь не «брал сторону» Англии или Турции, а брал сторону международного революционного развития.

В 1904 — 1905 гг. Япония еще не была той Японией, какой мы знаем ее теперь. Уже в ту пору она вступила на путь империализма, но ее мировая роль как империалистской державы далеко еще не была той, какой она является теперь, 25 лет спустя.

«Десять лет тому назад, — писал в 1905 г. Ленин, — эта реакционная Европа, с Россией во главе, обеспокоилась разгромом Китая

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. VI, стр. 415.

молодой Японией и объединилась, чтобы отнять у нее лучшие плоды победы. (В ближайшие после японско-китайской войны годы Россия захватила Порт-Артур и потом Манчжурию; Англия захватила Вей-Хай-Вей, Германия — Киао-Чао и т. д. — *Г. З.*). Европа охраняла установившиеся отношения и привилегии старого мира, его предпочтительное право, веками освященное исконное право на эксплоатацию азиатских народов. Возвращение Порт-Артура Японией есть удар, нанесенный всей реакционной Европе» [1].

В этом смысле Ленин и говорил после падения Порт-Артура, что «прогрессивная, передовая Азия нанесла непоправимый удар отсталой и реакционной Европе» [2].

«Прогрессивная сила разбила реакционный оплот. Прогрессивная историческая сила разбила реакционную», так формулировал положение после падения Порт-Артура Ленин в своих набросках статьи «Падение Порт-Артура», в которой он наиболее подробно разбирал всемирно-историческое значение русско-японской войны [3].

Худшим из худших империалистических захватчиков в это время был русский царизм. В этой войне не было силы более враждебной, более опасной для революционного прогресса, нежели царская Россия. Революция в России запоздала. По сравнению с Великой французской революцией она запоздала более чем на 100 лет. Иностранная политика царизма, его военная мощь, его успехи на арене внешней политики, плюс те преимущества, которые временно давали ему пережитки крепостничества в экономике страны, — вот что более всего помогало царизму держаться и играть свою мировую реакционную роль. Русско-японская война призвана была сыграть роль ускорителя революционного процесса, назревавшего внутри России. Роль такого ускорителя не раз приходилось играть ряду войн в ряде стран.

«Банальными фразами о мире à la Жорес не поможешь угнетенному классу, который не отвечает за буржуазную войну между двумя буржуазными нациями, который все делает для свержения всякой буржуазии вообще, который знает необъятность народных бедствий и во время «мирной» капиталистической эксплоатации... Не русский народ, а русское самодержавие начало эту колониальную войну, превратившуюся в войну старого и нового буржуазного мира. Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия» [4].

«Недаром так тревожится самая спокойная и трезвенная европейская буржуазия, которая всей душой сочувствовала бы либеральным уступкам русского самодержавия, но которая пуще огня боится русской революции, как пролога революции европейской» [5].

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. VI, стр. 35.
[2] Там же.
[3] См. «Ленинский сборник», т. V, стр. 58—59.
[4] *Ленин*, Собр. соч., т. VI, стр. 39—40.
[5] Там же.

Именно поэтому Ленин, в отличие от меньшевиков, делал ставку не на либеральные уступки русского самодержавия, не на союз с русской либеральной буржуазией, а на революционное низвержение царизма, на диктатуру пролетариата и крестьянства, как пролог революции европейской. Такая постановка вопроса безусловно и есть применение учения Маркса о войне в той конкретной исторической ситуации, которую мы имели в 1905 г. Мы видим, что это было действительно первое испытание в огне мировых событий ленинского учения о войне. Впервые Ленин как руководитель революционного крыла партии, как вождь русского рабочего класса должен был самостоятельно найти дорогу в обстановке войны, имевшей мировое значение, — дорогу, соответствующую интересам не только русского, но и международного пролетариата. И он нашел ее. Можно смело сказать, что, если бы в это время были живы Маркс и Энгельс, они указали бы международному пролетариату ту же самую дорогу.

Итак, мы видели, что 1) общее отношение Ленина ко всякой войне, 2) его подход к соотношению войны вообще и войны гражданской в частности, 3) его взгляд на войну, как возможного ускорителя революции, 4) его отношение к пацифизму, в частности к лозунгу «мир во что бы то ни стало», 5) его пораженчество, 6) его отношение к оппортунизму вождей II Интернационала à la Жорес, 7) его оценку русской революции как части революции международной, 8) его подлинно законченный интернационализм, — словом, его подход к войне исключительно с точки зрения общих интересов *мирового* пролетариата содержится в зародыше в его работах 1904—1905 гг. Всякий, кто внимательно проштудирует работы Ленина, относящиеся к русско-японской войне, тот убедится, что многое — в сущности, почти все — в учении Ленина о войне, окончательно сложившемся в мировых событиях 1914—1918 гг., было налицо уже в 1904—1905 гг. В частности надо отметить: в 1905 г. Ленин не разработал еще с полной ясностью свой лозунг «превращение войны империалистской в войну гражданскую». Но этот лозунг уже в 1905 г. был ему не чужд. Использование войны внешней для целей войны внутренней, т. е. для целей революции, — эту задачу со всей ясностью ставил Ленин уже в 1905 г.

«Времена изменились, и если в конце XVIII столетия лозунг французской революции: «Все народы — наши братья, все тираны — нам враги» встретил лишь отдаленное глухое эхо, зато лозунг авангарда русской революции рабочего класса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» носится бодрящим и боевым раскатом по всему капиталистически-развитому миру»...

«Пролетарии, соединяйтесь против всякого рода тирании, против всякого рода эксплоатации, всякого рода унижения!..»

«И может быть, европейская буржуазия рада была бы протянуть руку помощи своему восточному рыцарю-защитнику, да «грехи» не пускают».

«А эти грехи — организованный, сознательный пролетариат, пролетариат Германии, Франции, Англии, Австрии и других стран, это та

«революционная бацилла», которая во всех странах начинает проникать в самое «сердце» буржуазного строя, в армию»...[1].

Никто так не чувствовал, никто так страстно не призывал русскую революцию уже в 1905 г., как Ленин. Но он призывал ее, он отражал ее, он работал на нее и он вел ее с такой гениальностью именно потому, что воспринимал ее *как часть международной революции, как пролог к международной революции*. Ленин потому стал могучим и великим руководителем «национальной» революции в России, что с самого начала смотрел на эту революцию *как на часть интернациональной революции*. Ленин потому с таким успехом вел в бой пролетариат России, вел и провел через три революции, вплоть до победы пролетарской диктатуры, что он был *международным* пролетарским революционером...

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. VII, ч. 1, стр. 332.

XIV. МИРОВАЯ ИМПЕРИАЛИСТСКАЯ ВОЙНА И УЧЕНИЕ ЛЕНИНА О ВОЙНЕ.

Первая всемирная империалистская война началась через 30 лет после смерти Маркса и через 20 лет после смерти Энгельса. За это время официальные вожди II Интернационала, герои застойного периода в развитии мирового рабочего движения, успели немало потрудиться для извращения взглядов Маркса и Энгельса вообще и взглядов этих великих учителей пролетариата на войну, в частности. Ленину пришлось, как мы уже отмечали, прежде всего проделать громадную «реставраторскую» работу, — работу по восстановлению подлинных взглядов Маркса и Энгельса на войну. Но за время, прошедшее со смерти Маркса и Энгельса до начала империалистской войны, произошло чрезвычайно много нового. Самый характер мировой империалистской войны был уже совершенно другим, нежели те войны, современниками которых был Маркс и Энгельс. Это обстоятельство возложило на Ленина — продолжателя дела Маркса и Энгельса — особенно трудную задачу. Автор «Развития капитализма *в России*» теперь должен был взять на себя описать и объяснить развитие *мирового* капитализма до стадии империализма. О новейшем развитии капитализма в Европе и Америке писали многие, но с точки зрения подлинного марксизма эту тему изучил и разработал только Ленин. Все учение Ленина о войне базируется прежде всего на его учении об империализме, как последней стадии капитализма.

Когда грянула мировая империалистская война, первой задачей Ленина было объяснить международному пролетариату *новый характер* этой войны — *империалистский характер войны*, в отличие от войн другого периода, современниками которых были Маркс и Энгельс. В основу всей этой великой всемирно-исторической важности работы Ленина лег метод Маркса. Материалистическое понимание истории, взгляд на соотношение войн и революций, общий подход к вопросам внешней войны, связь между внешней войной и соотношением классов внутри страны, международные задачи пролетариата как класса, который не может освободить себя, не освободивши весь мир, — все это Ленин взял, конечно, у Маркса. Но объяснение характера *новых* войн *нового* периода, конкретная оценка данной конкретной войны на данной конкретной стадии капитализма, войны эпохи кануна социалистической революции, — эту работу Ленину пришлось проделать самостоятельно.

А это была задача трудная, работа великая. Уже одни размеры войны представляли собою нечто совершенно небывалое во всемирной истории. Обозреть панораму этой грандиозной войны, дать оценку соотношения классов *в мировом масштабе,* оценить тенденции, заложенные в этой войне с самого ее начала, находясь на самом рубеже двух эпох, диалектически взвесить все факторы новой эпохи, теоретически объяснить империализм и тактически обосновать новые конкретные задачи международного пролетариата в небывалой еще войне, — все это легло на плечи Ленина.

Мировая империалистская война грянула в момент, когда в России созревание второй революции быстрыми шагами шло вперед. За несколько дней до того, как война была объявлена, в Петербурге дело дошло до новых баррикад. Великое международное значение русской революции было ясно Ленину уже до 1905 г. Тем более ясно было Ленину, какое грандиозное *мировое* значение русская революция получит на фоне всемирной империалистической войны. Ленин почти не сомневался с самого начала войны в том, что первая революция, в связи с этой мировой катастрофой, разразится именно в России. В других странах империалистская война должна была еще только создать революционную ситуацию. Россия же *вошла* в империалистскую войну с более или менее готовой революционной ситуацией, которой предстояло только обостриться в ходе войны. Проблемы русской революции, как части международной, как оси ее, не могли не составить важнейшей части учения Ленина о войне, как оно окончательно сложилось в ходе первой всемирной империалистской войны и затем в ходе социалистической революции.

Если попробовать перечислить важнейшие «теоремы» ленинского учения о войне, как они сложились до Октября 1917 г. (в течение 1918—1923 гг. учение Ленина о войне обогатилось новыми чертами), то их можно было бы свести к следующим пунктам:

1) «Реабилитация» Маркса и Энгельса, восстановление их подлинных взглядов на войну и революцию — против анархистов (Гильом и К°), против вождей II Интернационала, в особенности центристов с Каутским во главе, против народников (Чернов и К°) и т. д.

2) Анализ нового периода развития капитализма и в связи с этим и нового характера войн: войн империалистского периода в отличие от войн национальных.

3) Эпоха империализма есть эпоха реакционных империалистских войн, но она не исключает и национально-освободительных войн — «справедливых», «оборонительных», исторически-прогрессивных войн со стороны угнетенных национальностей колоний и полуколоний — она прямо предполагает такие войны; она не исключает таких войн и в Европе.

4) Отсюда лозунг «самоопределения национальностей» в смысле права на отделение и образование самостоятельных государств (полемика против люксембургианства и «левых» коммунистов).

5) Нельзя делить войны на оборонительные и наступательные по признаку, кто «первый» объявил войну, кто «первый» напал. Нужно

уметь определить конкретное историческое значение каждой данной войны или каждой данной полосы войн.

6) Лозунг «защиты отечества» «вообще», т. е. без учета конкретного исторического значения данной войны, есть отречение от марксизма. Все зависит от того, какие классы и во имя чего ведут данную войну, каков объективный исторический характер данной войны.

7) Каждая внешняя война связана с соотношением классовых сил *внутри* воюющих стран. Война есть продолжение политики другими средствами.

8) Данная конкретная война 1914—1918 гг. есть война империалистская. Доказательство этого — на основании общего учения об империализме, общей оценки стремлений воюющих стран, оценки их политики, предшествовавшей войне, и т. д.

9) Связь первой всемирной империалистской войны с империализмом как последней стадии капитализма.

10) Мировая война как великий ускоритель мировой пролетарской революции.

11) Империалистскую войну необходимо превратить в войну гражданскую.

12) Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения «своему» правительству. Так называемое пораженчество.

13) Новые империалистские войны неизбежны.

14) Теория ультра-империализма, мирного империализма (Каутский) есть реакционный вздор.

15) Пролетариату, первому завоевавшему власть, неизбежно предстоит вести революционные войны.

16) Лозунг разоружения, пока существует капитализм, есть реакционная утопия. Бери ружье в руки; в решительную минуту ты обернешь его против своей буржуазии. На свете есть еще слишком много такого, что может быть уничтожено только силой оружия.

17) Мировая пролетарская революция сложится таким образом: социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе и национально-освободительных движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях. Почему? Потому что капитализм развивается неравномерно, и объективная действительность показывает нам, наряду с высокоразвитыми капиталистическими нациями, целый ряд наций очень слабо и совсем неразвитых экономически [1].

18) Связь империализма с победой оппортунизма в главных партиях II Интернационала.

19) Международная организация пролетариата не может быть восстановлена путем взаимной амнистии.

20) II Интернационал позорно обанкротился. Да здравствует III Интернационал!

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XIII, стр. 369—370.

Таковы важнейшие черты ленинского учения о войне. Но учение это в свою очередь связано со многими другими сторонами ленинизма, как целого. Проблема войны теснейшим образом связана с проблемами революции вообще. Зачастую это две стороны одного и того же. *Война и революция. Война и национальный вопрос. Война и крах II Интернационала. Война и перерождение социал-реформизма в социал-шовинизм. Вопрос о военном союзе пролетариата и крестьянства.* Все это важнейшие проблемы, разработка которых шла у Ленина в новой обстановке рука об руку с разработкой его учения о войне [1].

* * *

Первичные причины войн гнездятся в капитализме. Пока существует капитализм, — войны неизбежны. Этой марксистской истине Ленин в самом начале мировой войны дает следующее выражение:

«Капитализм есть частная собственность на средства производства и анархия производства. Проповедывать «справедливый» раздел дохода на такой базе есть прудонизм, тупоумие мещанина и филистера. Нельзя делить иначе, как «по силе». А сила изменяется с ходом экономического развития. После 1871 г. Германия усилилась раза в 3—4 быстрее, чем Англия и Франция. Япония — раз в 10 быстрее, чем Россия. Чтобы проверить действительную силу капиталистического государства, нет и быть не может иного средства, кроме войны. Война не есть противоречие основам частной собственности, а прямое и неизбежное развитие этих основ. При капитализме невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств. При капитализме невозможны иные средства восстановления, время от времени нарушенного равновесия, как кризисы в промышленности, войны в политике» [2].

Но капитализм знает различные эпохи войн. В основном это три эпохи: 1) 1789—1871 гг., 2) 1871—1914 гг., 3) с 1914. Первая эпоха обнимает войны Великой французской революции до франко-прусской войны и Парижской коммуны. Вторая эпоха обнимает период от окончания франко-прусской войны до мировой войны 1914 г. Третий период обнимает мировую империалистскую войну и сопутствующие ей войны. Разумеется, грани здесь, как и все грани в природе и обществе, условны и подвижны, относительны, а не абсолютны. Это напомина-

[1] Основным произведением Ленина, дающим *экономическое обоснование* его взглядам на мировую войну, приходится считать его книгу «Империализм, как новейший этап капитализма». Читать эту работу, по нашему мнению, следует *вместе* со статьей «Империализм и раскол социализма» (октябрь, 1916 г.). Эта последняя работа является как бы дополнением к названной книге, которая предназначалась к изданию при царской цензуре и до известной степени обходила наиболее острые проблемы революции. В статье «Империализм и раскол социализма» в наиболее сжатой форме разработаны вопросы о корнях оппортунизма в странах империализма (сверхприбыли), о превращении социал-демократии в «буржуазную рабочую партию», о неизбежности и необходимости раскола с оппортунизмом, как условии победы пролетарской революции, и т. д.

[2] *Ленин*, Собр. соч., т. XIII, стр. 132.

ние всегда делал Ленин, когда говорил о вышеуказанных трех периодах войн.

Первую эпоху, начиная с Великой французской революции и до франко-прусской войны, Ленин характеризовал как эпоху подъема буржуазии, ее полной победы. Это — восходящая линия буржуазии. Эпоха буржуазно-демократических движений вообще и буржуазно-национальных в частности. Эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений.

Вторая эпоха — полного господства и упадка буржуазии, эпоха перехода от прогрессивной буржуазии к реакционному и реакционнейшему финансовому капиталу. Это — эпоха подготовки и медленного собирания сил рабочим классом.

Третья эпоха, начавшаяся в 1914 г., ставит буржуазию в такое положение, в каком были феодалы в течение первой эпохи. Это — эпоха империализма, империалистских войн и начала пролетарских революций [1].

Лозунг защиты отечества был вполне уместным и исторически прогрессивным в первую из очерченных эпох, когда этот лозунг и родился.

«Нельзя быть марксистом, не питая глубочайшего уважения к великим буржуазным революционерам, — писал Ленин, — которые имели всемирно-историческое право говорить от имени буржуазных «отечеств», поднимавших десятки миллионов новых наций к цивилизованной жизни в борьбе с феодализмом» [2].

Великие буржуазные революционеры были правы, выдвигая лозунг защиты отечества в национальных войнах, когда дело шло о борьбе с феодализмом. А в указанном первом периоде дело шло именно об этом.

«Основным объективным содержанием исторических явлений во время войн не только 1855, 1859, 1864, 1866, 1870, но и 1877 г. (русско-турецкая) и 1896—1897 гг. (войны Турции с Грецией и армянские волнения) были буржуазно-национальные движения или «судороги» освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества» [3].

Ну, а теперь, в начале третьего периода, когда дело идет об империалистской эпохе и империалистских войнах? Выдвигать лозунг защиты отечества *в этих войнах* значит служить реакционному классу, служить империалистской буржуазии.

Вопрос о различных периодах войн, об империалистском характере войны 1914 г. в отличие от войн эпохи 1789—1871 гг., Ленин разбирал в целом ряде работ военного периода. Но в особенно сжатом и ясном виде взгляд ленинизма на этот счет изложен в двух работах. Мы имеем в виду брошюру «Социализм и война» [4] и статью «Под

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XVIII нового издания, стр. 108.
[2] *Ленин*, Собр. соч., т. XIII, стр. 146—147.
[3] *Ленин*, Собр. соч., т. XVIII нового издания, стр. 109.
[4] *Ленин и Зиновьев*, Социализм и война, 1915 г.

чужим флагом». Первая работа написана для нелегального издания, имевшего задачей довести до сведения передовых рабочих всего мира позицию большевизма в вопросах мировой войны. Вторая из названных нами работ написана для легального сборника «Прилив» в разгар войны при царской цензуре. Но как это ни странно, именно в этой второй работе Ленину удалось особенно ясно и популярно разобрать вышеназванную тему.

Социал-шовинисты русские, — читаем мы в брошюре «Социализм и война», — ссылаются на тактику Маркса в войне 1870 г.; немецкие (типа Ленча, Давида и К°) — на заявления Энгельса в 1891 г. об обязательности для немецких социалистов защищать отечество в случае войны с Россией и Францией вместе; наконец социал-шовинисты типа Каутского, желающие примирить и узаконить интернациональный шовинизм, ссылаются на то, что Маркс и Энгельс, осуждая войны, становились тем не менее постоянно от 1854—1855 до 1870—1871 и 1876—1877 гг. на сторону того или иного воюющего государства, раз война все же разражалась.

Все эти ссылки, говорит Ленин, представляют собой возмутительное искажение взглядов Маркса и Энгельса в угоду буржуазии и оппортунистам, точно так же, как писания анархистов Гильома и К° искажают взгляды Маркса и Энгельса для оправдания анархизма.

Так писал Ленин уже вскоре после начала империалистской войны в нашей общей брошюре «Социализм и война». Эту тему — Маркс и проблемы войны — Ленину пришлось теперь осветить со всей подробностью.

Кто ссылается теперь на отношение Маркса к войнам эпохи *прогрессивной* буржуазии и забывает о словах Маркса: «рабочие не имеют отечества», — словах, относящихся именно к эпохе *реакционной, отжившей буржуазии,* к эпохе социалистической революции, тот бесстыдно искажает Маркса и подменяет социалистическую точку зрения буржуазной.

Особенно большое значение имеет, как мы уже сказали, статья «Под чужим флагом», написанная Лениным в 1915 г. и напечатанная впервые в XX дополнительном томе сочинений Ленина (теперь — в XVIII томе нового издания). Эта работа была посвящена программной статье А. Потресова — наиболее яркого представителя русского социал-шовинизма, — статье, носившей название «На рубеже двух эпох». А. Потресов изо всех сил старался «родными счесться» с Марксом и Энгельсом. Потресов усердно старался доказать, что-де Маркс и Энгельс при всех предыдущих войнах «пытались определить, *успех какой стороны открывает* больше простора желательным с их точки зрения возможностям, и устанавливали таким образом известную базу для постройки своей тактики».

«Маркс и Энгельс в эпоху *старой* (буржуазной) демократии решали вопрос о том, успех какой буржуазии желательнее, заботясь о развитии либерально-скромного движения в демократическо-бурное.

А. Потресов в эпоху *современной* (не буржуазной) демократии проповедует буржуазный национал-либерализм, когда ни в Англии, ни в Германии, ни во Франции о буржуазно-прогрессивных движениях, ни либерально-скромных, ни демократически-бурных, не может быть и речи. Маркс и Энгельс от *своей* эпохи, от эпохи буржуазно-национальных прогрессивных движений шли *вперед*, толкая *эти* движения дальше, заботясь, чтобы они развивались «через головы» представителей средневековья.

«А. Потресов, как и все социал-шовинисты, от *своей* эпохи современной демократии пятится назад, перескакивая на давно отжившую, мертвую и потому внутренне-лживую точку зрения старой (буржуазной) демократии» [1].

В чем состоит метод Маркса при оценке той или другой войны? На этот вопрос Ленин отвечает следующими словами:

Метод Маркса состоит прежде всего в том, чтобы учесть объективное содержание исторического процесса в данный конкретный момент, в данной конкретной обстановке, чтобы прежде всего понять, движение *какого* класса является главной пружиной возможного прогресса в этой конкретной обстановке [2].

Чтобы еще яснее обрисовать свою точку зрения, Ленин разжевывает и поясняет:

«Положим, две страны воюют между собой в эпоху буржуазных, национальных и освободительных движений. Какой стране желать успеха с точки зрения современной демократии? Ясно, что той, успех которой сильнее подтолкнет и более бурно разовьет освободительное движение буржуазии, сильнее подорвет феодализм. Положим, далее, что *определяющий* момент объективной исторической обстановки изменился, и на место национально-освобождающегося капитала встал интернациональный, реакционный, финансовый империалистский капитал. Первая владеет, положим, $^3/_4$ Африки, а вторая $^1/_4$. Объективное содержание их войны — передел Африки. Какой стране желать успеха? Вопрос, в прежней его постановке, нелепый, ибо у нас нет прежних критериев оценки: нет ни многолетнего развития буржуазного освободительного движения, ни многолетнего процесса краха феодализма. Не дело современной демократии ни помогать первой закрепить свое «право» на $^3/_4$ Африки, ни помогать второй (хотя бы она развивалась экономически быстрее первой) отнять себе эти $^3/_4$».

Потресов неосторожно назвал свою статью «На рубеже двух эпох», Ленин ловит на слове вождя русских социал-патриотов:

Бесспорно, говорит Ленин, мы живем на рубеже двух эпох, и происходящие перед нами величайшей важности исторические события могут быть поняты лишь при анализе, в первую голову, объективных условий перехода от одной эпохи к другой. Ре́чь идет о больших исторических эпохах; в каждой эпохе бывают и будут

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XVIII нового издания, стр. 105.
[2] Там же, стр. 506.

отдельные, частичные движения то вперед, то назад, бывают и будут различные уклонения от среднего типа и от среднего темпа движений. Мы не можем знать, с какой быстротой и с каким успехом разовьются отдельные исторические движения данной эпохи. Но мы можем знать и мы знаем, *какой класс* стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д. Только на этой базе, т. е. учитывая в первую голову основные черты различия разных «эпох» (а не отдельных эпизодов истории отдельных стран), можем мы правильно построить свою тактику [1].

Соответствующие главы из «Социализма и войны» надо читать вместе со статьей «Под чужим флагом», тогда получится полное и ясное представление о преемственности взглядов Маркса и Ленина на проблемы войны, о той новой громадной самостоятельной работе, которую выполнил Ленин в начале мировой империалистской войны, разъяснивши *разницу между различными периодами войн и давши* исчерпывающее *объяснение характера мировой войны 1914—1918 гг.* Опираясь на метод Маркса, Ленин объяснил мировому пролетариату характер нового периода войн, в отличие от тех войн, современниками которых были Маркс и Энгельс. Компас марксизма помог Ленину верной рукой вести корабль международного пролетариата в невиданных еще бурях мировой войны.

«Социальный характер войны, ее истинное значение определяется не тем, где стоят неприятельские войска (как думают эсеры и меньшевики, опускаясь до вульгарности темного мужика). Этот характер определяется тем, *какую политику* война продолжает («война есть продолжение политики»), *какой класс*, в каких целях войну ведет».

Эти слова Ленина из «Грозящей катастрофы» (1917 г.) теперь стали достоянием всех мыслящих рабочих мира. Но для того чтобы этот тезис вошел в плоть и кровь международного революционного рабочего движения, понадобилась гигантская работа Ленина по разъяснению прежде всего подлинного характера мировой войны.

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XVIII нового издания, стр. 107.

XV. ОСНОВНОЕ ЗВЕНО В ЛЕНИНСКОЙ СИСТЕМЕ ТАКТИКИ ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

Вслед за выяснением основных черт империалистской стадии капитализма, вслед за выяснением *империалистского характера* мировой войны у Ленина идет выработка целой системы тактики применительно к мировой войне. Тактическая система Ленина сложна и обширна. В начале мировой войны реальные силы революционного международного рабочего движения кажутся минимальными, но потенциально эти силы огромны. Оставшись к началу империалистской войны с небольшой горсточкой единомышленников, Ленин в самые трудные минуты, однако, не сомневается в том, что ход событий позаботится об увеличении революционной армии пролетариата. Если сделать моментальный фотографический снимок с положения международных пролетарских сил к началу империалистской войны, — картина не может быть плачевнее. Но Ленин — революционный диалектик; он твердо знает, что уже завтра соотношение сил на арене мировой классовой борьбы будет иное, а уж послезавтра подавно.

Тактическая система Ленина, в основном намеченная уже в самом начале мировой войны, разрабатывалась и уточнялась в течение всей войны. Основная посылка Ленина: война есть громадный *ускоритель* развития. Война сначала отбросила мировое революционное движение далеко назад. Но пройдет некоторое время и на наших глазах произойдет диалектическое превращение: рабочий класс развернет свою энергию и сделает громадный шаг вперед к социалистической революции.

Если захотеть отыскать основное звено в сложной ленинской системе тактики в годы 1914—1917, придется сказать: *это основное звено есть лозунг «превращения империалистской войны в войну гражданскую»*. Второй по важности лозунг, всецело вытекающий из первого, есть лозунг *«поражения «своего» правительства в империалистской войне»*. Ухватившись за первое основное звено, а тем более за оба указанных звена, уже не трудно вытащить всю цепь взглядов и лозунгов Ленина, из которых складывается тактика ленинизма в период первой мировой империалистской войны.

Первая законченная формулировка лозунга превращения империалистской войны в гражданскую содержится, как известно, в первом же манифесте Центрального комитета партии, написанном Лениным в сентябре 1914 г.

«Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну, — читаем мы в этом манифесте, — есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высокоразвитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом» [1].

Второй раз этот лозунг формулируется в резолюциях Бернской конференции заграничных секций:

«Гражданская война, — читаем мы в соответствующем месте этих резолюций, — к которой революционная социал-демократия (напомним, что тогда большевики еще не назывались коммунистами) зовет в настоящую эпоху, есть борьба пролетариата с оружием в руках против буржуазии за экспроприацию класса капиталистов в передовых капиталистических странах, за демократическую революцию в России (демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьих земель), за республику в отсталых монархических странах вообще и т. д.» [2].

Началу империалистской войны застало Россию в обстановке начинавшегося революционного подъема. Вторая революция, которую ждали и которую подготовляли большевики после поражения 1905 г., начинала назревать. В России вновь начинала складываться непосредственно революционная ситуация. Ленин не сомневался в том, что империалистская война послужит великим ускорителем революции прежде всего в России, если только царским войскам не дастся в руки победа на фронтах империалистской войны (в чем в самом начале можно было сомневаться). В начале империалистской войны Ленин, однако, считал, что этого «ускорителя» непосредственно хватит только на то, чтобы приблизить во времени *демократическую* революцию в России и сделать ее максимально радикальной. В приведенном отрывке Ленин говорит именно о демократической революции в России, описывая содержание ее в трех старых большевистских лозунгах: демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьих земель. И лишь через $2^1/_2$ года империалистской войны оказалось, что этот «ускоритель» принес в России не только приближение демократической революции, но и возможность непосредственного превращения этой последней в революцию социалистическую. Тогда Ленин выдвинул лозунг уже не демократической, а социалистической революции также и для России.

«Крайние бедствия для масс, создаваемые войной, не могут не порождать революционных настроений и движений, для обобщения и направления которых должен служить лозунг гражданской войны». Так мотивировала необходимость этого лозунга резолюция Бернского сове-

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XVIII нового издания, стр. 66.
[2] Там же, стр. 126.

щания. «В настоящий момент, — описывает положение вещей названная резолюция, — организация рабочего класса сильно разбита. Но революционный кризис тем не менее назревает. После войны господствующие классы во всех странах еще больше напрягут свои усилия к тому, чтобы отбросить назад на долгие десятилетия освободительное движение пролетариата. И вот задача международного большевизма, как в случае быстрого темпа революционного развития, так и в случае затяжного характера кризиса (Ленин строит на обе эти возможности), будет — не отказываться от длительной повседневной работы, не пренебрегать ни одним из прежних методов классовой борьбы. Задачей большевиков будет направлять и парламентаризм, и экономическую борьбу против оппортунизма — в духе революционной борьбы масс»[1].

Ну а в данный момент, теперь, в начале войны, когда организация рабочего класса сильно разбита, — что делать, с чего начать теперь? Ответ Ленина в названной резолюции таков:

«Как первые шаги по пути превращения современной империалистской войны в гражданскую войну, надо указать: 1) безусловный отказ от вотирования военных кредитов и выход из буржуазных министерств; 2) полный разрыв с политикой «национального мира»; 3) создание нелегальной организации повсюду, где правительства и буржуазия, вводя военное положение, отменяют конституционные свободы; 4) поддержка братания солдат воюющих наций в траншеях и на театрах войны вообще; 5) поддержка всякого рода революционных массовых выступлений пролетариата вообще»[2].

Эти меры скромны — особенно на нынешний масштаб, но эти меры безусловно лежали *на линии* превращения империалистской войны в гражданскую в той конкретной обстановке, какая создалась во всех воюющих странах в начале империалистской войны. (В скобках сказать: по этому же типу Ленин сформулировал общие лозунги партии после падения царского самодержавия. Возьмите лозунги, выдвинутые апрельской 1917 года конференцией нашей партии. По внешности эти лозунги тоже очень скромны и осторожны. В них нет еще требования национализации фабрик и заводов, в них только еще — рабочий контроль и т. п. Но в сумме своей лозунги апрельской конференции представляют *линию перерастания* буржуазно-демократической революции в социалистическую, *ведут* по *этому* пути рабочий класс и приводят его к цели). Ленин, по обыкновению, не только дает объединяющий лозунг, но и выдвигает конкретные практические мероприятия, соответствующие данной обстановке и ведущие к реализации той цели, которую он себе поставил. В этом сила его революционной диалектики. Чего проще может показаться теперь, после опыта мировой войны и ряда революций, скромное предложение о поддержке братания солдат воюющих наций в траншеях! А в начале империалистской войны, в той свинцовой

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XVIII нового издания, стр. 126.
[2] Там же.

обстановке, которая создалась, это было не только чем-то совершенно новым, но и неслыханно смелым и дерзким. На первой Циммервальдской конференции некоторые присутствовавшие там балканские социалисты и интернационалисты (болгары) рассказывали Ленину картинки того, как в балканских войнах, предшествовавших мировой войне, к концу кампании усталые и измученные солдаты с обеих сторон стихийно стали прибегать к братанию. С величайшим вниманием Ленин вслушивался в эти рассказы, заставляя собеседников рассказать о самых мельчайших деталях. Эти небольшие, но драгоценные для Ленина фактические сведения только утверждали его в правильности выдвинутого лозунга.

В брошюре «Социализм и война» лозунг «превращения империалистской войны в гражданскую» поясняется следующим образом:

Война несомненно породила самый резкий кризис и обострила бедствия масс невероятно. Реакционный характер этой войны, бесстыдная ложь буржуазии *всех* стран, прикрывающей свои грабительские цели «национальной» идеологией, все это на почве объективно-революционной ситуации неминуемо создает революционные настроения в массах. Наш долг — помочь осознать эти настроения, углубить и оформить их. Эту задачу правильно выражает лишь лозунг превращения империалистской войны в войну гражданскую, и *всякая* последовательная классовая борьба во время войны, всякая серьезно проводимая тактика «массовых действий» неминуемо ведет к этому [1].

В словах о «массовых действиях» содержится некоторая полемика против взглядов Розы Люксембург и ее ближайших единомышленников (см. главу о люксембургианстве). Германские «лево-радикалы», группировавшиеся вокруг Розы Люксембург, Панекука, Радека, выдвигали лозунг «массовых действий», который в смысле ясности и четкости, разумеется, остается далеко позади ленинского лозунга «превращения империалистской войны в войну гражданскую». Большевики, конечно, также стояли за тактику «массовых действий». Но, прибавляли они, всякая серьезно проводимая тактика массовых действий, всякая последовательная классовая борьба *во время войны* неминуемо выдвигает вопрос о революции. Яснее всего, понятнее всего для масс задача рабочего класса находит себе выражение в отчеканенном лозунге «превращения империалистской войны в гражданскую». Империалистская война хочет задушить пролетарскую революцию. Пролетарская революция должна задушить империалистскую войну. Империалистская буржуазия хочет использовать обстановку, созданную войной, — осадное положение, «патриотический» подъем, измену вождей, призывающих к гражданскому миру, и т. д., — чтобы отбросить назад рабочий класс. Революционный авангард пролетариата должен использовать обстановку, созданную империалистской войной — массовые вооружения трудящихся, нарастающее недовольство и негодование широких масс, — чтобы отбросить назад империалистскую буржуазию и по возможности раздавить ее.

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XVIII нового издания, стр. 204.

Насколько быстро разовьется темп революционного развития, насколько быстро начнется на практике превращение империалистской войны в гражданскую, этого никто не мог знать. В «Социализм и война» Ленин писал даже так:

«Нельзя знать, в связи с первой или второй империалистской войной великих держав, во время нее или после нее возгорится сильное революционное движение, но во всяком случае наш безусловный долг систематически и неуклонно работать именно в этом направлении» [1].

Великие уроки Парижской коммуны сыграли немалую роль в формулировке Ленина о превращении империалистской войны в гражданскую. Франко-прусская война 1870—1871 гг. не была империалистской войной. Это была одна из последних больших национальных войн в Европе. Но во вторую ее половину рабочие Парижа сделали попытку превращения внешней войны в войну внутреннюю, в войну гражданскую.

Базельский манифест, — читаем мы в «Социализм и война», — прямо ссылается на пример Парижской коммуны, т. е. превращения войны правительств в войну гражданскую. Полвека тому назад пролетариат был слишком слаб, объективные условия социализма еще не назрели, соответствия и содействия революционных движений во всех воюющих странах быть не могло, увлечение части парижских рабочих «национальной идеологией» (традицией 1792 г.) было мелкобуржуазной слабостью их, своевременно отмеченной Марксом, и одной из причин краха Коммуны. Полвека спустя после нее отпали ослаблявшие тогдашнюю революцию условия, и в настоящее время социалисту непростительно мириться с отказом от деятельности именно в духе парижских коммунаров [2].

Лозунг «превращения империалистской войны в войну гражданскую» сначала оспаривался не только социал-патриотами, его не принимала, его отодвигала группа Розы Люксембург. В письме к Циммервальдской конференции в 1915 г. Карл Либкнехт впервые употребил формулу: «не гражданский мир, но гражданская война — вот пароль наших дней». Но у него в то время это была скорей агитаторская формула, нежели продуманная и законченная тактическая линия. Объединяющей формулой спартаковцев была, как мы уже отмечали, формула «массовых действий», отличающаяся от ленинского лозунга известной робостью и неясностью.

Ленинский лозунг «превращения империалистской войны в гражданскую» отвергался в то время также Троцким, стоявшим на левом крыле центризма. Троцкий упрекал большевизм в «утрировке» революционных лозунгов и вместо лозунга «*превращения* империалистской войны в гражданскую» выдвигал лозунг «*прекращения* войны», лозунг «мира». «Немедленное прекращение войны, — писал он, — вот лозунг, под которым социал-демократия может снова собрать свои рассеянные ряды как в партиях отдельных стран, так и во всем Интернационале» [3].

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XVIII нового издания, стр. 204.

[2] Там же.

[3] *Троцкий*, Война и революция, т. I, стр. 150.

Ну а о социал-патриотах и о Каутском нечего и говорить. Плеханов сделал попытку высмеивать Ленина за то, что Ленин будто устранил все трудности, «провозгласив, что надо сделать революцию *одновременно* во всех странах». Таким образом Плеханов в чрезвычайной степени облегчил себе полемику против Ленина. «Каковы шансы предлагаемой им (Лениным) *одновременной* революции? — вопрошал Плеханов: — и что произойдет, если она не совершится?» — добавлял он с торжествующим видом. А Ленин, как известно, и не думал провозглашать «одновременной» революции. Напротив, с самого начала войны он не переставал разжевывать закон неравномерности развития капитализма и объяснять, почему эта неравномерность может привести к победе революции сначала в одной стране. Ленин требовал от всех сторонников пролетариата *одновременной и согласованной работы против буржуазии*, против империалистской войны. А Плеханов превращал это в обещание Лениным *одновременной победы революции во всем мире*. Когда теперь перечитываешь писания Плеханова во время империалистской войны, то только поражаешься, до каких плоских и дешевых приемов унизился этот крупный писатель и выдающийся теоретик. Позиция социал-патриотизма сразу сделала Плеханова ниже на целую голову. Самые выдающиеся вожди II Интернационала, перейдя на позицию социал-патриотизма и центризма, вынуждены были пробавляться такой низкопробной духовной пищей, такой нищенской похлебкой из лжи и буржуазной софистики, что только диву даешься.

«Практический вопрос один: победа или поражение собственной страны», — писал слуга оппортунистов Каутский, в унисон с Гэдом, Плехановым и К°. «Да, — отвечал на это Ленин, — если забыть о социализме и классовой борьбе, это будет верно. Но если не забывать о социализме, это неверно: есть другой *практический* вопрос. Погибать ли в войне между рабовладельцами, оставаясь слепым и беспомощным рабом, или погибать за «попытки братания» между рабами в целях свержения рабства?»[1].

Под флагом «защиты отечества» социал-шовинисты проводили политику полного прекращения классовой борьбы и союза с буржуазией своей страны, иначе говоря, политику гражданского мира. Теоретики социал-шовинизма на бумаге расписывали прелести гражданского мира и прекращения классовой борьбы, а на деле классовая борьба кипела больше, чем когда бы то ни было, постепенно достигая самых крайних ее форм, ибо гражданская война есть только самая острая форма классовой борьбы.

В зародыше лозунг «гражданской войны», разумеется, содержится у Маркса. В первой части книги читатель найдет немало доказательств этому. В замечательной работе Маркса, посвященной Парижской коммуне, читатель найдет ряд бессмертных страниц, подводящих вплотную к этому лозунгу. А Ленину выпало на долю бросить

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XIII, стр. 60.

этот лозунг в законченной отчеканенной форме — в обстановке, когда более 25 млн. человек находились под ружьем, когда земля дрожала под несколькими крупными государствами, когда весь цивилизованный мир переживал смятение первой империалистской бойни. Голос Ленина, прозвучавший в начале империалистской войны как будто одиноко, постепенно подхвачен был миллионами рабочих. А в 1917 г. этот голос разносился с такой силой, что заглушал рев пушек на всех полях империалистской бойни.

* * *

Лозунгу Ленина о превращении империалистской войны в гражданскую чаще всего противопоставляли *лозунг «мира»*. Это был тот пункт, в котором сходились и Троцкий, и Каутский, и английские социал-пацифисты, и Мартов с Аксельродом, и большинство Циммервальда. Выдвигать лозунг «мира» против лозунга «гражданской войны» — это было самой «благовидной» формой оппортунизма и вместе с тем самой опасной (для революции) его формой.

В вопросе о лозунге «мира» большевизм сохранил полную преемственность между своей позицией в 1904—1905 гг. и позицией в 1914—1915 и дальнейших годах. Читатель помнит блестящую реплику Ленина на лозунг старой «Искры» «мир во что бы то ни стало» во время русско-японской войны. Еще с гораздо большим блеском Ленин развил марксистскую аргументацию против этого лозунга в обстановке мировой империалистской войны. Полемику по этой линии Ленин в 1914—1916 гг. вел более всего против Троцкого, как наиболее «левого» выразителя центристской идеологии.

Лозунг «мира», естественно, «увязывался» у Каутского, Троцкого и других с борьбой против организационного размежевания внутри II Интернационала, с борьбой против ленинского лозунга *раскола* II Интернационала. Наиболее «левый» из центристов тогдашнего времени Троцкий писал:

«Как под лозунгом войны до конца сгруппировались носители разных тенденций в социализме, так и под лозунгом «война войне» стоят как те, которые стремятся по возможности скорее восстановить под ногами пролетариата «нормальную базу» для его классового движения, все в той же форме борьбы за реформы и упрочения организаций, так и те, которые видят в этой войне кровавый пролог эпохи глубочайших социальных потрясений».

«Дальнейший ход войны и те или другие его последствия могут несомненно развести в разные стороны те глубоко различные по своему идейному воспитанию и политическому прошлому социалистические элементы, которые сейчас объединяются борьбой за прекращение войны» [1].

Преимущество лозунга «мир во что бы то ни стало» (или: «немедленное прекращение войны») Троцкий, таким образом, видел в том, что лозунг этот объединяет — хотя и не навсегда, а только на

[1] *Троцкий*, Война и революция, стр. 83.

время — центр и левую, реформистов и революционеров. Ленин же как раз в этом видел наибольший вред. Во втором «Ленинском сборнике» напечатано письмо Ленина к Коллонтай, которая в то время начала переходить на сторону большевизма, посвященное как раз этой теме.

«Вы соглашаетесь, — пишет в этом письме Ленин, — с лозунгом гражданской войны, повидимому, не вполне, а отводя ему, так сказать, подчиненное (и пожалуй даже: условное) место позади лозунга мира. И вы подчеркиваете, что «нам надо выдвигать такой лозунг, который объединил бы всех». Скажу откровенно, что я всего более боюсь в настоящее время такого огульного объединительства, которое, по моему убеждению, наиболее опасно и наиболее вредно для пролетариата» [1].

В начале империалистской войны после чудовищного предательства, совершенного II Интернационалом, Ленин более, чем когда бы то ни было, был враждебен таким лозунгам, которые перебрасывают мостик от революционеров к центристам и реформистам; он искал именно таких лозунгов, которые проводят максимальное разграничение между тем и другим лагерем.

«Левые» центристы защищали лозунг мира обычным в устах центристов аргументом: масса де не поймет сейчас прямых призывов к революции. Широкую мобилизацию масс можно произвести только под доступными ей лозунгами и т. д. Огромное значение кампании за мир заключается де в том, что «только под этим лозунгом может сейчас итти действительно широкая мобилизация масс... Начавшись с борьбы за прекращение войны, революционная мобилизация масс может закончиться завоеванием политической власти пролетариатом», аргументировал тогда «левый» центрист Троцкий [2].

А Каутский, Аксельрод и К° не брезговали и просто «доказывать», что большевики «против мира», что они «играют на руку» империалистам и т. д. — совершенно так же, как в годы столыпинской контрреволюции русские ликвидаторы «доказывали», будто большевики являются противниками свободы коалиций (на том основании, что большевики не верили в осуществимость подлинной свободы коалиций при Романове и Столыпине, а звали пролетариат на революцию, которая должна была обеспечить *между прочим* и свободу коалиций для рабочих).

Конечно, большевики отдавали себе ясный отчет в том, что широкие массы народа хотят мира. Они знали, что требование мира может сделаться в течение войны самым популярным требованием в самых широких массах населения. Но из этого вовсе не следовало, что пролетарский авангард должен тоже ограничиться требованием мира.

Одно дело, — писал Ленин, — лозунги сознательного авангарда рабочих, другое дело — стихийное требование масс... Все усилия надо направлять на то, чтобы *использовать* настроение масс в пользу мира.

---

[1] «Ленинский сборник», кн. II, стр. 221.
[2] «Война и революция», т. II, стр. 48, 55.

Но *как* использовать? Признавать *лозунг* мира и повторять его... это было бы *обман* народа иллюзией, будто теперешние правительства, теперешние командующие классы *способны*, без «обучения» (или, вернее, устранения) их рядом революций, на мир, сколько-нибудь удовлетворяющий демократию и рабочий класс. Нет ничего вреднее этого обмана [1].

Уже в резолюции Бернского совещания Ленин писал:

«Одной из форм одурачения рабочего класса является пацифизм и абстрактная проповедь мира. При капитализме, и особенно в его империалистской стадии, войны неизбежны. А с другой стороны, социал-демократы не могут отрицать позитивного значения революционных войн, т. е. не империалистских войн, а таких, которые велись, например, от 1789 г. до 1871 г. ради свержения национального гнета и создания из феодально-раздробленных — национальных капиталистических государств, или которые возможны для охраны завоеваний побеждающего в борьбе с буржуазией пролетариата.

«Пропаганда мира в настоящее время, не сопровождающаяся призывом к революционным действиям масс, способна лишь сеять иллюзии, развращать пролетариат внушением доверия к гуманности буржуазии и делать его игрушкой в руках тайной дипломатии воюющих стран. В частности глубоко ошибочна мысль о возможности так называемого демократического мира без ряда революций»[2].

Читателю памятно, как в ходе русско-японской войны Ленин тщательно следил за высказываниями «больших» буржуазных газет и на основании этих высказываний иллюстрировал запутавшимся меньшевикам вредоносность лозунга «мир во что бы то ни стало»; как Ленин на ряде живых примеров доказывал, что лозунг этот в определенной обстановке выгоден не только мировой буржуазии, а также царскому правительству. Такую же работу Ленин делал и во время мировой империалистской войны. Так, например, в июне 1915 г. в органе германского правительства «Северо-германская всеобщая газета» появилась статья одного из виднейших вождей германской социал-демократии — Кварка, который между прочим писал: «Мы, немецкие социал-демократы, и наши австрийские товарищи заявляем непрестанно, что мы вполне готовы вступить в сношения с английскими и французскими социал-демократами для начала переговоров о мире. *Немецкое императорское правительство знает об этом и не ставит нам ни малейших препятствий*».

Приводя это место из статьи Кварка, Ленин пишет:

«Урок тем любителям фразы, которые, подобно Троцкому, защищают против нас лозунг «мира», ссылаясь, между прочим, на то, что «все левые» объединялись будто бы «действенно» именно под этим лозунгом! Правительство юнкеров доказало теперь правильность нашей бернской резолюции, сказавшей, что пропаганда мира, «не сопрово-

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XX, ч. I, стр. 536.
[2] *Ленин*, Собр. соч., т. XVIII нового издания, стр. 127—128.

ждающаяся призывом к революционным действиям масс, способна лишь сеять иллюзии» и делать пролетариат *«игрушкой в руках тайной дипломатии воюющих стран»*. Это подтверждается буквально!» [1].

Не раз Ленин утверждал, что дипломатическая история впоследствии докажет через ряд лет, что прямой или косвенный договор между оппортунистами и правительствами о болтовне в пользу мира был *не только* в Германии. Такие вещи дипломатия скрывает, но шила в мешке не утаишь.

Когда в Циммервальде начало складываться первое объединение противников войны и объединение это происходило под лозунгом мира, Ленин считал возможным участвовать в этой попытке, образуя в то же время циммервальдскую левую и открыто выступая со своей последовательной интернационалистской платформой.

Когда левые начали объединяться под лозунгом мира, это можно (и должно) было поощрять, *если* в этом выражался *первый шаг* протеста против шовинистов, — как темный русский рабочий в гапонаде выражал робкий протест против царя. Но поскольку левые ограничиваются и теперь этим *лозунгом* (лозунги — дело *сознательных* политиков), постольку они самые плохенькие левые, постольку в их резолюциях *нет* ни грана именно «действенности», постольку они — игрушка в руках Зюдекумов, Кварков, Самба, Гайндманов, Жоффра и Гинденбурга [2].

Это вовсе не значит, что большевики «против мира». Лозунг гражданской войны *включает в себе* требование демократического справедливого мира. Но «самостоятельный» лозунг мира, без лозунга гражданской войны, без прямого призыва к революции *объективно* играет на руку буржуазии и ее агентам в рабочей среде, отвлекая рабочих от социалистической революции.

Если верно, в самом деле, что начавшаяся в 1914 г. мировая война есть война империалистская, что империализм есть целая историческая стадия в завершающемся развитии капитализма; если верно, что первая мировая империалистская война открывает собою *целую эпоху* повторных империалистских войн; если верно, что эпоха империалистских войн грозит человечеству неисчислимыми бедствиями, морями крови, миллионами жертв, грозит отбросить назад все великое освободительное движение пролетариата; если все это так, — а это несомненно так, — то пролетарии-интернационалисты должны поставить перед собою вопрос: как же бороться с *корнями* этого бедствия, с каким вооружением выходим мы навстречу этой вплотную надвинувшейся беде, каков тот объединяющий лозунг эпохи, который мы противопоставляем буржуазии во всю эту полосу развития?

Как бороться? Тем, что *во время* разразившейся войны мы будем требовать мира? А когда через некоторое время возникнет новая

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XVIII нового издания, стр. 225.
[2] Там же.

империалистская война, мы опять провозгласим: мир во что бы то ни стало? И так без конца! Каждая война — в том числе и империалистская война — в тот или другой момент, разумеется, кончается миром. И если бы в нашем пролетарском арсенале оказался только один пароль — «мир», мы никогда не смогли бы использовать это великое бедствие — войну — для ускорения победы социалистической революции. Империалистская буржуазия и династические клики тех или других стран вызывают войну. Война причиняет величайшие опустошения. Мы же, революционные пролетарии, умеем только требовать «мира во что бы то ни стало». Когда это в интересах правящих классов, война прекращается и мир заключается. Но через некоторое время на нас обрушивается новая империалистская война. Круговорот начинается сначала. Сказав, что «мы требуем мира», мы еще ничего не сказали насчет того, как же будем мы бороться против империалистских войн вообще. А ведь этими войнами характеризуется и будет характеризоваться вся ближайшая эпоха. Если мы сказали: империалистскую войну надо превратить в гражданскую — мы *дали* свой ответ, ответ революционных пролетариев на то, как вырвать человечество из уготованного ему империалистами ада. А сказав: мы требуем мира, — мы на этот коренной вопрос никакого ответа не дали. Мы должны сказать рабочим: хочешь сокращения этапа империалистских войн — готовь войну гражданскую. Хочешь отстоять себя, как класс, хочешь затруднить твоим классовым врагам «на части рвать тебя, глумяся над тобою», хочешь не на словах только, а на деле объявить войну войне, тогда ты должен понять, что нашему поколению предстоит считаться с целым рядом империалистских войн; что на историческую чашу весов пролетариат должен бросить все, что он имеет; что условия общественного развития достаточно созрели для социализма; что наступил момент сказать: империалистскую войну мы превратим в гражданскую.

Гражданская война — это вовсе не значит непременно военная стачка, не значит тот специфический «антимилитаризм», который не видел всей совокупности явлений и воображал, что есть какая-то панацея против милитаризма, как такового, вне общей борьбы за социальную революцию. Гражданская война — это не значит, что мы сможем ее организовать с сегодня на завтра. Но мы должны все, как один человек, твердо сказать, что эта задача стоит перед нами, как очередная, боевая, насущная, повседневная. Мы должны смотреть опасности прямо в глаза. На нас, на наше поколение пролетарских революционеров, надвигается эпоха громадной трудности. Чтобы остаться пролетарскими революционерами, мы не можем ограничиваться перенятыми у буржуазных пацифистов лозунгами. *Мы должны поднять знамя гражданской войны.* Пролетарский Интернационал, действительно достойный своего имени, возродится либо под этим лозунгом, либо не возродится вовсе. Наша задача — готовиться к надвигающимся битвам, воспитаться самим и воспитывать все рабочее движение в той мысли, что мы должны либо умереть, либо победить под знаменем

гражданской войны. Так писали большевики в самом начале мировой империалистской войны [1].

Если правота большевиков не была достаточно ясна в начале войны, то она стала для всех искренних сторонников пролетариата абсолютно бесспорной к концу войны, когда империалистская война сменялась империалистским же миром. Достаточно вспомнить ту особенно большую игру, — в мировом масштабе, — которую с лозунгом «мира» разыграла наиболее богатая, наиболее нажившаяся на мировой войне, наиболее грабительская буржуазия: американская буржуазия. В видоизмененной форме американская буржуазия, в сущности говоря, продолжает эту игру и теперь — через 10 лет после заключения мира. Особенно поучительно было видеть, как «пацифистская» позиция американской буржуазии с ее пророком Вильсоном одно время прямо-таки переплеталась с социал-пацифистской позицией вождей II Интернационала — Каутского и К°.

Как только в начале 1917 г. эта «новая» позиция американской буржуазии обнаружилась, Ленин забил тревогу. В статье «Поворот в мировой политике» (январь 1917 г.) он писал:

«Мы за демократический мир. И именно поэтому мы не хотим лгать народам, как лгут — конечно, из самых благих намерений и с самыми добродетельными побуждениями — Турати и Каутский. Мы будем говорить *правду:* что демократический мир невозможен, если революционный пролетариат Англии, Франции, Германии и России не свергнет буржуазных правительств» [2].

Кого не научила империалистская война, того должен научить империалистский мир, не переставал твердить Ленин.

Именно теперь, когда правящая буржуазия готовится к тому, чтобы мирно разоружить миллионы пролетариев и безопасно перевести их — под прикрытием благовидной идеологии и непременно окропив их святой водицей сладеньких пацифистских фраз! — из грязных, вонючих смрадных траншей, где они занимались бойней, на каторги капиталистических фабрик, где они должны «честным трудом» отрабатывать сотни миллиардов государственного долга, именно теперь получает еще большее значение, чем в начале войны, тот лозунг, с которым обратилась к народам наша партия осенью 1914 г.: превращение империалистской войны в гражданскую за социализм [3].

Мы за подлинно демократический мир; мы одни за уничтожение войн; мы одни стоим за такое окончание первой империалистской бойни, которое в корне пресекло бы возможность повторения новых империалистских войн. И именно потому, что мы за демократический мир, нашим главным лозунгом является: «превращение империалистской войны в гражданскую». «Вне гражданской войны за социализм нет спасения от одичания, нет возможности прогресса в Европе». И раз

[1] Ср. нашу статью «Пароль революционной социал-демократии» в сборнике «Против течения».

[2] *Ленин*, Собр. соч., т. XIII, стр. 489.

[3] Там же.

это так, — а это несомненно так, — мы должны сказать рабочим всего мира: «старайтесь развить массовое революционное действие против своего правительства и своей буржуазии».

«Превращение империалистской войны в войну гражданскую» — этот лозунг победно прогремел и успешно реализовался на $^1/_6$ части земной суши. Но он стал также достоянием передовых рабочих во всем остальном мире. Если что и сдерживает империалистов — хотя бы до некоторой степени и до поры до времени — от быстрого повторения новых империалистских войн, так это именно то, что и в их ушах звучит грозное напоминание революционных пролетариев: «всякую новую империалистскую войну мы постараемся превратить в войну гражданскую». Каких бы жертв ни требовала гражданская война, она одна несет спасение от одичания, она одна обеспечивает возможность прогресса в Европе и во всем мире — эти слова Ленина стали путеводной звездой для всего Коммунистического Интернационала.

XVI. ЛЕНИНИЗМ И ПОРАЖЕНЧЕСТВО.

За пораженчество во время мировой империалистской войны Ленин и ленинцы подвергались особенно яростным нападкам и преследованиям. Дело изображалось так, будто так называемое пораженчество выдумал злокозненный Ленин, будто такой вещи, как желание поражения «своему» правительству в реакционной войне никогда не было слыхано не только в мировом рабочем движении, но и чуть ли не в мировой истории вообще.

То, что в 1914—1918 гг. изображалось как нечто неслыханное и чудовищное, теперь вменяется в прямую заслугу большевизму всей наиболее сознательной частью международного пролетариата. И вот, теперь настала пора установить со всей объективностью, что же именно нового сказал Ленин по вопросу о пораженчестве.

Было бы неверным сказать, будто Ленин «открыл» теорию пораженчества. Это было бы столь же неверно, как сказать, что Маркс открыл теорию классовой борьбы. Известно, что сам Маркс отрицал, будто это открытие принадлежит ему. Существование классов и борьбу классов, говорил Маркс, открыли до меня. То, что сделал нового я, состояло в доказательстве, что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата и что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов.

Что поражение реакционного правительства в той или другой внешней войне может принести пользу освободительному движению внутри страны — это было открыто до меня; то, что сделал нового я, состояло в «переводе» этой истины на язык империалистской эпохи, в применении этой истины к обстановке первой мировой империалистской войны и начинающейся мировой пролетарской революции, — мог бы сказать Ленин. То, что сделал нового Ленин, заключалось в доказательстве, что война 1914—1918 гг. есть империалистская, угнетательская, контрреволюционная, рабовладельческая война; что в этой конкретной войне позиция рабочего класса может состоять только в содействии поражению буржуазии «своей» страны; что лозунгом рабочих в такой войне может быть только превращение империалистской войны в войну гражданскую; что пробил час уже не только провозглашения, но осуществления пролетарской диктатуры.

«Пораженчество» Ленина складывается из: 1) материалистической оценки войн вообще, в духе Маркса и Энгельса, и применения марксова

метода к оценке данной конкретной войны и возможной ее роли в освободительной борьбе пролетариата; 2) продолжения лучших традиций лучшей части II Интернационала тех времен, когда на его деятельность оказывал еще практическое влияние Энгельс, когда Плеханов, Гэд, Каутский были еще марксистами и составляли левое крыло II Интернационала; 3) продолжения лучших традиций *русского* революционного движения — традиций, связанных с тем периодом, когда объективно-революционная ситуация России созревала с каждым годом и выдвигала целую плеяду великих революционеров от Чернышевского до Желябова; 4) «перевода» всего этого на язык империалистской эпохи, т. е. эпохи империалистских войн и пролетарских революций.

* * *

Родоначальником пораженческой традиции в дореволюционной России можно считать Н. Г. Чернышевского. Под впечатлением событий революций 1848—1849 гг. Чернышевский дал в своем дневнике записи чисто пораженческого характера [1]. Когда во Франции, как ему один момент казалось, в 1849 г. левые демократы во главе с Ледрю Ролленом были близки к победе, и Ледрю Роллен поехал на юг к альпийской армии, Чернышевский записывал в своем дневнике:

«Эх, если бы с альпийской армией Ледрю Роллен пошел на Париж и — война против нас; Германия к Франции приступила бы и нас — назад, эх, это бы хорошо!»

В другом месте по поводу войны русского правительства Николая с революционной Венгрией Чернышевский пишет:

«Друг венгров, желаю поражения там русских и для этого готов был бы самим собою жертвовать» [2].

Товарищ Чернышевского по каторге Стахевич в своих воспоминаниях рассказывает, как Чернышевский читал своим товарищам один из первоначальных вариантов своего романа «Пролог». В том месте, где шла речь о крымской войне (это место потом в печати было сильно смягчено), Чернышевский писал:

«Все наши реформы как произведенные, так и предстоящие, — мишура, о которой не стоит говорить. Если бы союзники взяли Кронштадт... нет, Кронштадт мало... если бы союзники взяли Кронштадт и Петербург... нет, и этого мало... если бы они взяли Кронштадт, Петербург и Москву, ну тогда, пожалуй, у нас были бы произведены реформы, о которых стоило бы поговорить» [3].

Б. Горев прав, когда сравнивает эти заявления Чернышевского со статьей Ленина «О национальной гордости великороссов».

В письмах с каторги Чернышевский предвидел неизбежное вовлечение царской России в новые войны, и он определенно желал по-

[1] См. интересный доклад *Б. Горева* «Чернышевский и революционные войны», в журнале «Историк-марксист», 1928 г., т. X, стр. 179—181.

[2] «Литературное наследие», т. I, стр. 431—441.

[3] *Чернышевский*, Сборник статей, документов и воспоминаний, изд. политкаторжан, 1928 г., стр. 71.

ражения царскому правительству в этих войнах. Чернышевский прекрасно отдавал себе отчет, какие бедствия принесет поражение русскому народу.

«Бедный русский народ, — писал он, — тяжело придется ему в этом столкновении. Но результат будет полезен для него».

Чернышевский не принадлежал к числу тех дешевеньких пацифистов, которые «отрицают» всякую войну. По поводу войны, которую Англия вела в Ост-Индии, Чернышевский писал в 1857 г.:

«Человеку трудящемуся разорительна всякая война; полезна для него только та война, которая ведется для отражения врагов от пределов отечества. Совсем не таковы выгоды английского министерства и людей, разделяющих с ним управление английскими делами» [1].

Это была как раз та эпоха, когда защита отечества в ряде войн была делом исторически прогрессивным и способствующим освободительному движению угнетенных классов.

Н. Г. Чернышевский оказал вообще громадное влияние на В. И. Ленина. Теперь, когда опубликованы весь или почти весь Чернышевский и весь или почти весь Ленин, — это становится особенно наглядным. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что из мыслителей, оказавших решающее влияние на Ленина в тот период, когда начинало складываться его мировоззрение, наибольшую роль играл именно Чернышевский, помогший Ленину притти к Марксу.

Пораженцем случалось выступать и А. И. Герцену.

В 1854 году в эпоху крымской войны А. И. Герцен пишет: «Если бы не боялись революции более, нежели русских, чего проще, как итти на Севастополь, овладеть Одессой; магометанское народонаселение Крыма не было бы враждебно туркам. Занявши эту позицию, сделать воззвание Польше, дать свободу малороссийским крестьянам, ненавидящим рабство. Что бы тогда сделал Николай со своим православным богом?» [2] Эти слова являются если не прямым, то косвенным призывом к войне с царем и прямым пожеланием поражения «своему» отечеству.

В другом месте: — «Работай Муравьев (Дело идет о Муравьеве — вешателе)... И нас хотят уверить... что это — любовь к отечеству! *Лучше не иметь никакого отечества!*» Эти слова брошены Герценом в 1864 году [3], в статье, посвященной безобразиям абсолютизма.

В 1863 году, в эпоху польского восстания Герцен пишет: — «Инсуррекция держится славно. Уже в Литве и Волыни есть банды. Молодцы поляки!» [4]. «И через пятнадцать лет я снова, идя по улице, боюсь, чтоб не узнали, что я русский»... [5].

«Мы с Польшей, потому что мы за Россию. Мы со стороны поляков, потому что мы русские. Мы хотим независимости Польши, потому что

[1] *Чернышевский*, Собр. соч., т. III, стр. 521.
[2] *Герцен*, т. VIII, стр. 41.
[3] *Герцен*, т. XVII, стр. 35.
[4] *Герцен*, т. XVI, стр. 31.
[5] Там же, 126.

мы хотим свободы России. Мы с поляками, потому что одна цель сковывает нас обоих» [1].

Разумеется, это не пораженчество пролетарского революционера, каким был Ленин. Это только пораженчество либерального демократа. Но и такое пораженчество было *сильной* стороной А. И. Герцена. Оно не осталось без влияния на Ленина в том периоде, когда он формировался как политический боец.

Ленин часто с гордостью вспоминал роль А. И. Герцена и его друзей в польском восстании, не раз цитировал слова Герцена «стыдно быть русским». Ленин в начале мировой империалистской войны вспоминал, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: «Жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы». По-нашему, писал Ленин, это были «слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения». «Мы гордимся, — писал Ленин (в статье: «О национальной гордости великороссов»), — тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс». И там же: «нельзя великороссам «защищать отечество» иначе, как желая поражения во всякой войне царизму, как наименьшего зла для $^{9}/_{10}$ населения Великороссии, ибо царизм не только угнетает эти $^{9}/_{10}$ населения экономически и политически, но и деморализует, унижает, обесчещивает, проституирует его» и т. д.

Пораженческую традицию наиболее передовой части русских революционеров упомянутого периода продолжал и Плеханов в лучшие времена его революционной деятельности, когда он был еще представителем революционного марксизма в России...

В 1891—1892 гг. был окончательно оформлен франко-русский союз, т. е. союз французской финансовой олигархии с русским царизмом. В те времена казалось, что европейская война надвигается быстрыми шагами и разразится в самом близком будущем. К этому времени относятся, как мы уже указывали, две замечательных работы Фридриха Энгельса «Социализм в Германии» и «Иностранная политика царизма».

Когда германский пролетариат низвергнет германское правительство и станет у власти, *тогда* в войне против реакционного франко-русского союза он будет представлять пролетарскую революцию. Он объявит революционную войну и царизму и республике Рувье во имя пролетарской революции. Он перенесет революционную пропаганду и во Францию, действуя по методу 1793 г. Он спасет Германию от разгрома со стороны войск царя и буржуазной республики. Но — только *после* того, как спасет ее от собственных юнкеров и буржуазии, *после* того, как прибегнет к «самым революционным мерам» внутри страны.

---

[1] *Герцен*, т. XVI, стр. 151.

Говоря так, Энгельс несомненно продолжал — при новой обстановке — традицию Маркса, традицию «Новой Рейнской Газеты», звавшей в 1848 г. к *революционной* войне против царизма, продолжая традицию I Интернационала в период июльского восстания 1863 года.

И таких же взглядов придерживались тогда лучшие люди германской социал-демократии, как Август Бебель и Вильгельм Либкнехт.

В такой-то обстановке в 1893 г. происходит Цюрихский конгресс II Интернационала, на котором вопрос о войне был главным вопросом. Плеханов, тогдашний представитель русской революционной социал-демократии, выступил на Цюрихском конгрессе официальным докладчиком. В своей речи он сказал буквально следующее:

«Когда германская армия перейдет нашу (русскую) границу, она явится к нам как освободительница, как французы времен Конвента 100 лет тому назад пришли в Германию, чтобы, победивши королей, принести народу свободу.

«Нам говорят, что русская опасность вовсе не так велика. Но разве вы забыли, что русский царизм объединился с вашей (обращаясь к французам) буржуазией, что он — душитель Польши! Как же это Франция может забыть свое революционное прошлое?..

«Русской опасности не существует! Но спросите-ка у делегатов из Венгрии, Болгарии, Сербии, какая опасность угрожает им со стороны русского царизма!

«Чем больше наши немецкие друзья нападают на русский царизм, тем больше мы благодарны им. Браво, друзья мои, разбейте его наголову, тяните его на скамью подсудимых как можно чаще, бейте его всеми средствами, какие только имеются в вашем распоряжении».

Мы видим, что Плеханов в 1893 г. ставит вопрос так же, как Энгельс, с которым тогда вполне солидаризировался Бебель. Плеханов, разумеется, говорил тогда тоже о *революционной* войне революционной Германии против самодержавной России.

* * *

Но особенно широкое распространение получило «пораженчество» в России во время русско-японской войны в 1904—1905 гг. именно потому, что это был канун первой буржуазно-демократической революции в нашей стране.

К этому времени меньшевизм и большевизм уже сложились как самостоятельные, решительно борющиеся друг с другом политические течения. Оппортунизм меньшевиков сказался уже в достаточной степени и в их оценке русско-японской войны, например в их лозунге «мир во что бы то ни стало». Но тем не менее, и меньшевики совершенно определенно желали тогда поражения своему правительству. Это может теперь показаться невероятным, но это факт. Более того, значительные слои буржуазной демократии и даже либеральной буржуазии также были настроены в это время пораженчески и полупораженчески.

«Пораженчество» — avant le mot — существовало в России как широкое общественное течение во все время русско-японской войны.

Весь социалистический лагерь, все более активные слои буржуазной демократии и даже добрая часть либерального общества более или менее определенно желали тогда поражения царской России. Течение это было настолько глубоко, «пораженческие» настроения были настолько распространены, что даже охранительный лагерь не всегда решался слишком демонстративно травить «пораженцев».

Эта полоса настолько интересна, что на ней стоит остановиться подробнее. Вот как оценивали пораженчество три тогдашних главных лагеря революционного движения: большевики, меньшевики и эсеры.

Большевики (Ленин) в статье «Падение Порт-Артура» писали:

«Дело русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия. Это дело много выиграло от военного краха, внушающего страх всем европейским хранителям порядка. Революционный пролетариат должен неутомимо агитировать против войны, всегда памятуя при этом, что войны неустранимы, пока держится классовое господство вообще.

«Не русский народ, а русское самодержавие начало эту колониальную войну, превратившуюся в войну старого и нового буржуазного мира. Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма» [1].

А немногим раньше в центральном органе меньшевиков (новая «Искра») не кто иной, как Плеханов, писал следующие строки:

«Я сказал (на международном социалистическом конгрессе в Амстердаме), что *в случае победы царского правительства над Японией главным побежденным окажется не кто иной, как тот же русский народ*... Победоносное царское правительство могло бы, пользуясь ее (победы) обаянием, еще сильнее затянуть те цепи, которыми оно сковывает русский народ. Я напомнил съезду ту, к сожалению, неоспоримую историческую истину, что иностранная политика царского правительства издавна была политикой хищничества и захвата; что это правительство издавна стремилось подчинить себе все те из окружавших нас народов, которые не были достаточно сильны, чтобы дать ему грозный отпор, и что оно окружило собственно русскую землю целым ожерельем из побежденных народностей, возвращавших ему в виде ненависти то, что оно получило от него в виде *угнетения*. И я прибавил, что от такой политики само русское население страдало не меньше, если не больше всех, потому что ни один народ не может быть свободен, служа орудием угнетения своих соседей... И когда я говорил все это, я сознавал, что я выражаю мысли и чувства огромной массы русских людей. Никогда еще прежде голос российской социал-демократии не был в такой сильной степени голосом русского народа» [2].

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. VI, стр. 39—40.

[2] *Плеханов*, В Амстердаме (мысли и заметки), «Искра», № 74, 20 сентября 1904 г.

Невозможно выразиться более определенно. В русско-японскую войну Плеханов в органе меньшевиков и при полном сочувствии меньшевиков выступает резко и отчетливо как «пораженец» чистейшей воды. Ни одного голоса протеста против этого выступления не раздается ни на интернациональном конгрессе в Амстердаме, ни со стороны хотя бы одного русского социалиста или даже только демократа.

Весь официальный *эсеровский лагерь* также стоял на пораженческой платформе и не скрывал этого. Влиятельные группы эсеров, как это свойственно буржуазным демократам в революционные периоды, скатывались к *вульгарному* квази-«пораженчеству». Рассуждая по принципу «все позволено» в борьбе с царем, они считали допустимым получение денег из японских источников на антивоенную агитацию против царского правительства.

Яркое отражение пораженчество эсеров нашло себе в книге воспоминаний вождя тогдашней террористической «боевой организации» партии эсеров Г. А. Гершуни [1]. В этой книге замечательно ярко описаны пораженческие настроения террористов, томившихся в годы русско-японской войны в царских казематах.

Замечательно, что и среди старых народовольцев, по 20 лет и более томившихся в Шлиссельбургской крепости, к этому времени также были повально распространены пораженческие настроения. «Мы все были уверены, что война кончится победой Японии, и предугадывали будущее. Морозов с первого же момента объявил: микадо Мутцу-Хито освободит нас! За разгромом должны были следовать реформы и амнистия» [2].

Даже «знаменитый» Б. Савинков в его нашумевшем в свое время романе «То, чего не было» (вышел под псевдонимом В. Ропшина) проповедывал пораженчество. Да и почти весь «третий элемент» — врачи, статистики, учителя, студенты — все мало-мальски оппозиционно настроенное, все, что не заинтересовано прямо в дальнейшем процветании романовской монархии, все это было настроено пораженчески. Такой документ эпохи, как «Записки о русско-японской войне» В. Вересаева, является фотографически точным отражением тогдашних настроений русской интеллигенции.

Да что демократия! Мы говорили уже, что и добрая часть либералов были в русско-японскую войну «пораженцами». Теперь это кажется прямо невероятным, а между тем это было именно так. В самом начале войны часть либералов ударилась в «патриотизм». Но уже очень скоро другая часть либералов выступает против этого. В письме «Несколько слов об отношении русского общества к войне», помещенном в тогдашнем органе Петра Струве «Освобождение», влиятельнейшие кадеты писали из России зарубежному органу либералов, что часть умереннейших деятелей борется против «патриотизма». По поводу постановлений некоторых земских собраний (например харьковского) о

---

[1] См. *Г. А. Гершуни*, Из недавнего прошлого.
[2] *Вера Фигнер*, «Запечатленный труд», Собр. соч., т. II, стр. 288.

добровольных пожертвованиях на флот «Освобождение» писало, что такие шаги вызывают негодование общества. «Нам является непонятным, — пишет орган Петра Струве, — каким образом земские представители имеют право облагать землю в пользу флота... И в самой форме подношения этих пожертвований (через особые депутации к царю) было немало шумливости и византийства... На страницах «Освобождения» уже был отмечен странный факт участия в депутации петербургского земства таких людей, как Стасюлевич и Арсеньев».

«Почти во всех высших учебных заведениях, этом градуснике общественного настроения, большинство учащихся протестует против верноподданнических излияний и манифестаций по поводу войны». для характеристики того, насколько сильно несочувствие войне среди самых умеренных слоев образованного общества, корреспондент Петра Струве сообщает, что Б. Н. Чичерин — «которого уж никто не может упрекнуть в антигосударственности или антипатриотизме» — «за несколько дней до своей смерти сказал, что, быть может, последствия этой войны помогут разрешению, наконец, внутреннего кризиса и что трудно решить, какой исход войны для этого более желателен». Корреспондент специально подчеркивает важность и симптоматичность такого заявления. А г. П. Струве от себя добавляет: «мы считаем нужным подчеркнуть, что это сообщение о взгляде Б. Н. Чичерина на войну идет из самого достоверного источника; оно совпадает, впрочем, всецело с мнением, высказанным покойным ученым в его известной книге «Россия накануне XX века», изданной в Берлине» [1].

Трудно решить, какой исход войны более желателен! Разве это не то же «пораженчество», только выраженное в уклончивой форме? И кто же высказывает такой взгляд в 1904 г.? Человек умереннейших взглядов, который не был даже кадетом!

Конечно, пораженчество пораженчеству рознь. Кадеты почти все повернули к национал-либерализму и к империалистской «великой России» (по Струве и Столыпину) на завтра же после того, как рабочий класс в 1905 году распрямился во весь свой рост. Часть эсеров и меньшевиков тоже сразу после революции 1905 г. подалась дальше вправо — в том числе и в вопросе о «патриотизме». А к 1914 г. до поддержки «освободительной» войны Николая Кровавого созрели уже не только либералы, но и эсеро-меньшевики. Между ленинской постановкой вопроса и тем пораженчеством, которое защищали эсеры, меньшевики, либералы в 1904—1905 гг., — дистанция огромного размера. Для трех последних групп буржуазная республика или даже конституционная монархия — предел, его же не прейдеши. Для ленинского лагеря военный разгром царизма связывается с таким подъемом буржуазно-демократической революции, который может перерасти в социалистическую, а последняя — ускорит *мировую* социалистическую революцию. Эсеры и меньшевики в лучшем случае ставят вопрос о пора-

[1] «Освобождение» № 21(45), 1904 г., стр. 369. Подробнее ср. нашу статью «Пораженчество прежде и теперь» в сборнике «Против течения».

женчестве, как национально-ограниченные *буржуазные* революционеры. А Ленин уже в статье о падении Порт-Артура дает *международную* постановку вопроса, достойную по размаху Карла Маркса.

Но факт остается фактом: поражения «своему» правительству в 1904—1905 гг. желали не только большевики, но и эсеры, меньшевики и часть кадетов.

Такова была гамма настроений во время русско-японской войны.

* * *

Между русско-японской войной и началом мировой империалистской войны 1914 г. лежит только одно десятилетие. А как изменило оно все положение не только в России, но и во всем II Интернационале! Русская либеральная буржуазия не только отреклась от поражеичества, но устами Милюкова заявила в Государственной думе в 1916 г.: «если бы путь к победе над Германией вел через революцию, я отказался бы от победы». В этой одной фразе нашло себе отражение и то, что русский пролетариат сделал громадный шаг вперед, и то, что русская буржуазия, испугавшись революционного пролетариата, сделала огромный шаг назад. Между русско-японской войной и мировой империалистской войной, начавшейся в 1914 г., лежит 1905 год, — лежит тот год, когда разыгралось, по выражению П. Струве, «безумие стихий», когда российский пролетариат впервые поднялся во весь рост и уже в самом начале обнаружил такую гигантскую мощь, которая показала русской буржуазии, что и ей не сдобровать.

Да и экономическая заинтересованность русской буржуазии в войне 1914—1918 гг. была несравненно больше, чем это было в русско-японской войне. После 1905 г. царизм прельстил русскую буржуазию именно перспективами его иностранной политики. Уже в 1905 г. либеральная буржуазия не хочет мешать — а фактически помогает — царизму заключать займы во Франции. В 1906 г. переговоры России с Англией о разделе «сфер влияния» в Персии уже в полном ходу. В 1907 г. англо-русский договор официально заключен. Англоманы русского либерализма счастливы бесконечно. Наконец оформляется тройственное согласие. Восторгу всей русской буржуазии совсем уж нет предела. Ей открывают перспективу захвата Константинополя и проливов, ей сулят золотые горы. В течение нескольких лет русская буржуазия помогает царизму готовиться к мировой войне. «Идеологи» сочиняют наспех империалистскую теорию «Великой России». Практики русского либерализма до самозабвения отдаются задаче усиления «военной мощи в России», посвящая все свои силы делу усиления русского милитаризма. Русско-японскую войну царизм подготовил без либеральной буржуазии и в значительной мере против нее. В подготовке царизмом империалистской войны 1914 г. либеральная буржуазия принимает уже самое деятельное участие.

Перемена фронта русской либеральной буржуазией отразилась на перемене фронта меньшевиков и эсеров, которые тысячами нитей были

связаны с либеральной буржуазией. Те самые меньшевики и эсеры, которые еще во время русско-японской войны выступали открытыми пораженцами, в 1914 г. показали себя социал-шовинистами чистой воды и объявили пораженчество Ленина государственной изменой. К этому времени наступил и крах всего руководства II Интернационала. Скатившись целиком и полностью на социал-шовинистские рельсы, вожди социал-шовинистов стали смотреть на пораженчество исключительно как на «экспортный товар». Немецкие социал-шовинисты считали, что поражение противников «их» правительства дело очень подходящее, но не поражение «своего» правительства. Французские социал-шовинисты проповедывали поражение... для Германии. Германские социал-шовинисты проповедывали поражение... для России. Русские социал-шовинисты проповедывали поражение... для Германии и т. д. без конца...

* * *

И вот именно теперь, когда русские «социалисты» отряхнули с ног своих прах революционного пораженчества, Ленин выступил с законченной платформой революционного пораженчества, являвшейся единственной до конца продуманной и последовательной платформой пролетарского интернационализма.

Само слово «пораженчество» приклеили большевикам социал-патриоты, пытаясь вложить в него особое ехидство. Но большевики не возражали против слова: пораженчество — так пораженчество.

«События в России вполне подтвердили нашу позицию, которую дурачки социал-патриоты (от Алексинского до Чхеидзе) окрестили пораженчеством. Факты доказали нашу правоту. Военные неудачи помогают расшатывать царизм и облегчают союз революционных рабочих России и других стран», писал Ленин в 1915 г.[1].

Наиболее законченные формулировки Ленина по вопросу о пораженчестве звучат так:

«Именно пролетариат самой отсталой из воюющих великих держав должен был, особенно перед лицом позорной измены немецких и французских с.-д., в лице своей партии выступить с революционной тактикой, которая абсолютно невозможна без «содействия поражению» своего правительства, но которая одна только ведет к европейской революции, к прочному миру социализма, к избавлению человечества от ужасов, бедствий, одичания, озверения, царящих ныне». Так писал Ленин в его статье «О поражении своего правительства в империалистской войне»[2]. Эта статья ныне всемирно известна и получила признание всего, что есть революционного в международном пролетариате. Но сколько негодования и возмущения, оскорблений и поношений, прямых издевательств и заподазриваний вызвала эта статья при своем появлении!

---

[1] Письма к Шляпникову, 1925 г., стр. 53.
[2] *Ленин*, Собр. соч., т. XIII, стр. 83.

Именно пролетариат самой отсталой из воюющих великих держав должен был по Ленину взять на себя инициативу выступить с революционной тактикой законченного пораженчества!

Почему именно пролетариат самой отсталой из воюющих стран? Ленин писал:

«Кто серьезно хотел бы опровергнуть «лозунг» поражения своего правительства в империалистской войне, тот должен был бы доказать одну из трех вещей: или 1) что война 1914—1915 гг. не реакционна, или 2) что революция в связи с ней невозможна или 3) что невозможно соответствие и содействие друг другу революционных движений во *всех* воюющих странах. Последнее соображение особенно важно для России, ибо это — самая отсталая страна, в которой социалистическая революция непосредственно невозможна. Именно поэтому русские с.-д. должны были первыми выступить с теорией и практикой «лозунга» поражения».

Социал-шовинисты всех стран — и это в лучшем случае — считали, что нужно отложить всякое революционное выступление во время войны до тех пор, пока рабочие партии сговорятся выступить *одновременно*. Другими словами, они считали, что нужно отложить всякое выступление во время войны до греческих календ. На это Ленин отвечал, что «соответствие и содействие» друг другу революционных движений во всех воюющих странах, конечно, необходимо, но получиться оно может только в результате того, что кто-либо начнет, не дожидаясь формальных соглашений, писаных договоров и т. д. Начинать нужно всюду. Наибольший результат получится там, где объективное положение наиболее революционно и где пролетарские революционеры обнаружат наибольшую решительность, сплоченность, энергию, героизм. Более всего решает живой пример. Соответствие и содействие друг другу революционных движений во всех воюющих странах объективно безусловно возможно, была бы только готовность со стороны рабочих партий в соответствующих странах.

Россия — самая отсталая страна, в которой социалистическая революция *непосредственно* невозможна. Так считал Ленин еще до июля 1915 г. Но если бы он уже тогда пришел к выводу, что в России социалистическая революция возможна непосредственно, его постановка вопроса о пораженчестве в основном только усилилась бы.

«Возможно ли соответствие и содействие революционного в буржуазно-демократическом смысле движения в России и социалистического на Западе?» ставит дальнейший вопрос Ленин. И он отвечает: «В этом не сомневался за последнее 10-летие ни один высказывавшийся публично социалист, и движение в австрийском пролетариате после 17 октября 1905 г. *фактически* доказало эту возможность».

В те времена, когда Ленин писал эти строки, он мог сослаться, как на живой пример, только на движение в австрийском пролетариате. Ленин любил ссылаться на *конкретные* факты. Но теоретически вопрос стоял ясно для всех революционных марксистов: буржуазно-

демократическая революция в России, если она будет победоносной, если она будет развиваться под гегемонией рабочего класса, если она выльется в демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, неизбежно будет ускорять и усиливать социалистическую революцию на Западе. И обратно: победа социалистического пролетариата на Западе окажет свое влияние на буржуазно-демократическую революцию в России, а эта революция при должном размахе движения станет быстро перерастать в революцию социалистическую.

Русский царизм в течение долгих десятилетий играл роль международного жандарма; царизм не раз душил освободительное движение на Западе. В течение многих десятилетий Маркс и Энгельс справедливо учили тому, что одним из самых опасных и сильных врагов международного пролетарского движения является русский царизм. И вот, когда грянула мировая империалистская война, Ленин, верный ученик Маркса и Энгельса, от имени русского пролетариата и ставит вопрос: мы, рабочая партия страны царизма, страны наиболее отсталой, страны, в течение долгого времени игравшей роль международного жандарма, именно мы должны с особой силой выдвинуть лозунг поражения «своего» правительства и показать пример самоотверженной и беззаветной борьбы за превращение империалистской войны в войну гражданскую.

«Чтобы борьба шла по точной и ясной линии, нужен обобщающий ее лозунг. Этот лозунг: для нас, *русских*, с точки зрения интересов трудящихся масс и рабочего класса *России*, не может подлежать ни малейшему, абсолютно никакому сомнению, что *наименьшим* злом было бы теперь и тотчас *поражение* царизма в данной войне. *Ибо царизм во сто раз хуже кайзеризма*»[1]. Так писал Ленин 17 октября 1914 г.[2]. Мы — самая отсталая страна. Наше правительство (царское) хуже всех других. Царизм больше всех и дольше всех угрожал свободе всех народов. Это — для нас, *русских*, лишний довод в пользу пораженчества. Мы первые и с особой силой обязаны выдвинуть пораженчество. Но всякий социалист любой империалистской страны, участвующей в этой реакционной войне, обязан быть пораженцем по отношению к «своему» буржуазному правительству. Ибо революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения господствующему буржуазному классу...

Вожди международного социал-шовинизма, издеваясь над Марксом и подло искажая его на каждом шагу, пытаются использовать старый лозунг «против царизма» в смысле защиты «своей» буржуазии, своего буржуазного отечества в реакционной империалистской войне. Вожди немецкой социал-демократии, конечно, предпочитают сказать: давайте бить русский царизм — вместо того, чтобы откровенно сказать: давайте защищать трон Вильгельма Гогенцоллерна и прибыли германских капиталистов.

---

[1] Курсив в последней фразе наш. — *Г. З.*
[2] Письма к Шляпникову, 1925 г., стр. 9.

И именно Ленин, только Ленин продолжает подлинные традиции Маркса и Энгельса и в этом вопросе.

И оставаясь верным Марксу, Ленин, конечно, выдвигает лозунг поражениечества не только для своей страны, не только для царской России, но и для всех воюющих империалистских держав.

«Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству... революционные действия во время войны против своего правительства несомненно, неоспоримо означают не только желание поражения ему, но на деле и содействие такому поражению... Революция во время войны есть гражданская война, а превращение войны правительств в войну гражданскую, с одной стороны, облегчается военными неудачами («поражением») правительств, а с другой стороны, невозможно на деле стремиться к такому превращению, не содействуя тем самым поражению».

Надо додумывать вопрос до конца, настаивает Ленин. Буржуазия права, когда она объявляет борьбу против войны, братание в траншеях и т. п. государственной изменой. Да, с точки зрения капиталистов это государственная измена. Не надо прятать голову под крыло, надо смотреть правде в глаза. И Ленин высмеивает сладенький, пацифистский каутскианский лозунг «ни победы, ни поражения» как лозунг, на деле помогающий социал-шовинистам.

«Взглянем на вопрос, — говорил Ленин, — еще с одной стороны. Война не может не вызывать в массах самых бурных чувств, нарушающих обычное состояние сонной психики. И без соответствия с этими новыми, бурными чувствами, *невозможна* революционная тактика.

«Каковы главные потоки этих бурных чувств? 1) Ужас и отчаяние. Отсюда — усиление религии. Церкви снова стали наполняться, ликуют реакционеры. «Где страдания, там религия», говорит архиреакционер Баррес. И он прав. 2) Ненависть к «врагу» — чувство, разжигаемое специально буржуазией (не столько попами) и выгодное *только ей* экономически и политически. 3) Ненависть к *своему* правительству и к *своей* буржуазии — чувство всех сознательных рабочих, которые, с одной стороны, понимают, что война есть «продолжение политики» империализма и отвечают на нее «продолжением» своей ненависти к своему классовому врагу, а с другой стороны, понимают, что «война войне» есть пошлая фраза без революции против *своего* правительства. Нельзя возбудить ненависть к своему правительству и к своей буржуазии, не желая им поражения, и нельзя быть нелицемерным противником «гражданского (классового) мира», не возбуждая ненависти к своему правительству и к своей буржуазии»...

Но если социалисты *всех* стран будут желать поражения своему правительству, то кто же тогда победит? И ведь получается какое-то «панпораженчество». Так возражали большевикам.

А ведь было время, когда и официальные вожди II Интернационала понимали пошлость такого «возражения». Один пример.

В 1885 г. затяжной конфликт между Англией и Россией в связи с вопросом об Афганистане обострился до крайности. В воздухе за-

пахло порохом. Война казалась совершенно неминуемой. В это время лучшие представители революционного марксизма — Энгельс, Бебель, Гэд, — ожидали, что социальная революция начнется в сравнительно недалеком будущем. Во всяком случае они «держали курс» на революцию. И вот при такой обстановке Жюль Гэд, который тогда несомненно был марксистом и революционером, выступает со статьей по поводу надвигающейся англо-русской войны.

Война между Англией и Россией может ускорить развязку, может приблизить конец буржуазного строя. Но — кому желать при этом победы, кому поражения? Англии или России? Гэд отвечает: я желаю поражения *обеим*.

И Гэд заключает: «Какой бы из этих двух — одинаково угнетательских, хотя и разнородных — режимов ни пал под ударом противника... это будет та брешь, через которую войдет новый общественный строй. Поэтому, мы можем предоставить carte blanche (свободу выбора) богу побед. Как бы ни поступил он, он будет работать на нас».

Разве такая постановка вопроса не является «паппораженчеством»? Гэд не говорил тогда о «защите отечества», он не выдвигал и лозунга: «ни победы ни поражения». Он одинаково желал поражения своим противникам. Он разжигал восстание колоний против империалистских метрополий. Английский, русский ли социалист, если бы он усвоил тогдашние взгляды Гэда, должен был одинаково стать «пораженцем». «Паппораженец» Гэд был революционным марксистом.

* * *

Пораженчество «росло» более всего из *русской* почвы по той простой причине, что, начиная с последней четверти XIX в. и тем более с начала XX в., именно в России все больше нарастала объективно-революционная ситуация.

Лозунг пораженчества, прежде всего применительно к царской России, защищали все вожди международного социализма — по той простой причине, что именно царская Россия в течение долгого времени была главным душителем освободительных движений во всем мире. Вот почему не случайно, что во время мировой империалистской войны наиболее законченное пораженчество сложилось именно в России, тем более, что оно (пораженчество) смогло найти себе такого гениального выразителя, как Ленин.

1905 год «выветрил» из рядов оппозиционной буржуазии, а также из рядов меньшевиков и эсеров всякие следы пораженчества, как и вообще революционности. Но именно он вдохновил большевизм, как пролетарское направление, поставить вопрос о пораженчестве еще гораздо более широко, интернационально, применительно к этапу империалистских войн и мировой пролетарской революции.

Коминтерн целиком и полностью воспринял ленинское учение о пораженчестве, но, конечно, он видоизменил его в соответствии с обстановкой, созданной победой пролетарской революции в России. С того

момента, когда русский пролетариат опрокинул царизм, не оставил камня на камне от старого режима, завоевал власть, учредил Союз советских социалистических республик, которым вот уже второе десятилетие управляет пролетарская диктатура, пораженцем по отношению к Советской России может быть только классовый враг пролетариата, изменник рабочему делу. С 25 октября 1917 г. мы — оборонцы. С этого дня русский пролетариат *имеет* свое отечество — *социалистическое* отечество. Но с этого же дня Советская Россия стала отечеством всего международного пролетариата.

С тем большей силой должны будут выдвигать лозунг пораженчества рабочие всех капиталистических стран в грядущих войнах. Наличие Союза ССР и Коммунистического Интернационала обеспечат рабочим всего мира максимум «содействия и соответствия» друг другу революционных движений во всех странах.

XVII. ЛЕНИНИЗМ И ЛЮКСЕМБУРГИАНСТВО В ВОПРОСАХ ВОЙНЫ.

Чтобы выяснить со всех сторон учение Ленина о войне, недостаточно сопоставить его только с «учением» социал-шовинизма и центризма. Нужно еще сопоставить его с системой взглядов политиков и писателей, наиболее близких к марксизму, выступавших искренно и решительно против империалистской войны, но не сумевших полностью применить учение Маркса о войне в новой сложной обстановке, созданной в 1914—1918 гг. Мы имеем в виду взгляды прежде всего польских и голландских интернационалистов, оказавших большое влияние также на спартаковское движение в Германии и «левых» коммунистов в России. Речь идет о Розе Люксембург, Панекуке, Гортере, Радекс и др. Если захотеть назвать это польско-голландское направление каким-либо одним именем, то его придется назвать именем Розы Люксембург. Взгляды, которые развивали названные писатели и их сторонники, могут быть названы взглядами люксембургианства.

Ошибочность взглядов люксембургианства на национально-революционные движения тем более необходимо вскрыть — что именно в нынешней обстановке заложена возможность рецидива этих ошибок. Достаточно вспомнить, как стоят ныне проблемы китайской революции, как «лево» подходит к ним ныне Троцкий.

Сама Роза Люксембург *не* принадлежала к циммервальдской левой. Ее ближайшие единомышленники, представлявшие ее группу в Циммервальде и Кинтале (Роза Люксембург сидела в это время в тюрьме), как, например, Варский, шли на этих конференциях против Ленина. Но взгляды люксембургианства имели своих представителей и *внутри* циммервальдской левой. Разногласия, которые были внутри циммервальдской левой, — а разногласия эти были очень существенны — шли как раз по линии: люксембургианство против ленинизма.

Рассмотреть эти расхождения крайне важно и теперь, ибо они имеют не только исторический характер. Известно, что и сейчас многие правые, еще находящиеся в Коминтерне или уже отошедшие от него, пытаются противопоставлять взгляды Люксембург взглядам Коминтерна, т. е. то, что было ошибочного в люксембургианстве, противопоставлять ленинизму. Более того, известно, что значительное крыло германской социал-демократии при обсуждении военных вопросов — например, теперь (1929 г.) в Германии, в связи с обсуждением проблемы вооружений

Германии — заявляет о своей «солидарности» с Розой Люксембург против большевиков. Так поступают теперь «левые» германские социал-демократы, являющиеся на деле самыми злостными и самыми опасными противниками коммунизма.

Пять работ Ленина посвящены разбору ошибок люксембургианства в связи с мировой империалистской войной. Мы имеем в виду: 1) его тезисы «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» (1916 г.), 2) его же «Итоги дискуссии о самоопределении», 3) статью «О брошюре Юниуса» (октябрь 1916 г.), 4) статью «Империалистический экономизм», направленную против т. Пятакова (она написана в 1916 г., но напечатана была впервые только в 1924 г.), и 5) выступление Ленина на апрельской 1917 г. партийной конференции. Названные работы связаны единством содержания и принадлежат к числу самых замечательных работ Ленина в период мировой войны. Эти работы позволяют особенно наглядно судить о том, как именно Ленин продолжил Маркса и Энгельса во всех тех областях, которые связаны с оценкой войны, национального вопроса и т. д. Эти работы, отличающиеся особенным богатством содержания, являются образцами применения революционной диалектики Лениным. Проштудировать эти работы означает проделать как бы «повторительный курс» по всему учению Маркса и Ленина о войне.

Две коренные ошибки допустила Роза Люксембург в ее программной брошюре «Кризис социал-демократии», подписанной псевдонимом Юниус. Во-первых, она выступила с утверждением, что в эпоху империализма не может быть более никаких национальных войн. Национальные интересы служат-де только орудием обмана, чтобы отдать трудящиеся народные массы на службу их смертельному врагу — империализму. Во-вторых, Роза Люксембург, прекрасно вскрывшая *империалистский характер войны 1914 г.* — именно *в отличие* от национальных войн — сама в то же время выдвинула *революционно-национальную* программу борьбы для данной *не*-национальной войны. «Классическим примером всех времен, — писала Роза Люксембург, ссылаясь на 1793 г., — является «Великая французская революция». И из этого она делает вывод: «вековой опыт доказывает, следовательно, что не осадное положение, а беззаветная классовая борьба, которая пробуждает самоуважение, героизм и нравственную силу народных масс, является лучшей защитой, лучшей обороной страны против внешнего врага». Она обвиняла германскую социал-демократию в следующих выражениях:

«Да, с.-д. обязаны защищать свою страну во время великого исторического кризиса. И как раз в том и состоит тяжкая вина с.-д. фракции рейхстага, что она торжественно провозгласила в своей декларации 4 августа 1914 г.: «В час опасности мы не оставим без защиты нашей родины», — а в то же самое время отреклась от своих слов. Она *оставила* свою родину без защиты в час величайшей опасности. Ибо первым долгом ее перед родиной в этот час было: показать родине истинную подкладку данной империалистской войны, разорвать

сеть патриотической и дипломатической лжи, которой было опутано это посягательство на родину; громко и ясно заявить, что для немецкого народа в этой войне и победа и поражение одинаково гибельны; сопротивляться до последней крайности удушению родины посредством осадного положения; провозгласить необходимость немедленного вооружения народа и предоставления народу решать вопрос о войне и мире; требовать со всей решительностью беспрерывного заседания народного представительства на все время войны, чтобы обеспечить бдительный контроль народного представительства за правительством и народа за народным представительством».

Словом, Роза Люксембург выдвигала, как она сама формулировала, «старую истинно национальную программу патриотов и демократов 1848 г., программу Маркса, Энгельса и Лассаля: лозунг единой великой немецкой республики».

Итак, с одной стороны, Роза Люксембург отрицала возможность каких бы то ни было национальных войн в эру империализма, а с другой — она для типичной империалистской войны 1914 г. выдвигала в Германии национально-революционную программу, «программу патриотов и демократов 1848 г.». Это кажется невероятным: противоречие бьет в лицо. А тем не менее это так. Передовая часть международного рабочего класса ныне настолько уже усвоила учение Ленина о войне, что такое противоречие кажется для нее абсурдным. А между тем это факт: в начале империалистской войны даже такая светлая голова, как Роза Люксембург, выступала с такой противоречивой позицией.

Задача, которую поставил себе Ленин в борьбе с люксембургианством (в вопросах войны), заключалась в том, чтобы доказать ошибочность и первого и второго положений Розы Люксембург.

Выдвигая задачу выяснить вопрос: *могут ли* быть национальные войны в эпоху империализма — Роза Люксембург как будто правильно ставила перед собой проблему: *продолжить* Маркса (но не Лассаля, которого она, ошибочно ставила рядом с М. и Э.), опираясь на его же собственное учение. Но сделать это она не сумела. Маркс не дожил до империалистской эпохи. И для его учеников и последователей было вполне естественно в начале новой империалистской эпохи поставить себе вопрос: могут ли вообще иметь место национальные войны в эпоху империализма? Но ответ по существу, к которому пришла Роза Люксембург, был совершенно неправилен, ибо не диалектичен.

А с другой стороны, выдвигая *в 1914 г.* «программу патриотов и демократов 1848 г., программу Маркса, Энгельса и Лассаля: лозунг единой великой немецкой республики», Роза Люксембург уже в лучшем случае просто *повторяла* Маркса *в совершенно новой исторической обстановке* — там, где надо было не просто повторить, а *продолжить* Маркса, пользуясь его собственным учением.

Отсюда и получилось то, что, как выразился Ленин, «Юниус применил марксову диалектику лишь наполовину». В результате этого Роза Люксембург оказалась неправой по обоим коренным пунктам своей программной брошюры.

Национальных войн больше быть не может, утверждала Роза Люксембург, ибо мир поделен между немногими великими империалистскими державами и всякая война, хотя бы она была в начале национальной, *превращается* в империалистскую, задевая интересы одной из империалистских держав или коалиций. Таков был единственный аргумент люксембургианства в защиту того положения, будто в эпоху империализма не может быть никаких национальных войн.

Нетрудно видеть, какое громадное не только теоретическое, но и актуально-политическое значение имел этот тезис. С ним связан был, в первую очередь, вопрос о том, отстаивают ли марксисты, пролетарские революционеры, лозунг национального самоопределения или отказываются от него, так как де все равно национальное самоопределение «в эпоху империализма» неосуществимо. С ним связан также вопрос о движении в колониях и полуколониях, о возможных национальных войнах колоний и полуколоний. Из приведенного постулата Розы Люксембург вся польско-голландская «школа», как и некоторые «левые» коммунисты в России, и сделали тот вывод, что лозунг национального самоопределения неверен. Кто примет этот постулат люксембургианства, тот вынужден будет вытащить несколько важнейших камней из *фундамента* учения Маркса и Ленина о войне.

Разумеется, основное положение марксистской диалектики состоит в том, что все грани в природе и обществе условны и подвижны, что нет *ни одного* явления, которое не могло бы при известных условиях превратиться в свою противоположность. С этим общим введением Ленин приступает к опровержению приведенного основного тезиса люксембургианства. И Ленин приводит нам несколько блестящих исторических примеров *диалектического превращения одной войны в другую*.

Национальная война может превратиться в империалистскую и *обратно*, — пишет Ленин. — Пример: войны Великой французской революции начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционны: защита великой революции против коалиции контрреволюционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие, *в свою очередь*, национально-освободительные войны *против* империализма Наполеона.

Не менее блестящ другой пример, приводимый Лениным:

Англия и Франция воевали в 7-летнюю войну из-за колоний, т. е. вели империалистскую войну (которая возможна и на базе рабства и на базе примитивного капитализма, как и на современной базе высокоразвитого капитализма). Франция побеждена и теряет часть своих колоний. Несколько лет спустя начинается национально-освободительная война Северо-американских штатов против одной Англии. Франция и Испания, которые сами продолжают владеть частями теперешних Соединенных штатов, из вражды к Англии, т. е. из своих империалистских интересов, заключают дружественный договор с восставшими против Англии штатами. Французские войска вместе с американскими бьют

англичан. Перед нами национально-освободительная война, в которой империалистское соревнование является привходящим, не имеющим серьезного значения, элементом, — обратное тому, что мы видим в войне 1914—1916 гг. (национальный элемент в австро-сербской войне не имеет серьезного значения по сравнению с всеопределяющим империалистским соревнованием). Отсюда видно, как нелепо было бы применять понятие империализма шаблонным образом, выводя из него «невозможность» национальных войн.

Так обстоит дело с прошлым. Ну, а будущее? В будущем не только вероятны, но и неизбежны национальные войны со стороны колоний и полуколоний — именно в эпоху империализма.

В колониях и полуколониях, — подсчитывал Ленин, — живет до 1 000 миллионов человек, т. е. *больше половины* населения земли. Национально-освободительные движения здесь либо уже очень сильны, либо растут и назревают. Всякая война есть продолжение политики иными средствами. Продолжением национально-освободительной политики колоний *неизбежно* будут национальные войны с их стороны *против* империализма. Такие войны *могут* повести к империалистской войне теперешних «великих» империалистских держав, но могут и не повести, это зависит от многих обстоятельств. Национально-освободительная война, например, союза Персии, Индии и Китая против тех или иных империалистских держав, вполне возможна и вероятна, ибо она вытекает из национально-освободительного движения этих стран, причем превращение такой войны в империалистскую войну между теперешними империалистскими державами будет зависеть от очень многих конкретных обстоятельств, ручаться за наступление которых было бы смешно.

Теперешняя война, данная конкретная война, начавшаяся в 1914 г., *есть война империалистская*. Говорить о защите отечества *в этой войне* значит поддерживать империалистских рабовладельцев. Но доказывать, что в «эпоху империализма» вообще не может быть никаких национальных войн, это значит не применять учения Маркса к данной новой конкретной полосе общественного развития, а угрублять это учение, превращать его в карикатуру; это значит забывать о возможных войнах народов колоний и полуколоний, составляющих более миллиарда человек, более половины населения земли; это значит косвенно подкреплять оппортунистов, не желающих и слушать о революционном значении национально-освободительного движения народов колоний и полуколоний.

Но мало того. Даже в Европе, — пишет Ленин, — нельзя считать национальные войны в эпоху империализма невозможными. «Эпоха империализма» сделала теперешнюю войну империалистской, она порождает неизбежно (пока не наступит социализм) новые империалистские войны, она сделала насквозь империалистичной политику теперешних великих держав, но эта «эпоха» нисколько не исключает национальных войн, например, со стороны маленьких (допустим, аннексированных или национально-угнетенных) государств *против* империалистских держав, как не исключает она и национальных движений в большом масштабе на востоке Европы.

Среди коммунистов этот взгляд Ленина теперь стал абсолютно преобладающим. А вот было время, когда целая группа марксистских теоретиков — и не худших — строила целую платформу на том, что «в эпоху империализма не может быть никаких национальных войн». Из этой кардинальной ошибки люксембургианства неизбежно вытекало забвение того, что национальные войны *против* империалистских держав не только возможны и вероятны, но и *неизбежны, прогрессивны и революционны*. Приведенный взгляд люксембургианства Ленин характеризовал как «вульгаризованный марксизм»; в другом месте (в статье против т. Пятакова и в статье «Итоги дискуссии о самоопределении») — как «империалистический экономизм» [1]; или — как «узость и карикатуру на марксизм», до которой дошли некоторые голландские и польские социал-демократы.

Не менее блестяще опровергает Ленин вторую коренную ошибку Розы Люксембург — ее попытку «за волосы притянуть национальную программу к данной *не* национальной войне». И опять это ленинское опровержение ошибок люксембургианства насквозь проникнуто диалектикой Маркса.

Говоря, что классовая борьба есть лучшее средство против внешнего нашествия, Люксембург применяла марксову диалектику лишь наполовину.

Марксова диалектика требует конкретного анализа каждой особой исторической ситуации. Что классовая борьба есть лучшее средство против нашествия, — это верно *и* по отношению к буржуазии, свергающей феодализм, *и* по отношению к пролетариату, свергающему буржуазию. Именно потому, что это верно по отношению ко *всякому* классовому угнетению, это *слишком обще* и потому *недостаточно* по отношению к данному *особому* случаю. Гражданская война против буржуазии есть *тоже* один из видов классовой борьбы и только данный вид классовой борьбы избавил бы Европу (всю, а не одну страну) от опасности нашествий. «Велико-германская республика», если бы она существовала в 1914—1916 гг., вела бы *такую же* империалистскую войну».

Роза Люксембург проповедует фактически революцию, но революцию с неверной революционной программой. Никакое «народное представительство», непрерывного заседания которого требует Роза Люк-

[1] Экономисты — оппортунистическое течение в русской социал-демократии в конце 90-х годов. Исходя из того, что экономическая борьба является главным стимулом рабочего движения, экономисты глубокомысленно отрицали необходимость революционной политической борьбы под лозунгом свержения царизма. «Капитализм победил, — *поэтому* не нужно думать над политическими вопросами, рассуждали старые «экономисты» в 1894—1901 гг., доходя до отрицания политической борьбы в России. Империализм победил, — *поэтому* не нужно думать о вопросах политической демократии, рассуждают современные «империалистические экономисты». Так говорил Ленин в статье «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», посвященной ошибкам т. Пятакова (Собр. соч., т. XIII, стр. 339). Ошибки т. Пятакова разделял и т. Бухарин.

сембург, не помогло бы. Ведь в Германии все буржуазное общество вплоть до крестьянства стояло *за* войну. Буржуазия была вооружена до зубов. При таком положении «провозгласить» программу республики, перманентного парламента, выбора офицеров народом и пр. значило бы *на практике* «провозгласить» революцию с *неверной* революционной программой (Ленин).

Крайне интересно в этой связи замечание, которое попутно бросает Ленин о России: «В России, — говорит он, — по всей вероятности *тоже* крестьянство стояло *за* войну — по крайней мере большинство зажиточного и среднего крестьянства с очень значительной долей бедноты»...

Странно, крайне странно! Люксембургианство отличалось от ленинизма тем, что оно пыталось особенно настойчиво сконцентрировать *все внимание* на империализме, на «эпохе империализма», на «эре империализма». А вместе с тем, когда пришлось выдвинуть конкретную программу действия, в связи с войной 1914 г., которую люксембургианцы, равно как и Ленин, оценивали как империалистскую, то лучшая голова люксембургианского лагеря, сама Роза Люксембург, выдвинула «старую, истинно национальную программу патриотов и демократов 1848 г.», т. е. притянула за волосы *национальную* программу как раз *в империалистской* войне.

В «Гражданской войне во Франции» Маркс писал:

«Высший героический подъем, на который еще способно было старое общество, есть национальная война, и она оказывается теперь чистейшим мошенничеством правительства; единственной целью этого мошенничества оказывается — отодвинуть на более позднее время классовую борьбу, и когда классовая борьба вспыхивает пламенем гражданской войны, мошенничество разлетается в прах».

Уже в 1871 г. Маркс выдвигал не ту программу, которую он же выдвигал в 1848 г. Тем более странно было выдвигать национально-революционную программу типа 1848 г. *в 1914 г.*, в *империалистской* Германии, вышедшей на поединок *с империалистской* Англией.

Чем же объяснить столь грубые ошибки польско-голландских интернационалистов, всей люксембургианской школы? Чем объяснить, что, анализируя «эру империализма», люксембургианцы докатывались до «прудонизма в национальном вопросе»? Чем объяснить, что, формулируя программу действий для германского пролетариата в 1916 г., люксембургианцы не нашли ничего лучшего, как вспомнить «о старой истинно-национальной программе патриотов и демократов 1848 г.»? Чем объяснить, что брошюра Юниуса выдвигала ту «мысль», что победа и поражение одинаково плохи для германского пролетариата (это место в брошюре Юниуса Ленин назвал точкой зрения не революционного пролетариата, а пацифистского мелкого буржуа)? Чем объяснить все эти крупнейшие ошибки? Этот вопрос ставил перед собою Ленин, и он приходил к тому выводу, что дело объясняется, конечно, не дурными субъективными качествами голландско-польских товарищей, а осо-

были объективными условиями их стран. 1) Обе страны — маленькие и беспомощные в современной «системе» великих держав; 2) обе географически расположены между наиболее остро соперничающими империалистскими хищниками гигантской силы (Англия и Германия, Германия и Россия); 3) в обеих страшно сильны воспоминания и традиции тех времен, когда обе были сами «великодержавными» [1]...

Только Ленину оказалось по плечу взять учение Маркса о войне и применить его к империалистской эпохе с такой же гениальностью, как Маркс и Энгельс применяли свой метод в эпоху доимпериалистскую. «Не отбрасывать должны мы примеры тактики Маркса, —говорил Ленин в статье «Итоги дискуссии о самоопределении», — а из конкретного анализа выводить неоценимые уроки для будущего». Это и выполнил Ленин.

Особенно замечателен тот анализ роли русского царизма, который дал в ходе империалистской войны Ленин. В кризисе 1848 г. Маркс и Энгельс, как известно, считали главным врагом русский царизм. И с тех пор до смерти Маркса, даже позже, до 1890 г., когда грозила реакционная война царизма в союзе с Францией против не империалистской, а национальной независимой Германии, Энгельс стоял прежде всего и больше всего за борьбу с царизмом. Поэтому и только поэтому Маркс и Энгельс, поясняет Ленин, были против национального движения чехов и южных славян. Поэтому Маркс и Энгельс *противополагали* тогда прямо и определенно «целые реакционные народы», служащие «русскими форпостами» в Европе, «революционным народам»: немцам, полякам, мадьярам. Этот факт, говорит Ленин, был *тогда бесспорно* верно указан: в 1848 г. революционные народы бились за свободу, главным врагом которой был царизм, а чехи и т. п. действительно были реакционными народами, форпостами царизма.

«Что же говорит нам этот конкретный пример, который надо разобрать *конкретно*, если хотеть быть верным марксизму? Только то, что 1) интересы освобождения нескольких крупных и крупнейших народов Европы стоят выше интересов освободительного движения мелких наций; 2) что требование демократии надо брать в общеевропейском — теперь следует сказать: мировом — масштабе, а не изолированно» [2].

И далее Ленин ставит вопрос, как именно изменилась конкретная ситуация с 1848—1871 гг. по 1898—1916 гг.? (Беру, поясняет Ленин крупнейшие вехи империализма, как периода: от испано-американской империалистической войны до европейской империалистической войны.) Ответ Ленина таков:

«Царизм заведомо и бесспорно перестал быть главным оплотом реакции, во-первых, вследствие поддержки его международным финансовым капсталом, особенно Франции, во-первых, в силу 1905 г.... До империализма Маркс и Энгельс не дожили. Теперь сложилась система

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XIX, стр. 205.
[1] Там же, стр. 199.

горстки (5—6 числом) «великих» империалистических держав, из коих каждая угнетает чужие нации» [1].

Какой же отсюда вытекает вывод? Как именно следует в теперешней конкретной обстановке первой мировой империалистской войны применить принципы Маркса?

На этот вопрос Ленин отвечает:

«Отсюда конкретное изменение *в приложении* тех же социалистических принципов: *тогда* в первую голову «против царизма» (и против используемых *им* в антидемократическом направлении некоторых мелконациональных движений) за крупнонациональные, революционные, народы Запада. *Теперь* против единого, выравнявшегося, фронта империалистских держав, империалистской буржуазии, социал-империалистов, *за* использование в целях социалистической революции *всех* национальных движений против империализма» [2].

Таково основное изменение в мировой ситуации. В частности изменилась и роль мелких наций. «Ибо именно интернациональный фронт пролетарской борьбы видоизменился в отношении конкретной позиции мелких наций: тогда (1848—1871) мелкие нации имели значение, как возможный союзник либо «западной демократии» и революционных народов, либо царизма; теперь (1898—1914) мелкие нации потеряли такое значение; их значение ныне — один из питательных источников паразитизма и, следовательно, социал-империализма «великодержавных наций» [3].

«Диалектика истории такова, что мелкие нации, бессильные, как *самостоятельный* фактор в борьбе с империализмом, играют роль как один из ферментов, одна из бацилл, помогающих выступлению на сцену *настоящей* силы против империализма, именно: социалистического пролетариата» [4].

Замечательно, что столь же вопиющие противоречия, как у Розы Люксембург, Ленин находил и у Гортера. В книге Гортера «Империализм, война и социал-демократия», которую Ленин считал во многих отношениях превосходной книгой, Гортер, вслед за Розой Люксембург, отрицает принцип самоопределения наций, исходя в общем из той же концепции, что и Роза Люксембург. Но отрицая принцип самоопределения наций, он правильно *применяет* его, когда требует *немедленной* «политической и национальной независимости» голландской Индии и разоблачает голландских оппортунистов, отказывающихся выставлять такое требование и бороться за него.

Вся эта теоретическая путаница у люксембургианцев приводила практически к тому, что они плохо представляли себе конкретный ход развития социалистической революции (в скобках сказать, эта же теоретическая путаница приводила к недостаточно ясному пониманию социальных корней оппортунизма, задерживала организационное раз-

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XIX, стр. 200.
[2] Там же, стр. 201.
[3] Там же, стр. 201.
[4] Там же, стр. 214.

межевание люксембургианцев и «лево-радикалов», в частности спартаковцев, с германской социал-демократией; приводила их к возражению против лозунга «раскола германской социал-демократии»; привела поэтому к запозданию в деле образования самостоятельной коммунистической партии в Германии и т. д.). Не понимая значения национально-освободительной борьбы колониальных и полуколониальных народов, делая коренные ошибки в национальном вопросе, допуская издавна столь же коренные ошибки в вопросе крестьянском (ошибки в национальном вопросе связаны были с ошибками в крестьянском вопросе), люксембургианцы ждали какой-то «чистой» социалистической революции, не понимая того, что социалистическая революция в Европе *не может быть* не чем иным, как «взрывом массовой борьбы всех и всячески угнетенных и недовольных», как говаривал Ленин.

«Кто ждет «чистой» социальной революции, тот *никогда* ее не дождется. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции», писал Ленин по адресу люксембургианцев [1].

Именно в спорах с люксембургианцами во время империалистской войны Ленин дал несколько из тех его бессмертных формулировок (по вопросу о том, как именно складывается социалистическая революция), которые должны стать и все больше становятся достоянием каждого передового рабочего.

«Думать, что *мыслима* социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии *со всеми ее предрассудками*, без движений несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета, — думать так, значит *отрекаться от социальной революции*. Должно быть, выстроится в одном месте одно войско и скажет: «мы за социализм», а в другом месте другое и скажет: «мы за империализм», и это будет социальная революция!.. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней (в социалистической революции), без такого участия *не* возможна *массовая* борьба, невозможна *никакая* революция — и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но *объективно* они будут нападать на *капитал*, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту объективную истину разношерстной и разноголосой, пестрой и внешне-раздробленной массовой борьбы, сможет объединить и направить ее, завоевать власть, захватить банки, экспроприировать ненавистные всем (хотя по разным причинам!) тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу «очистится» от мелкобуржуазных шлаков» [2].

«Социалистическая революция не один акт, не одна битва по одному фронту, а целая эпоха обостренных классовых конфликтов,

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XIX, стр. 212.
[2] Там же, стр. 212—213.

длинный ряд битв по всем фронтам, т. е. по всем вопросам экономики и политики, битв, которые могут завершиться лишь экспроприацией буржуазии» [1].

«Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе и национально-освободительных движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях.

«Почему? Потому что капитализм развивается неравномерно, и объективная действительность показывает нам, наряду с высокоразвитыми капиталистическими нациями, целый ряд наций очень слабо и совсем неразвитых экономически» [2].

Эта формулировка Ленина, употребленная в полемике против т. Пятакова (см. статью Ленина «Империалистический экономизм»), дает ключ к пониманию многих основных положений ленинизма.

В особенно популярной форме Ленин разбирает ошибки люксембургианства в вопросах войны, поскольку они нашли себе отражение в выступлениях русских «левых» коммунистов: Пятакова, Бухарина и др. В этом смысле статья Ленина об империалистическом экономизме является образцом популяризации взглядов марксизма на вопросы войны. С особенным блеском разобран в этой работе вопрос *о трех различных типах стран* под углом зрения возможности в них национального движения.

«Первый тип — те передовые страны Запада Европы (и Америки), где национальное движение — *прошлое*. Второй тип — Восток Европы, где оно *настоящее*. Третий — колонии и полуколонии, где оно в значительной степени — *будуще* » [3].

Этот же вопрос подробно рассмотрен в известных тезисах Ленина о национальном самоопределении.

Есть люксембургианцы и люксембургианцы. Когда Пауль Леви и другие «левые» социал-демократы, оставаясь в партии Носке и ведя борьбу против СССР, говорят рабочим, будто в вопросе о войне они стоят на точке зрения Розы Люксембург, — мы имеем перед собою акт простого обмана. Когда Брандлер и Тальгеймер, разрывая с Коминтерном и пытаясь подвести теоретическую «базу» под свой разрыв с большевизмом, апеллируют к традициям люксембургианства, мы имеем пред собою проявление обмана или в лучшем случае самообмана. Но и сейчас можно встретить искренних пролетарских революционеров-коммунистов, не понимающих и не желающих понять, чем люксембургианство отличалось от ленинизма. Эти товарищи иногда искренно возмущаются: зачем ворошить былые разногласия? И разве такие-то имя реки, стоявшие на стороне Розы Люксембург, были плохими революционерами? Разве не боролись они в первых рядах против буржуазии?

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XIX, стр. 169.
[2] *Ленин*, Собр. соч., т. XIII, стр. 369.
[3] Там же, стр. 349.

Именно таким товарищам особенно полезно будет вдуматься в те расхождения, какие существовали между ленинизмом и люксембургианством как раз в вопросах войны и тактики пролетарской партии. Близятся новые войны. За каждую крупную политическую ошибку пролетарские партии дорого платят и во время мира. Но во многомного раз дороже приходится платить за каждую теоретическую и политическую ошибку во время войны. Совершенно правильно сказал (говоря об ошибках Розы Люксембург) расширенный пленум ИККИ в 1925 г. (в тезисах о большевизации), что чем ближе к ленинизму стоят эти деятели, тем опаснее взгляды их в той части, в которой, будучи ошибочными, эти взгляды не совпадают с ленинизмом.

Как раз применительно к вопросам войны существует целый ряд таких предрассудков, которые нельзя преодолеть, не преодолевши ошибок люксембургианства. Понять идейно-теоретическое превосходство ленинизма над социал-шовинизмом или банальным центризмом — это слишком элементарно. Чтобы полностью усвоить учение Маркса и Ленина о войне, надо суметь понять также идейно-теоретическое превосходство ленинизма над люксембургианством. Без этого невозможно нести учение Маркса и Ленина в массы. Без этого мы не сумеем и в предстоящих войнах использовать то драгоценное, несравненное оружие, которое дает нам в руки это учение...

Заметим, что группа т. Бухарина в годы империалистской войны повторяла почти все политические ошибки тогдашнего троцкизма (против «пораженчества» за «лозунг мира») и наиболее ошибочное в позиции люксембургианства (против самоопределения наций); к этому прибавлялись «самобытные» (на деле сбивающиеся на анархизм) ошибки в вопросе о государстве. В итоге получалось нечто на первый взгляд весьма «левое» — на деле же мешанина, чуждая большевизму, которую Ленин и назвал «империалистическим экономизмом» [1].

* * *

Ошибки в области теории обусловили слабости в области практической политической деятельности сторонников Розы Люксембург и обратно. Особенно тяжело отразились указанные выше ошибки люксембургианства в вопросах войны на практически-политической деятельности спартаковцев в 1914—1918 гг. Эти ошибки связаны были с неправильной оценкой германской социал-демократии. Эти ошибки тесно связаны были с неправильным подходом к вопросам единства социал-демократии. Они в значительной мере обусловили запоздание с делом раскола германской социал-демократии. Они в последнем счете приводили и привели к тому, что в решающий революционный период германские рабочие остались без закаленной подлинно большевистской партии.

[1] Подробнее см. *Ленин*, Об империалистическом экономизме (т. XIII, изд. 1-е Собр. соч., а также «Пролетарская революция» № 7, за 1929 г. и «Большевик» № 15, за тот же год).

В этом отношении перипетии борьбы союза «Спартак» необычайно поучительны.

Движение спартаковцев, ширившееся в течение всего 1918 г., было свежим, могучим движением лучшей части германских рабочих, рвавшихся на «последний решительный бой» с капитализмом и более или менее ясно (отчасти же лишь инстинктивно) понимавших, что, если пролетарский переворот не удастся при окончании войны, то он будет оттянут на многие годы.

Почему пролетарская революция в Германии не победила в 1919 г.? На это было много причин. Но если взять самые основные, то таких причин было две: 1) германская буржуазия и германская социал-демократия, научившись на опыте русской революции, поспешили заключить мир с буржуазией Антанты хотя бы самой тяжелой ценой; а буржуазия Антанты дала этот мир германской буржуазии из той же боязни перед нараставшей пролетарской революцией; 2) у германского пролетариата к моменту решающих событий не оказалось достаточно сильной и сплоченной большевистской партии, но налицо «зато» оказались сильные контрреволюционная социал-демократия и профсоюзы, целиком перешедшие на сторону буржуазии. Германский пролетариат, увы, недостаточно воспользовался опытом борьбы большевизма с меньшевизмом. Германский пролетариат не создал себе до войны (и даже во время войны) вполне большевистской партии.

Спартаковцы были лучшей частью германского революционного рабочего движения, *стремившегося* вступить на путь большевизма. Но союз «Спартака» далеко еще не был большевистской организацией. Спартакизм был *этапом к большевизму*, но еще не большевизмом. Идеология спартакизма есть своеобразный *переход* от социал-демократизма к ленинизму, но еще далеко не ленинизм.

Теоретическим вождем и идейной вдохновительницей спартакистов была Роза Люксембург. Их политическим трибуном — Карл Либкнехт.

Сила и величие Розы Люксембург заключались в том, что уже с первого десятилетия XX в. она ясно видит, что объективные предпосылки для социализма назрели, что империализм есть последний этап капитализма, что проблема социалистической революции стала на очередь дня с неотвратимой силой. Теоретическому обоснованию этого взгляда Роза Люксембург посвящает все свои силы. На этой почве она дает первые теоретические бои открытому ревизионизму, а затем и «центризму» Каутского.

Сила и величие Карла Либкнехта заключались в том, что ему, как никому другому — кроме Ленина — удалось с необычайной страстностью выразить тот перелом к пролетарской революции, который совершался в рабочем классе Германии и других, втянутых в войну стран в связи с первой всемирной империалистской бойней. Ему, как никому другому, удалось выразить гнев и боль, мучение и протест, а затем и созревшую революционную решимость лучшей части европейских рабочих, ввергнутых в империалистскую бойню, их свежие, отчасти еще наивные надежды на немедленную революцию против войны.

Это — очень много. И все-таки это еще не большевизм.

Большевизм сложился в России в основном уже в 1903 г. Спартакизм начал складываться в Германии только в 1915 г. Большевизм раскололся с меньшевизмом задолго до мировой войны и вошел в войну и революцию как самостоятельная пролетарская партия, которой никакое «единство» с меньшевиками не могло уже связывать рук. Спартакизм окончательно откололся от социал-демократии только в декабре 1918 г. и прошел почти всю империалистскую войну и начало германской революции как группа, организационно связанная с социал-демократией — сначала со всей германской социал-демократией, а затем с той ее частью, которая одно время существовала под именем независимых социал-демократов. К началу мировой войны большевизм — и в этом его главное историческое преимущество — имел за плечами 1905 г., имел длительный период нелегальной организации и борьбы против всех оттенков меньшевизма. Спартакизм имел за плечами еще гораздо более длительный период, но не непосредственно-революционной, а *мирной парламентской работы* германской социал-демократии, со всеми иллюзиями мирного «органического» периода и фетишизированием идеи единства германской социал-демократии.

Для большевиков 1905 год был «репетицией» и в том отношении, что революция 1905 г. уже, в сущности говоря, предопределила разрыв их единства с меньшевиками. Формально «единство» социал-демократической партии в России существовало еще несколько лет после 1905 г., а в момент подъема революционной волны в 1905—1906 гг. на короткое время последовало даже некоторое сближение. Но по существу дела именно опыт 1905 г. разорвал это единство. Окончательный разрыв последовал *между* двумя революциями.

Объективно-революционная ситуация существовала в России уже с конца XIX в. С начала XX в. все более определенно начинает созревать *непосредственно-революционная* ситуация в нашей стране. *Именно поэтому* борьба между большевизмом и меньшевизмом или, иначе говоря, между марксизмом и реформизмом у нас в России развивается интенсивнее, резче, законченнее, цельнее, несмотря на то, что под спудом царистского гнета размежевание политических течений, как и политическая борьба вообще, встречали большие затруднения.

Революция — лучший учитель. И именно революция 1905 г. позволила Ленину видеть гораздо раньше, глубже и полней судьбы будущей борьбы между марксизмом и реформизмом. В этом отношении особенно замечательна небольшая работа Ленина, написанная им для сборника «Памяти Маркса», изданного большевиками в 1908 г. В этой работе (статья «Марксизм и ревизионизм») Ленин уже более 20 лет тому назад предвидел, что борьба между марксизмом и реформизмом в конце концов выльется в вооруженную борьбу. В разгар царистской контрреволюции, на фоне полного реакционного затишья в Европе, Ленин *уже в 1908 г.* говорит о том, что идейная борьба революционного марксизма с ревизионизмом в конце XIX в. есть лишь преддверие великих революционных битв пролетариата и что, когда придет про-

летарская революция, она обострит спорные между марксистами и ревизионистами вопросы до степени вооруженной борьбы.

Уроки 1905 г. были незаменимыми уроками для русских большевиков и их вождя Ленина. Именно этого непосредственного, ничем незаменимого опыта подлинной революции более всего нехватало спартаковцам до 1918 г. Это и было главной причиной того, что спартаковцы так запоздали с расколом германской социал-демократии, что и сыграло впоследствии роковую для революции 1919 г. роль.

Раскол германской социал-демократии впоследствии совершился, но совершился с большим опозданием и прошел через две главных стадии, вместо одной: сначала от германской социал-демократии откололись независимые, составной частью которых осталась едва сколоченная группа «Спартак». Но этот раскол в большей своей части оказался лишь преходящим. Добрая половина независимых вернулась назад в германскую социал-демократию, сыграв объективно лишь роль громоотвода и временного «левого» заслона для официальной германской социал-демократии. И лишь часть независимых вместе со спартаковцами впоследствии образовали коммунистическую партию Германии. Получился громадный проигрыш во времени, страшно ослабивший революционные силы германского пролетариата и помогший в последнем счете буржуазии.

«Немецкая социал-демократия после 4 августа 1914 г. — смердящий труп». Это смелое и правильное заявление сделала Роза Люксембург на завтра после начала империалистической войны. И тем не менее она не поставила со всей ясностью вопроса о расколе германской социал-демократии даже в 1914 г. Разбирая вышеназванную брошюру Розы Люксембург (Юниуса), вышедшую в 1916 г., Ленин с полным правом видел основной недостаток автора брошюры в том, что он «не освободился вполне от среды немецких, даже левых с.-д., боящихся раскола, боящихся договаривать до конца революционные лозунги». «В брошюре Юниуса чувствуется *одиночка*, у которого нет товарищей по нелегальной организации, привыкшей додумывать до конца революционные лозунги и систематически воспитывать массу в их духе», писал Ленин в той же статье еще в октябре 1916 г.

Разбирая в 1921 г., после мартовского восстания в Германии, причины поражения революционных восстаний в этой стране, Ленин в «Письме к немецким коммунистам» указывает на то, что «действительно революционной партии у немецких рабочих ко времени кризиса не оказалось, вследствие опоздания с расколом, вследствие гнета проклятой традиции «единства» [1].

Эта проклятая традиция «единства» привела к тому, что спартаковцы пошли в январе 1919 г. на восстание, не сложившись сколько-нибудь прочно в самостоятельную партию — *первый съ зд германской компартии состоялся в конце декабря 1918 г. буквально за неск лько дней до восстания*, — не имея в советах рабочих и солдатских депутатов даже сколько-нибудь оформленной коммунисти-

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 343.

ческой фракции. Это кажется невероятным, но это факт. В этом отношении несомненно свою роль сыграла неверная «теория стихийности», защищавшаяся Розой Люксембург, т. е. небольшевистская постановка Розой вопроса о «стихийности» и «сознательности», об «организации» и «массах». Коминтерн был вполне прав, когда в известных тезисах о большевизации он указал на то, что спартаковцы, руководимые Розой Люксембург, не поняли, что такое значит «организовать революцию». Эта же ошибочная «установка» привела спартаковцев и к тому, что в марте 1919 г. на первом учредительном конгрессе Коминтерна они были единственной делегацией, возражавшей против немедленного основания Коммунистического Интернационала.

Роза Люксембург блестяще защитила в Польше идею самостоятельной классовой партии пролетариата против всякого национализма. Она уже в 1902 г. выступила в германской печати с обоснованием идеи всеобщей забастовки. Она была одним из самых блестящих борцов на антибернштейнианском фронте. В 1905/06 г. (на Иенском партейтаге) она выступает истолковательницей великого значения русской революции перед германскими рабочими. В 1907 г. (Лондонский съезд) она бок-о-бок с Лениным борется против русских меньшевиков. В том же году в Штутгарте вместе с Лениным она вносит известную марксистско-ленинскую «поправку» к резолюции о борьбе против войны. В 1909/10 г. она открывает кампанию против Каутского. А в 1914 г. с первого же дня войны выступает вместе с Либкнехтом против социал-предателей.

Роза Люксембург интернационалистка с головы до ног. И тем не менее сумма ее взглядов еще не ленинизм.

В одной из своих последних статей («О восхождении на высокие горы») Ленин весною 1922 г. вновь затрагивает вопрос об ошибках Розы Люксембург, перечисляя некоторые из них. Она ошибалась, говорит он, в вопросе о независимости Польши; она ошибалась в 1903 г. в оценке меньшевизма; ошибалась в теории накопления капитала; ошибалась, защищая в июле 1914 г. объединение большевиков с меньшевиками; ошибалась в своих тюремных писаниях 1918 г. по вопросам русской революции, т. е. по крестьянскому, национальному вопросам и по вопросу о революционном терроре. «Но несмотря на эти свои ошибки, она была и остается орлом».

Еще более очевидна слабость спартакизма по сравнению с большевизмом, если сопоставить деятельность Карла Либкнехта с деятельностью Ленина. В прошлом Ленина красной нитью пролегает единство взглядов, единство системы — с конца 90-х годов до самой кончины нашего учителя. От «Что такое «друзья народа»? до «Лучше меньше, да лучше» тянется одна последовательная, цельная нить развития. Полоса исторического подготовления большевизма и полоса исторического действия большевизма на мировой арене одинаково олицетворяются Лениным, по крайней мере четверть века — с 1898 по 1923 г. Ленин работает над одним и тем же делом; сперва закладывая теоретические и политические основы большевизма, а затем, применяя его в трех ре-

волюциях, он доводит дело до победоносной большевистской диктатуры пролетариата.

Не таково прошлое Карла Либкнехта.

Ленин был большевиком уже в 90-х годах прошлого столетия. Либкнехт *начал* становиться им только в ходе мировой войны 1914—1918 гг. У Карла Либкнехта и до войны был, разумеется, глубокий интерес к русской революции. События 1905 г. привлекли к себе большое его внимание. Но Либкнехту не удалось тогда уяснить себе действительный смысл русских событий, не удалось найти правильной оценки большевизма и меньшевизма. Либкнехт не поддерживал большевиков до 1915 г. В Циммервальде и Кинтале представители спартаковцев часто голосовали с Мартовым против Ленина. Внутри германской социал-демократии Карл Либкнехт стоял на левом фланге, но сколько-нибудь законченной теоретической позиции, сколько-нибудь цельной политической платформы Либкнехт не имел и в германских вопросах. Еще в декабре 1914 г. Либкнехт в декларации, прочитанной им в германском рейхстаге при вотировании (1 из 111 социал-демократических депутатов) против военных кредитов, выдвигал только лозунг мира. И лишь летом 1915 г. Карл Либкнехт выступил с заявлением: «не гражданский мир, но гражданская война — вот лозунг наших дней».

С известным правом можно сказать, что Карл Либкнехт «относится» к В. И. Ленину, как отец Карла Либкнехта, Вильгельм Либкнехт, «относится» к Карлу Марксу.

Если взять самое главное, самое существенное из того, что отличало спартаковцев от большевиков, то придется сказать: *главными* слабостями в программно-политической деятельности спартаковцев был их неправильный подход к вопросам: 1) о роли пролетарской партии в революции (и в связи с этим к вопросу о роли социал-демократии, ее «единстве» и т. п.), 2) крестьянскому вопросу, 3) национальному вопросу, 4) к оценке мировой войны.

Роза Люксембург была совершенно права, когда в одном месте писала, что «представление о революционной политике без ошибок столь пошло, что оно достойно лишь немецкого школьного учителя». Ошибки люксембургианства, ошибки спартакизма коренились во всей социально-экономической обстановке их времени. Это были не личные ошибки, а ошибки лучшей группы деятелей тогдашнего, «застоявшегося» в атмосфере мирного периода 1889—1914 гг., западно-европейского рабочего движения. Рабочие всего мира обнажают голову перед могилами павших спартаковцев и их лучших вождей — Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Но ошибок спартакизма они не повторят. Если бы живы были Либкнехт и Люксембург, они первые сказали бы: путь *от* спартакизма *к ленинизму* — вот большая дорога мировой революции.

Путь *от социал-демократии к спартакизму* был громадным шагом вперед. Но путь *от ленинизма назад к спартакизму* был бы громадным шагом назад — даже к тому спартакизму, который связан с бессмертными именами Либкнехта и Люксембург. Попытки же Брандлера и Тальгеймера возродить в нынешней обстановке некий «Союз Спар-

така» уже не по образу и подобию Розы Люксембург и Карла Либкнехта, а по образу и подобию нынешней группы Брандлера, несомненно являются реакционными, антипролетарскими попытками. Направление этого пути — хотят того или нет Брандлер и его друзья — есть вполне определенное направление: *назад к социал-демократии.* Мы не хотим утверждать, что все члены группы Брандлера непременно дойдут до самой последней «станции» на этом пути. Но направление дороги ясно. Спартакизм 1919 г. пошел вперед и растворился в коммунизме. «Спартакизм» 1929 г., «спартакизм» брандлеровский, идет назад, и ему бесспорно угрожает опасность раствориться в социал-демократии.

В переписке с Энгельсом Маркс отзывался очень хвалебно о фигуре Спартака: Спартак — самая великолепная фигура античной истории. Крупный военный вождь (не чета Гарибальди). Благородный характер. Подлинный представитель античного пролетариата, — писал Маркс.

В начале империалистской войны можно было понять, что революционные рабочие называют себя «спартаковцами». В этом было кое-что от *хорошего* романтизма. А теперь? Теперь, когда диктатура пролетариата на $^1/_6$ земной суши существует уже 12-й год, когда в руках пролетариата великое учение Ленина, — теперь знаменем всех борцов за дело рабочих является *ленинизм.* Это поймет каждый немецкий рабочий, боровшийся в 1916 — 1919 гг. в рядах спартаковцев. Бороться за пролетарскую революцию 10 лет тому назад можно было и под знаменем спартаковцев. Но победить и закрепить победу теперь можно только под знаменем ленинизма.

XVIII. ЛЕНИНИЗМ И ТРОЦКИЗМ ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

Когда наша партия вошла в мировую войну 1914 г. — где был тогда Троцкий? Он начал уходить к этому времени от меньшевистского августовского блока, создав собственную крохотную подфракцийку *в пределах меньшевизма*. В ходе войны он выступал в общем в лагере каутскианства, образуя оттенок на «левом» крыле центризма. Другими словами он был «левым» меньшевиком.

Научно-марксистскому анализу империализма как последнего этапа капитализма, данному Лениным, Троцкий противопоставил «лево»-социал-демократические агитационные фразы о вреде империализма для дела развития производительных сил. Достаточно сопоставить ленинскую работу «Империализм, как последний этап капитализма», в которой сформулировано учение Ленина об империализме, с брошюрой Троцкого «Война и Интернационал», чтобы убедиться, что в анализе империализма Троцкий не шел далее идей «левого» каутскианства.

Великому ленинскому лозунгу, сделавшему эпоху в мировом движении, лозунгу «превращения империалистской войны в гражданскую», Троцкий противопоставил (именно противопоставил!) меньшевистско-пацифистский лозунг «мира во что бы то ни стало».

Ленинскому лозунгу: «революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству» — Троцкий противопоставил (именно противопоставил!) лозунг «ни победы ни поражения», лозунг «левого» пустозвонства, на деле прикрывавший социал-шовинизм.

В числе хулителей ленинского «пораженчества» был и Троцкий, несмотря на то, что от антипораженческой кампании зачастую несло «духом» прямо-таки нестерпимым для человека, сколько-нибудь похожего на интернационалиста.

Ленинскому лозунгу создания III Интернационала Троцкий противопоставил (именно противопоставил!) лозунг «единства II Интернационала», приняв посильное участие в травле, которая велась против Ленина, как против «раскольника».

Ленин звал рабочих Европы взять примером революционного парламентаризма работу Муранова, Петровского и других депутатов большевиков, пошедших на каторгу за свою работу. Троцкий звал рабочих Европы взять за образец просвещенную деятельность меньшевистской

фракции Чхеидзе — Чхенкели. Во всяком случае Троцкий резко боролся против раскола с господами Чхеидзе — Чхенкели.

Лозунгу Ленина «за циммервальдскую *левую*» Троцкий противопоставлял лозунг каутскианцев — «за Циммервальд вообще», за «единство Циммервальда» (что на деле равнялось лозунгу «за единство II Интернационала»).

В соответствующих главах нашей работы читатель найдет достаточное количество фактического материала, иллюстрирующего сказанное.

В «Коммунисте» [1] большевики писали во время войны, что троцкизм есть позиция «левого» центра.

В тех вопросах, которые действительно определяли политику партии на ближайший период Троцкий фактически шел за меньшевистским ОК. Это утверждение могло показаться преувеличенным перед лицом той полемики, которая велась во время войны между представителями ОК и Троцким. Но оно тем не менее абсолютно верно, писал «Коммунист». Полемика эта бывает порою очень раздражительна, обе стороны говорили друг другу сомнительные, но заслуженные обеими сторонами любезности, основанные на том, что обе стороны *очень* хорошо друг друга знали. Но — фундамент у них был общий: борьба против «раскола», т. е. желание жить и работать *совместно с социал-шовинистами*.

Война застала «троцкизм» особой подфракцией в лагере ликвидаторов, со своим отдельным журналом «Борьба», безуспешно пытавшимся проводить пресловутую «среднюю линию». Последним актом троцкизма до войны было участие в Брюссельском совещании (3 июля 1914 г.), причем Троцкий фактически выступал в роли помощника ликвидаторского ОК. Положение, созданное войной, побудило Троцкого только к одному: приспособить «троцкизм» к новой ситуации, отыскать «среднюю» линию для российской социал-демократии при новых обстоятельствах. Ни к чему иному, кроме безыдейнейшей позиции «каутскианства» на русской почве, это привести не могло. Положение троцкизма стало безнадежнее еще потому, что на почетную роль «центра» в России нашлись и другие претенденты — деятели ОК. Троцкому оставалось играть лишь роль оттенка внутри самого «центра». Создалось некое деление на «правый» центр и «левый» центр, нечто вроде того расхождения, которое наблюдалось во время войны в Германии между «течением» Каутского и «течением» Криспина. Представители правого и левого центра сами придавали нивесть какое значение своим собственным мелким разногласиям, но, с точки зрения непримиримых противников социал-шовинизма, эти разногласия играли совершенно ничтожную роль.

[1] «Коммунист» — журнал, который издавался во время войны группой большевиков и которым идейно руководил Ленин. Кстати сказать, большинство редакции этого журнала (тт. Бухарин, Пятаков, Е. Б. Бош), питая в начале войны иллюзии насчет Троцкого, решило (вопреки Ленину и Зиновьеву) пригласить Троцкого к сотрудничеству в журнале «Коммунист». Троцкий «с негодованием» отказался, ссылаясь на разногласия по вопросу об единстве II Интернационала, по вопросу о пораженчестве и т. д.

Перед войной троцкизм приобретал в глазах «примирителей» некоторый смысл существования тем, что утверждал, — конечно, всуе — будто между правдистами и ликвидаторами нет коренных разногласий. В период войны он уже таких утверждений делать не мог. Тем не менее он проповедует прежнюю «нефракционность» и задачу своей политической деятельности видит в проведении все той же «средней» линии.

Позиция «троцкизма» в отношении к войне и краху Интернационала изложена в немецкой брошюре Троцкого («Война и Интернационал») и выражена в парижских газетах «Голос» и «Наше слово». Основной недостаток брошюры в том, что она, принадлежа перу *русского* социалиста, не дала резкой критики социал-шовинизма *франко-русского* и *ограничилась* критикой (важной и нужной критикой) социал-шовинизма немецкого. Эта односторонность подала повод австрийскому шовинисту Георгу Ручке в брошюре о войне и русских социалистах отнести Троцкого даже к сторонникам плехановских идей. (На деле Троцкий был в это время не плехановцем, а каутскианцем.)

Газета «Голос» начала выходить в Париже 13 сентября 1914 г. Эта газета помогла русским социалистам, живущим в Париже, удержаться против потока прямого социал-шовинизма. Но сама эта газета (как и ее преемница «Наше слово») пережила длительную полосу колебаний. Немногие помнят теперь, что вместо программной редакционной статьи «Голос» в № 1 поместил передовицей — без малейших оговорок редакции — статью К. Каутского («Европейская война и ее последствия»), которая ничего общего с интернационализмом, конечно, не имела. В № 7 «Голоса» была помещена передовая статья Вандервельде — в духе «амнистии» и защиты франко-русского социал-шовинизма. И по поводу этой статьи редакция «Голоса» в следующем номере сочла нужным заявить, что ей «ценны та осторожность, то благородство мысли, то ясное сознание создавшегося противоречивого положения», которые она узрела у Вандервельде. В № 18 «Голоса» — опять-таки без малейших оговорок редакции — начинаются печатанием фельетоны Каутского («Перспективы мира»), которые проводят явную социал-шовинистскую позицию. С № 55 начинается печатанием серия фельетонов социал-шовиниста Алексинского — причем эти фельетоны печатаются даже без фигового листка — «Свободная трибуна». По окончании фельетонов редакция в статье заявляет о своем несогласии с Алексинским, но в ряде дальнейших номеров продолжает печатать произведения этого господина. В № 87 и других помещаются фельетоны, излагающие социал-шовинистские (почти плехановские) взгляды Аксельрода, причем редакция заявляет, что с «некоторыми (!) положениями» она не согласна и вернется к ним... с тем, однако, чтобы на деле никогда к ним не возвращаться.

В «Голосе» и «Нашем слове» были своя десница и шуйца. Были элементы, которые хотели бы добросовестно бороться с социал-шовинизмом до конца, и были элементы (они часто руководили газетой), которые всю задачу видели в игре на единство с социал-шовинистами.

В передовой редакционной статье № 96 «Голоса» мы читаем, например, следующее заявление:

«Не затушевыванием противоречий и разногласий изживем мы кризис Интернационала, но точной, определенной формулировкой нашей линии, с прямым отмежеванием от официального квиетизма, успокаивающегося на «марксистском» объяснении прошлого, *резким разрывом* с элементами активного социал-патриотизма».

Это — голос людей, желающих честной борьбы с социал-шовинизмом до конца.

Через короткое время после этого, в № 4 «Нашего слова» — другая статья «троцкистского» направления, в которой читаем:

«Борясь с оппортунизмом, мы рассматриваем его как органический дефект самого рабочего класса, а не как нечто постороннее, занесенное в ортодоксально-марксистские пролетарские ряды какими-то интеллигентами, мятущимися то в ту, то в другую сторону... Разрубить на части нетрудно, но прежде нужно знать, что отрубить, чтобы не омертвели части организма».

Это уже не голос людей, желающих решительного размежевания и «резкого разрыва» с социал-шовинистами. Это — голос троцкизма.

Последняя из приведенных цитат, — писали мы в журнале «Коммунист», — подводит нас вплотную к нынешнему нашему спору с Троцким. В чем мы больше всего расходимся теперь? Во взгляде на связь оппортунизма с социал-шовинизмом и в вопросе о расколе с социал-шовинистами. Начиная с его брошюры и кончая его статьями в «Нашем слове», Троцкий оценивает вождей оппортунизма и самый оппортунизм как некую «жертву режима». Дело де *не* в оппортунизме вождей и не в оппортунистическом течении, *а* в «поссибилизме», свойственном предыдущей эпохе! В этом *противопоставлении* кроется адвокатская защита оппортунизма. Нет никакого сомнения в том, что оппортунизм, как и все вообще на свете, имеет свои объективные причины в окружающей обстановке, во всей совокупности условий окружающей среды. Объяснять все дело «изменой» отдельных вождей, их моральной неустойчивостью и т. д. было бы ребяческим вздором. Понять, каковы те объективные условия, которые питали оппортунизм, *необходимо*. Но в политике меньше всего *понять* значит *простить*. Разве анархизм не имел своих объективных предпосылок в окружающей среде, когда он торжествовал в рабочем движении Испании, Голландии, Швейцарии, Франции и т. д.? Разве российское эсерство, терроризм и пр. не имеют корней в крестьянском характере нашей страны, в своеобразном социальном положении русской интеллигенции? Разве христианский социализм и антисемитизм, имеющие известный успех среди рабочих Австрии, Германии, Голландии, Бельгии и т. д., не питаются известными социальными корнями? Но что сказали бы мы о человеке, который — когда речь зашла бы о борьбе с анархизмом, эсерством и т. п. о создании особой от них рабочей партии и т. д. — стал бы нас поучать: дело *не* в анархизме, дело *не* в эсерстве, *а* дело в эпохе, дело в обстановке, дело в окружающей среде? Мы

сказали бы, что у этого человека либо нет царя в голове, либо он имеет *политический интерес* запутывать вопрос ради пропаганды единства с анархистами, эсерами и т. д. На основании писаний Троцкого мы приходим к убеждению, что *его* политический интерес, *его* политическая линия заключается в стремлении не допустить до полного разрыва с социал-шовинистами и оппортунистами. Уроки войны в этом отношении ничему не научили Троцкого. Он остается «троцкистом». Как раньше он стоял за единство с ликвидаторами, так теперь он стоит за единство с социал-шовинистами.

Вы хотите «разрубить на части» социал-демократическую партию, вы «режете по живому телу пролетариата» и т. д. — такими громкими фразами угощал нас троцкизм во время мировой войны. Какой смысл имели эти фразы? Большевики очень хорошо знали, что, вообще говоря, единство — *при прочих равных условиях* — лучше, чем раскол. Но хотите ли вы сказать, что раз дело идет об организации рабочих по составу, то раскол *ни при каких условиях не допустим?* — спрашивали они Троцкого. Что раз дело идет о рабочих организациях, надо терпеливо ждать, пока разногласия с течением времени будут «преодолены жизнью»?

Социал-шовинисты сняли голову социал-демократии. Они низвели социал-демократию до национал-либеральной рабочей партии. Вопрос шел о том, дадим ли мы социал-шовинизму «ассимилировать» революционеров, признаем ли мы, что с социал-шовинистами возможно то или иное сожительство или мы порвем с буржуазными развратителями социализма и пойдем своей дорогой. И вот, видя такую нашу позицию, Троцкий писал, что мы «режем по живому телу пролетариата»!..

Интернационал должен быть восстановлен из старых партий на старых началах. Так проповедывал Каутский. Чем же отличался от него Троцкий? Решительно ничем, кроме фраз!

В № 5 шовинистического журнала «Современный мир» за 1915 год депутат Госуд. думы Чхенкели писал: «Сказать, что германская с.-д. была в состоянии помешать военному выступлению своей страны и этого не сделала, — значило бы или скрыто желать, чтобы она на баррикадах нашла не только свое и своего отечества последнее издыхание, или смотреть на предметы, рядом лежащие, сквозь анархический телескоп». Все это знал Троцкий. Он знал также, что в дневнике Петровского было отмечено: даже Чхеидзе говорит речи об «освободительной» войне. И тем не менее он защищал меньшевиков!

«Поведение пяти депутатов принципиально ничем не отличалось от поведения другой половины фракции» — писал Троцкий. Он отлично знал, что ликвидаторы и их думская фракция принципиально отрицали ту работу в низах, над которой завесу приподнял суд над нашими депутатами. Троцкий отлично понимал, почему царская шайка провела грань между большевистской фракцией и фракцией Чхеидзе. Тем не менее он писал, что не видит принципиального отличия в ее поведении от поведения оборонцев. Сплочение русских интернационалистов во время войны шло помимо и против троцкизма, как шло сплочение

девяти десятых сознательных рабочих под знаменем «Правды» до войны.

Какую роль сыграет мировая война в развитии русской революции и русская революция в развитии войны, — этого Троцкий тоже не понял. В статье «О двух линиях революции» Ленин подробно разоблачил меньшевистскую оценку движущих сил русской революции, дававшуюся во время войны Троцким.

Всем памятна борьба, которую вел ленинизм во время войны против каутскианства, как худшего врага революции. «В разных странах, — писал Ленин, — эта основная фальшь каутскианства проявляется в разных формах. *В России Троцкий также... отстаивает единство с оппортунистической и шовинистической группой «Нашей зари»*. В Румынии Раковский, объявляя войну оппортунизму... в то же время готов признать законность идеи защиты отечества. Все это проявление того зла, которое (сводится) к замене революционного марксизма эклектизмом в теории и к раболепству или бессилью перед оппортунизмом на практике».

Кусочек люксембургианства, добрый кусок каутскианства и целое ведро меньшевизма. Такова та мало привлекательная нищенская похлебка, какую представлял из себя троцкизм во время мировой войны.

В «Открытом письме Борису Суварину» Ленин еще в начале 1917 г. писал: «В чем я его (Троцкого) упрекал — это в том, что он слишком часто представлял в России политику «центра». Вот факты». И далее следуют две страницы убийственных для Троцкого фактов — вплоть до рассказа о центристской роли Троцкого в Циммервальде [1].

* * *

В связи с событиями на КВЖД летом 1929 года *нынешняя* роль некоторых групп «международного» троцкизма показала себя «достойной» той роли, которую троцкизм играл в свои самые худшие времена. Заграничные сторонники Троцкого (см. «Die Fahne des Kommunismus» от 19 июля 1929 г.) просто-напросто заняли место на другой *стороне баррикады*. Формально эти троцкисты продолжают занимать позицию «условного оборончества» — т. е. «согласны» защищать СССР под условием, что СССР будет вести их политику. На деле же эти люди просто помогают Чан-Кай-ши: выдвигают требование к СССР «руки прочь от Китая», пишут, будто «в настоящее время (!) Китай (т. е. Гоминдан, руководимый Чан-Кай-ши) уничтожает постепенно империалистические позиции в стране». Сторонники Троцкого пишут, что «за исключением нескольких бандитов, никто не думает теперь о войне», что «нельзя утверждать, что это выступление (захват КВЖД) обнаруживает хотя бы малейший признак антисоветского фронта». («Die Fahne des Kommunismus» от 19 июля 1929 года).

[1] См. «Пролетарская революция» № 7, 1929 г., стр. 137—138.

Сам Троцкий, выступая с полемикой против своих заграничных сторонников, еще недавно защищал свою «теорию» перманентной революции применительно к нынешнему положению в Китае. Это выглядит очень «лево». И в то же время он сотрудничает с теми заграничными троцкистами, которые на практике поддерживают Чан Кай-ши, изображая этого представителя буржуазной *контрреволюции*, как представителя буржуазно-демократической *революции* и борца против империализма. Так частенько было у Троцкого до 1917 г. Несуразно-«левая» теория на словах и правая практика на деле.

Дальше некуда итти.

Позиция, занятая почти всеми заграничными группками троцкистов в связи с событиями на КВЖД, показывает, где будут иные из этих людей во время новой войны — если только они не поспешат отрясти с ног своих прах нынешней «левизны»...

XIX. ПРОЛЕТАРИАТ У ВЛАСТИ И ПРОБЛЕМА ВОЙНЫ.

По-новому ставится проблема войны, когда пролетариат приходит к власти — хотя бы в одной стране.

Как именно встанет вопрос о войне, если пролетариат придет к власти, например, в России? Эту проблему Ленин поставил во весь рост еще осенью 1915 г., т. е. в разгар империалистской войны, когда военная мощь царизма была еще очень велика. В октябре 1915 г. для Ленина становится уже вполне несомненным, что русский царизм идет к военному краху, а Россия — к революции. 13 октября 1915 г. Ленин печатает «Несколько тезисов», в которых со всей конкретностью разрабатывает между прочим и вопрос о том, как отнесется к войне российский пролетариат, если он встанет у власти еще в ходе текущей империалистской войны.

— На вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир *всем* воюющим на условии освобождения колоний и *всех* зависимых, угнетенных и неполноправных народов. Ни Германия, ни Англия с Францией не приняли бы, при теперешних правительствах их, этого условия. Тогда мы должны были бы подготовить и повести революционную войну, т. е. не только полностью провели бы самым решительными мерами всю нашу программу-минимум, но и систематически стали бы подымать на восстание все ныне угнетенные великороссами народы, все колонии и зависимые страны Азии (Индию, Китай, Персию и пр.), а также — и в первую голову — поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы против его правительств и вопреки его социал-шовинистам. Не подлежит никакому сомнению, что победа пролетариата в России дала бы необыкновенно благоприятные условия для развития революции и в Азии и в Европе. Это доказал *даже* 1905 год. А международная солидарность революционного пролетариата есть *факт* вопреки грязной пене оппортунизма и социал-шовинизма. Эти слова кажутся теперь чем-то само собой разумеющимся. Но нужно было быть Лениным, чтобы написать их в 1915 г.

Пишущий эти строки живо вспоминает, как жившие в эмиграции меньшевики, сторонники Мартова и Аксельрода, не говоря уже о плехановцах, иронизировали по поводу этого тезиса Ленина. Вы, большевики, представляете-де маленькую кучку; ваше пораженчество является-де «безумием», за которым никогда не пойдут рабочие; вы

просто секта. И вы еще пишете тезисы по вопросу о том, что сделала бы ваша партия, если бы в ходе войны она встала у власти. Шутники! Эта опасность вам не угрожает. Вы так и останетесь маленькой группкой, мимо которой пройдет история.

Весело и «остроумно» смеялись меньшевистские филистеры над пролетарским борцом. В самом деле, их было так много в меньшевистском болоте, всех этих «уважаемых» вождей, а у Ленина в это время была только горсточка единомышленников. Так обстоит (обстояло!) дело сегодня. Ну, а что принесет с собою историческое завтра — об этом филистеры меньшевизма не привыкли думать.

И что же? Ровно через два года после того как были написаны вышеназванные тезисы Ленина, российский пролетариат сверг буржуазию, и Ленин, его признанный вождь, стоял во главе первого пролетарского правительства.

В «Открытом письме Суварину» Ленин писал еще в начале 1917 г. (до Февральской революции):

«Истинно-революционные интернационалисты количественно слабы? Это пустяки. Возьмем в качестве примера Францию 1780 года и Россию 1900 года. Сознательные и решительные революционеры, которые в первом случае были представителями буржуазии — революционного класса той эпохи — а во втором случае были представителями революционного класса настоящего времени — пролетариата, были чрезвычайно слабы количественно. Это были лишь единицы, составлявшие максимум лишь 1/10 000 или даже 1/100 000 своего класса. А спустя несколько лет эти самые единицы, это самое, якобы столь ничтожное, меньшинство повело за собой массы, миллионы и десятки миллионов людей. Почему? Потому что это меньшинство представляло действительно интересы этих масс, потому что оно верило в грядущую революцию, потому что оно было готово беззаветно ей служить» [1].

Скоро, совсем скоро история подтвердила эти слова вождя мировой революции. И как полновесно подтвердила!

До завоевания власти российским пролетариатом Ленину пришлось еще один раз формулировать свое отношение к революционной войне, которую придется повести завоевавшему власть пролетариату. Это было на апрельской 1917 г. конференции большевиков — фактически на первом легальном большевистском съезде после свержения царизма. Здесь та же мысль Ленина выражена более решительно.

«Революционный класс, который взял бы в свои руки государственную власть в России, принял бы ряд мер, подрывающих экономическое господство капиталистов, и мер, ведущих к их полному политическому обезвреживанию, и немедленно и открыто предложил бы демократический мир всем народам на основе полного отказа от каких бы то ни было аннексий и контрибуций. Эти меры и это открытое предложение мира создали бы полное доверие рабочих воюющих стран друг к другу и неизбежно привели бы к восстаниям пролетариата про-

[1] «Пролетарская революция» № 7, 1929 год, стр. 134.

тив тех империалистических правительств, которые воспротивились бы предложенному миру» [1].

Разрабатывая вопрос об империалистской войне, Ленин вместе с тем со всей подробностью разрабатывал также вопрос об «империалистическом мире», заблаговременно доказывая международному пролетариату, что мир, заключенный империалистами, неизбежно будет таить в себе семена новых войн. Уже в ходе империалистской войны до свержения царского самодержавия и в особенности после свержения его Ленин широко пропагандирует мысль о заключении мира *через голову* империалистских правительств. Если мир не будет заключен революционными пролетариями, низвергшими капиталистов, то это наверняка будет мир империалистский — сколько бы ни кричали господа буржуа и их социал-шовинистические лакеи о «демократическом мире».

И в той же резолюции апрельской 1917 г. конференции говорилось:

«эту войну можно окончить демократическим миром только посредством перехода всей государственной власти по крайней мере нескольких воюющих стран в руки класса пролетариев и полупролетариев, который действительно способен положить конец гнету капитализма».

Известно, какую гигантскую роль сыграла агитация большевиков за мир в период между Февральской и Октябрьской революциями в 1917 г. Одним из первых актов победившей диктатуры пролетариата был, как известно, декрет о мире. Лозунг «мира» — конечно не в социал-пацифистской, а в революционной, ленинской, постановке его сыграл в подготовке Октябрьской революции такую же великую роль, как лозунги «земли», «хлеба», «фабрики рабочим».

С 25 октября 1917 г. учение Ленина о войне обогащается новым разделом: пролетариат у власти и его отношение к войне.

С 25 октября 1917 г. мы — оборонцы, говорит Ленин. Теперь мы защищаем свое *социалистическое отечество* — отечество всего международного пролетариата. «Мы были пораженцами при царе, при Церетели и Чернове мы не были пораженцами... мы армию не разлагали, а говорили: держите фронт; чем скорее вы возьмете власть, тем легче его удержите». — Такова была оценка Ленина [2].

При Церетели и Чернове мы не были оборонцами, но мы не были тогда уже и пораженцами в старом смысле слова. Только что приведенные слова Ленина относились к чрезвычайно своеобразному, исключительному и короткому моменту, когда буржуазно-демократическая революция не по дням, а по часам «перерастала» в социалистическую, когда ясно было, что уже завтра отечество будет социалистическим, когда Россия быстрыми шагами шла к 25 октября, когда новые большие победы германских войск и вторжение их в революционную Россию

---

[1] См. резолюцию апрельской 1917 г. конференции о войне.
[2] *Ленин*, Собр. соч., т. XV, стр. 180.

могли скорей задержать «перерастание» буржуазно-демократической революции в социалистическую, когда за счет русской революции могла быть заключена какая-либо сделка между Вильгельмом II и империалистами Антанты (в том числе «социалистами» типа Церетели, Чернова, Керенского), когда Ленин прямо опасался, что шайка вокруг Керенского сдаст немцам не только Ригу, но и Питер.

В течение этого короткого переходного периода от «России Церетели и Чернова» до России советской нужен был целый ряд особых своеобразных приемов агитации. 25 октября 1917 г. переворачивается страница истории. С 25 октября 1917 г. мы, защищая социалистическое отечество, защищаем интересы русского и мирового пролетариата.

«Мы вправе ожидать помощи от нашего союзника, пролетариата всех стран, который не может не понять, что мы теперь стали оборонцами, но — оборонцами, защищающими позиции социализма» [1].

С 25 октября 1917 г. ленинское учение о войне выдвигает и разрешает новые проблемы.

1. Можно ли уступить в пространстве, чтобы выиграть во времени? Да, можно! Не только можно, но и *должно*, отвечает Ленин. И он защищает тактику Брестского мира, выдвигая «теорию передышки», отстаивая ее против тех, кто не понял сразу, что в сложившейся тогда обстановке это был единственный путь спасения пролетарской революции в России.

2. Может ли первое, только что родившееся, социалистическое государство хоть на миг использовать военную схватку между двумя группами всемирных разбойников-империалистов? Может ли оно, лавируя и отступая, эпизодически войти в то или другое военное «соглашение» с одной стороной против другой? Да, может, да, должно! отвечает Ленин. «Прошу присоединить мой голос за взятие помощи у разбойников англо-французского империализма» (Ленин) против германских разбойников. Первая страна пролетарской диктатуры, попавшая в такое затруднительное положение, как Советская Россия, на рубежах которой стояли империалистские войска, готовые задушить ее в минуту, не только имеет право, но *обязана* использовать разногласия между двумя группами империалистов, *оставаясь, разумеется, верной своим собственным целям, своему собственному знамени международного социализма.*

3. Может ли пролетарская страна давать концессии иностранным капиталистам, торговать с ними, платить известную «дань» иностранным капиталистам, чтобы укрепить свое положение и выждать подхода новых пролетарских сил из других стран? Да, может, да, должна! «Вся возможность социалистического строительства зависит от того, сумеем ли мы в течение известного переходного времени выплатой некоторой дани иностранному капиталу защитить свою внутреннюю экономическую самостоятельность» [2].

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XV, стр. 169.
[2] Там же, стр. 189.

4. Может ли пролетарская страна в своей международной политике более длительно использовать противоречия между двумя буржуазными государствами или двумя (и более) группами буржуазных государств?

Может и должна!

«Пока мы не завоевали всего мира, пока мы остаемся, с точки зрения экономической и военной, слабее, чем остальной капиталистический мир, до тех пор надо держаться правила: надо уметь использовать противоречия и противоположности между империалистами. Если бы мы этого правила не держались, мы давно, к удовольствию капиталистов, висели бы все на разных осинах» [1].

Дурачки социал-патриоты в начале наших сношений с буржуазным миром видели нашу «гибель» в том, что мы начали торговать с иностранными капиталистами. Например, «марксист» Спарго, которого Ленин называл «американским Алексинским». А Ленин отвечал: верно обратное; лучшего доказательства и моральной и материальной нашей победы над капиталистами всего мира нельзя и подыскать, как то, что державы, ополчившиеся было на нас войной, «и за наш террор и за весь наш строй, вынуждены, вопреки желанию, вступить на путь торговых сношений, зная, что этим они укрепляют нас» [2].

5. В состоянии ли пролетарское государство, пользуясь передышкой, поднять свое хозяйство, догнать и перегнать буржуазные страны хозяйственно, развить индустриализацию, устремиться на всех парах вперед?

Да, в состоянии! Да, при правильной политике сможет. И на эту цель должно быть устремлено внимание пролетарской партии, раз она вырвалась из империалистской войны. Капиталисты больше всего ловят наши *хозяйственные* ошибки. «На этом поприще борьба перенесена во всемирном масштабе.

Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно. *Поэтому*, вопросы хозяйственного строительства приобретают для нас значение совершенно исключительное» [3].

Марксизм учит тому, что в современной войне экономическая организация имеет решающее значение. «Ссылаются постоянно на героический патриотизм и чудеса военной доблести французов в 1792—1793 гг. Но забывают о материальных историко-экономических условиях, которые только и сделали эти чудеса возможными... Нельзя сделать страну обороноспособной без величайшего героизма народа, осуществляющего смело, решительно великие экономические преобразования» [4].

И отсюда великий лозунг Ленина: «либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также экономически».

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XVII, стр. 383.
[2] *Ленин*, Собр. соч., т. XVIII, II, стр. 192.
[3] *Ленин*, Собр. соч., т. XVIII, I, стр. 260—261.
[4] *Ленин*, Собр. соч., т. XIV, II, стр. 211—212.

Ленин ставит этот вопрос альтернативно. Но сам-то он твердо убежден, что наша цель осуществима. «Это *возможно*, ибо перед нами лежит готовый опыт большого числа передовых стран, готовые результаты техники и культуры. Нам оказывает моральную поддержку растущий протест против войны в Европе, атмосфера нарастающей всемирной рабочей революции» [1]. Эти слова были написаны незадолго *до* Октябрьской революции. Но они имеют в виду именно ту эпоху, когда наш пролетариат окажется у власти. И они остались в силе для рабочего класса СССР и его партии и останутся — впредь до того времени, когда великая цель, поставленная Лениным и ныне успешно осуществляемая нашей партией, будет достигнута целиком.

6. И в то же время: может ли страна пролетарской диктатуры, при известных условиях, помогать вооруженной силой пролетариям других стран, задавленным еще капитализмом, или угнетенным народам колоний и полуколоний, терзаемым империалистами? Может ли страна пролетарской диктатуры «нести на штыках» свободу и социализм в другие страны? Да, может, да, должна!

«Если бы мы теперь, окруженные такими постоянно активно-враждебными нам силами, должны были дать зарок, как нам это предлагают, что мы никогда не приступим к известным действиям, которые в военно-стратегическом отношении могут оказаться наступательными, то мы были бы не только глупцами, но и преступниками», говорит Ленин, полемизируя с Мартовым на VIII съезде советов.

Разумеется, «нести на штыках» свободу и социализм в ту или другую страну можно только — состоя в тесной связи с революционным классом данной страны, идя рука об руку с ним, т. е. при таких условиях, когда трудящиеся массы обеих стран действительно воспринимают «вмешательство», как братскую помощь. Политика международного пролетариата в этих вопросах должна быть тем строже, тем бдительнее, что попытками насилия, захвата, закабаления под видом «освобождения» полна история, — в частности история империалистской войны 1914—1918 гг.

Наши (коммунистов) войны, даже если они в военно-стратегическом отношении окажутся наступательными, будут в историческом смысле оборонительными, справедливыми войнами. Энгельс был совершенно прав, когда в своем письме к Каутскому от 12 сентября 1882 г. прямо признавал возможность «оборонительных войн» уже победившего социалистического пролетариата. Он имел в виду именно оборону победившего пролетариата против буржуазии других стран [2].

Сколько копий было сломано вокруг первого из приведенных тезисов — вокруг брестской тактики Ленина! На этот счет написаны целые томы. Мы можем здесь на этом вопросе не останавливаться слишком подробно. Ленинская теория передышки была основана на глубоком проникновении в то международное соотношение сил, которое создава-

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. II, стр. 213.

[2] *Ленин*, Военная программа пролетарской революции, Записки Института Ленина, № 2, стр. 7.

лось на мировой арене, когда империалистская война шла к концу и начиналась расплата за мировую бойню. Нужна была углубленная оценка действительных сил противника и своих собственных сил — причем оценка этих сил не статическая, а динамическая — чтобы во-время увидеть: история *может* дать первой пролетарской революции длительную передышку, если советская власть пойдет на брестскую уступку. Выигрыш во времени в эту стадию пролетарской революции был все. Проиграть в пространстве, чтобы выиграть во времени, было нисколько не страшно пролетарской революции в такой стране, как Россия, — стране с необъятной территорией, с крестьянским большинством населения, чрезвычайно уставшим от тягот империалистской войны, с пролетариатом, который представлял сравнительно тонкую прослойку в стране и не собрался еще достаточно с силами, чтобы как следует подготовиться и стать во главе революционной войны. Уступить в пространстве, чтобы выиграть во времени, было нисколько не страшно советской стране. Весь вопрос заключался только в том, осуществимо ли это предприятие. Оно оказалось осуществимым. Громадному моральному авторитету Ленина удалось преодолеть все внутренние препятствия, стоявшие на пути тактике передышки. Несколько советских революций — в Венгрии, в Финляндии, в Латвии, в Эстляндии — не удержались именно потому, что, в силу сложившихся обстоятельств, им не было дано пойти по линии «уступить в пространстве, чтобы выиграть во времени».

Законченная теория передышки не могла быть создана Марксом и Энгельсом. (Хотя в эмбрионе ее можно найти в работах творцов научного коммунизма.) В тот период, когда они жили и действовали, и самый этот вопрос не возникал и не мог возникнуть у представителей пролетариата в таком конкретном виде, в каком он возник в пору Бреста. Эту теорию мог создать только Ленин, который выступил уже не только теоретиком пролетарской революции, но и ее практическим вождем. Но создал ее Ленин, опираясь на учение марксизма.

И опять-таки, сколько издевательств, насмешек и поношений пришлось выдержать большевизму! В начале брестской полосы, в момент, когда Ленин открыто выступил за необходимость подписания тяжелого, архитяжелого мира, вся мелкобуржуазная муть поднялась со дна. Все предрассудки мелкобуржуазного патриотизма были мобилизованы против пролетарских революционеров, все силы буржуазии антантовского лагеря, со всеми их социал-шовинистскими прихлебателями, вся сила русской буржуазии и мелкой буржуазии, все негодование искренних «социалистов чувства», все колебания неустойчивых революционеров, вплоть до «левых» в нашей собственной партии — все это было мобилизовано против ленинской тактики передышки. Но эта тактика оправдалась именно потому, что она основана была на теории марксизма. Громадным счастьем для российского да и всего международного пролетариата оказалось то, что правильность брестской тактики смогла быть исчерпывающим образом проверена в течение сравнительно короткого срока. Не всегда ход истории так любезен к пролетарским рево-

люционерам, что дает им уже в течение кратчайшего срока возможность проверить тот или другой их важный тактический шаг. Марксу и Энгельсу иногда приходилось десятилетиями ждать проверки той или иной их тактической установки. Ленину самому пришлось ждать в течение полутора десятилетий проверки некоторых его установок, данных еще накануне 1905 г. Но с 1917 г. бег истории стал куда быстрее. Ленинская теория передышки блестяще подтвердилась в течение короткого времени. Она оказалась благотворной и поистине спасительной для пролетарской революции в России. Нет никаких сомнений в том, что она еще сыграет не малую роль в дальнейших революциях пролетариата.

* * *

Но вот гражданская война окончена! Советское государство изгнало со своей территории последнего солдата враждебных армий. Первая полоса войн завершена. Но СССР живет в буржуазном окружении. Вождь мирового пролетариата Ленин не перестает и теперь думать об опасностях войны. Первое государство пролетарской диктатуры отбилось от своих врагов. Три с лишком года оно в жестокой схватке билось на всех фронтах. Значит ли это, что теперь война кончена навсегда? Нет, не значит.

«...История учит нас, что ни один крупный вопрос, ни одна революция не решилась иначе, как в ряде войн... Надо быть готовыми к тому, что при малейшем изменении положения империалистические хищники снова направятся на нас. Надо быть готовыми к этому. Для этого прежде всего надо восстановить хозяйство, надо прочно поставить его на ноги. Без оборудования его, без машин из капиталистических стран сделать этого скоро нельзя...» [1].

«...Вопрос стоит именно так: долгий ряд войн до сих пор решал судьбу всех революций, всех величайших революций. Такой величайшей революцией является и наша революция. Мы кончили одну полосу войн, мы должны готовиться ко второй...»

«...Если мы из этой первой полосы войн могли выйти, то из второй полосы войн мы не выйдем так легко... Надо, чтобы эту несомненную истину каждый беспартийный крестьянин понял» [2].

«Меня упрекали (меньшевики) в том, что я выдвинул новую теорию о предстоящей новой полосе войн. Мне не нужно заходить далеко в историю, чтобы показать, на чем основаны были мои слова. Мы только что покончили с Врангелем... Кто забудет о постоянно грозящей нам опасности, которая не прекратится, пока существует мировой империализм, — кто забудет об этом, тот забудет о нашей трудовой республике» [3].

Эти заявления Ленина имеют не преходящее, а коренное значение. Их действительно должен знать и помнить каждый рабочий, «каждый

[1] VIII Всероссийский съезд советов, стр. 14.
[2] Там же, стр. 20—21.
[3] Там же, стр. 24.

беспартийный крестьянин». В сущности говоря, эти тезисы Ленина и лежат в основе всех дальнейших оценок Коммунистического Интернационала — вплоть до оценок, принятых на VI конгрессе Коминтерна.

К 1921 г. в начале введения нэпа, Ленин дополняет свою оценку международного положения новыми штрихами.

«...В настоящее время международное положение таково, что какое-то временное, неустойчивое, но все-таки равновесие установилось» [1].

«...Я не затрагиваю экономической основы, но я думаю, что в международном положении нашей республики политически приходится считаться с тем фактом, что бесспорно теперь наступило известное равновесие сил, которые вели между собою открытую борьбу с оружием в руках за господство того или другого руководящего класса, — равновесие между членами буржуазного общества, международной буржуазией в целом, с одной стороны, и Советской Россией — с другой. Но, конечно, равновесие лишь в ограниченном смысле. Только в отношении этой военной борьбы я утверждаю, что наступило известное равновесие в международном положении. Конечно, необходимо подчеркнуть, что речь идет лишь об относительном равновесии, о весьма неустойчивом равновесии. В капиталистических странах накопилось много горючего материала, точно так же, как и в тех странах, которые до сих пор рассматривались лишь как объекты, а не субъекты истории, т. е. колониальных и полуколониальных; вполне возможно поэтому, что в этих странах, рано или поздно, совершенно неожиданно вспыхнут революционные восстания, великие бои и революции» [2].

«...Мы имеем перед собой в высшей степени неустойчивое, но все же несомненное, неоспоримое, известное равновесие. Надолго ли это, — не знаю и думаю, что этого знать нельзя. И поэтому с нашей стороны нужна величайшая осторожность» [3].

Эти заявления нисколько не снимают с очереди и не ослабляют того, что говорил Ленин в 1920 г. о неизбежности второй полосы войн. Уже в 1921 г. Ленин видел наступающую полосу частичной «стабилизации», частичного равновесия. Надолго ли? «Не знаю и думаю, что этого нельзя знать». Поэтому лозунг: «величайшая осторожность».

К вопросу о возможности новой полосы войн Ленин вновь подходит незадолго до своей смерти в известной статье: «Лучше меньше да лучше», составляющей важнейшую часть политического завещания Ленина (ср. главу: «Кое-что о международном положении» в третьей части нашей книги).

Первая передышка, завоеванная нашим пролетарским государством в 1918 г. (Брестский мир), превратилась после нескольких лет гражданской войны в целую *полосу передышки*. Пролетарское государство смелой и умелой рукой повело политику мира, давшую уже сейчас серьезные результаты. Пролетарское государство сделает и дальше все, что возможно, для того чтобы продлить период передышки. Но

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 282.
[2] Там же, стр. 319.
[3] Там же, стр. 425.

пролетарское государство, верное заветам Ленина, знает прекрасно, что мировая революция есть целая длительная эпоха борьбы, в течение которой революционные подъемы неизбежно чередуются с контрреволюционными судорогами. Пролетарское государство не может забыть, что вторая полоса войн может при неблагоприятных обстоятельствах оказаться не столь отдаленной во времени.

Частичная стабилизация капитализма, через период которой мы ныне проходим, в условиях непрерывно растущих противоречий сейчас имеет своим политическим последствием такую «контрреволюционную судорогу», которая может кончиться новой войной или новыми войнами. Если раньше капиталистическая экспансия приводила к тому, что в борьбе за рынки, в борьбе за раздел мира две группы империалистических держав вцеплялись в горло *друг другу*, то теперь дело при известных условиях может пойти иначе. Теперь у конкурирующих друг с другом групп империалистических государств имеется общий противник: это — мы, это — Союз Советских Социалистических Республик, быстро подымающийся хозяйственно, имеющий уже серьезные завоевания в области социалистического строительства.

Вожди так называемой «мировой» социал-демократии обвиняют международный коммунизм в том, будто его главной ставкой является ставка на войну. Находятся и в лагере коммунистов простаки — а чаще оппортунисты, — которые считают, будто революция и в самом деле может родиться только из войны. Удивительней всего то, что такие люди решаются утверждать, будто таково было мнение Ленина.

Это совершенно неверно.

Коммунисты ставят главную ставку на новые пролетарские революции, которые должны *предотвратить* новые империалистские войны. Но это нисколько не исключает, разумеется, того, что новые войны — если они не будут предотвращены новыми пролетарскими революциями — ускорят пролетарские революции, кои зреют во всем мире.

Превращение империалистской войны в гражданскую! — раз война уже возникла. Это — ясно. Но сейчас перед нами стоит другая задача: *предотвращение* войны, пока она не началась.

Советы завоевали $^1/_6$ земной суши, более 10 лет победоносно развивается диктатура пролетариата в СССР. Почти во всех странах света созданы коммунистические партии. Опираясь на это и опираясь также — что очень важно — на опыт сотен миллионов людей, еще недавно переживших ужасы первой всемирной империалистской бойни, коммунисты должны теперь прежде всего сделать все, чтобы попытаться *предотвратить* новую империалистскую войну. Сначала — попытка *предотвращения* империалистской войны; если же она, вопреки нашим усилиям, возникнет, тогда — *превращение* ее в гражданскую войну.

А как можем мы предотвратить новую войну?

Важнейшим средством для этого является революционное просвещение масс, организация международного пролетариата под руководством Коминтерна. Пути борьбы пролетарского государства в буржуазном окружении указаны Лениным. Не забывать о материальных

историко-экономических условиях, которые только и делают «чудеса» возможными. Помнить, что «нельзя делать страну обороноспособной без величайшего героизма народа, осуществляющего смело, решительно великие экономические преобразования». На этом пути и стоит наша партия, поставившая вопрос об индустриализации СССР и выкорчевывании корней капитализма как задачу всех задач.

Наилучшим исходом для всего человечества было бы, если бы европейская революция упредила новую империалистскую войну. На это и должна быть направлена вся наша политика. Это был бы самый экономный, самый «мирный» (не в пацифистском, а в революционном смысле) исход.

Во всяком случае наш величайший революционный интерес: оттянуть войну как можно дальше, противодействуя ей всеми силами. После империалистской войны, истощившей народы, после гражданской войны у нас, нанесшей такие тяжелые удары хозяйству страны, мир есть необходимейшее условие как нашего социалистического роста, так и подготовки и укрепления коммунистических партий в других странах. Чем позже империализм обрушит на нас войну, тем более крепкими окажемся мы, как СССР, и весь мировой пролетариат вместе с нами.

Уже по одному этому мы кровно заинтересованы в мире, в его сохранении и его упрочении. Уже по одному этому наша партия искренно борется за мир. Уже по одному этому, вопреки подлой лжи социал-демократии, нам чужда политика войн.

Основной интерес СССР и в данном случае, как и во всех других, совпадает с основным интересом всего мирового пролетариата. Ведя политику мира, мы отстаиваем интересы всего международного пролетариата.

Именно такая политика *предотвращения* войны поможет — если война все-таки нагрянет на нас — политике *превращения* войны в гражданскую войну: чем яснее народ увидит, что именно мы делаем все, чтобы предотвратить войну, тем успешнее сумеем мы превратить новую империалистскую войну в гражданскую, если буржуазии, вопреки нашим усилиям, удастся вызвать новую империалистскую войну. То же будет, если группа буржуазных государств попытается обрушить новую войну на голову СССР.

Опыт 1914—1918 гг. еще свеж в памяти сотен миллионов людей. Вести новую войну пришлось бы сейчас еще в значительной мере тому же поколению людей (плюс подросшая революционная молодежь). Вождям буржуазии и социал-демократии нелегко будет вновь обмануть это поколение. Именно поэтому они прибегнут к особенно большим гнусностям, подделкам и фальсификациям раньше, чем начать войну.

Зная это, мы должны быть настороже.

«Надо объяснить людям, — писал Ильич в декабре 1922 г., — реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается, и как беспомощна обычная организация рабочих, хотя и называющая себя революционной, перед лицом действительно надвигающейся войны».

Готовиться надо к худшему. «Коммунистическая пресса в большинстве стран, наверное, осрамится тоже» [1]. Надо заранее разбирать софизмы буржуазной прессы. Надо создавать нелегальную организацию «для длительной работы против войны» [2].

Надо всеми силами бороться за мир, против войны. Но если война пришла, тогда «бойкот войны» — глупая фраза. Коммунисты должны итти на любую реакционную войну (Ленин). Итти, чтобы превратить ее в войну против буржуазии, в войну гражданскую.

И если буржуазия навяжет нам войну, большевики всего мира, подлинные последователи Ленина, будут действовать так, как учил Ленин в его «гаагской» инструкции, как учил и учит Коминтерн.

---

[1] *Ленин*, Инструкция в Гаагу, декабрь, 1922 г.
[2] Там же.

XX. ВЕРНО ЛИ, ЧТО НОВЫЕ РЕВОЛЮЦИИ НЕВОЗМОЖНЫ БЕЗ ВОЙНЫ.

Верно ли, будто Ленин считал, что новые революции вообще невозможны без войны? Верно ли, что, оценивая положение вещей в своих последних произведениях перед смертью, Ильич связывал следующий революционный взрыв «непосредственно» с грядущей войной? [1]

Это вопрос в высшей степени важный; это один из узловых вопросов всей тактики ленинизма.

Ни Маркс ни Ленин никогда не считали, что революция рождается *только* из войны. Они только считали, что некоторые войны при известных обстоятельствах являются *ускорителями* революционного развития. Движущие силы всякой революции — это классовые противоречия, классовая борьба. Война есть продолжение политики только другими средствами. Войны при известных обстоятельствах могут в известных странах *ускорить* революцию. Но порождают революцию — противоречия между классами, борьба классов.

В таком ответственном документе, как ленинские тезисы «Социалистическая революция и право наций на самоопределение», Ленин в 1916 г. писал так:

«*Социалистическая революция может разгореться не только из-за крупной стачки, или уличной демонстрации, или голодного бунта, или военного восстания, или колониального мятежа, — но и из-за любого политического кризиса вроде дела Дрейфуса, или Цабернского инцидента, или в связи с референдумом по вопросу об отделении угнетенных наций и т. п.*» [2].

Вот программное заявление Ленина, не оставляющее места никаким кривоистолкованиям. На это заявление ссылался Ленин и во время III конгресса Коминтерна в комиссии, вырабатывавшей тактическую резолюцию. Этой мыслью целиком проникнута тактическая резолюция III конгресса, в составлении которой Ленин принимал руководящее участие.

Социалистическая революция, — говорил, таким образом, Ленин, — может начаться *не только* из военного восстания или колониального мятежа, но из крупной стачки, из политического кризиса вроде дела Дрейфуса и т. д. и т. п.

---

[1] См. *Н. И. Бухарин*, Политическое завещание Ленина, 1929 г., стр. 12.
[2] *Ленин*, т. XIX, стр. 170.

Чем ближе надвигалось подлинное начало пролетарской революции, тем напряженней думал Ленин о том, каким именно будет *конкретный ход* этой революции. Как в 1905 г. на III съезде партии накануне первой буржуазно-демократической революции в России Ленин напряженнее всего думал о том, какой же именно будет *конкретный ход* этой революции, каковы будут *конкретные формы* движения (соединение всеобщей стачки с вооруженным восстанием и т. п.),— так накануне 1917 г. Ленин все глубже задумывался именно над вопросом о том, каковы будут конкретные формы развития революции социалистической.

Войны угнетенных наций, восстания в колониях, перерастающие в революционные войны, войны империалистов между собой — все это, разумеется, играло крупнейшую роль в построениях Ленина. Но ни в коем случае в этих классических определениях Ленина нельзя найти той «мысли», будто революции возможны *только* в связи с войной.

Война есть продолжение политики. Империалистские войны суть продолжение империалистской политики. Эти войны являются важнейшим показателем того, что растут классовые противоречия в национальном и интернациональном масштабе, что обостряется борьба во всем мире, что тесно производительным силам в национальных рамках, что быстро катится капитализм к гибели.

Империалистские войны самым фактом того, что они имеют место, доказывают, что империализм действительно есть последняя стадия капитализма. Империалистские войны сигнализируют быстрое приближение краха капитализма. Развитие пролетарских революций, которые не могут не закончиться экспроприацией капиталистов, неизбежно. Но причина пролетарских революций не только в империалистских войнах. Напротив, сами империалистские войны являются производным от классовой борьбы.

Ленин насквозь диалектик. Ленинские формулировки всегда дышат жизнью. От них пахнет землей. Ленин берет всю сумму явлений в целом. Ленин показывает нам действительное нарастание пролетарских революций в результате сочетания *целого ряда* факторов. Войне среди этих факторов принадлежит не последнее место — *но далеко не единственное.*

Война при известных обстоятельствах становится величайшим *ускорителем* революционного движения.

Наиболее наглядным примером этого можно было взять роль империалистской войны в русских революциях 1917 г.

Назревание революционного кризиса в России с 1912 г. шло с громадной быстротой. В 1914 г. революционный подъем в России достиг уже очень большой интенсивности. Совсем незадолго до объявления войны дело доходит уже в Питере до баррикад. Война сначала на время *задержала* дальнейший революционный подъем, но зато потом в чрезвычайной мере *ускорила* революционное развитие в России. В 1917 г. в России разразилась *первая* из больших революций во время войны — именно потому, что уже в 1914 г. Россия

была ближе всего к революции; именно потому, что Россия была беременна революцией.

Такова живая диалектика, которая не мирится со схоластикой. Ленин впоследствии указывал (в «Детской болезни левизны») на то, что четыре фактора, четыре «специфических условия», как выражался Ленин, помогли России *первой* начать социалистическую революцию:

I) возможность соединить советский переворот с окончанием благодаря ему империалистской войны, невероятно измучившей рабочих и крестьян;

II) возможность использовать на известное время смертельную борьбу двух всемирно могущественных групп империалистских хищников;

III) возможность выдержать сравнительно долгую гражданскую войну, отчасти благодаря гигантским размерам страны и худым средствам сообщения;

IV) наличность такого глубокого буржуазно-демократического революционного движения в крестьянстве, что партия пролетариата взяла революционные требования у партии крестьян... и сразу осуществила их благодаря завоеванию политической власти пролетариатом [1].

Империалистская война играет в этом анализе Ленина не маленькую роль — но *вовсе не исчерпывающую*. Ленин берет историческое подготовление русской революции во всей его многосложности и многоцветности. В таком подлинно ленинском анализе нет ни грани схоластики.

В той же «Детской болезни» Ленин в классической форме изображает нам, каковы те условия, которые необходимы для революции. Это одно из самых замечательнейших мест в одном из самых замечательнейших произведений Ленина. Ленин формулирует то, что он называет «основным законом революции». Он говорит:

«Основной закон революции, подтвержденный всеми революциями и, в частности, всеми тремя русскими революциями в XX в., состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплоатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплоататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда *«низы» не хотят* старого и когда «верхи» *не могут по-старому*, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплоатируемых и эксплоататоров затрагивающего) кризиса» [2].

Перечисляя, так сказать, «обязательные», конститутивные признаки революции, Ленин отнюдь не говорит здесь, что даже в числе ряда других признаков *обязательной* является война. Ленинская формулировка «основного закона революции», разумеется, *отнюдь не исключает* наличие войны, *отнюдь не исключает* (а предполагает), что при известных обстоятельствах война может послужить громадным *уско-*

---

[1] *Ленин*, т. XVII, стр. 153.
[2] Там же, стр. 172.

рителем революции. Но нигде у Ленина вы не найдете и намека на то, что *только* из войны может вырасти революция, что только в связи с войной может начаться революция.

Большевизм вошел в империалистскую войну 1914 г. с лозунгом демократической диктатуры пролетариата и крестьянства для России. Большевизм к концу войны провозгласил *социалистическую* революцию и для России. Роль империалистской войны *не только как ускорителя, но и «углубителя»* революции здесь очевидна.

И в 1905 г. Ленин, разумеется, отнюдь не проповедывал «самоограничение» революции, как это ему приписывали одно время все меньшевики, вплоть до тогдашнего меньшевика Троцкого. Ленин знал, что ровно в меру своих сил, в меру сил рабочего класса победоносная демократическая революция в России будет подвигаться к социалистическому перевороту в России, к развязыванию международной пролетарской революции. Это подразумевалось само собой и в 1914 г. в начале империалистской войны, когда *для России* Ленин выдвигал попрежнему для начала лишь программу демократической революции. Но именно изменившееся мировое положение, в частности, изменившееся положение внутри России, в ходе империалистской войны *ускорило* приближение *социалистического* переворота в России и привело к тому, что перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую совершилось в России в течение 9 месяцев — с февраля по октябрь 1917 г.

В той же «Детской болезни левизны» Ленин анализирует не только положение в России, но и положение *в Англии*. Он говорит: «В Англии... явно нарастают оба условия успешной пролетарской революции» (т. XVII, 173), т. е. и то, что *низы* не хотят старого, а *верхи* не могут по-старому. Что в Англии нарастают «оба условия успешной пролетарской революции»,—это написано Лениным в 1920 г., когда ни о какой войне, в которой решались бы судьбы Англии, не было и речи. Всеобщая забастовка в Англии в 1926 г. могла сыграть гигантскую, прямо-таки решающую, роль в деле *ускорения* революции в Англии. А ведь ни о какой войне в 1926 г. не было и речи. В настоящее время развитие стачечного движения в Индии внушает серьезные надежды на значительное ускорение революционных процессов в Индии. А что означала бы революция в Индии для революции в Англии!

Революционное восстание в Индии вызвало бы, конечно, со стороны Англии попытки «усмирить» это восстание кровью и железом. И тем не менее такой вариант развития революции в Англии отнюдь не похож на схоластический антидиалектический тезис: революция может родиться *только* из войны.

Марксизм ничего общего не имеет с пацифизмом. Марксизм знает, что бывают войны и войны. Марксизм, разумеется, ни на минуту не зарекается от того, чтобы использовать в интересах угнетенных классов ту или другую войну рабовладельцев между собою, а тем более, чтобы поднять наемных рабов против рабовладельцев, пользуясь лю-

бой войной. Марксизм ни на минуту не зарекается от революционных войн, когда к этому создаются необходимые исторические предпосылки. Напротив, марксизм открыто говорит о неизбежности революционных войн. Но сказать «революция может родиться только из войны» — это значит быть *пацифистом наизнанку*; это значит в нынешней обстановке подать палец оппортунизму. Оппортунизм возьмет всю руку.

* * *

Большевики говорят, что эпоха, в которой мы живем, есть эпоха войн и революций. И правильно говорят. Возьмем истекшее десятилетие со дня окончания мировой войны. Это десятилетие изображают как десятилетие «мирного» развития капитализма. Оно действительно «мирное» по сравнению с 1914—1918 гг., когда кровь лилась рекой, когда на полях империалистской бойни гибли миллионы, когда сжигались села и города и опустошались целые области. Но если сравнить это десятилетие (1918—1928 гг.) с десятилетием, скажем, довоенным (1904—1914 гг.), то станет ясно, каков «мирный» характер десятилетия, истекшего со времени окончания мировой войны. В течение десятилетия 1918—1928 гг. мы видели ряд войн, во всяком случае, ряд крупных военных столкновений не только в Европе, но и в Азии, в Африке, в Америке. Небольшой и очень неполный перечень больших и малых схваток, имевших место за это время, будет достаточно убедителен.

ЕВРОПА. Борьба Германии с Польшей из-за Верхней Силезии. Вооруженная оккупация Рура и так называемое пассивное сопротивление в 1923 г. Захват Польшей Виленщины и бесконечная цепь вооруженных пограничных столкновений между Польшей и Литвой. Захват Италией провинции Фиуме, Итало-греческий конфликт. Греко-турецкая война, т. е. на деле англо-турецкая война. Балканская вооруженная борьба из-за территорий. Захват Румынией ряда земель, входящих в бывшую Австро-Венгрию.

АЗИЯ. Гражданская война в Китае и интервенция империалистов, с неоднократным разгромом ряда китайских городов английскими и другими военными судами. Война Франции в Сирии и т. п.

АФРИКА. Войны в Марокко.

АМЕРИКА. Соединенные штаты и Мексика. Соединенные штаты — Никарагуа, Боливия, Парагвай и ряд других.

Мы не говорим уже о величайшей гражданской войне в СССР и о внешней войне против СССР, в которой участвовало, как известно, не менее чем 14 государств. Не говорим уже о войне белой Польши против советов в 1920 г. и т. д.

Каков же итог? В течение последнего «мирного» десятилетия мы были свидетелями ряда военных столкновений почти во всех частях земного шара, ряда колониальных войн, ряда войн против пролетарского государства, ряда схваток между буржуазными государствами. И это — в эпоху вильсонизма, Лиги наций и пр.

Не может быть ни малейшего сомнения в том, что именно в течение этого «мирного» десятилетия 1918—1928 гг. завязаны десятки новых узлов будущих войн. Характерная черта так называемого «третьего периода» в том и заключается, что мировые противоречия обостряются и приближение новой войны идет на всех парах.

Все чаще и чаще в порядке «внезапности» мир узнает о том или другом военном договоре, заключенном между буржуазными странами друг против друга. Договор Англии с Францией, договор Франции с Бельгией, ряд договоров пограничных с СССР государств — договоров, заключенных под протекторатом англо-французского империализма. Но это еще далеко не все. Самыми опасными договорами являются те *тайные* договоры, которые несомненно заключаются в изобилии именно против СССР. Против нашего же государства заключается ряд более или менее явных военных договоров.

И в то же время в течение «мирного» десятилетия 1917—1927 гг. мы были свидетелями следующих революционных событий:

1917 г. — две революции в России.
1918 » — революция в Германии, Австрии, на Балканах; советская власть в Финляндии.
1919 » — советская власть в Венгрии и Баварии; спартаковское восстание в Германии.
1920 » — национальная революция в Турции; захват фабрик и заводов рабочими в Италии.
1921 » — мартовское восстание в Германии.
1923 » — восстание в Болгарии; революционные события в Германии.
1925 » — восстание в Эстонии, Сирии и Марокко.
1926—1927 гг. — революция в Китае, всеобщая забастовка в Англии, восстание в Вене.

В 1928—1929 гг. — особенно ясно намечается революционный подъем в Индии и Германии.

Мы живем в эпоху войн и революций — что вовсе не означает, что все революции обязательно побеждают сразу, а все конфликты между государствами обязательно сразу выливаются в войны.

Мы живем в эпоху войн и революций. В истории не раз бывало, что война ускоряла революционное развитие, а революция в свою очередь приводила к новым войнам. Да и сами войны не раз меняли, так сказать, «на-ходу» свой характер. В своих замечательных работах военного периода Ленин приводит несколько блестящих исторических примеров *диалектического превращения одной войны в другую*.

Эти образчики ленинской диалектики должны мы изучать и изучать.

Когда мы, ученики Ленина, вслед за ним говорим, что мы живем в эпоху войн и революций — это отнюдь не значит, что революция может родиться только из войны. Революция может родиться из большой стачки, — говорил Ленин в 1916 г. Революция *могла* родиться

из большой стачки, из всеобщей забастовки в такой стране, как Англия — в 1926 г., через десять лет после того, как Ленин сказал приведенные выше слова. Революция в Англии может родиться из всеобщей стачки, перерастающей в восстание — в Индии. А кто решится сказать, что революция в Германии не возможна без войны? Разве из событий *того типа*, которыми сопровождалась маевка 1929 г. в Берлине, не может родиться революция? Кто решится сказать, что революция в Италии — когда фашизм окончательно сгниет — невозможна будет без войны? Кто решится сказать, что революция в Балканских государствах невозможна без войны?

Каждая из таких революций, несомненно, может вызвать и вероятнее всего вызовет новые войны. Поэтому мы и говорим, что мы живем в эпоху войн и революций. Поэтому мы и видим теперь, как облекаются плотью и кровью пророческие слова Ленина о том, из каких струй «складывается» великая река мировой пролетарской революции. Но свести ленинское учение о войне и революции к тому, что революция невозможна без войны, — значит обкарнать, окургузить учение Ленина, значит извратить его в оппортунистическом духе.

Почему в оппортунистическом? Потому что сказать, что революция родится *только* из войны, на деле значит «немножечко» «откладывать» революцию до войны, немножечко потакать тем, кто хочет снять «неурезанные» лозунги большевизма, т. е. всем правым в Коминтерне.

Да, и социал-демократическим вождям этого только и нужно! Ведь главный «социальный заказ», который ныне получают социал-демократические вожди от своих хозяев, капиталистов, заключается в том, чтобы «доказать»: коммунисты ставят-де ставку на новую войну. Посеять это подозрение в рабочих массах *крайне необходимо* капиталистам, ибо они-то на всех парах готовят войну против СССР. Вожди II Интернационала рисуют ведь весь большевизм как «продукт войны». Неправильную по существу оппортунистическую формулировку они, поэтому, постараются использовать в войне.

Владимир Ильич «связывал следующий революционный взрыв *непосредственно* (!) *с грядущей войной*!» Этот «анализ», это толкование политического завещания Ленина немедленно подхватил с великой радостью пресловутый Устрялов, который, конечно, поспешил «дополнить» его: Ленин связывал следующий революционный взрыв непосредственно с войной; а так как пока нет войны, то надо отложить и «революционный взрыв».

«Без особого риска ошибиться позволительно сказать, что пробудить глубоко задремавшую мировую революцию ныне способна разве лишь новая война. А таковой войны ожидать в доступном обозрению будущем нельзя», дополняет указанный «анализ» Устрялов. — Дай врагу большевизма палец — он возьмет всю руку.

На основании указанного «анализа» Устрялов уже «доказывает», что «мировая революция растворяется в тумане грядущих десятилетий», что революция уснула «летаргическим сном».

Малейшее отступление от Ленина в таком остром и решающем вопросе, как проблема «война и революция — революция и война», чревато самыми губительными последствиями. Это доказано теперь на живом примере.

С учением Маркса и Ленина о войне (а такое учение существует вопреки мнению многих) надо обращаться особенно бережно. Это необходимо именно потому, что мы живем в эпоху войн и революций; именно потому, что новая война, в которой снова будут решаться судьбы советской власти и судьбы мировой революции вообще — несомненно надвигается.

«Мы кончили одну полосу войн, мы должны готовиться ко второй».

Судьбы нашей революции, судьбы мировой революции вообще решатся в ряде жесточайших схваток, в ряде войн. Сказать так, значит рассуждать по-ленински. А сказать, что революция рождается *только* из войны, или сказать применительно к нынешней обстановке (как она сложилась к 1929 г.), что следующий революционный взрыв связывается «непосредственно» только с войной — значит отойти от Ленина «немножечко» в сторону оппортунизма.

У Ленина война есть *одно из слагаемых* в числе тех факторов, которые приводят к революции, которые приносят превращение революционной ситуации в непосредственную революцию. Концентрировать внимание пролетариата СССР и пролетариата всего мира на том, что опасность новой войны становится все больше и больше — дело нужное, дело необходимое. Подменять же это тем, чтобы *одно из слагаемых выдавать за всю сумму* не только неправильно теоретически, но практически приводит к тому, что питает правые оппортунистические настроения внутри коммунизма и политически помогает злейшим врагам международного большевизма: контрреволюционной социал-демократии.

Социалистическая революция может разгореться *не только* из-за войны, но и из-за крупной стачки, или уличной демонстрации, или голодного бунта, или военного восстания, или колониального мятежа, может разгореться из-за любого политического кризиса вроде дела Дрейфуса, из-за маевки «берлинского» типа, из восстания типа венского в 1927 г. и т. п. Вот чему надо учить рабочих, если оставаться верным Ленину.

Новый революционный взрыв в Европе, да и во всем мире, отнюдь не «откладывается» обязательно до новой войны. Уже и нынешняя «мирная» — якобы мирная — полоса развития капитализма со всеми его «стабилизациями», «рационализациями», техническими прогрессами и т. д. не только не снимает с очереди революционные взрывы, но приближает их с громадной быстротой.

Кто из всей сложившейся мирной обстановки не видит, не чувствует приближение «нового революционного взрыва», у того поистине атрофировано всякое чутье революционера-большевика.

Новые революции возможны и без войн. Но новые войны невозможны без революций. Так должны ставить вопрос большевики.

XXI. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЯ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ.

Первая всемирная империалистская бойня обошлась человечеству 1) около 10 миллионов убитых, 2) 21 млн. раненых, 3) около 2 млн. пропавших без вести, 4) около 6 млн. пленных, 5) около 27 млн. убыли населения во время войны от понижения рождаемости и повышения смертности, 6) около 670 миллиардов золотых рублей или $^1/_3$ всего национального богатства человечества. Нет ни одной партии в мире, кроме нашей, которая могла бы сказать, что она не разделяет ответственности за эти потери. Более того! Нет ни одной партии в мире, кроме нашей, которая могла бы сказать, что она не несет ответственности за подготовку новой войны, которая обойдется человечеству еще гораздо дороже — если только *нашей* партии, партии мировой революции, не удастся предотвратить новые империалистские войны, вырвав власть у империалистов решающих стран. А если новая война придет, — говорил Ленин, — то станет вопрос о том, будет ли перебито уже не 10, а 20 млн. человек, будет ли в этой неизбежной (если сохранится капитализм) грядущей войне искалечено 60 млн., вместо искалеченных в 1914—1918 гг. 30 млн. человек.

Вожди «мировой» социал-демократии упрекают нас, большевиков, в том, что мы слишком много «кричим» о войне. «По человечеству» их можно понять: *они* предпочли бы молчать о войне вообще, о первой всемирной империалистской войне, в частности. Но наша партия именно в другом положении.

Роль большевизма в мировой войне 1914—1918 гг. есть славнейшая из славнейших страниц в славной истории большевизма. Если бы большевизму даже не удалось сделать ничего другого, и то его заслуга была бы всемирно-исторической. Есть только *одна* партия в мире, которая с гордостью может вспомнить о своей роли в первой мировой войне. Это партия большевиков.

С чем *вошел* и с чем *вышел* из первой мировой войны большевизм?

К этому вопросу тоже надо подойти диалектически.

На первый поверхностный взгляд может показаться, что мы вошли в мировую войну с крайне малыми, почти ничтожными силами. Да, мы имели мало. Но в то же время мы имели много.

К 10-летнему юбилею «Правды» Ленин вспоминал, что когда основывалась старая «Искра» в 1900 г., в этом участвовал какой-нибудь десяток революционеров; когда возникал большевизм, в этом участ-

вовало на нелегальных съездах в Брюсселе и Лондоне в 1903 году десятка четыре революционеров.

Когда же большевизм летом 1914 г. вырабатывал свою тактику в мировой войне, в этом непосредственно участвовал тоже какой-нибудь десяток революционеров.

И все же это было далеко не то, что 1900 и 1903 годы.

Первый же выстрел на полях мировой бойни означал разгром всех наших открытых большевистских организаций — прежде всего нашей тогдашней «Правды» и большевистской фракции в Государственной думе. В. И. находился в это время в эмиграции. Война застала его в далекой захолустной галицийской деревушке Поронине. Война разорвала его непосредственные связи с русскими рабочими. Наш нелегальный ЦК партии почти весь был изъят, наши лучшие нелегальные организаторы и строители партии были разосланы по ссылкам и каторгам. II Интернационал крахнул, не выдержав испытания войны. Победа оппортунизма внутри II Интернационала, которая назревала в течение последнего периода, теперь прорвалась наружу. Люди, как Гэд, Плеханов, Каутский, оказались либо в застрельщиках социал-шовинизма, либо в его обозе. Повсюду осадное положение. Кровь льется рекой. Люди впадают в безумие от ужасов войны. В *этой* обстановке Ленину приходится определить отношение большевизма ко всемирной империалистской войне.

Мы имели мало, но мы имели и много. Мы имели в своих руках прежде всего марксизм, в частности, учение Маркса о войне. Мы имели великий опыт 1905 года — незаменимую школу революции, а затем и контрреволюции. Мы имели опыт борьбы с меньшевиками и путем раскола освободились от всякой организационной связи с ними еще в начале второго десятилетия XX в. Мы имели поколение рабочих — «правдистов», воспитанных под руководством Ленина. В 1912—1913 гг., когда возникла легальная большевистская «Правда», за ней стояли десятки и сотни тысяч рабочих, своими копеечными сборами победивших и гнет царизма и конкуренцию мелкобуржуазных предателей социализма — меньшевиков. Мы имели численно небольшую, но сплоченную и вылитую из одного куска нелегальную партию, целиком стоявшую на почве ленинизма. И мы имели самого Ленина, без которого вообще трудно себе представить ход новейшей мировой истории и роль которого в эти решающие времена была поистине гигантской.

* * *

Верно ли, что существует вообще сколько-нибудь цельное, сколько-нибудь законченное учение Маркса о войне? Верно ли, что Ленин продолжил и развил это учение о войне? Мы надеемся, что в предыдущих главах книжки мы это доказали. Сведем еще раз воедино все сказанное.

Учение Маркса о войне складывается из 1) материалистического объяснения самого происхождения войн; 2) из диалектической оценки того соотношения, того сцепления, которое существует между войной и революцией и обратно; проблема «война и революция — рево-

люция и война» есть одна из любимейших тем Маркса; и 3) из тактической позиции Маркса и Энгельса в конкретных войнах, пережитых ими непосредственно — с 1848 по 1883 г. (Маркс), с 1848 по 1895 г. (Энгельс). На протяжении 4—5 десятилетий Маркс и Энгельс вырабатывали конкретную тактику пролетариата в войнах, имевших место за это время. Учение Маркса и Энгельса о войне прошло через горнило испытаний ряда войн, проверено в огне событий в течение почти целого полстолетия.

Ленин продолжил дело Маркса и Энгельса и в этой области. Первые две составные части учения Маркса о войне Ленин позаимствовал полностью, обогатив и их своим гением. Третью, так сказать, прикладную часть учения Маркса о войне нельзя было просто перенести на империалистскую эпоху. Здесь можно было только использовать основные критерии Маркса, но их надо было применить к новой исторической эпохе, к новой обстановке, созданной империалистской стадией капитализма. В целом учение Ленина о войне есть учение Маркса и Энгельса о войне, перенесенное в эпоху империализма. Ленинская теория империализма, являющаяся прямым продолжением того анализа капитализма, который дал Маркс в «Капитале» и дали Маркс и Энгельс в ряде более поздних произведений, есть тот фундамент, на котором строится учение Ленина о войне. Без ленинской теории империализма было бы невозможно ленинское учение о войне.

Но существует ли вообще сколько-нибудь цельное, сколько-нибудь законченное учение Ленина о войне? Да, существует. Оно заключается вовсе не только в теории передышки (Брестская тактика), как иногда думают люди, лишь поверхностно знакомые с ленинизмом, и оно родилось вовсе не в 1914 лишь году. Достаточно ознакомиться с несколькими, хотя и небольшими, но совершенно гениальными работами Ленина времен русско-японской войны, чтобы убедиться, что в зародыше учение Ленина о войне существовало уже в 1904—1905 годах.

Три основных лозунга, выдвигаемые Лениным в начале империалистской войны, это — 1) превращение империалистской войны в войну гражданскую, 2) пораженчество, 3) раскол II Интернационала и создание III Интернационала. Эти три лозунга составляют как бы тактический «треугольник» ленинизма в мировой войне.

В зародыше лозунг превращения внешней войны в войну гражданскую содержится уже у Маркса. В его бессмертной работе, посвященной Парижской Коммуне, можно найти ряд страниц, подводящих вплотную к этому лозунгу. А Ленину выпало на долю бросить этот лозунг в законченной отчеканенной форме, в обстановке, когда более 25 млн. человек находились под ружьем.

Если захотеть отыскать основное звено в сложной ленинской системе тактики в годы 1914—1917, придется сказать: это основное звено есть лозунг превращения империалистской войны в войну гражданскую. Второй по важности лозунг — всецело вытекающий из первого — есть лозунг поражения своего правительства в империалистской войне.

«Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству». Эта аксиома теперь вошла в идейный обиход всего авангарда мирового пролетариата. Но в 1914 г. она была вначале достоянием только небольшой группы ближайших учеников Ленина. Лозунг пораженчества имел у Ленина два корня. Ленин выводил его 1) из марксова подхода к проблеме «война и революция — революция и война»; 2) Ленин выдвигал его, как продолжение лучших традиций русского революционного движения, олицетворяемых такими людьми, как Н. Г. Чернышевский. В дневнике Чернышевского, обнаруженном и напечатанном совсем недавно, можно найти чисто «пораженческие» записи Чернышевского, приведенные нами выше.

Ленин не мог знать о существовании таких записей у Чернышевского. В начале войны, когда за пораженчество на нас обрушились со всех сторон, Ленин дорого дал бы за то, чтобы привести эти подкрепляющие цитаты из Чернышевского. Объективно-революционная ситуация, долго существовавшая именно в нашей стране, не могла не породить пораженчества, как доведенной до конца точки зрения революционеров в стране, где царское правительство не раз прибегало к *внешним* войнам именно с целью разрядить революционную атмосферу *внутри* страны.

Пораженчество, как его защищал Ленин в мировой войне, было законченным интернационализмом эпохи империалистских войн и пролетарских революций. Не будучи пораженцем, нельзя было в войне 1914—1918 гг. быть последовательным интернационалистом. Учение Маркса о войне, примененное в обстановке империалистской войны мирового масштаба, неизбежно приводило к пораженчеству.

Лозунг пораженчества выдвигался Лениным как лозунг, обязательный для рабочих партий *всех* тех стран, которые участвовали в империалистской войне. И вместе с тем Ленин считал, что «именно пролетариат *самой отсталой* из воюющих великих держав, т. е. царской России, должен был, особенно перед лицом позорной измены немецких и французских с.-д., в лице своей партии выступить с революционной тактикой, которая абсолютно невозможна без «содействия поражению» своего правительства, но которая одна только ведет к европейской революции».

Русский царизм в течение долгих десятилетий был оплотом мировой реакции и главным препятствием для развития европейской революции. В качестве представителя пролетариата этой наиболее отсталой страны, в течение долгого исторического периода стоявшей поперек дороги всякому революционному прогрессу, Ленин считал особенно необходимым взять «пораженческую» инициативу в свои руки. Он и в этом остался продолжателем дела Маркса и Энгельса: осью учения их о войне всегда была борьба против варварского русского царизма, с одной стороны, и угнетательского английского империализма — с другой.

Тактическая система Ленина в эпоху первой мировой империалистской войны сложна и обширна. Тактическая система Ленина, в основном намеченная уже в самом начале войны, разрабатывалась и

уточнялась в течение всей войны. Основная посылка Ленина: эта война станет громадным ускорителем развития. Война сначала отбросила мировое революционное движение далеко назад. Но пройдет некоторое время и на наших глазах произойдет диалектическое превращение: рабочий класс развернет свою энергию и сделает громадный шаг вперед к социалистической революции. Для России война эта оказалась и ускорителем и «углубителем»: мы сразу шагнули от демократической революции к социалистической...

* * *

С чем *вышел* большевизм из мировой войны?

Чем была большевистская партия 15 лет тому назад? Гонимой, преследуемой не только буржуазией, но и всей «мировой» социал-демократией и так называемой русской «революционной демократией», оклеветанная, объявленная вне закона капиталистическими правительствами всего мира, — партия Ленина осталась одна против мира врагов, одна грудь с грудью схватилась с империалистским противником, чьи силы казались тогда неисчислимыми и непобедимыми. Когда в феврале 1917 г. власть царского правительства была низвергнута, громадные массы крестьян, солдат и даже рабочих, под влиянием обмана буржуазных и мелкобуржуазных партий, были еще настроены оборончески. Сила патриотической идеи была еще настолько велика, что даже в Ленинграде (тогдашнем Петербурге), где правдисты в 1912 и 1913 гг. имели бесспорное большинство в рабочем классе, в начале Февральской революции (примерно до июня месяца), большинство принадлежало эсерам и меньшевикам, умело эксплоатировавшим настроение «добросовестного оборончества». Даже в Советах рабочих и солдатских депутатов обеих столиц большевики в начале Февральской революции имели только маленькое меньшинство. Под давлением англо-французских империалистов правительство Керенского, при поддержке эсеров и меньшевиков, в июне 1917 г. предпринимает свое знаменитое наступление на фронте. Неудачу этого наступления на фронтах империалистской войны буржуазия и ее эсеро-меньшевистские пособники возмещают наступлением против большевистских рабочих, против нашей партии. Ленина и всю нашу партию вновь объявляют вне закона — на этот раз уже от имени «революционной демократии». Ленина, лучшего вождя международного пролетариата, учителя рабочих всего мира, меньшевики и эсеры объявляют германским шпионом и вынуждают его скрываться в стоге сена. Но наша партия тверда, как скала. Она остается верной учению Ленина — в частности его учению о войне. Бьет час Октября. Три с небольшим года прошло с тех пор, как Ленин провозгласил лозунг превращения империалистской войны в гражданскую. Теперь этот лозунг стал фактом. В первый раз за сотни и тысячи лет этот лозунг превратился из смутного и бессильного ожидания в ясную, четкую политическую программу, в действенную борьбу миллионов угнетенных под руководством пролетариата, превратился в первую победу пролетариата,

«в первую победу дела уничтожения войн, дела союза рабочих всех стран над союзом буржуазии разных наций». (Ср. Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 367.)

Вопрос об империалистских войнах, о той главенствующей ныне во всем мире международной политике финансового капитала, которая *неизбежно* порождает новые империалистские войны... — «этот вопрос с 1914 года стал краеугольным вопросом всей политики всех стран земного шара. Это вопрос жизни и смерти десятков миллионов людей». (Там же, стр. 366.)

В этом краеугольном вопросе всей политики всех стран земного шара и победил ленинизм в тот момент, когда он вырвал Россию из огненного кольца империалистской войны. Революционный выход России из всемирной империалистской войны Ленин правильно считал именно победой *социалистической*, а не только революционно-демократической. В его замечательной статье «Значение золота» Ленин, считая «вполне доделанной» только буржуазно-демократическую работу нашей революции (писано в 1921 г.), находит, что «пролетарская или социалистическая ее работа сводится к трем главным видам»: 1) революционный выход из империалистской всемирной войны, 2) создание советского строя как формы осуществления диктатуры пролетариата и 3) экономическое строительство основ социалистического уклада. На первом месте как завоевание *пролетарской или социалистической работы нашей революции* Ленин ставит именно революционный выход из империалистской всемирной войны. «Это, — говорит он, — доделано с нашей стороны вполне; со всех сторон могла бы доделать это лишь революция в ряде передовых стран». (Там же, стр. 411.) «Эта первая победа — *еще не окончательная победа*... первый раз за сотни и тысячи лет обещание «ответить» на войну между рабовладельцами революцией рабов *против* всех и всяческих рабовладельцев *выполнено до конца* и выполняется вопреки всем трудностям. Мы это дело начали. Когда именно, в какой срок, пролетарии какой нации это дело доведут до конца — вопрос не существенный. Существенно то, что лед сломан, что путь открыт, дорога показана». (Там же, стр. 368.)

В первую всемирную империалистскую войну большевизм *вошел* как маленькая нелегальная партия гонимых пролетарских революционеров, как «ленинский кружок». Из первой всемирной империалистской войны мы *вышли* как мировая партия ленинизма, вырвавшая первую великую страну из мертвых объятий империализма, давшая подлинную свободу 150-миллионному народу. Давая по другому поводу краткий цифровой очерк развития нашей партии за 20 лет — с 1902 по 1922 г. — Ленин говорил: «Очень маленькая, очень неполная картинка, в которой очень грубо выражена история всего только 150-миллионного народа, тогда как за эти 20 лет началась и выросла в непобедимую силу революция в странах с населением до одного миллиарда и свыше (вся Азия, да не забыть еще Южной Африки)» (т. XVIII, ч. II, стр. 70). Путь, пройденный мировым большевизмом

за 15 лет с начала империалистской войны и до наших дней, есть еще более гигантский путь. В нем нашла отражение история *не* только 150-миллионного народа, не только народов всей Европы, — по этому пути завтра пойдут и уже сегодня идут «миллиард людей и свыше» таких ныне угнетенных стран, как Индия и Китай...

Идейная лаборатория ленинизма работала в годы мировой войны с особым напряжением. Теоретическая и политическая работа, выполненная в эти годы ленинизмом, необъятна. Именно в эти годы большевизм особенно стремительно выходил на *мировую* дорогу, превращаясь в *международное направление*, а затем, через полустанки Циммервальд и Кинталь, — и в *международную организацию*. Именно в эти годы закладывалась основа III Интернационалу. Свое идейно-теоретическое оружие ленинизм отшлифовал в эти годы не только в борьбе против социал-патриотизма, центризма, всех видов пацифизма, троцкизма, анархизма, но и в известной борьбе против люксембургианства. Тщательнейшее изучение этой борьбы во всех ее деталях и сейчас является важнейшим делом для каждого большевика. Нет и не может быть лучшего воспитания для молодых поколений коммунистов, как изучение той титанической работы, которую провел Ленин в эти годы.

Уже даже в 1912 г., во время пресловутого Базельского конгресса II Интернационал был способен только на показную «борьбу» против войны. Вожди II Интернационала, повидимому, хорошо знали цену «грозным» резолюциям Базельского конгресса уже тогда, когда они принимались. Один выдающийся пример: Марсель Самба, крупный вождь французской социалистической партии, друг Жореса, будущий «социалистический» министр во время войны, выпустил в 1913 г. книгу под заглавием «Faîtes un roi, sinon faîtes la paix» (Ставьте короля или обеспечьте мир!). Это — остроумный и изящно-циничный памфлет чисто «французского» образца. «Прекрасные дни в Базеле, — пишет Марсель Самба, — где перед старинным собором толпы народа приветствовали торжественную процессию Интернационала». Для него это чисто платоническое приятное воспоминание о красивом зрелище. Обещаний, данных на Базельском конгрессе в 1912 г., он никогда всерьез не брал. И знал, что оппортунисты по ту сторону Рейна также мало брали его всерьез. Французские буржуа, как рассказывает Самба, добродушно посмеивались и шутили над ним по поводу Базельского конгресса, называя этот конгресс «le grand Pardon de Bâle» (великое отпущение грехов в Базеле). «Подойдемте ближе к трибуне, послушаем, что там говорят... Весь пролетариат, как один человек. Скорее восстание, чем война. Заговоры капиталистов... Силе капиталистов противопоставим сопротивление рабочих... Они ужасно кричат! Их голос срывается, они надсаживают себе горло... Граждане, мы все против войны, против всякой войны. Война войне!» В таких выражениях вождь II Интернационала высмеивает ту «борьбу» против войны, какую вел II Интернационал. Поистине, над кем смеетесь?.. «Мне указывают на то, что во время марокккского кризиса в Берлине, в Трептовском парке, 300 тысяч немецких рабочих кричали «долой вой-

ну!» — говорит Самба. — Но сколько из этих 300 тысяч согласятся оставить Германию без защиты от ударов шовинистов? Ни один. И — отлично. Браво! Я поздравляю их. Мы тоже не согласны выдать Германию пангерманистам». В этом отрывке — уже вся будущая философия социал-шовинистов и центристов как французских, так и немецких.

Так обстояло дело в 1912—1914 гг. Несравненно позорнее та роль, которую играет II Интернационал теперь и которую он еще сыграет, когда придет решающий час новых войн. Это надо видеть и это надо заблаговременно объяснить рабочим всего мира, разоблачая контрреволюционность «мировой» социал-демократии шаг за шагом. Наступление новой войны возложит на Коммунистический Интернационал, мировую партию ленинизма, еще большую историческую ответственность, чем та, которая легла на плечи партии большевиков в 1914 г. Чтобы оказаться на высоте этой поистине всемирно-исторической ответственности, нужно воевать за каждую пядь марксизма с той же страстностью, с той же беззаветностью, с какой воевали Ленин и ленинская партия в годы мировой войны.

— Новой войны не будет! Война «слишком ужасная» вещь! Человечество не допустит до новой войны — болтают пацифисты. Война ужасная вещь? Но война *ужасно прибыльная* вещь! — отвечал в таких случаях Ленин. Война есть продолжение политики — только другими средствами — говорили «в старину». Война есть продолжение получения прибылей, только другими средствами — говорили после. Все это остается верным и сейчас. Но к этому надо еще теперь прибавить: *война есть продолжение политики буржуазии и социал-демократии против диктатуры пролетариата в СССР. Предотвратить* войну против СССР могут только пролетарские революции в решающих странах капитализма. Другими словами: предотвратить войну против СССР могут только наши собственные силы — силы мирового пролетариата. А если не удастся *предотвратить*, надо ее *превратить* в гражданскую войну за социализм.

XXII. ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ.

Когда Ленину удалось выбраться в Швейцарию и приступить там к возобновлению издания центрального органа большевиков, — мировая война полыхала уже на протяжении тысяч километров фронта, а социал-шовинистические партии всего мира на всех языках кричали о «защите отечества» — каждая с одобрения «своего» правительства. Первая статья в возобновленном при таких условиях центральном органе большевиков носила заглавие «Против течения».

Мы не скрываем от себя, — говорилось в этой статье, — шовинистическое течение сейчас очень сильно. Зараза приняла колоссальные размеры. Но это не избавляет нас от обязанности, а напротив повелительно диктует нам — грести против течения. Пусть сейчас все наши органы в России задушены, пусть слабый наш голос звучит одиноко, пусть каждый день приносит нам все новые известия о социалистах, ставших жертвой шовинистской волны.

Нас мало сейчас. Но уже первые известия из России, которые мы печатаем в настоящем номере, показывают, что сознательные пролетарии нашей страны готовы исполнить свой долг до конца. И с полной верой в грядущее освобождение социализма от шовинистского пленения, мы зовем подать друг другу руки всех тех, кто и в эти тяжелые дни остался верен социалистическому знамени.

Шовинистское течение делает истребительные завоевания. Но мы... мы возбудим течение встречное:

Против течения!

Против течения! — под этим лозунгом, в сущности говоря, прошла вся деятельность Ленина. Против течения — этими словами можно было бы, в сущности, охарактеризовать всю историю большевизма.

Сначала как одиночка, затем во главе небольшой группы, затем как вождь фракции, затем как руководитель партии, затем как глава государства, а затем как вдохновитель и вождь Коммунистического Интернационала прокладывал Ленин дорогу против течения.

Первые значительные литературные работы Ленина в 90-х годах посвящены борьбе против господствовавшего тогда народничества, «русского» социализма. Плеханов, который был старше Ленина на 15 лет, первый выступил с применением учения Маркса к русским условиям,

первый дал крупные теоретические бои народничеству. Но во главе решительной схватки с народничеством на самом поле действия в России в решающие годы, когда дело стало подходить к образованию больших оформленных партий, когда приближалось падение царского самодержавия и чувствовалось уже первое дыхание революции, — стоял именно Ленин. Это было его первое крупное политическое плавание против течения.

В 1900 г. появляется «Искра». Это уже больше, чем кружок, но все еще меньше, чем партия. В старой «Искре» рядом с Лениным с блеском работают Плеханов и Мартов, но душою «Искры» по общему признанию и друзей и врагов — является Ленин. «Искра» — орган, ведущий борьбу *против течения:* против ревизионизма международного, против ревизионизма русского — экономизма тож, — против эсеровщины, против либерализма, против царизма. С величайшим успехом и с блестящим талантом «Искра» гребет против течения, а во главе гребцов — Владимир Ленин.

В 1903 г. на втором съезде создается российская социал-демократическая партия. Ее первый съезд состоялся на 5 лет раньше, но преследования со стороны царского правительства при недостаточной силе рабочего движения не позволили партии сложиться достаточно прочно. Лишь в 1903 г. партия оформилась окончательно.

В то же время оформился меньшевизм, сложившийся в сильное, вначале очень влиятельное оппортунистическое направление, с авторитетными вождями, с разветвленной организацией. Ленину вновь приходится плыть против течения. Он становится во главе ортодоксально-марксистской части партии, складывающейся теперь в большевистскую фракцию.

Фракция против фракции!

В 1904—1905 гг. меньшевизм захватывает почти все официальные органы партии. Ленин вынужден покинуть редакцию старой «Искры». «Наверху» меньшевизм сильнее, чем большевизм. «Проницательным» мещанам даже кажется, что большевизм вот-вот умрет. Большевики гребут против течения. В революцию 1905 г. большевики входят как фракция. Громадный революционный подъем 1905 и начала 1906 годов дает перевес большевикам. Но Стокгольмский объединительный съезд, собирающийся весною 1906 г., — когда революционная волна идет уже на убыль, — дает вновь победу меньшевизму. В течение всей полосы наиболее жесткой контрреволюции — 1908—1912 гг. — большевики существуют как фракция. В эту трудную тяжелую пору им и подавно приходится грести против течения.

В 1912 г. после знаменитой ленской стачки и начала нового революционного подъема происходит окончательный разрыв большевиков с меньшевиками. Большевики образуют самостоятельную партию. Отныне большевизм гребет против течения уже не как фракция, а как партия. В 1914 г., после начала мировой войны, большевизм отряхает с ног своих прах II Интернационала и провозглашает лозунг III Интернационала. Циммервальд и Кинталь — это международные объединения

по сути дела *в рамках* II Интернационала. Но внутри Циммервальда и Кинталя, под руководством Ленина, образуется циммервальдская левая, являющаяся международной ячейкой для организации нового Интернационала. Теперь большевизм является *международной* фракцией в рабочем движении. Его паролем в это время уж подавно является: «против течения».

В октябре 1917 г. большевизм, во главе русского рабочего класса, завоевывает власть в России. Окруженный буржуазными государствами, вооруженными до зубов и имеющими наготове многомиллионные армии, под руководством озлобленных до бешенства буржуазных офицеров, угрожаемый изнутри эсерами, меньшевиками и белогвардейцами, в обстановке чудовищной хозяйственной разрухи и голода — большевизм борется против течения отныне уже как государство. В 1919 г. создан III Интернационал, и с этого времени большевизм борется против течения как организованное государство и организованное международное товарищество рабочих — Коммунистический Интернационал.

Против течения! Что это значит?

Это значит: против *господствующего* течения, против *господствующего класса*. Это значит далее: против отраженных его влияний в *нашем* классе, в рабочем классе!

Против господствующего класса — это значит против господства *мировой буржуазии*, против господства империализма; это значило одно время в России — против господства *помещиков и буржуазии*, против господства царской монархии. Вся же борьба большевизма против «европейского» ревизионизма — в конце 90-х годов прежде всего против бернштейнианства — против русского экономизма, затем меньшевизма, затем оппортунизма II Интернационала, затем оппортунизма, превратившегося в социал-патриотизм, затем против эсеро-меньшевистской «революционной демократии» во время русской революции — что это, как не борьба революционного марксизма *против отраженного влияния господствующего класса в нашем собственном классе — пролетариате?* [1]

---

[1] Современные оппортунисты иногда воображают, что стоит им издать журнальчик под заглавием «Против течения» — и они уже могут претендовать на звание ленинцев. Так поступает французская, насквозь интеллигентская группа, возглавляемая Пазом. В *лучшем* случае — это «новожизненская» группа, т. е. нечто вроде «независимых» меньшевиков. Так поступает теперь и группа Брандлера в Германии, отошедшая от Коминтерна. Одного названия маловато, граждане! Ленин боролся против господствующего класса (буржуазии) и его отраженных — через официальную социал-демократию — влияний в рабочем классе. Но он всегда дышал одной грудью с рабочими массами и защищал их коренные интересы, ибо он был пролетарским революционером. *Это* он называл итти — «против течения».

А вы? Вы сами являетесь — или становитесь — орудием социал-демократических влияний и все больше отходите от подлинных рабочих масс (или никогда с ними не были). Вы *на деле* боретесь против господствующего *ныне* в России класса (пролетариата) и *его* влияний в международном рабочем классе. Для вас «невыносима» дисциплина пролетарской диктатуры.

Ленина пытались представить схоластиком, человеком догмы. Марксизм Ленина Плеханов в 1906 г. назвал «дубоватым» марксизмом. На самом деле Ленин был крупнейшим диалектиком нашей эпохи, и иным и не мог быть гений пролетарской революции.

«Идея всемирной, всесторонней, *живой* связи всего со всем и отражения этой связи — материалистически на голову поставленный Гегель — в понятиях человека, которые должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, — такова сущность диалектического понимания мира».

Ленин выражает эту глубокую мысль в следующем простом, но и превосходном сравнении: «Река и *капли* в этой реке. Положение *каждой* капли, ее отношение к другим; ее связь с другими; направление ее движения; скорость; линия движения — прямая, кривая, круглая и т. д. — вверх, вниз. Сумма движения. Понятия, как *учеты* отдельных сторон движения, отдельных капель (= «вещей»), отдельных «струй» etc» [1].

Философская формула Ленина целиком годится также для того, чтобы определить его *политический* подход к практическим вопросам всемирного революционного движения. Гениальность Ленина как вождя пролетарской революции в том и состояла, что он видел и «всю реку» и «капли» в этой реке, что он умел определить «положение каждой капли», ее отношение к другим, ее связь с другими, направление ее движения и т. д. В переводе на язык самого Ленина это и значило, что он умел в каждую отдельную историческую эпоху определить то «очередное звено», за которое нужно суметь ухватиться, чтобы удержать всю цепь.

Ленин вышел на историческую арену как марксист-одиночка, которому предстояло непосредственно применить свои силы в крестьянской стране. Ленин сошел в могилу как общепризнанный представитель могущественного пролетарского государства, обнимающего $^1/_6$ земной суши, и вождь Коммунистического Интернационала, сорганизовавшего в своих рядах революционную часть международного рабочего движения во всем мире и притянувшего к себе симпатии всего, что есть лучшего в революционно-освободительном движении вообще.

Методы борьбы, конечно, были разные в те времена, когда Ленину приходилось итти против течения сначала как марксисту-одиночке, затем как вождю фракции, затем как вождю партии и, наконец, как главе государства и руководителю могущественной международной организации рабочих. Но содержание борьбы все время оставалось одним и тем же. Это была борьба против капиталистического рабства, борьба против капиталистической системы и её «высшего» выражения — империализма. Это была борьба за диктатуру пролетариата, необходимую как переходная ступень к уничтожению классов вообще. Это была борьба за социализм как первую ступень к коммунизму, за создание

[1] Ленинский сборник, IX, стр. 11—12.

международной советской республики как переходной ступени к полному уничтожению государства.

Эпоха Ленина была и остается эпохой величайших кризисов и потрясений, через которые проходит человечество. Кто теперь оглянется назад на жизнь и деятельность Ленина, тот увидит, что расцвет его деятельности совпадает с самой революционной эпохой новейшей мировой истории. «Всякий кризис, — говорит в одном месте Ленин, — одних надламывает, других *закаляет*». Ленин вел и провел рабочий класс через целую полосу труднейших кризисов. Ни он, ни его класс в этих кризисах не надламывались, а закалялись. Бывали полосы реакции — «контрреволюционные судороги», по Ленину — когда рабочий класс уходил в себя, переживал тяжелые периоды, и когда врагу казалось, что теперь он одержал «окончательную» победу над нашим классом. В эти тяжелые времена и отражение идей господствующего класса в нашем классе бывало особенно сильным и опасным. Но вот пройдет некоторое время — иногда на это шло несколько крайне тяжелых мучительных лет, — колесо истории повернется еще раз, и уже всякому видно, что рабочий класс, руководимый Лениным, вновь вышел из исторического испытания более сильным, более окрепшим, и позиции буржуазии внутри рабочего класса оказываются если не уничтоженными, то во всяком случае ослабленными.

За ленинским кружком во второй половине 90-х годов шли еще только сотни сознательных рабочих-передовиков; за ленинской «Искрой» в начале 900-х годов шли уже тысячи и десятки тысяч пролетариев; за ленинской фракцией особенно в 1905 г. шли уже сотни тысяч и миллионы. Затем наступает контрреволюционная судорога, длящаяся почти целое десятилетие. Это была именно та полоса, когда мелкобуржуазному политику и просто обывателю могло казаться, что Ленин потерял свою армию «навсегда». А между тем диалектика истории усердно работала в это время над подготовкой гораздо более широкого и решительного наступления революционного пролетариата против твердынь царизма, а затем и против твердынь капитализма. Несколько раз повернулось колесо истории, и вот в 1917 г. взвивается исторический занавес и происходит нечто совершенно «непонятное» для мелкобуржуазного политика и обывателя. Большевизм, еще недавно загнанный в подполье, оклеветанный и преследуемый, большевизм, которому еще недавно пришлось грести против течения в масштабе небольшой подпольной партии, теперь оказывается во главе государства и международного коммунистического пролетариата, выйдя на единоборство с богатейшей империалистской буржуазией всего мира. И наконец изумленному взору «недоумевающего» обывателя история показывает еще более замечательное зрелище: стоя во главе пролетарского государства и Коммунистического Интернационала, Ленин в течение ряда лет умножает число сторонников большевизма *во всем мире* — теперь уж не только в Европе, но и в Азии, не только в Германии, но и в Китае, не только во Франции, но и в Индии — и притом завоевывает пролетариев всех стран и угнетенные народы мира уже не десятками

и сотнями тысяч, а миллионами. Практическая деятельность Ленина, как она вошла в мировую историю, есть лучшая иллюстрация к тезису Маркса о том, что идея сама становится величайшей силой, когда она охватывает большие народные массы, которыми, в свою очередь, эта идея порождена и выношена.

Всю историю большевизма можно было бы уложить в следующие несколько строк. До 1900 г. — одиночки и мало оформленные группы, 1900—1903 гг. — ленинская «Искра»; в одной группе большевики и будущие меньшевики. 1903—1912 гг. — большевизм как фракция. 1912 г. — самостоятельная большевистская партия. 1915 г. — большевистская фракция в международном масштабе. 1917 г. — большевизм во главе государства. 1919 г. — большевизм во главе Коминтерна. 1919—1929 гг. — большевизм во главе государства и Коминтерна. И весь этот период, охватывающий вот уже более четверти века, целиком укладывается в формулу — *против течения*.

Возьмите литературные органы, созданные Лениным, — «Искра», «Вперед», «Пролетарий», «Социал-демократ», «Звезда», «Правда» — чтобы назвать только самое главное. Каждый из этих органов имел ярко выраженное лицо, каждый из них прокладывал определенную борозду в общественно-политической жизни. Все это были органы, плывшие против течения, и в то же время — органы, которые своею определенностью и убежденностью завоевывали иногда симпатии людей, стоявших совершенно на другом берегу. Разве не любопытен следующий отзыв поэта, Александра Блока, о «Звезде», записанный им в его дневнике?

«Новая для *меня*, на самом же деле ежедневно конфискуемая и от этого имеющая еще больший успех — социал-демократическая «*Звезда*». Отрадно после консерватизма органов — «Речи» и «Русского слова»... Все здесь ясно, просто и отчетливо (потому — талантливо)» [1].

Ясно, просто и отчетливо! Остается только прибавить: и единственно правильно с точки зрения угнетенного класса. Ясно, просто и отчетливо — потому, что от имени и «во имя» рабочего класса, того класса, который не может освободить себя, не освободив весь мир.

* * *

Но особенно отважным было то плавание *против течения*, которое большевизму пришлось предпринять в начале мировой империалистской войны.

Тяжел был кризис. Без преувеличения можно сказать, что более тяжелого времени, нежели начало мировой империалистской войны 1914 г., не знало человечество. Тем более тяжел был кризис для нашего класса, для рабочего класса. Наша партия, все рабочее, все освободительное движение, весь Интернационал переживали отчаянно тяжелую полосу. На карту были поставлены не только материальные,

[1] Дневник А. Л. Блока. 1911—1913 гг., запись от 26/II 1912 г., стр. 83—84.

но и идейные завоевания международного пролетариата — результат многих и многих десятилетий упорной борьбы и тяжелого труда. Мало того, что каждый день на полях смерти физически истребляли сотни тысяч рабочих-социалистов всех стран; мало того, что буржуазии удалось заставить пролетариев-социалистов расстреливать друг друга; мало того, что этот адский замысел представители умирающего мира выполняли нашими же руками, заставляя рабочих одной страны убивать своих братьев, рожденных в другой стране; нет, буржуазии удалось еще нечто большее: деморализовать рабочее движение идейно. Величайшему движению, какое когда-либо знала всемирная история, удалось привить страшную болезнь, которая свойственна дряхлеющему строю угнетения человека человеком. Имя этой болезни — шовинизм.

В этой обстановке Ленин бесстрашно поднимает знамя интернационализма, поддержанное сначала буквально только небольшой горсточкой сторонников.

Среди громадного краха, среди пожарищ войны, в обстановке осадного положения, распространившегося почти на всю Европу, нужно бросить лозунг превращения империалистской войны в гражданскую, нужно взяться за задачу восстановления подлинно пролетарского Интернационала на развалинах II Интернационала, предавшего дело рабочих. «Это — международная задача. Лежит она на нас, больше некому», пишет Ленин в одном письме уже 17 октября 1914 г. [1].

«Лежит она на нас, *больше некому*». Какие гордые слова! Сколько веры в историческую миссию большевизма, законной веры, вполне оправдавшейся в дальнейшем ходе мировой истории! Нужно было пережить тогдашнюю обстановку, нужно было лично почувствовать тот неимоверно тяжелый свинцовый гнет, который наложило начало империалистской войны на каждого пролетария-социалиста, чтобы понять, что означали эти гордые слова, написанные Лениным уже через два месяца после начала империалистской войны.

Неимоверно тяжелый кризис давит на каждого пролетарского революционера. Чуть ли не каждый день приносит вести о новых изменах самых признанных из вождей II Интернационала. Целые социалистические партии, создававшиеся десятилетиями и долгие годы служившие предметом гордости для каждого социалиста, оказываются простыми игрушками в руках империалистов. Достаточно вспомнить судьбу германской соцпал-демократии. Тяжелые вести приходят отовсюду. Ряды международного пролетариата смяты. Нигде ни одного сколько-нибудь внушительного, организованного протеста против войны. всюду предательство и измена. А между тем, Ленин уже 15 января 1915 г. пишет следующие слова:

«Европейская война принесла ту великую пользу международному социализму, что наглядно вскрыла всю степень гнилости, подлости и

[1] Письма В. И. Ленина А. Г. Шляпникову и А. М. Коллонтай, Гиз, 1925 г., стр. 9.

низости оппортунизма, дав тем великолепный толчок к очищению рабочего движения от накопленного десятилетиями мирной эпохи навоза»[1].

Война еще только начинается, гнет ее усиливается не только со дня на день, но с часу на час, а Ленин уже предчувствует ту живительную грозу, которая придет к концу войны. Война еще только разворачивается, мутные волны шовинизма заливают весь мир, а Ленин уже предчувствует и предвидит тот великий революционный подъем, который явится неизбежным спутником империалистской бойни.

«Война величайший кризис, — рассуждает Ленин. — Всякий кризис означает (при возможной временной задержке и регрессе): 1) ускорение развития, 2) обострение противоречий, 3) обнаружение их, 4) крах всего гнилого»[2].

Только теперь, в 1914 г., Ленин ставит ребром вопрос о расколе II Интернационала. Он констатирует: «Кризис официального марксизма (1895—1915)[3]; не воскрешать трупа, а развивать революционный марксизм против оппортунизма», — таков вывод Ленина[4].

«Сломались или, вернее, погибли негодные организации». Вывод Ленина: «очищать почву для лучших». Он осыпает сарказмами мелкобуржуазных пацифистов.

«Войну представляют как ненормальное нарушение «мирного» капитализма. Из-за чего? Из-за ужасов войны! *(а ужасные прибыли?)*», пишет Ленин. «Крах вредного, гнилого в рабочем движении — устранение помех революционным битвам». Война закалит массы для социалистической революции. Война создаст ненависть к капитализму не только вообще, но к *своему* правительству и буржуазии. Ленин знает, что путь будет труден. Он предвидит «медленность и извилистость» роста пролетарской революции. Но он твердо знает, что всемирная империалистская война чрезвычайно приблизила всемирную социалистическую революцию.

Нужно строить новый Интернационал. Нужно раскалывать германскую социал-демократию. Главный враг — центризм, каутскианство.

«Каутского ненавижу и презираю сейчас хуже всех: поганенькое, дрянненькое и самодовольное лицемерие. Ничего-де не случилось, принципы-де не нарушены, все были вправе защищать отечество. Интернационализм — изволите видеть — в том и состоит, чтобы рабочие всех стран стреляли друг в друга «во имя защиты отечества».

«Права была Роза Люксембург, давно понявшая, что у Каутского «прислужничество теоретика» — лакейство, говоря проще, лакейство перед большинством партии, перед оппортунизмом»[5].

---

[1] Письма В. И. Ленина А. Г. Шляпникову и А. М. Коллонтай, стр. 37.

[2] Неопубликованный конспект реферата «Первое мая и война», 1915 г. Напечатано в журнале «Пролетарская революция» № 1, 1929 г., стр. 4.

[3] В 1895 г., как известно, умер Энгельс, а в 1898 г. бернштейниада была уже в полном разгаре.

[4] «Пролетарская революция» № 5, 1929 г., стр. 6.

[5] Письма В. И. Ленина А. Г. Шляпникову и А. М. Коллонтай, 1925 г., стр. 14.

14 ноября 1914 г. Ленин еще пишет: «Выждать надо. У немцев шевелятся *левые: если* у них будет раскол, *тогда* может быть Интернационал будет спасен от гниения» [1].

Но в то же время Ленин готовит полный разрыв со II Интернационалом. «Ни на какие конференции, ни на какие шаги по инициативе подобных мерзавцев мы не пойдем, а отстранимся: пусть срамят сами себя! А они себя, осрамивши раз, осрамят и дальше» [2].

Ленин начинает подбирать единомышленников в международном рабочем движении. Сначала их можно сосчитать буквально по пальцам. С неимоверным трудом, ценой невероятных усилий Ленину удается найти первые единичные связи в Германии и во Франции, в Швейцарии и в Швеции, в Австрии и отчасти в Америке. Каждый интернационалистский листок, изданный хотя бы только в нескольких экземплярах, вызывает в Ленине громадный интерес и горячую поддержку. Никакие усилия не кажутся ему слишком большими для того, чтобы убедить в гнусности социал-патриотизма хотя бы только одного швейцарского рабочего. Пока нет сколько-нибудь прочной базы для сонности, каждую зацепку в организациях II Интернационала. Только здания III Интернационала, Ленин использует каждую пядь возможв сентябре 1916 г. Ленин пишет: «Кстати: раскол в международном масштабе тоже назрел. Я считаю вполне своевременным теперь, чтобы *все* сознательно руководящие рабочие России поняли это и принимали резолюции в пользу организационного разрыва со II Интернационалом, с Международным бюро Гюисманса, Вандервельде и К°, — в пользу построения III Интернационала *только* против каутскианцев всех стран (Чхеидзе и К°, как и Мартов с Аксельродом — русские каутскианцы), *только* в сближении с людьми, стоящими на позиции Циммервальдской левой» [3].

Для Ленина необходимость раскола II Интернационала была, разумеется, ясна гораздо раньше, но сейчас он считает его назревшим настолько, чтобы открыто поставить вопрос о расколе в центре всей работы. К этому времени обанкротилось и Циммервальдское объединение. В начале 1917 г. Ленин пишет: «Циммервальд явно обанкротился, и хорошее слово служит опять для прикрытия гнили! Циммервальдское большинство, это — Турати и К°, Каутский с Ледебургом, Мергейм, — *все* перешло на позицию социал-пацифизма, осужденного столь торжественно (и столь бесплодно!) в Кинтале... Гримм, ругающий социал-патриотов *всех* стран, кроме швейцарских, коих он прикрывает!.. Я вне себя от бешенства на этих подлецов; противно слышать их и о них; противно еще более думать о работе вместе с ними. Комедиантство!» [4]

---

[1] Письма В. И. Ленина А. Г. Шляпникову и А. М. Коллонтай, 1925 г., стр. 20.
[2] Там же, стр. 17.
[3] Там же, стр. 92—93.
[4] Там же, стр. 99.

Первые же вести о победе Февральской (1917 г.) революции в России вызывают у Ленина следующие мысли по вопросу об Интернационале: «*Ни за что* снова по типу II Интернационала! *Ни за что* с Каутским! ...Республиканская пропаганда, борьба против империализма, *попрежнему* революционная пропаганда, агитация и борьба с целью *международной* пролетарской революции с завоеванием власти советами рабочих депутатов (а не кадетскими жуликами)... *Ни в коем случае* не à la «II Интернационал». Вширь! Новые слои поднять! Новую инициативу будить, новые организации во всех слоях и им *доказать*, что *мир* даст лишь вооруженный совет рабочих депутатов, если он возьмет власть» [1].

Как в начале войны Ленин считает, что лозунг мира не есть наш лозунг, что наш лозунг гражданская война, — так и сейчас, в начале русской революции, он говорит массам, что подлинный мир может дать только новая революция, которая скинет ставшую у власти буржуазию.

То, что предвидел Ленин в самом начале войны, теперь начинает осуществляться. Самый великолепный толчок к очищению рабочего движения от накопленного десятилетиями мирной эпохи навоза дает первая победа первой пролетарской революции 25 октября 1917 г.

* * *

Война и крах II Интернационала резко отразились на Ленине — записывали мы по свежим следам событий. Многие, знавшие Ленина лично, изумлялись, как изменился он с начала войны. Он конечно никогда не относился нежно к буржуазии. Но с начала мировой империалистской войны у Ленина появилась какая-то сосредоточенная, концентрированная, острая, как отточенный клинок, ненависть к буржуазии, виновнице империалистской войны. Ленин переменился даже в лице. В Цюрихе он жил в беднейшем квартале в квартире сапожника, почти на чердаке. Каждую, даже случайную, встречу с любым рабочим он считал необходимым использовать для того, чтобы втолковать ему, что происходящая война — это империалистская бойня, что честь пролетариата требует самой непримиримой борьбы против этой войны, что нельзя положить оружия до того момента, когда рабочий класс освободит землю от разбойников империалистов.

Ленин не только путем теоретического анализа приходил к выводу, что мировая империалистская война может быть превращена в мировую революцию. Он чувствовал это всем своим существом. Он как бы рукою осязал создающуюся во всех странах, захваченных войной, революционную ситуацию. Тем больший гнев, негодование, ненависть вызывали у Ленина вожди II Интернационала — в особенности центристы, употреблявшие все свои силы на то, чтобы отвлечь рабочих от революционного пути.

[1] Письма В. И. Ленина А. Г. Шляпникову и А. М. Коллонтай, 1925 г., стр. 104, 106.

Переход власти в руки рабочего класса был возможен почти во всех воюющих странах. Если бы официальные социал-демократические партии не изменили рабочему классу, если бы они хотя бы к концу империалистской войны присоединились к революционному движению рабочих, — победа была бы несомненно обеспечена.

Один из наиболее искренних и по-своему честных вождей II Интернационала Фридрих Адлер в докладе, прочитанном им на конференции рабочих советов в Австрии в июле 1919 г., признал, что «после переворота в октябре в немецкой Австрии в действительности не было ни одного момента, когда не представлялась для пролетариата возможность овладеть властью... В возможности создания социалистической власти я никогда не сомневался, как не сомневались и те товарищи, которые считаются правыми в партии. Но перед серьезными добросовестными (?) представителями пролетарских интересов стоял не только этот вопрос: существует ли возможность овладеть властью, — но прежде всего стоял вопрос: в интересах ли пролетариата брать власть при данных определенных исторических условиях».

То, что признал в 1919 г. Фридрих Адлер относительно немецкой Австрии, безусловно относится ко всем или почти ко всем странам, которые были втянуты в мировую войну. Власть *могла* быть взята рабочими. В этом, по признанию Адлера, никогда не сомневались и те «товарищи», которые «считаются» правыми в партии.

Представим себе на одну минуту, как выглядел бы теперь мир, если бы официальная социал-демократия — *допустим* это на одну минуту! — не перебежала на сторону буржуазии, а помогла бы рабочему классу взять власть. Это значило бы, что буржуазия была бы свергнута в Германии, Франции, старой Австро-Венгрии, включавшей нынешнюю Чехо-Словакию, в Италии, на Балканах, быть может, даже в таких странах, как Бельгия и Голландия. В России власть была завоевана пролетариатом в действительности и была удержана им, несмотря ни на что. В Венгрии, в Баварии, в Финляндии власть на время попала уже в руки рабочего класса. Это значило бы, что почти вся Европа была бы в руках рабочих. Если бы в Англии и Америке власть буржуазии и удержалась, она была бы ослаблена в чрезвычайной степени. События в Китае, а вероятно и в Индии, пошли бы по-другому. Победа китайской революции была бы обеспечена наверняка. Все или почти все угнетенные империализмом народы перешли бы на сторону победившего европейского рабочего класса.

Официальные вожди социал-демократии оправдывали свой контрреволюционный образ действий тем, что де взятие власти рабочим классом в обстановке хозяйственной разрухи, вызванной войной, не даст возможности социалистам справиться с хозяйственными задачами. Но это была лишь подлая уверткa.

«Если говорить о цветущей крупной промышленности, способной сразу всеми потребными продуктами удовлетворить крестьянство, то это условие налицо; если взять вопрос в мировом масштабе, такая цветущая крупная промышленность, которая может снабдить мир всеми

продуктами, имеется на земле, но только ее не умеют пускать в ход иначе, как для того, чтобы строить пушки, делать снаряды и прочие орудия, с таким большим успехом примененные в 1914—1918 гг.» [1], говорил впоследствии Ленин.

Даже опыт отсталой крестьянской страны, каковой являлась Россия, показал, что справиться с хозяйственной разрухой с наибольшими выгодами для народных масс может только победоносный пролетариат. Даже оставленная с глазу на глаз с мировым империализмом пролетарская революция в крестьянской стране сумела победить хозяйственную разруху и выйти на дорогу широкого социалистического строительства. Если бы в 1919 г. власть во всех или почти во всех воевавших странах перешла в руки пролетариата, мы давно имели бы уже международную советскую республику с планомерным разделением труда в хозяйственной области, с гигантским развитием производительных сил — с таким подъемом в международном рабочем классе и в угнетенных народах мира, перед которым не могли бы надолго устоять твердыни капитализма даже в Америке и в Англии. И уж во всяком случае, теперь, через 10 лет после окончания первой мировой империалистской войны, человечество не стояло бы вновь перед возможностью и даже неизбежностью еще более кровавых империалистских войн. Пролетариат, победивший в масштабе всей или почти всей Европы, показал бы такие чудеса героизма и инициативы во всех областях, которые действительно подвели бы уже человечество вплотную к тому, чтобы сделать прыжок из царства необходимости в царство свободы.

Такова была та историческая ставка, которая в значительной мере зависела от поведения старых официальных социал-демократических партий во время войны. Ленин все это видел и чувствовал уже тогда, в самом разгаре, в самом «пекле» событий. И именно поэтому Ленин вкладывал такую необычайную, даже для него невиданную, страстность в свою тогдашнюю борьбу против официальных вождей социал-демократии, в свою проповедь создания нового пролетарского Интернационала. Из ада империалистской войны должно и можно было вести рабочий класс всех или почти всех воюющих стран непосредственно к социалистической революции и через неё к социализму. А социал-демократические вожди вели его под новое, еще более тяжелое иго капитализма, отдавая его со связанными руками во власть империалистской буржуазии. Ничего, кроме самой бешеной ненависти к себе, не могли вызвать эти вожди у подлинного представителя рабочего класса, ясно видевшего, куда идет дальнейшее развитие всемирной истории.

Эпоха, в которую жил Ленин, — в частности период мировой империалистической войны, — не могла не выдвинуть таких борцов за рабочее дело, которые с особой яркостью, полнотой и силой воплотили бы великие идеи пролетариата. Ленин и был самым большим из тех

[1] *Ленин*, т. XVIII, ч. 1, стр. 433.

людей, которых выдвинула эта эпоха. Ленин был не только большой, но и гениальный человек. Он пришел в мир для того, чтобы не просто сформулировать великие освободительные идеи пролетариата в час, когда пролетарская революция началась, а — сформулировать их *гениально* и воплотить их так полно, так сильно, как этого еще никогда не было во всей мировой истории.

Одно из самых великих дел, выполненных Лениным, было создание Коммунистического Интернационала в огне империалистской войны и первой пролетарской революции. Кровь своего сердца отдал Ленин этому делу. За это же дело легли десятки и сотни тысяч пролетариев на разных фронтах мировой пролетарской революции. Вот почему дело это прочно — несмотря ни на какие невзгоды и временные заминки...

XXIII. ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОДГОТОВЛЕНИЕ КОМИНТЕРНА И ЕГО РОЖДЕНИЕ ИЗ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

Когда и как родился III Интернационал?

Он *рождался*, а не просто «родился».

Рождался он в первой русской революции 1905 года. В первых выступлениях Ленина против русского и международного реформизма. В работах Ленина по «реставрации» учения Маркса и Энгельса, подвергшегося подделкам со стороны реформистов — в том числе, в особенности, центристов. В трудах Ленина по изучению и объяснению империалистского периода капитализма. В создании самостоятельной большевистской партии, окончательно порвавшей с меньшевиками. В революционном низвержении царизма, столь долго служившего оплотом мировой реакции. В соединении могучего рабочего движения с крестьянской войной в России. В пробуждении сотен миллионов людей угнетенного Востока. В восстании рабочих-спартаковцев в Германии. В волне возмущения передовых рядов европейских рабочих против измены II Интернационала в 1914 г. В финляндской, венгерской, баварской коммунах. В гигантском росте классовых противоречий перед мировой войной и перерастании классовой борьбы в гражданскую войну в ходе всемирной империалистской бойни.

И он «*родился*» в мировой войне и в победе Октябрьской революции 1917 года.

В великих исторических развитиях, писал однажды Маркс, 20 лет равняются иногда одному дню, хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточиваются по двадцать лет. Именно по этой — насквозь диалектической — формуле шло историческое подготовление Коминтерна. От 1905 г. до октября 1917 года прошло 12 лет. А если считать с 1905 г. до 1919 г. — год официального основания Коминтерна, — то и 14 лет. В течение этого промежутка, полного величайших событий на земле, подготовлялся «один день». Этот день — 25 октября 1917 года. А в этом одном дне и «вытекающем» из него 4 марта 1919 года (день официальной организации Коминтерна), в свою очередь, «сосредоточивается» добрых 20 лет.

В тягчайшей борьбе, в великих муках, с великой кровью рождается новый мир — коммунистическое общество. С полной ясностью Маркс предвидел, сколь тернист будет этот путь пролетарской революции, когда писал, что социальные эволюции перестанут быть политическими революциями лишь тогда, когда не будет больше классов.

Еще более конкретно развил это предвидение Энгельс. В 1887—1888 гг., через пять лет после смерти Маркса, Энгельс прямо предсказал (см. часть 1) будущую мировую войну и будущее рождение первых социалистических революций именно из этой войны. «Один результат абсолютно несомненен: *всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса»*...

Теоретики II Интернационала с Каутским во главе отказались «принять» раздавшуюся пролетарскую революцию, — а в России родившуюся и здравствующую — с той «мотивировкой», что нехорошо, когда рождение это происходит на фоне разорения Европы, упадка ее производительных сил и разрухи, вызванной войной. К концу мировой войны эти теоретики придумали «гениальный» выход: сначала помочь капитализму, подорванному войной, вновь сесть в седло, затем уже, когда на основе капитализма начнется новый расцвет производительных сил, начать «демократическим путем» мирно «добиваться» социалистических преобразований. Первая часть задачи «мировой» социал-демократии *на время* более или менее удалась. А вот вторую часть задачи теоретики с.-д. все еще «обсуждают». Они закончат это обсуждение, вероятно, как раз тогда, когда ударит час новой войны с новым разрушением производительных сил и новыми — на этот раз победоносными — революциями...

Каутский и К° «забыли», что еще в конце 80-х годов Энгельс говорил именно *«о всеобщем истощении»* в результате мировой войны и создании *на этом фоне* условий для победы рабочего класса.

Но Ленин этого не забыл. Он выступил исполнителем заветов Маркса и Энгельса, вождем международного пролетариата и, можно смело сказать, вождем человечества как раз тогда, когда земля была залита кровью, когда стоял вопрос «война или смерть», «кровавая борьба или уничтожение», как раз тогда, когда «всеобщее истощение» диктовало рабочему классу напряжение всех сил, дабы на путях железной пролетарской диктатуры спасти мир от дальнейших кровавых ужасов и повести его навстречу социализму.

Чем с большим безумием расточались производительные силы и подсекались материальные условия дальнейшего их развития, чем больше росло разорение и обнищание масс, чем больше кровь заливала поля всей Европы, — тем сильнее напрягались могучие духовные силы Ленина, тем ярче гений его светил угнетенным всего мира, тем настойчивее работал Ленин над созданием III Интернационала.

При штудировании Гегеля — как раз во время мировой войны — Ленин сделал приведенную нами выше запись («река и капли»), которая в образной форме передает ленинское проникновение в диалектику природы.

Этот образ превосходно передает отношение Ленина и к *вопросам политики*, в особенности, к вопросам *мировой политики* и мирового революционного движения в эпоху *мировой войны*.

Движущие силы империализма, в действии — как на ладони. — Соотношение классов в каждой стране и в масштабе мира. — Соотношение континентов. — Нации угнетателей и нации угнетенных. — Со-

четание пролетарских движений с национально-освободительными движениями угнетенных народов. — Война империалистская и ее перерастание в войну гражданскую. — Буржуазно-демократическая революция в России и ее перерастание в революцию социалистическую. — Три больших потока — движение пролетариев, движение угнетенных народов, движение неимущего крестьянства — сливаются в одну великую бурную реку мировой революции. Сегодняшний маленький кружок пролетарских революционеров-«пораженцев» — завтра превратится в штаб миллионных армий.

Река и капли... Глаза Ленина как будто вооружены специальным инструментом, позволяющим ему и впрямь видеть «положение каждой капли» революционной энергии, «ее отношение к другим», «ее связь с другими».

Основные идеи Ленина, нашедшие законченную формулировку в годы 1914—1917 и затем потрясшие весь мир, в «зародышевом» состоянии разбросаны и в более ранних сочинениях Вл. Ильича. Тезисы В. И. о диктатуре и демократии, принятые на I конгрессе Коминтерна, являются документом, столь же важным для III Интернационала, как «Коммунистический Манифест» для I Интернационала. Но в «зародыше» эти тезисы можно найти в писаниях Ленина 1905 года и раньше. Его оценка соотношения между войнами и революциями, его взгляд на гражданскую войну, его освещение национального и колониального вопросов — все это содержалось в сочинениях Ленина и до войны, по крайней мере в зародыше.

Учение о войне и социалистической революции, в частности его учение о превращении империалистской войны в войну гражданскую в основном содержатся, как мы видели уже, в его статьях «Падение Порт-Артура» (1905 г.) и «Партизанская война» (1906 г.). И та и другая статьи теперь мало вспоминаются, а между тем это — положительно гениальные эскизы, содержащие «в зерне» основное в ленинизме.

В небольшой речи «Уроки коммуны» (1908 г.) можно найти в зародыше все то, что впоследствии сказал Ленин о государстве-коммуне, о советах, как новом типе государства, родственном Парижской коммуне.

В небольшой речи на могиле Поля и Лауры Лафарг (21 декабря 1911 г.) можно встретить, например, следующее предсказание: «Русская революция открыла эпоху демократических революций во всей Азии, и 800 миллионов людей входят теперь участниками в демократическое движение всего цивилизованного мира. А в Европе все больше множатся признаки, что близится к концу эпоха господства так называемого мирного буржуазного парламентаризма, чтобы уступить место эпохе революционных битв организованного и воспитанного в духе идей марксизма пролетариата, который свергнет господство буржуазии и установит коммунистический строй» (XI, II, 433).

Но именно в годы войны и всемирного кризиса социализма Ленин все это систематизировал, обобщил, углубил, развил и — создал тем идейные основы Коминтерна. Всемирный кризис, созданный мировой войной, повелительно потребовал обобщить и систематизировать

ленинские работы, начатые давно, — во всяком случае, с 1905 г. И вот Ленин в течение 1914—1917 гг. выполняет эту работу с блеском и гениальностью, которых мир после работ Маркса и Энгельса не знал. В этих работах В. И. марксистская наука, марксистская диалектика гигантски продвинулась вперед.

Русская революция 1905 года была первой революцией мирового значения в эпоху II Интернационала. Если бы она сразу победила, то в союзе с тогдашним ортодоксальным крылом европейского марксизма она, быть может, спасла бы II Интернационал от гибели. Оппортунистов и в этом случае пришлось бы изгнать из Интернационала. В этом смысле раскол все равно был неизбежен. Но дело не дошло бы до засилия оппортунистов и до предательства таких размеров, как это случилось в 1914 г. Но русская революция 1905 г. не победила. Не победив, она не смогла спасти II Интернационал, очистить его от оппортунистов, создать на 15 лет раньше Интернационал, похожий на III Интернационал, созданный в 1919 г. Однако и не победив, наша революция 1905 г. внесла глубокую диференциацию в ряды II Интернационала и посеяла семена, которые дали богатые всходы через полтора десятилетия. Без 1905 г. был невозможен победоносный Октябрь в 1917 году — это не раз утверждал Ленин. А это значит и то, что без 1905 года не был возможен III Интернационал в 1919 г., — ибо 25 октября 1917 г. и 4 марта 1919 г. связаны друг с другом неразрывно. Русская революция 1905 года — хотя и не победившая — «попутно» заронила в землю семя грядущего международного товарищества рабочих, проникнутого идеями Маркса и Ленина.

Судьбы Интернационала всю последнюю эпоху были теснейшим образом связаны с судьбами русской революции и партии российского пролетариата — хотя вожди Интернационала долгое время в этом себе не отдавали никакого отчета.

Признаком «хорошего тона» среди вождей II Интернационала в последние годы до мировой войны было третировать русскую партию как отсталую, «экзотическую» партию, распадающуюся на множество «групп и группочек», между которыми серьезным политикам даже де не разобраться. А в то же время у рядовых рабочих Западной Европы был громадный интерес к тому, что делается в России — особенно после 1905 года. Рядовой европейский рабочий с.-д. инстинктивно чуял, что *отсюда* пойдет первая большая освободительная волна. А «вожди» отворачивались от этой перспективы, как от чего-то просто смешного и мало серьезного.

Русское рабочее движение, в лице большевиков, чувствовало свою кровную связь с международным рабочим движением—особенно после 1905—1906 гг., когда царизм спасся от крушения прежде всего при помощи мировой буржуазии. Русские большевики все время искали непосредственного контакта с рабочим движением в других странах, учились у него, всегда готовы были заимствовать у него все сильное.

Живя за границей, Ленин искал *непосредственных* связей с международным рабочим движением (В. И. не раз указывал, что полоса

эмиграции помогла большевикам практически изучить мировое рабочее движение и теснее связаться с ним; нет худа без добра — говорил по этому поводу Ленин). И в Мюнхене, и в Лондоне, и в Женеве, и в Париже, и в Кракове Ленин искал знакомства с рядовыми рабочими и со средними «активистами» (как сказали бы теперь) европейского рабочего движения. И в то же время он, живя в Париже, регулярно посещал Лафаргов, Гэда, Вальяна, держал связь с молодыми гэдистами, поддерживал, когда только мог, связь с Каутским, Бебелем, Дитцем, с Роланд-Хольст, с Квельчем, с чехами, бельгийцами, швейцарцами (Грейлих, Сигт, Отто Ланг), скандинавцами и т. д. Так было *до* войны. А с началом войны Ленин, демонстративно порвав с теми вождями Интернационала, кои перешли на сторону социал-патриотизма, изо всех сил искал и находил связи с «низовыми» иностранными товарищами, оставшимися верными интернационализму. Не было в жизни Ильича за границей (да и после победы Октября в России) ни одной сколько-нибудь длительной полосы, когда бы он не имел самых тесных, самых непосредственных *личных* связей с иностранными товарищами.

Раньше чем организационно сложиться *второму* Интернационалу, надо было окрепнуть основной его партии, взявшей на себя руководство этим Интернационалом. Это была германская социал-демократия. Образование II Интернационала (1889) совпало с падением исключительного закона против социалистов в Германии (1890) и началом бурного роста германской с.-д.

Раньше чем начать организационно складываться *третьему* Интернационалу, надо было, чтобы вполне сложилась и оформилась основная партия, к которой затем перейдет на целый исторический период руководство в Коминтерне. В силу всей исторической обстановки, это должна была быть большевистская партия России.

Крупнейшей важности шаг, исторически подготовлявший Коминтерн уже организационно, заключался в образовании большевиками своей самостоятельной партии — уже не фракции, а партии — и полном разрыве с меньшевиками. Это было в 1912 году (конференция в Праге).

Спрашивается, почему именно к 1912 году назрело образование самостоятельной большевистской партии в России?

Решающую роль сыграли следующие факторы:

1) Предчувствие и предвидение большевиками надвигающейся новой революции в России. 2) Предчувствие и предвидение ими надвигающейся мировой войны. 3) Все больший отход русских меньшевиков от марксизма на стезю ликвидаторства и контрреволюционности (революция вызывает контрреволюцию). 4) Все ухудшающееся положение внутри II Интернационала.

Этот последний фактор оказал большое влияние. Большевиков все больше теснили во II Интернационале. Господа Вандервельде, Эберты, Гюисмансы, ставшие к этому времени фактическими воротилами II Интернационала, начали все яснее сознавать, что больше-

визм есть не только «русское» явление, что он грозит «опасностями» не только для русских меньшевиков. Вожди II Интернационала начали производить все больший нажим на большевиков, требуя от нас «единства» с меньшевиками, а фактически подчинения им, требуя от нас «по-волчьи выть», если мы хотим с волками жить.

В этой обстановке родилась самостоятельная большевистская партия на конференции в Праге.

Большевистская партия не вышла из II Интернационала формально. Но фактически она стала отвоевывать себе большую самостоятельность. Она показала зубы международному реформизму. Вожди II Интернационала сначала не придали большого значения образованию самостоятельной большевистской партии. Они не поняли, что — это событие всемирно-исторического значения. Но будущий историк международного рабочего движения, конечно, скажет, что окончательный разрыв большевиков с меньшевиками и образование самостоятельной большевистской партии в 1912 году бесспорно относятся к важнейшим фактам исторического подготовления III Интернационала.

За раскол с меньшевиками в России Ленин стоял уже в 1909—1910 гг. Роль меньшевиков в революции 1905 г. и непосредственно после 1905—1907 гг. доказывала их контрреволюционность и убеждала в том, что с ними вместе не жить.

За раскол с с.-д. в международном масштабе Ленин высказался лишь значительно позднее.

Еще 31 мая 1912 г. Ленин пишет о главной партии II Интернационала: «В Германии немецкая социал-демократия составляет самую сильную, самую выдержанную и организованную партию» (XII, 1, 157). Еще 16 июля 1913 г. Ленин в статье «Новейшие данные о партиях в Германии» пишет: «Социал-демократы — единственная, вполне прогрессивная и в лучшем смысле «народная», массовая партия наемных рабочих» (XII, 2, 161).

Европейская и, в частности, германская социал-демократия не могла «показать» себя в революции — *ибо революции не было*. Она держала решающий экзамен *в мировой войне*. Она «показала» себя полностью в 1914 году. И лишь в 1914 году Ленин выступил открыто с лозунгом раскола II Интернационала.

Внешний ход дальнейших событий достаточно известен: 4 августа 1914 г.; открытое провозглашение Лениным лозунга «За III Интернационал»; Циммервальд; Кинталь; февраль 1917 г.; Октябрь 1917 г.; 4 марта 1919 года...

* * *

Ходу истории было угодно отвести русской революции исключительное, решающее значение в судьбах мирового освободительного движения пролетариата, в судьбах Коминтерна. Эта роль и сейчас остается решающей — до победы пролетарской революции в крупнейших странах капитализма.

Октябрь 1917 г. ускорил рождение Коминтерна. Этот последний пока оказался недостаточно силен, чтобы добиться победы Октября во всем мире, но все же достаточно силен, чтобы помешать мировой буржуазии задушить русский Октябрь.

Что Коммунистический Интернационал в значительной мере ведет свое происхождение от мировой империалистской войны, это вытекает не только из хронологических справок. Между первой мировой империалистской войной и рождением нового рабочего Интернационала, написавшего на своем знамени непосредственное осуществление диктатуры пролетариата, есть не только хронологическая, но и логическая связь.

Как и почему Коминтерн родился именно из мировой войны? Как и почему борьба против грядущих империалистских войн стала *осью* всей политики нового Интернационала? Как и почему лозунг превращения империалистской войны в гражданскую сумел объединить вокруг себя весь авангард международного пролетариата и стать основным лозунгом Коминтерна?

При образовании каждого из трех Интернационалов — как первого Марксова Интернационала, так и второго социал-демократического Интернационала, так, наконец, и третьего Ленинского Коммунистического Интернационала, — известную роль играли войны. Во всяком случае, проблемы иностранной политики, связанные прежде всего с опасностью войн, играли громадную роль при образовании каждого из этих трех Интернационалов. Но при зарождении III Интернационала война играла совершенно исключительную, решающую роль.

I Интернационал, как известно, сложился в 1864 г. и фактически перестал существовать уже в начале 70-х годов. Какие исторические события *предшествовали* образованию I Интернационала и какие *заключили* период его существования? Чартизм в Англии, события 1848 г. на континенте Европы — в особенности, события в Германии и во Франции, европейский кризис 50-х годов, итальянская война 1859 г., крымская война, польское восстание, гражданская война в Соединенных штатах Америки, освобождение крестьян в России, шлезвиг-гольштинская война, австро-прусская война, франко-прусская война и Парижская коммуна, — вот главнейшие исторические события, подготовившие образование I Интернационала и давшие затем содержание его работе в течение почти целого десятилетия. Учение марксизма сложилось уже в эту эпоху целиком. Но безраздельного влияния в I Интернационале оно не достигло, несмотря на то, что Маркс и Энгельс лично руководили этим Интернационалом.

В известном смысле можно сказать, что чартизм и события 1848 г. были *введением* в деятельность I Интернационала, а Парижская коммуна — *заключением* к ней, лебединой песнью его. Чартизм и 1848 г. — увертюра к Марксову Интернационалу; Парижская коммуна — его заключительный аккорд. Войны и революции чередуются и переплетаются в течение всего этого периода.

II Интернационал родился в 1889 и раскололся в 1914 г., про-

существовав в первоначальном виде ровно четверть века. У его колыбели стояла германская социал-демократия, игравшая в нем решающую роль, в сущности говоря, почти в течение всех 25 лет. Поражение Парижской коммуны и торжество мировой реакции, связанное с этим поражением, привели к тому, что в течение полутора десятилетий пролетариат вообще не имел своей сколько-нибудь оформленной международной организации. Лишь медленно и постепенно подготовлялось образование II Интернационала.

Вторую половину 70-х годов и 80-е годы можно с известным правом назвать «утробным периодом» II Интернационала. Какие исторические события заполняют этот «утробный период» II Интернационала и 25-летие его существования как оформленной организации?

Победа Третьей республики во Франции, бисмарковский период в Германии, война сербов и черногорцев против Турции (1876 г.), русско-турецкая война (1877—1878 гг.), исключительный закон против социалистов в Германии, вступление английских армий в Афганистан (1879 г.), война Франции с Китаем из-за Тонкина (1883—1885 гг.), сербо-болгарская война (1885—1886 гг.), первая стадия развития капитализма в России, война России против Афганистана (1885 г.), война Японии с Китаем из-за Кореи (1894 г.), война Испании с островом Кубой (1895 г.), абиссинская война (1896 г.), греко-турецкая война (1897 г.), американо-испанская война из-за острова Кубы (1898 г.), англо-бурская война (1899—1900 гг.), война европейских держав против Китая, так называемая боксерская война (1900 г.), война Англии против Тибета (1904 г.), война Германии против герреро (1904—1905 гг.), рост стачечного движения, формирование массовых рабочих партий и профсоюзов почти во всей Европе, русско-японская война (1904—1905 гг.), русская революция 1905 г., революционные движения в Турции, Персии и Китае, война Италии с Турцией из-за Триполи (1911—1912 гг.), война балканских славян против Турции (1912 г.), война Сербии и Греции против Болгарии (1913 г.).

Головокружительно-быстрый рост германской социал-демократии на путях парламентаризма и легализма, а затем перипетии русской революции 1905 г. — вот два фактора, наложившие неизгладимую печать на весь период II Интернационала. Первый фактор в сочетании с рядом других обстоятельств действовал постепенно в сторону перерождения II Интернационала, усиливал оппортунизм в нем; второй фактор в сочетании с постепенным переходом революционного центра с Запада на Восток действовал в сторону диференциации II Интернационала, подготовляя революционное крыло внутри него и тем самым подготовляя раскол II Интернационала и в будущем образование Коминтерна.

С начала девятисотых годов вполне складывается империализм. Ряд войн, перечисленных нами выше, имеют характер определенно выраженных империалистских войн, только еще не мирового, а более или менее локального значения. Историческая обстановка складывалась так, что II Интернационал должен был либо вступить в настоящее единоборство с империализмом, либо подчиниться ему и стать его орудием.

Под влиянием ряда причин, которые выясняются в другом месте, II Интернационал пошел по второму пути. Это и сделало раскол II Интернационала неизбежным.

* * *

Теперь при ретроспективном обозрении хода событий вполне ясно, что уже русская революция 1905 г. послужила первым крупным толчком к расслоению II Интернационала. Крупные идейные бои на Иенском партейтаге германской социал-демократии целиком были связаны с русской революцией 1905 г. и имели огромное значение для всего II Интернационала. В 1907 г., на Штутгартском конгрессе II Интернационала, левое крыло стало консолидироваться под руководством Ленина и Розы Люксембург. Линией водораздела был как раз вопрос об отношении рабочего класса к войне, т. е. к грядущей мировой империалистской войне, основные черты которой были уже отлично видны в 1907 г.

О прямом и немедленном расколе II Интернационала тогда не думал еще даже Ленин, наиболее дальновидный из вождей его левого крыла. Идея единства международного рабочего движения господствовала над всеми умами. Обаяние II Интернационала и его главной партии, германской социал-демократии было настолько велико, что о расколе тогда никто не мог и думать. Вопрос о расколе II Интернационала Ленин, как мы видели, поставил ребром лишь во время мировой империалистской войны, когда выяснился крах главнейших его партий и прежде всего германской социал-демократии.

До тех же пор Ленин работал как член II Интернационала, а с 1904 по 1914 г. — как член его руководящего органа, так называемого Международного социалистического бюро.

Конечно нельзя сказать, что положение большевиков во II Интернационале было сколько-нибудь удовлетворительным. Уже с 1904 г. (Амстердамский конгресс) большевики слыли во II Интернационале, как «бунтари», «сектанты», словом, как некие enfants terribles. После второго съезда РСДРП (1903 г.) меньшевики и в особенности их патриарх, П. Б. Аксельрод, имевший наибольшие связи во II Интернационале, пытались ославить Ленина, как полуанархиста, заговорщика, «нечаевца» и т. п.[1]

На международный конгресс в Амстердам (1904 г.) большевики впервые послали свою особую делегацию — в дополнение к официальной делегации, где господствовали тогда меньшевики. Ленин сам в Амстердам не поехал. Большевистскую делегацию едва-едва допустили на конгресс, да и то без права голоса. И в тот же период Бебель, признанный глава германской социал-демократии и всего II Интернационала, обратился к большевикам с письмом, в котором предлагал, чтобы они отдали свою «распрю» с меньшевиками на решение третейского

[1] К слову сказать: новейшие исследования (напр. книга Щеголева о Нечаеве) доказали, как оклеветан был Нечаев, каким крупным революционером на деле был этот человек.

суда, который назначит германская социал-демократия. Все симпатии вождей II Интернационала были тогда на стороне меньшевиков. Даже Роза Люксембург, не отдавшая себе сразу отчета в действительном смысле расхождения между большевиками и меньшевиками, после 1903 г. в ряде вопросов стала на сторону последних. Расхождение между большевиками и меньшевиками рисовалось тогда даже таким людям, как Бебель, простой эмигрантской дракой групп и группочек, не имеющей под собою особенно солидной принципиальной базы. Разумеется, Ленин — в вежливой форме — отклонил предложение германской социал-демократии о третейском разбирательстве. Величайшей важности вопросы, которые должны были разрешаться в революции 1905 г., а затем и в революции 1917 г., конечно, не могли быть разрешены никаким третейским судом.

После событий 1905 г., после того как тактика большевиков фактически возобладала в целом ряде крупнейших боев 1905—1906 гг., после того как русские меньшевики на фоне поражения революции 1905 г. стали поворачивать особенно усердно направо, — часть вождей II Интернационала стала больше прислушиваться к голосу большевиков и даже отчасти поддерживала их. Роза Люксембург и руководимая ею польская социал-демократия в 1906—1907 гг. склонилась в основном на сторону большевиков. В некоторых основных вопросах — оценке контрреволюционности русской буржуазии, вопросе о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства, вопросе о характере русской революции — большевиков стал поддерживать и Каутский (Роза Люксембург в те времена имела очень большое влияние на Каутского, в особенности, в вопросах русской революции, в которых Каутский признавал ее авторитет).

В 1907 г. на Штутгартском конгрессе во главе русской делегации стоял уже Ленин — ибо на Лондонском съезде РСДРП, который произошел за несколько недель до Штутгартского конгресса, большевики, при поддержке польских и латышских социал-демократов, получили большинство, хотя и слабое. В вопросе о нейтральности профсоюзов большевики получили в Штутгарте полное удовлетворение, ибо II Интернационал высказался против нейтральности. Хуже обстояло с вопросом о борьбе против войны. Знаменитая поправка Ленина и Розы Люксембург в основном была принята в ухудшенной редакции.

«Я хорошо помню, что окончательному редактированию этой поправки предшествовали продолжительные непосредственные переговоры наши с Бебелем. Первая редакция говорила гораздо прямее о революционной агитации и революционных действиях. Мы показали ее Бебелю; он ответил: не принимаю, ибо прокурорская власть распустит тогда наши партийные организации, а мы на это не идем, пока еще нет ничего серьезного. После совещания с юристами по специальности и многократной переделки текста, чтобы выразить ту же мысль легально, была найдена окончательная формула, на принятие которой Бебель дал согласие, — так писал Ленин в примечании к одной статье пишущего эти строки (см. «Против течения», изд. III, стр. 494).

Объединенными усилиями русских марксистов и тогдашних немецких «ортодоксов» (их вождем считали тогда Каутского) были отбиты атаки правых, стремившихся в колониальном вопросе провести законченную реформистскую точку зрения. Но откровенная позиция социал-шовинизма имела уже в Штутгарте почти половину голосов.

В 1908—1910 гг. наступает известное сближение Плеханова с большевиками, что до некоторой степени усиливает большевиков во II Интернационале, где авторитет Плеханова стоял высоко. На международном конгрессе в Копенгагене (1910 г.) большевики вместе с Плехановым имеют большинство в русской делегации. Ленин и Плеханов делают попытки более оформленной организации левого крыла во II Интернационале. В Копенгагене, по инициативе Ленина, созываются два совещания, в которых участвовали русские, французы (гэдисты), отдельные немцы, бельгийцы (де-Брукэр), болгары (Благоев), поляки. Однако почти все «европейцы», приглашенные на это совещание, обнаружили большую робость. Никаких серьезных результатов совещания не дали. Копенгагенский конгресс и вообще прошел довольно бесцветно. По вопросу о недопустимости деления профсоюзов по национальной линии (знаменитый спор централистов и националистов тогдашней Австро-Венгрии) победили интернационалисты. Докладчиком по этому вопросу на конгрессе выступал Плеханов. По вопросу о кооперации прошли гнилые формулировки, против которых спорил Ленин (см. Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 99 и др.).

На Базельском конгрессе (1912 г.), целиком посвященном вопросу об опасности войны, Ленин лично не был. Резолюции, принятые в Базеле, как известно, были в общем удовлетворительными. Базельский манифест против войны впоследствии защищали всерьез только большевики. Базельский конгресс был последним перед началом империалистской войны.

Заседания Международного социалистического бюро Ленин посещал регулярно и выступал там по всем крупнейшим вопросам порядка дня. Из сочинений Ленина (т. XI, ч. 1) известно его выступление, например, по вопросу о принятии английской рабочей партии во II Интернационал. Большею частью Ленин оставался в меньшинстве. В Международном соц. бюро безраздельно господствовала в это время тройка: Бебель — Жорес — Виктор Адлер. Но к голосу Ленина со вниманием прислушивались и эти вожди II Интернационала.

Однако борьба между большевиками и меньшевиками в самой России не могла не найти своего отражения и во II Интернационале. Чем слабее становились меньшевики в России, чем больше крепли идейные позиции большевизма, тем больше меньшевики обращали свои взоры к вождям II Интернационала, прося у них помощи против Ленина. Излюбленное обвинение меньшевиков против Ленина сводилось к обвинению его в раскольничестве. В 1908 г. меньшевизм начинает перерождаться во все более открытое ликвидаторство. Вернувшись (в 1907 г.) в свою вторую эмиграцию, Ленин находит уже там штаб меньшевиков во главе с П. Аксельродом и Мартовым. Вскоре меньшевикам удается

поднять почти во всей прессе II Интернационала кампанию против большевизма. С 1910 г. враждебность вождей II Интернационала против большевиков становится все более ясной. Международное соц. бюро все чаще вмешивается в борьбу большевиков с меньшевиками, стараясь помочь последним. Это продолжается до самого 1914 г. Августовской конференции меньшевиков-ликвидаторов (1912 г.). Международное соц. бюро оказывает свою поддержку против Ленина. В 1914 г. Вандервельде, как председатель Международного соц. бюро, отправляется в Россию, имея одной из своих задач заставить большевиков ослабить борьбу против меньшевизма. И, наконец, уже совсем незадолго до возникновения мировой войны, Международное соц. бюро в Брюсселе созывает ряд совещаний всех так называемых «течений» в русской партии с целью оставить большевиков в меньшинстве и заставить их фактически подчиниться меньшевикам. Даже Роза Люксембург делает в эту пору ту ошибку, что в общем и целом поддерживает это начинание II Интернационала.

Было бы праздным занятием гадать о том, как пошло бы дело, если бы не возникла мировая война, остались ли бы большевики еще в течение продолжительного периода в рамках II Интернационала или уже одним ходом борьбы по «русскому» вопросу они вынуждены были бы порвать со II Интернационалом. Во всяком случае, нажим вождей II Интернационала в пользу меньшевиков становился все более настойчивым и систематическим. В этом нет ничего удивительного. Как Коммунистический Интернационал видит свою задачу в помощи международному большевизму против меньшевизма, так II Интернационал, когда оппортунизм стал преобладающим в нем направлением, видел свою задачу в помощи русским меньшевикам против русского большевизма. Вполне возможно и даже вероятно, что в 1914 г. дело дошло бы до прямого ультиматума со стороны II Интернационала — большевикам. Вполне возможно, что в этом случае большевикам не удалось бы так легко отделаться от вмешательства Вандервельде и К°, как в 1904—1905 гг. им удалось отклонить третейский суд Бебеля. Тогда — в 1905 г. — помогла революция. В 1914 г. оппортунисты II Интернационала вполне могли настоять на своем. Подчиниться в этом вопросе большевики не могли. Это на деле означало бы сдать свои позиции меньшевикам. Об этом не могло быть и речи. Но к этому времени «подоспела» мировая война. 4 августа 1914 г. вожди германской социал-демократии проголосовали за военные кредиты. Точно таким же образом поступили вожди французской социалистической партии. То, что накоплялось годами, теперь прорвалось наружу. Крах II Интернационала стал фактом. Теперь, только теперь Ленин ставит на очередь вопрос о расколе II Интернационала.

«II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом. Долой оппортунизм и да здравствует очищенный не только от «перебежчиков», но и от оппортунизма III Интернационал... III Интернационалу предстоит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства, для гражданской войны про-

тив буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма», так пишет Ленин в статье «Положение и задачи Социалистического Интернационала» 1 ноября 1914 г.

«Утробным периодом» III Интернационала можно условно считать десятилетие с 1905 по 1914 г. Первая русская революция бесспорно уже сама по себе не могла не посеять семя подлинно-пролетарского боевого Интернационала.

Поражение первой русской революции и победы мировой реакции в связи с этим сделали то, что семя это не дало быстрых всходов. Но оно не пропало даром, оно взошло через десяток лет.

1905 г. в России; революционные события в Китае, Турции и Персии, в свою очередь, стоявшие в известной связи с 1905 г. в России; локальные империалистские войны, являвшиеся «предисловием» к первой всемирной империалистской войне; сама эта мировая война со всеми ее перипетиями — в частности, с обострением национального вопроса, с первыми судорожными попытками колониальных и полуколониальных стран восстать против своих угнетателей; победа буржуазной революции в России в феврале 1917 г. и победа великой пролетарской революции в России в октябре этого же года; свержение монархии в Германии и Австро-Венгрии, сопровождавшееся первыми крупными повстанческими движениями пролетариата в центре Европы; революционные события в Финляндии, в Венгрии, в Италии, в Турции, на Балканах; гражданская война в ходе пролетарской революции в России, блокада европейским империализмом этой пролетарской революции и победоносная борьба пролетарской революции против этой блокады — вот события, приведшие к образованию Коммунистического интернационала.

Над всеми этими гигантскими событиями доминируют: 1) всемирная империалистская война и 2) победа пролетарской революции в России. Учение Маркса, нашедшее себе гениального продолжателя в Ленине, ярко освещало путь пролетарскому авангарду в эти кровавые, но и великие годы. Учение Маркса, в частности его учение о войне, стало учением Коммунистического интернационала.

«Народные массы грамотны, и относиться к войне по-старому они в Европе и в Америке не могут. Они спрашивают: из-за чего 10 миллионов людей было убито и 20 миллионов искалечено? Поставить этот вопрос, значит заставить народные массы повернуть к диктатуре пролетариата... Коммунистический интернационал силен тем, что опирается на уроки всемирной империалистической бойни. В каждой стране из опыта миллионов людей подтверждается правильность его позиции все больше и больше, и тяга к Коммунистическому интернационалу теперь в сто раз шире и глубже, чем была до сих пор» (Речь Ленина, посвященная годовщине Коминтерна, 6 марта 1920 г.).

10 миллионов убитых и 20 миллионов искалеченных — вот какой ценой мировой пролетариат купил себе создание своего Коммунистического интернационала. Рождение Коминтерна из мировой войны было неизбежно — даже, если бы не подоспела победа русской рево-

люции. Без этой победы Коминтерн, быть может, еще в течение нескольких лет остался бы сравнительно небольшой зародышевой организацией — организацией *части* авангарда. Победа русской революции дала Коминтерну сразу громадную массовую базу, «во сто раз шире и глубже», чем это было бы без победы Октября, дала ему базу пролетарского государства, придала ему сразу гигантский авторитет, поставила его сразу в центре мировой политики.

В тот момент, когда война империалистская «превращалась» в войну гражданскую, все, что было лучшего во II Интернационале, «превращалось» в III Интернационал.

Совсем незадолго до мировой войны наиболее признанные вожди II Интернационала говорили открыто, что на империалистскую войну пролетариат ответит мировой революцией. В известной речи Бебеля во время марокккского конфликта говорилось: «За великой мировой войной стоит великая мировая революция. Наступают сумерки богов для буржуазного строя... Уже слышен похоронный звон по государственному и общественному порядку буржуазии». А Отто Бауэр в его «Национальном вопросе» в 1908 г. писал буквально: «Несомненно, что будущая империалистская мировая война повлечет за собою революционный переворот. Империалистская всемирная катастрофа несомненно будет началом социалистического мирового переворота».

Отто Бауэр не ошибся. Всемирная империалистская война действительно привела к началу всемирной социалистической революции, но сам Отто Бауэр и почти все остальные вожди II Интернационала, когда пробил исторический час, оказались не в лагере революции, а в лагере контрреволюции. Вожди II Интернационала были правы, когда они предсказывали, что за великой мировой войной стоит великая мировая революция. Они обещали, что во главе этой мировой революции станет возглавлявшийся ими II Интернационал. Но так как этого не случилось, так как II Интернационал потерпел позорное банкротство, то история не могла не выдвинуть другую организацию, которая взяла бы на себя выполнить неизбежное. В огне мировой войны и первой пролетарской революции рабочие создали новый Интернационал, взявший на себя выполнение той исторической миссии, которой всуе клялись Отто Бауэр и К°.

В первом уставе Коминтерна, написанном при ближайшем участии Ленина и принятом вторым всемирным конгрессом Коминтерна, говорилось:

«III Коммунистический интернационал сложился в момент, когда заканчивалась империалистская война 1914—1918 гг., в которой империалистская буржуазия различных стран принесла в жертву 20 миллионов человек...

— Помни об империалистской войне! — вот первое, с чем обращается Коминтерн к каждому труженику, где бы он ни жил, на каком бы языке он ни говорил. Помни о том, что благодаря существованию капиталистического строя небольшая горсточка капиталистов имела возможность в течение 4 долгих лет заставлять рабочих различных

стран резаться между собой. Помни о том, что буржуазная война ввергла Европу и весь мир в страшнейший голод и нищету. Помни о том, что без свержения капитализма повторение таких разбойничьих войн не только возможно, но и неизбежно».

I и даже II Интернационалы также сложились и действовали на фоне войн и крупных освободительных движений. Но насколько же шире исторический захват, характеризующий ту эпоху, когда на мировую арену вышел III Интернационал! I Интернационал «относится» к III, как франко-прусская война «относится» к мировой войне 1914—1918 гг., как Парижская коммуна, просуществовавшая несколько недель, «относится» к диктатуре пролетариата в СССР, существующей уже 12 лет. II Интернационал «относится» к III Интернационалу, как локальные войны 70-х и 90-х годов «относятся» к мировой войне 1914—1918 гг., как германская социал-демократия «относится» к большевистской партии Ленина.

«Коммунистический интернационал, основанный в марте 1919 г. в столице Российской социалистической федеративной советской республики, в городе Москве, — говорится в том же уставе Коминтерна, — торжественно перед всем миром заявил о том, что он берет на себя продолжение и завершение великого дела, начатого первым Международным товариществом рабочих... Империалистская война особенно тесно связала судьбы рабочих одной страны с судьбами пролетариев всех стран. Империалистская война лишний раз подтвердила то, что говорилось в уставе I Интернационала: освобождение рабочих является задачей не местной или национальной, а задачей *международной*».

И I и II Интернационалы считали одной из главных своих задач — борьбу против царской России. С первых же шагов своей политической деятельности Маркс и Энгельс видели в русском царизме заклятого врага, стоящего поперек дороги всякому прогрессу и являющегося одним из важнейших препятствий на пути пролетарской революции. Под этим углом зрения Маркс и Энгельс подходили к событиям 1848 г., под этим же углом зрения руководили они и I Интернационалом. II Интернационал воспринял эту традицию от I Интернационала — и на первых порах вполне искренно. Но когда грянула мировая империалистская война, вожди подгнившего II Интернационала сумели и из этого лозунга «против русского царизма» сделать то же употребление, что и из ряда других революционных лозунгов: они стали его употреблять для того, чтобы замаскировать свою собственную измену и затушевать свой переход на сторону «собственной» буржуазии. Известно, что главная партия II Интернационала, германская социал-демократия, свое предательство интересов рабочего класса в мировой войне мотивировала тем, что, поддерживая Вильгельма II, она якобы борется против русского царизма.

Главная партия III Интернационала, — мы говорим о партии большевиков, — вошла в историю, как партия подлинно-плебейской расправы с русским царизмом, как партия, которая действительно низвергла царскую монархию и выкорчевала ее корни, а затем низвергла и рус-

скую буржуазию, — и в то же время как партия, которая первая выставила и до конца провела тезис: «революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения *своему* правительству». III Интернационал родился в более счастливое время, чем предшествовавшие ему Интернационалы. Царское самодержавие, в течение долгих десятилетий игравшее по отношению к мировой революции роль международного жандарма, было стерто с лица земли. В своем первом уставе Коминтерн имел возможность написать следующие гордые слова: «Коммунистический интернационал целиком и беззаветно поддерживает завоевания великой пролетарской революции в России, первой победоносной социалистической революции в мировой истории, и зовет пролетариев всего мира итти по тому же пути. Коммунистический интернационал обязуется всеми силами поддержать каждую советскую республику, где бы она ни создалась».

Гегемония в международном рабочем движении, принадлежавшая сначала Англии и перешедшая затем во Францию, в эпоху II Интернационала бесспорно находилась в руках Германии, т. е. германской социал-демократии. С образованием Коммунистического интернационала, родившегося из мировой войны и русской революции, гегемония в международном рабочем движении перешла к России.

Так вышло, писал Ленин, на время — само собою разумеется, лишь на короткое время — гегемония в революционном пролетарском Интернационале перешла к русским, как она была в различные периоды XIX в. у англичан, потом у французов, потом у немцев.

Когда Франция проделывала свою великую буржуазную революцию, пробуждая к исторически новой жизни весь континент Европы, Англия оказалась во главе контрреволюционной коалиции, будучи в то же время капиталистически гораздо более развитой, чем Франция. А английское рабочее движение той эпохи гениально предвосхищает многое из будущего марксизма.

Когда Англия дала миру первое, широкое, действительно массовое, политически оформленное, пролетарски-революционное движение, чартизм, на континенте Европы происходили в большинстве случаев слабые буржуазные революции, а во Франции вспыхнула первая великая гражданская война между пролетариатом и буржуазией. Буржуазия разбила различные национальные отряды пролетариата поодиночке и по-разному в разных странах.

Франция как бы исчерпала силы пролетариата на два геройских, давших необычайно много во всемирно-историческом смысле, восстания рабочего класса против буржуазии в 1848 и 1871 гг. Гегемония в Интернационале рабочего движения перешла затем к Германии, с 70-х годов XIX в., когда Германия была экономически позади и Англии, и Франции. А когда Германия обогнала экономически обе эти страны, т. е. ко второму десятилетию XX в., тогда во главе всемирно-образцовой марксистской рабочей партии Германии оказалась кучка отъявленных мерзавцев, самой грязной, продавшейся капиталистам сволочи, от Шейдемана и Носке до Давида и Легина, самых отвратительных палачей

из рабочих на службе у монархии и контрреволюционной буржуазии (Ленин, III Интернационал и его место в истории, т. XVI, стр. 183—184).

Кто, как ныне Брандлер и Тальгеймер, видят в господствующей роли ВКП в Коминтерне «несчастье», кто хочет разговаривать с русскими коммунистами «только как сила с силой» или «держава с державой» — тот «забыл» только что приведенные слова Ленина. Первая победоносная пролетарская революция не может ни на минуту забыть своих международных обязанностей. Но международный пролетарский революционер не может воспринимать, как «иго», руководящую роль победившей пролетарской революции в Интернационале.

* * *

Мировая империалистская война принесла бездну зла человечеству, но она приблизила в громадной степени начало гражданской войны во всемирном масштабе, приблизила социалистическую революцию и тем самым приблизила человечество к освобождению от позора и ига капитализма.

Мы приводили выше заявления Отто Бауэра и Бебеля. Главный теоретик II Интернационала, К. Каутский, исписал себе все пальцы, доказывая ту же мысль. Еще в его сочинениях «Социальная революция», «Путь к власти» и т. п. Каутский убедительным и неотразимым образом доказывал связь между войной и революцией. А когда в связи с всемирной империалистской войной пришла пролетарская революция в России и родился Коммунистический интернационал, Каутский «не принял» этой революции и объявил ее «незакономерной».

«Экономическое мышление и экономическое понимание, — стал плакаться Каутский, — выпадает из голов всех классов. Долгая война приучила широкие слои пролетариев к полному пренебрежению экономическими условиями и к твердой вере во всемогущество насилия». Это два «пунктика» нашего «весьма ученого» человека, — высмеивал за это Каутского Ленин.

«Мы ожидали, — пишет он (Каутский), — что революция придет как продукт пролетарской классовой борьбы..., а революция пришла вследствие военного краха господствующей системы и в России и в Германии». Другими словами: сей мудрец ожидал революции мирной. Г-н Каутский растерялся до того, что забыл, как он писал раньше, когда он был марксистом, о том, что война сама, вероятно, будет поводом к революции» (Ленин).

Ленинизм, как мировое направление в международном рабочем движении, особенно тесно связан с проблемами войны. Ленин продолжал дело Маркса во всех отраслях экономики, политики, знания. Но быть может ни в одном вопросе эта роль Ленина, как непосредственного продолжателя Маркса, не является столь очевидной, как именно в вопросах объяснения войны, подхода к войне, выработки тактики мирового пролетариата во время войны и т. д.

* * *

I Интернационал рождался в борьбе марксизма с целым рядом других теорий в рабочем движении, стоявших на совершенно другой идейной базе.

Марксизм далеко и далеко не сразу укрепил свое положение. Первые полвека своего существования (с 40-х гг. XIX в.) марксизм боролся с теориями, которые были вкорне враждебны ему. В первой половине 40-х гг. Маркс и Энгельс свели счеты с радикальными младо-гегельянцами, стоявшими на точке зрения философского идеализма. В конце 40-х гг. выступает борьба в области экономических учений — против прудонизма. 50-е гг. завершают эту борьбу: критика партий и учений, проявивших себя в бурный 1848 г. В 60-х гг. борьба переносится из области общей теории в более близкую непосредственному рабочему движению область: изгнание бакунизма из Интернационала. В начале 70-х гг. в Германии на короткое время выдвигается прудонист Мюльбергер; в конце 70-х гг. — позитивист Дюринг. Но влияние того и другого на пролетариат уже совершенно ничтожно. Марксизм уже побеждает безусловно все прочие идеологии рабочего движения.

Такой «календарь» событий дает Ленин в его работе «Марксизм и ревизионизм».

III Интернационал, ленинский Интернационал, возникает на почве гигантского кризиса социализма — кризиса, выросшего (и в этом одна из его отличительных черт) на почве почти всеобщего словесного «признания» марксизма в международном рабочем движении. К 90-м гг. прошлого века победа марксизма была в основных своих чертах завершена, а в конце 90-х гг., непосредственно после смерти Энгельса, начинается уже резкая борьба *внутри* марксизма — возникает ревизионизм, который постепенно берет верх во II Интернационале и который к 1914 г. перерождается в социал-патриотизм.

Самое образование Коммунистического Интернационала означало борьбу за марксизм. И в то же время самое образование Коммунистического Интернационала означало всемирное торжество ленинизма — революционного марксизма империалистской эпохи.

Именно всемирная империалистская война обострила и безжалостно обнаружила кризис социализма, назревший в рамках II Интернационала в мирный органический период в 1889—1914 гг. И именно поэтому последовательно-революционная, марксовская или, что то же, ленинская постановка вопросов, связанных с войной, не случайно была решающей при зарождении Коммунистического интернационала.

Кризис, вызванный всемирной империалистской войной, был настолько силен, что он расколол не только лагерь социалистов, но и лагерь анархистов и синдикалистов. Отношение к империалистской войне, отношение к защите отечества в этой империалистской войне, отношение к вопросам революционной борьбы против империалистической войны — вот тот естественный водораздел, который возник во всем мировом рабочем движении с началом империалистской бойни. Вот почему,

основывая Коммунистический интернационал на базе законченных коммунистических партий, Ленин в то же время на первых порах приглашал в ряды Коминтерна и тех анархистов, которые высказались против «патриотизма» в империалистской войне и готовы были поддерживать революционную борьбу против войны; приглашал на первых порах в Коминтерн и такие группы, как «Индустриальные рабочие мира» (синдикалистская группа), и такие группы, как комитеты рабочих старост в Англии и т. п. — лишь бы эти группы имели подлинную связь с массовым рабочим движением и лишь бы они готовы были искренно поддерживать борьбу против войны.

Но база Коминтерна была с самого начала достаточно однородной. В основу его легла стальная большевистская партия, до конца верная Марксу и Ленину. Идейной базой Коминтерна с самого начала являлся ленинизм. Всемирная историческая обстановка сложилась так, что с самого начала образования Коминтерна ленинизм имел в нем гораздо более прочное и безраздельное влияние, нежели марксизм в I Интернационале, основанном Марксом [1].

Коммунистический интернационал складывался в огне империалистской войны. Циммервальд и Кинталь были только этапами в деле подготовки Коммунистического интернационала, и не слишком значительными этапами. Решающее значение имела разумеется русская революция, а затем революционные события в Германии в 1918—1919 гг. Когда на территории, обнимающей шестую часть земной суши, превращение империалистской войны в гражданскую и победа пролетарской диктатуры, выросшей на этой основе, стали фактом, — Коммунистический интернационал был создан.

Первая большевистская революция, говорит в одном месте Ленин, вырвала в 1917 г. из огня всемирной империалистской войны, спасла от ужасов империалистской бойни первую сотню миллионов людей. Величайшая из «амбиций» мирового большевизма заключается в том, чтобы «сэкономить» человечеству дальнейшие мировые бойни, т. е. добиться того, чтобы буржуазия не могла больше бросить человечество в новые империалистские войны. Если Коммунистическому интернационалу удастся действовать вполне в духе Маркса и Ленина, если он встретит надлежащую поддержку решающих слоев мирового пролетариата, то может быть нам удастся схватить империализм за руку еще в самую последнюю минуту перед тем, как он попытается зажечь новую империалистскую бойню. Кто скажет, что это совсем-таки невозможно?

---

[1] Крайне интересно в этом отношении письмо Маркса к Энгельсу от 4 ноября 1864 года, описывающее первые шаги к образованию I Интернационала. Масса случайного. Руководящая роль принадлежит отчаянным путаникам. Марксу с трудом удается проложить себе дорогу. Ему приходится приспособляться, итти на уступки. «Было очень трудно так поставить дело, чтобы наши взгляды приняли такую форму, которая сделала бы их приемлемыми для теперешней точки зрения рабочего движения», — пишет Маркс. Совсем другую картину представляли первые шаги по организации III Интернационала. Марксизм-ленинизм имел полное господство с первых же шагов Коминтерна. В этом и выразился исторический «реванш» марксизма.

А если мировому большевизму удастся это, то как превосходен будет общий «баланс»! Одна победоносная революция, которая предотвратит одну большую империалистскую войну, сразу наверстала бы все «расходы», связанные с пролетарскими революциями во всем мире: «расходы» и людьми и материальными богатствами. Вот о чем мечтают «варвары» — большевики, «диктаторы» — коммунисты! Вот почему они вправе претендовать на то, чтобы все честное в мировом пролетариате оказало беззаветную поддержку СССР — оплоту мира, Коммунистическому интернационалу — коллективному организатору пролетарской революции, имеющей одной из своих задач предотвратить дальнейшие войны. Коммунистический интернационал родился из мировой империалистской войны для того, чтобы через революцию пролетариата не допустить в дальнейшем новых империалистских войн. Это не парадокс, это живая диалектика истории, это марксизм-ленинизм в действии.

Но конечно Коминтерн обязан готовиться к худшему варианту. Новые пролетарские революции *возможны* и без новых войн. Но новые империалистские войны будут невозможны без новых пролетарских революций.

Мировая буржуазия знает, что она играет с огнем. Она поэтому рискует не сразу, а будет тщательно «готовиться» к новым войнам. Коминтерн обязан зорко следить за каждым движением ее рук и быть готовым именно к тому, что империалистам *удастся* вызвать новую войну.

Империализм бесспорно ведет человечество *к новому циклу войн*. Ленин считал очень вероятным, что Советскому Союзу придется пройти через второй цикл войн, в котором будут решаться заново судьбы советской власти в России. II Интернационал — в лице его официального руководства — бесспорно окажется в этом случае в лагере буржуазии. Коммунистическому интернационалу предстоит в огне грозных событий вновь доказать, что он один является пролетарским Интернационалом. Пролетарская диктатура в СССР и весь Коминтерн должны доказать всему миру, что они сделают все, чтобы *предотвратить* новую империалистскую войну, — а если она все же возникнет, — чтобы *превратить* ее в войну гражданскую. Из мировой войны Коммунистический интернационал родился, и в новой войне опять будет решаться его судьба.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

XXIV. БУРЖУАЗНЫЕ РАБОЧИЕ ПАРТИИ В БАЛАНСЕ СИЛ ИМПЕРИАЛИЗМА.

Одной из важнейших *новых* черт современности является известное «возрождение» и усиление социал-демократии. $9^1/_4$ млн. голосов, поданных за германскую социал-демократию на выборах, есть факт серьезный, как и 10 млн. голосов за партию Макдональда.

Было бы крайне вредно как с точки зрения непосредственной работы Коминтерна, так и с точки зрения ближайших интересов нашего государства скрывать от себя вновь возросшую роль социал-демократии, в частности преуменьшать значение избирательных побед германской социал-демократии и английской Рабочей партии.

Надо понять самим и объяснить массам *причины* новых побед социал-демократии, надо попытаться предусмотреть вероятные их *последствия* для всего международного пролетарского движения и в частности для нашего государства. Надо прежде всего отдать себе ясный отчет в том, какое влияние социал-демократические победы окажут на приближение новых войн.

Современная социал-демократия есть *буржуазная рабочая партия эпохи войн и пролетарских революций.* По своему *составу* большинство с.-д. партий современности продолжают «внизу» оставаться в основном *рабочими партиями* — хотя и все больше разбавляются в ряде стран мелкобуржуазными элементами. Но *политически* с.-д. партии превратились в прямое орудие *буржуазии.* Буржуазии удалось достигнуть этого важного для нее результата при помощи сложной системы мер, выросшей и давшей особенно большой эффект с расцветом империализма.

Буржуазии удается вести за собой социал-демократию, — а через нее значительные слои рабочих и иногда даже большинство рабочего класса — при помощи: 1) создания до некоторой степени привилегированного положения для верхушки рабочих — *рабочей аристократии;* 2) прямого подкупа, деморализации, втягивания в свою орбиту (сращение профсоюзной и партийной бюрократии с органами буржуазного государства и предпринимательскими организациями) «руководящих» слоев с.-д. организаций — *рабочей бюрократии;* 3) использования того давления, которое оказывают на социал-демократию мелкобуржуазные и просто буржуазные элементы, прямо проникающие в с.-д. партию, голосующие за нее и т. п., т. е. использования *«попутчиков»*.

Все это — на фоне обмана самых широких масс населения вообще *методами буржуазной демократии:* «свобода печати», «равенство перед законом», «свобода труда» и т. п.

Было время, когда II Интернационал отражал — в основном — силу рабочего класса, растущую борьбу пролетариата против капиталистического владычества. Теперь, когда громадное большинство с.-д. партий превратилось в «буржуазные рабочие партии», II Интернационал на деле отражает *общий баланс сил буржуазии*, степень прочности капиталистического господства *над* рабочим классом, успехи буржуазной политики в рабочей среде, данный этап борьбы капитализма против будущего своего могильщика — пролетариата. Сила современной социал-демократии есть *отраженная сила буржуазии.*

Только поняв это, мы можем понять и «успехи» нынешних с.-д. партий, можем понять тот факт, что главнейшие с.-д. партии Европы, находившиеся несколько лет назад казалось чуть не при последнем издыхании, «выжили» и теперь вновь иногда кажутся даже «могущественными».

Историческая передышка, полученная капитализмом, — частичная и временная стабилизация капитализма — неизбежно стала передышкой и для социал-демократии. Раз устояла — пока что — вся буржуазная система, неизбежно должна была удержаться на поверхности и «буржуазная социал-демократия», составная часть этой системы. За *реформистом* стоит *капиталист.* За *реформизмом — империализм*, со всей его мощью, богатством, властью. Вот откуда «сила» реформизма.

Большинство с.-д. партий уже к началу войны «вызрело» в *буржуазную рабочую партию.* Когда же всемирная война привела вплотную к революционному кризису, большинство с.-д. партий показало уже себя не просто «буржуазными рабочими партиями», но буржуазными рабочими партиями *контрреволюции.* Они помогли буржуазии *физически разгромить* поднимавшуюся революцию пролетариата. В дальнейшем, в эпоху частичной стабилизации капитализма, большинство с.-д. партий стали лучшими помощниками капиталистов в деле рационализации хозяйства *за счет рабочих*, стали срывать борьбу рабочих, превращать профсоюзы в придаток к союзам предпринимателей и т. п. В то же время при каждой новой вспышке пролетарского революционного движения (всеобщая стачка в Англии, восстание в Вене, китайская революция) именно с.-д. партии брали на себя задачу подавления движения и били по голове рабочих раньше, чем движение успевало встать на ноги.

В общем и целом с.-д. партии, начиная с 1914 г., выполняют именно *ту задачу, которая в каждый данный момент является очередной злободневной для буржуазии:* 1) 1914—1918 гг.—«защита отечества» в империалистической войне; 2) 1918—1923 гг.— активная борьба с оружием в руках против подымающейся пролетарской революции; 3) 1923—1928 гг.— активная помощь восстановлению капиталистического хозяйства за счет рабочих. *Ближайшая очередная задача, которую возложит империалистическая буржуазия на с.-д., вероятно будет заключаться в помощи делу экономического и*

политического «окружения» СССР, а затем и прямого нападения на него. Во всяком случае в деле подготовки новых войн громадная роль будет принадлежать именно социал-демократии.

Как именно социал-демократия сложилась в буржуазную рабочую партию?

До мировой войны европейская социал-демократия[1], как целое, была *социалистической* рабочей партией — лишь ее правое крыло (правда все усиливавшееся) было заражено буржуазными взглядами. К моменту войны и в ходе ее (1914—1918 гг.) социал-демократия стала *буржуазной* рабочей партией.

Положение это конечно не следует понимать слишком упрощенно. Это превращение произошло конечно не «вдруг», не за одну ночь. *Внутри* социал-демократии и до войны жили, складывались и укреплялись элементы *буржуазной* рабочей партии, уживаясь до поры до времени в одной организации с элементами будущих подлинно-пролетарских партий. К концу 90-х годов прошлого столетия элементы оппортунизма — будущая *буржуазная* рабочая партия — стали особенно сильно крепнуть внутри старой социал-демократии.

Ленин любил напоминать предсказание Плеханова, сделанное в старой «Искре» в 1902 г. (когда Плеханов был еще революционным марксистом), о том, что рабочее движение будет иметь свою Гору и Жиронду, как обнаружила их Великая французская буржуазная революция. Конечно Гора и Жиронда и в Великой французской революции тоже родились не «вдруг». А с другой стороны борьба между Горой и Жирондой рабочего движения неизбежно должна стать — и уже стала — более глубокой, более содержательной, более определяющей судьбы человечества, чем борьба Горы и Жиронды в буржуазной революции, ибо само нынешнее историческое действие глубже, содержательнее, более решающе для судеб человечества.

Оглядываясь теперь назад, можно с известным правом сказать, что оппортунизм, как международное направление в рабочем движении, сложился и оформился примерно тогда же, когда сложился и оформился империализм: как раз конец 90-х годов является началом «расцвета» бернштейнианства и оппортунизма вообще во всем мировом рабочем движении. Взаимозависимость и параллелизм развития здесь — вне всякого сомнения.

Это утверждение тоже не следует понимать слишком упрощенно. «Пролетариат есть детище капитализма мирового, а не только европейского и не только империалистического» (Ленин). Оппортунизм имел разумеется свои индивидуальные черты, скажем в Англии и в России, в Германии и в Америке и т. п. Оппортунизм складывался и складывается — *по-разному* в каждой стране, в зависимости от целого ряда обстоятельств. В Англии в силу ряда исключительных обстоятельств — о чем речь ниже — оппортунизм в рабочем движении родился, возмужал

[1] Английская рабочая партия уже тогда составляла исключение. См. нашу статью «Сколько марксизмов существует на свете», «Большевик», № 16, 1928 г.

и стал «вызревать» *в буржуазную рабочую партию* на десятилетия раньше, чем в остальной Европе. В России оппортунизм, как «закопченное» буржуазное течение в рабочем движении, сложился окончательно пожалуй позднее других стран и в особо своеобразных формах, что заложено 1) в громадном запоздании буржуазной революции в России, 2) в быстром перерастании ее в социалистическую, 3) в особой роли крестьянства в русской революции и т. п. В общем можно сказать, что оппортунизм в мировом рабочем движении складывается с конца 90-х годов прошлого столетия *параллельно* с тем, как складывается империализм и превращается в *буржуазную* рабочую партию к 1914—1917 гг., когда империализм приводит к первой всемирной войне.

Как складывались «буржуазный пролетариат» и буржуазное рабочее движение в Англии — это объяснили еще Маркс и Энгельс, ставившие, как известно, это явление в связь с промышленной монополией Англии.

Как складывается буржуазная рабочая партия в *современной* Англии, потерявшей промышленную монополию, но сохранившей монополию *колониальную,* — это особенно подробно объяснил Ленин (ср. наши ссылки на Ленина в статье «Сколько марксизмов существует на свете», «Большевик», № 16). Но Ленин *продолжил* работу Маркса и Энгельса и в этой области. То, что Маркс с Энгельсом (а после смерти Маркса один Энгельс) прослеживали в отношении старой Англии с 1858 до 1892 г., Ленин с крахом II Интернационала особенно тщательно прослеживает в отношении *четырех* крупнейших и богатейших и решающих капиталистических стран: Америки, Англии, Германии и Франции.

Ленин конечно прекрасно знает, что между империализмом французским и американским или германским и английским существуют черты различия. Лучше, чем кто бы то ни было, Ленин умеет диференцировать, улавливать особое и частное в общем. Но прежде всего ему необходимо установить именно общее: найти генеральную связь между оппортунизмом и империализмом, установить общий закон, по которому империалистическая стадия капитализма сопровождается рождением *буржуазных* рабочих партий, а первая всемирная империалистская война приводит к выделению из единого доселе рабочего движения *двух партий: буржуазной* рабочей партии на одном полюсе, *коммунистической* (или большевистской) рабочей партии — на другом.

В 1848—1868 гг. и частью позже монополией пользовалась только Англия, *поэтому* в ней мог на десятилетия победить оппортунизм... Последняя треть XIX века была переходом к новой, империалистической эпохе. Монополией пользуется финансовый капитал не одной, а нескольких, очень немногих, великих держав... Тогда рабочий класс одной страны можно было подкупить, развратить на десятилетия. Теперь это невероятно, пожалуй даже невозможно, но зато *меньшие* (чем в Англии 1848—1868 гг.) прослойки «рабочей аристократии» подкупить может и подкупает *каждая* великая держава. Тогда «*буржуазная рабочая партия*», по замечательно глубокому выражению Энгельса,

могла сложиться только в одной стране... Теперь «*буржуазная рабочая партия» неизбежна и типична* для *всех* империалистических стран, но ввиду отчаянной борьбы за дележ добычи невероятно, чтобы такая партия могла надолго победить в ряде стран. Так пишет В. И.

Итак, в Америке, Англии, Франции и Германии империализм породил *буржуазную рабочую партию*. Разновидность этого мы имеем однако также в таких странах, как Россия, Япония (Ленин).

В итоге:

«Буржуазия уже родила, вскормила, обеспечила себе буржуазные рабочие партии социал-шовинистов во всех странах» (Ленин).

Так обстояло дело *во время* первой всемирной империалистической войны.

Посмотрим теперь, что произошло в этом отношении по окончании империалистической войны, как сложилось дело в течение десятилетия, протекшего со времени окончания мировой войны, как отразилась на судьбах буржуазных рабочих партий победа пролетарской революции в России.

В надвинувшихся к 1917 г. решающих боях официальные верхушки с.-д. все более безоглядно, все более откровенно связывали свою судьбу с контрреволюционной буржуазией и ее вооруженной силой, ее контрреволюционным офицерством и т. д. — против «красного призрака» социалистической революции, который на этот раз и впрямь «бродил» почти по всей Европе. В огне революционных событий страшно быстро «созревали» все эти Носке и Эберты, Либерданы и Церетели, Реннеры и Бауэры. Лучший пример — «наши» русские меньшевики и эсеры. Русские меньшевики издавна были партией мелкобуржуазного реформизма. Но как быстро в огне революционных событий эти «добродетельные» мещане «дозрели» *до прямой контрреволюционной борьбы с оружием в руках* против революционных рабочих и солдат!

В марте 1917 г. совершилась «великая», «бескровная» буржуазная революция в России, и наша «революционная демократия» мирно овладела Советами, эксплоатируя «добросовестное оборончество» масс. А уже в июле 1917 г. вожди меньшевиков открыто сотрудничали с кандидатами в русские Кавеньяки в деле подавления питерских рабочих, революционных матросов Кронштадта и примкнувших к ним революционных полков пулеметчиков. А еще через несколько недель — уже с энтузиазмом защищали и проводили смертную казнь для революционных солдат на фронтах.

Столь же быстро «созревали» Эберты, Носке, Шейдеманы и К° в Германии, как только там началась революция. Автор недавно вышедшей примечательной книги «Марксизм и немецкое войско в мировой войне», майор Фолькман, с откровенностью прямо брутальной заявляет, что от поведения с.-д., с одной стороны, и основных кадров офицерского корпуса, с другой стороны, зависел ход и исход войны для Германии; что хотя «пути социал-демократии, партнерши в великой игре, в которой (игре) решалось будущее Германии, не были столь же прямыми, как пути офицерского корпуса», но это только потому, что «раскол с самого

начала вносили сторонники строгого интернационализма и учения Маркса». Тот же майор с похвальной откровенностью формулирует суть дела, когда заявляет: «Радикалы (будущие коммунисты) рвались (в 1918—1919 гг.) вперед, добиваясь присоединения к Москве и работая за мировую революцию. Умеренные с.-д. *с помощью офицеров старой армии* сломили этот натиск» (названная книга, стр. 13—15). Разве не с тою же помощью «офицеров старой армии» вожди социал-демократии убили Карла Либкнехта и Розу Люксембург!

«Форма крушения прусской идеи во второй половине 1918 г. была беспримерной, — жалуется майор. — На арене внешней борьбы Пруссия держалась стойко до самых последних дней войны, отбиваясь от целого мира врагов. А вот внутри страны Пруссия вынуждена была капитулировать перед какими-нибудь несколькими тысячами бунтующей матросни» (стр. 12). Но, как известно, и с этой «бунтующей матросней» Носке с Эбертом расправились опять-таки «с помощью офицеров старой армии». Если с такой же «бунтующей матросней» в октябре 1917 г. не удалось расправиться русским меньшевикам и эсерам, то это уж не по их вине.

Через несколько лет после окончания войны, когда буржуазии при помощи с.-д. удалось на время отсрочить свою гибель, когда непосредственно-революционная ситуация на время уступила место частичной стабилизации капитализма, вожди с.-д. в полемике против коммунистов всегда выдвигали тот «довод», что коммунисты оказались-де неправы в главном и основном, так как международная революция еще не произошла. «Где же ваша международная революция?» — потирая руки от удовольствия, говорят с ехидством эти люди. Сначала сами помогли буржуазии разбить передовые отряды рабочих в решающих пунктах, а затем вопрошают: «где же ваша международная революция?» Они поступают так же, как самые злостные штрейкбрехеры, которые, прямо продавшись капиталистам, сначала срывают рабочую стачку, а потом пытаются издеваться над пролетариями, оставшимися верными этой стачке: «Но почему же вы не бастуете дальше? Много ли помогла ваша стачка?»

Вернейшие слуги буржуазии, вожди «буржуазных рабочих партий» превратили в 1918—1920 гг. эти партии в организации *прямой контрреволюции*, вступив в тесный союз с Людендорфами и другими Корниловыми. И в то же время эти господа пытаются попрежнему слыть «социалистами» и даже «марксистами».

Не только сами вожди «буржуазных рабочих партий», но и их хозяева из лагеря империалистов понимали — и иногда высказывали это открыто, — что именно для успешного выполнения своей контрреволюционной роли социал-демократы должны сохранять вывеску «социализма», должны на словах сохранять верность «социалистическим идеалам». Один из умнейших органов германских консерваторов еще в разгар мировой войны писал, что «характер рабочей партии с социалистическими идеалами она (социал-демократия) должна сохранить, *ибо в тот момент, когда она откажется от этого, возникнет новая*

партия, которая воспримет программу, от которой прежняя партия отреклась, и придаст ей еще более радикальную формулировку» («Прусские ежегодники», 1915, IV, стр. 50—51). В этих словах твердою и умелою рукой начертана вся та программа, которую диктует *своей* социал-демократии *буржуазия* и которую вожди «буржуазной рабочей партии» и стараются проводить по мере сил и разумения.

В моменты, когда волны революционного прибоя вздымались особенно высоко, буржуазии приходилось итти на самую рискованную игру и «изловчаться» всячески. В центральном органе германской социал-демократии («Форвертс» от 24 апреля 1919 г.) была помещена статья Фрейгерра Карла Шенка фон-Швейнсберга, который писал: «Если мы хотим спасти Германию от русской советской системы «вся власть Советам», то нам остается только одно: мы должны сами дать германским рабочим *разумную* советскую систему — такую систему, при которой Советы были бы второй палатой рядом с Национальным собранием... Таким образом нам удалось бы установить известное равновесие сил».

Эту «программу», начертанную наиболее дальновидными представителями буржуазии, как известно, с «ученым видом знатока» защищали немного позже Гильфердинг, Каутский и другие вожди тогдашних «независимых» с.-д., не говоря уже о Шейдеманах. И именно под этим флагом с.-д. вожди на деле саботировали Советы и срывали рабочую революцию.

В той или другой форме, применяясь к конкретной обстановке в данной стране, эту же роль ударных колонн против назревающей революции сыграли в ту пору с.-д. партии в Италии, Чехо-Словакии, на Балканах и даже в такой стране, как Голландия.

Без с.-д. партий буржуазия не могла бы в этой обстановке победить революционное движение рабочих и солдат. Чем сильнее была официальная с.-д., тем легче — при прочих равных условиях — буржуазия справлялась с революционным движением «низших» классов. Через социал-демократию, через «доверенных людей» с.-д. партий, через ее депутатов, профсоюзных чиновников, газетчиков, ораторов, через весь аппарат с.-д. *буржуазная контрреволюция* проникла в самую сердцевину рабочего движения, разлагала массы посулами, лаской, обещаниями и в то же время запугиваниями, внесением колебаний и раскола в ряды борцов, а в решающий момент и прямыми расстрелами.

С началом мировой войны оппортунизм не мог не превратиться в социал-шовинизм. С началом пролетарской революции оппортунизм не мог не перерасти в *прямую контрреволюцию*.

Так элементы «буржуазной рабочей партии», до поры до времени гнездившиеся в недрах II Интернационала в *полудремлющем состоянии*, к началу эпохи пролетарской революции превратились в «буржуазные рабочие партии контрреволюции». И не было у буржуазии орудия против пролетарской революции более «подходящего», более «целесообразного», более соответствовавшего ее потребностям в данную историческую эпоху, как эта контрреволюционная социал-демократия.

Был момент — особенно в первую победоносную полосу германской революции, — когда естественно было думать, что песенка социал-демократии окончательно спета, что рабочий класс разорвет сейчас же путы буржуазии и социал-демократии, что вместе с буржуазией будет разбита вдребезги и «буржуазная рабочая партия». Памятно, что свою работу «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленин оборвал, когда пришла весть о победе германской революции. 10 ноября 1918 г. Ленин писал: «В ночь с 9-го на 10-е получены известия из Германии о начавшейся победоносной революции сначала в Киле и др. северных и приморских городах, где власть перешла в руки Советов рабочих и солдатских депутатов, затем в Берлине, где власть тоже перешла в руки Совета. Заключение, которое мне осталось написать к брошюре о Каутском и о пролетарской революции, становится излишним».

В статье против Макдональда, «товарищески» уговаривавшего большевиков не рвать с «центром» и не строить своего особого Интернационала (как далеко ушли мы от тех времен!), Ленин 14 июля 1919 г. писал: «Массы пролетариев и полупролетариев — за нас и переходят к нам не по дням, а по часам. Бернский Интернационал — штаб без армии, который развалится, как карточный домик, если разоблачить его перед массами до конца».

В речи, посвященной первой годовщине Коминтерна, Ленин говорил: «Учитывая положение дел, можно сказать, что II Интернационал убит, и массы рабочих в Германии, Англии и Франции переходят на сторону коммунистов». Даже в «Детской болезни «левизны» (весна 1920 года) Ленин говорит о II Интернационале, что он «ныне уже фактически убит» (т. XVII, стр. 177).

Весной 1920 г. Ленин пишет, что «Второй Интернационал отныне уже фактически убит». А между тем известно, что на выборах в учредительный рейхстаг в 1919 г. германская социал-демократия, одна из важнейших партий II Интернационала, получила 11½ миллионов голосов (с.-д. *плюс* независимые с.-д.), что составляло 37,8% всех поданных голосов. Этого факта не мог не знать Ленин. Как же понять его слова, что Второй Интернационал уже убит? Нет ли тут противоречия?

Ссылаясь на эти и подобные заявления Ленина и всех большевиков, теоретики с.-д. Отто Бауэр, Каутский и К° не раз с апломбом и указывали на то, что-де анализ Ленина не подтвердился, что с.-д. оказалась «непобедимой» и т. п. Конечно, поскольку ход мировой революции оказался более затяжным, поскольку капитализму удалось еще на время «закрепиться», непосредственная гибель с.-д. тоже задержалась. Буржуазия и меньшевики в России, как известно, считали, что они «непобедимы», даже тогда, когда до победы пролетарской революции над ними оставалось всего несколько недель. Судьба русских партий II Интернационала (меньшевиков и эсеров), так сказать, «в обратном порядке» подтверждает особенно наглядно то, что мы говорили выше о связи между реформизмом и империализмом. Победа рабочего класса СССР над своей буржуазией означала через совсем короткий срок

радикальную ликвидацию меньшевиков и эсеров. А если бы в 1917 г. удержалась буржуазная демократия в России, — о, сколь «непобедимыми» считали бы себя меньшевики и эсеры в России!

Да, некоторую отсрочку «буржуазные рабочие партии контрреволюции» получили вместе с их буржуазными хозяевами. Это мы, большевики, должны признать.

И все-таки Ленин был прав, когда еще 1 ноября 1914 г. писал: «II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом».

Оппортунизм, реформизм, буржуазная рабочая политика *исторически обречены*. В этом смысле они мертвы. Но это отнюдь не значит, что реформизм уже сейчас не играет никакой роли в *руках буржуазии*, что его не смогут использовать *империалисты против рабочих*. Реформизм исторически мертв. А все-таки он пока что очень и очень годится еще для срыва германской революции в 1918—1919 гг., для срыва всеобщей забастовки в Англии в 1926 г., для помощи империалистам в деле удушения китайской революции в 1927 г. «Классическими» образцами контрреволюционной роли реформистов в будущем вероятно будут считаться роль германских с.-д. в германской революции 1918—1919 гг. и роль Генсовета в английской всеобщей забастовке 1926 г. Два крупнейших примера — *покуда* крупнейших! — того, как «социалистические» агенты буржуазии «возглавляют» рабочее движение, чтобы в должный момент *обезглавить* его. И все-таки буржуазный «социализм» — или, что то же, реформизм — исторически обречен и мертв как в Германии, так и в Англии.

Европейский рабочий зачастую все еще верит в возможность через социал-демократию *мирными средствами* добиться улучшения своего положения. Он все еще надеется избегнуть жертв, с которыми связан путь революции. «Передовая» европейская буржуазия и ее спутник — социал-демократия — всеми силами поддерживают эти настроения у рабочих. Но в то же время вся *практика* буржуазии делает все, чтобы постепенно освободить рабочих от мирных иллюзий. Новый «подъем» социал-демократии, новый опыт коалиционных и чисто социал-демократических правительств освободит от этих иллюзий новые большие слои рабочих. Например правительственная деятельность кабинета Германа Мюллера и второго «Рабочего» правительства Макдональда несомненно излечит от мирных реформистских иллюзий не одну сотню тысяч немецких рабочих, которые перейдут от с.-д. к коммунистам. Опыт с голосованием с.-д. министров за постройку броненосца говорит об этом достаточно красноречиво.

Что «массы рабочих в Германии, Англии и Франции *переходят* на сторону коммунистов» — это оказалось верно только *как тенденция*, а еще не как совершившийся факт.

Когда коммунистическая партия Германии, при наличии сильной социал-демократии, в мае 1928 г. получает $3^1/_4$ млн. голосов, это значит, что массы рабочих «переходят» (но еще не в достаточной степени) на сторону коммунистов. Напомним, что в 1912 г. (последние выборы перед войной) германская социал-демократия, будучи един-

ственной рабочей партией в стране, получила 4½ млн. голосов. И это считалось громадным успехом.

Когда весною 1928 г. французские коммунисты получают свыше миллиона голосов (против социалистов, хотя и собравших 1 640 000 голосов, но не по своим чистым спискам, а в ряде округов по «картельным» спискам с буржуазией), это значит, что массы «переходят» к коммунистам, но еще далеко не в достаточной степени.

В Англии переход рабочих масс к коммунистам особенно труден по причинам, которые в свое время были достаточно разъяснены Марксом, Энгельсом, Лениным.

Избирательные парламентские успехи вообще не могут считаться сколько-нибудь исчерпывающим критерием, чтобы судить о том, насколько массы переходят к коммунистам, ибо социал-демократия, тысячами нитей связанная с буржуазией, имеет на этой арене бесчисленные преимущества перед коммунистами.

Коммунисты не имеют права чрезмерно обольщаться избирательными успехами и тогда, когда они налицо. В Чехо-Словакии компартия получает на выборах миллион голосов и больше. А когда она в 1928 году призвала рабочих на запрещенную правительством антимилитаристскую демонстрацию, она собрала только несколько тысяч человек. Только в горниле классовых битв, только через действительные классовые бои познается подлинная сила компартий.

Несомненно, что в вопросе *о сроках* перехода к нам масс от с.-д. партий все мы в первые годы нашей революции были слишком оптимистичны. Это стояло в тесной связи с нашей ошибкой в вопросе *о сроках* победы пролетарских революций в Европе вообще [1].

Ленин писал по другому поводу:

«Капитализм уже много десятилетий тому назад можно было, и с полным правом, объявить «исторически изжитым», но это нисколько не устраняет необходимости очень долгой и очень упорной борьбы на почве капитализма. «Исторически изжит» парламентаризм в смысле всемирно-историческом, т. е. эпоха буржуазного парламентаризма кончена, эпоха диктатуры пролетариата началась. Это бесспорно. Но всемирно-исторический масштаб считает десятилетиями. На 10—20 лет раньше или позже, это с точки зрения всемирно-исторического мас-

[1] Такие ошибки бывали и у Маркса и у Энгельса. В частности ошибались они и относительно германской с.-д. Маркс и Энгельс достаточно часто и решительно предупреждали против оппортунизма в германской с.-д., тогда еще молодой партии, в которой оппортунизм только еще прокладывал себе дорогу. Энгельс умер на 12 лет позже Маркса. Он резко боролся против правого крыла социализма. Он видел уже явственный рост оппортунизма в германской с.-д., против которого он предупреждал особенно настойчиво в ряде частных писем к тогдашним вождям германской с.-д. (Бебелю и др.). И тем не менее Энгельс умирал (см. документы, собранные в брошюре «Политическое завещание Энгельса»), будучи уверен, что германская с.-д. все же в основном останется революционной пролетарской партией и выполнит свою историческую миссию. Одно время Энгельс допускал, что германская с.-д. не выдержит испытания мировой войны, но в начале 90-х годов склонялся к более оптимистической перспективе.

штаба безразлично, это с точки зрения всемирной истории — мелочь, которую нельзя даже приблизительно учесть» (т. XVII, стр. 146).

То же можно сказать о реформизме, о социал-демократии. Эпоха реформизма кончена, эпоха коммунизма началась. Эпоха Второго интернационала кончена. Эпоха Коминтерна началась. Но это нисколько не устраняет необходимости долгой и очень упорной борьбы с социал-демократией. Исход этой борьбы — вне всякого сомнения. 10—20 лет раньше или позже — это однако немаловажный вопрос для рабочего класса, для данного поколения борцов его. Борьба идет именно за то, чтобы максимально сократить остающиеся еще — в историческом масштабе несомненно очень уже короткие — сроки существования буржуазного строя, а вместе с ним и буржуазных рабочих партий.

В таком вопросе, как «10—20 лет раньше или позже», громадное, решающее значение имеет именно *субъективный фактор*, роль организованности, роль партии.

В 1917—1920 гг., в годы кризиса, непосредственно связанного с мировой войной и ее окончанием, объективные предпосылки для низвержения капитализма в ряде стран созрели вполне. Но, чтобы он упал, нужно было его «уронить». Нужна была максимальная организованность рабочих и революционных солдат. Нужна была сильная большевистская партия в Германии, Англии, Франции и т. д. А ее-то и не было. Мало того. В то же время в этих государствах существовали старые и сильные реформистские профсоюзы и с.-д. партии, целиком перешедшие на сторону буржуазии и использовавшие против революции всю свою многолетнюю организованность, рабочие связи, знание рабочей среды, знание слабых сторон бедного люда, использовавшие вывеску социализма. Организованной большевистской партии, которая могла бы «уронить» падающий капитализм, не оказалось. А организованных с.-д. партий и реформистских профсоюзов, которые со всех ног бросились «поддерживать» и «поднимать» пошатнувшийся капитализм, оказалось более чем достаточно. «Субъективный фактор» оказался на стороне буржуазии. И благодаря этому через некоторое время смогло до известной степени перемениться и само объективное положение, — вплоть до того времени, как назреют новые изменения в соотношении сил борющихся классов.

Чтобы «уронить» капитализм в послевоенном революционном кризисе 1917—1920 гг., нужны были сильные и серьезные коммунистические партии на Западе. А между тем, как показал ход событий, коммунистические партии на Западе могли в этом кризисе только *родиться*.

Рождение коммунистических партий на Западе, это конечно — результат несравненно более скромный, нежели полная победа над капитализмом, на которую мы рассчитывали. Но все же это — результат не малый. Вспомним, с каким трудом складывалась большевистская партия в России и какой длинный срок прошел, пока она окончательно сложилась. Новые революционные кризисы в Европе, — а они не за горами, — если мы не будем делать чрезмерных ошибок, застанут уже серьезные

коммунистические партии в Европе, переболевшие ряд слабостей, освободившиеся от многих ошибок и готовые к выполнению своей исторической миссии.

За плечами молодых, только еще рождающихся коммунистических партий в Европе, в годы послевоенного кризиса стояла и стоит великая пролетарская революция в России. Эта революция является источником сил, источником вдохновения для всех коммунистических партий мира. Но за плечами с.-д. партий, быстро оправившихся от первого испуга, причиненного им революционными событиями, *стоит вся мировая буржуазия*, весь империализм, вся сила капитала, его богатства и связей.

Отношение руководящих слоев с.-д. партий к пролетарской революции в России глубоко враждебно — как ни маскируют иногда, по понятным соображениям, свою непримиримую ненависть к русской революции эти руководящие слои. Эти слои отбрасываются все больше направо каждым успехом мирового коммунизма, в частности каждым крупным успехом СССР. Революция порождает контрреволюцию. Борясь против пролетарской революции, современные чиновники с.-д. партий, профсоюзов и т. п. борются уже прямо *за свое дело*, за свои интересы. Они прекрасно отдают себе отчет в том, что если гром пролетарской революции разразится вообще, он разразится и над их головами, что полетят их привилегии, что придет конец теплым местечкам, политическому влиянию, насиженным гнездышкам, спокойной жизни. Они не могут не помнить слова Ленина, что «вожди II Интернационала — это собрание подлых убийц. От суда революционных рабочих им не уйти». Они знают, что такие слова живут уже теперь в сердцах сотен тысяч рабочих, горящих законной ненавистью к тому слою «социалистов», который превратил рабочие партии в *буржуазные* рабочие партии.

Ленин ожидал более быстрой гибели социал-демократии. Однако надо иметь в виду, что и в годы наибольшего упадка социал-демократии Ленин не уставал указывать на то, что оппортунизм в обстановке империализма имеет под собой пока что серьезную социальную базу.

В предисловии к французскому изданию своего «Империализма» Ленин пишет 6 июля 1920 г.: «...Вывоз капитала дает доход 8—10 миллиардов франков в год по довоенным ценам и довоенной буржуазной статистике. Теперь, конечно, много больше.

«Понятно, что из такой гигантской *сверхприбыли*... можно *подкупать* рабочих вождей и верхнюю прослойку рабочей аристократии. Ее и подкупают капиталисты «передовых» стран, подкупают тысячами способов, прямых и косвенных, открытых и прикрытых.

«Этот слой обуржуазившихся рабочих или «рабочей аристократии», вполне мещанских по образу жизни, по размерам заработков, по всему своему миросозерцанию, есть главная опора II Интернационала, а в наши дни главная *социальная* (не военная) *опора* буржуазии... В гражданской войне пролетариата с буржуазией они неизбежно становятся, в немалом числе, на сторону буржуазии, на сторону «версальцев» против «коммунаров» (т. XVII, стр. 248, 249).

На втором всемирном конгрессе Коминтерна Ленин 19 июля 1920 г. говорил:

«Тут мы должны поставить вопрос, чем объясняется прочность таких направлений в Европе и почему этот оппортунизм в Западной Европе сильнее, чем у нас. Да потому, что передовые страны создали и создают свою культуру возможностью жить за счет миллиарда угнетенных людей. Потому, что капиталисты этих стран получают много сверх того, что они могли бы получить, как прибыль от грабежа рабочих своей страны.

«До войны считали, что три богатейших страны, Англия, Франция и Германия, от одного только вывоза капитала за границу, не считая других доходов, имеют 8—10 миллиардов франков в год дохода.

«Понятно, что из этой милой суммы можно бросить хотя бы полмиллиарда на подачку рабочим вождям, рабочей аристократии, на всякого вида подкупы. Все дело сводится именно к подкупу. Это делается тысячами разнообразных путей: повышением культуры в наиболее крупных центрах, созданием образовательных учреждений, созданием тысяч местечек для вождей кооперативов, для вождей тред-юнионов, парламентских вождей. Но это делается везде, где есть современные цивилизованные капиталистические отношения. Эти миллиарды сверхприбыли есть экономическая основа, на которой держится оппортунизм в рабочем движении. Мы имеем в Америке, в Англии, во Франции неизмеримо более сильное упорство оппортунистических вождей, верхушки рабочего класса, аристократии рабочих; они оказывают более сильное сопротивление коммунистическому движению... Болезнь эта затянулась, излечение ее затянулось дольше, чем оптимисты могли надеяться. Оппортунизм — наш главный враг. Оппортунизм в верхах рабочего движения — это социализм не пролетарский, а буржуазный. Практически доказано, что деятели внутри рабочего движения, принадлежащие к оппортунистическому направлению — лучшие защитники буржуазии, чем сами буржуа. Без их руководства рабочими буржуазия не смогла бы держаться» (т. XVII, стр. 266).

В тезисах «о тактике РКП» (к III конгрессу Коминтерна — 12 июля 1921 г.) Ленин говорил о социал-демократии в следующих словах:

«Мелкобуржуазная демократия капиталистических стран, представленная в ее передовой части II Интернационалом и Интернационалом $2^1/_2$, является в данный момент главной опорой капитализма, поскольку под ее влиянием остается большинство или значительная часть промышленных и торговых рабочих и служащих, которые боятся в случае революции потерять свое сравнительное мещанское благополучие, созданное привилегиями империализма» (т. XVIII, ч. 1, стр. 312).

В *Германии* особенно сильно влияние рабочей *бюрократии*, разросшейся количественно до очень большой цифры. Официальные данные германской с.-д. называют цифру должностных лиц (депутатов рейхстага и ландтагов, редакторов, платных «вождей» профсоюзов и пр.) свыше 50 000 человек.

Весною 1928 г. органы германской социал-демократии называли следующие цифры:

с.-д. депутатов в рейхстаге, ландтагах, муниципалитетах и т. д.	41 799 чел.
партийных функционеров	7 000 »
профсоюзных функционеров	7 000 » [1]

В 1929 г. в отчете Магдебургскому партейтагу ЦК называет цифру уже около 100 тысяч.

В *Англии* и в особенности в *Америке* более сильное влияние имеет *рабочая аристократия*. «По отношению к Англии, — писал Ленин в 1921 г., — нельзя забывать, что если в ней особенно малочисленен класс мелких землевладельцев-арендаторов, то в ней зато исключительно высок процент живущих по-мелкобуржуазному среди рабочих и служащих, вследствие фактического рабства сотни миллионов людей в колониях, «принадлежащих» Англии» (т. XVII, стр. 314).

Во *Франции* особенно сильно влияние на социалистическую партию мелкобуржуазных *попутчиков*. При отсутствии во французской политической традиции больших рабочих организаций, многочисленных профсоюзов, сильных партий — парламентский характер социалистической партии особенно дает себя знать, а роль мелкобуржуазных попутчиков на парламентских выборах особенно велика. Во Франции трудно даже сказать точно, сколько же «чистых» социалистических голосов получает французская социалистическая партия на выборах, ибо на деле она уже в первом туре в ряде департаментов идет рука об руку с буржуазными кандидатами. Настолько «переплелась» уже французская социалистическая партия с «демократическими» слоями буржуазии.

В живой действительности конечно рабочая бюрократия, рабочая аристократия, с.-д. попутчики не отделены друг от друга китайской стеной. В разных комбинациях эти три фактора действуют в каждой из крупных с.-д. партий *одновременно*.

Аппараты с.-д. партий и реформистских профсоюзов чрезвычайно разрослись. Реформистские профсоюзы и с.-д. партии тысячами путей «сращиваются» с государственными аппаратами буржуазии и ее хозяйственными и «культурными» органами. Теперь реформистский чиновник проникает не только в парламент и муниципалитет, но и в полицию и в школьные советы, и в органы рационализации промышленности, и в комиссии Лиги наций, и в «национальные экономические советы» (Франция), и в промышленные советы, и страховые органы, и трется около банковских учреждений, продовольственных органов и т. д., и т. п. Там, где до мировой войны была тысяча чиновников «рабочего» движения, теперь будет минимум десять тысяч. И эта орава растет не по дням, а по часам, все больше разлагаясь и все больше озлобляясь на все то, что может им хоть отдаленно напомнить о грядущем «судном дне» — о социалистической революции. Ибо ее «общественное положе-

[1] Ср. эти данные с довоенными данными, приведенными нами в брошюре «Корни оборончества», написанной еще в 1915 г. и прошедшей через редакцию Ленина. Эта брошюра вошла главой в нашу книгу «Война и кризис социализма».

ние» может поколебаться только в результате революции. Именно этот, ныне очень уже многочисленный, слой делает политическую погоду в современных европейских с.-д. партиях и реформистских профсоюзах. Он очень силен, ибо 1) за его спиной стоит буржуазия и 2) он действует сейчас на фоне погрома, учиненного над рабочими массами силами буржуазии и с.-д. в последнее десятилетие.

И замечательно, что этот рабочий бюрократ ненавидит СССР, ненавидит коммунизм еще более ожесточенно, чем сама буржуазия. Лакей не только старается перед своим барином. Он больше всего боится за свое собственное дрянненькое существование. Он знает и чувствует, что живительная гроза надвигающейся пролетарской революции не оставит камня на камне от его благополучия. Основная «профессия» с.-д. чиновника и «теоретика» — злопыхательство против СССР. Весь смысл его существования теперь — борьба против пролетарской революции и пролетарских партий. За *это* его содержит буржуазия. Современный с.-д. вождь и с.-д. чиновник воюют против русской революции, против коммунизма в своей стране и против Коминтерна в целом, не только как винтики буржуазного *государства*, но и как члены обуржуазившейся рабочей *партии*, непосредственно конкурирующей с коммунистической партией в борьбе за влияние на рабочих.

«Буржуазия уже родила, вскормила, обеспечила себе «буржуазные рабочие партии» социал-шовинистов во всех странах», — писал Ленин в конце 1916 г.

Если перед 1914 г. социал-демократия была еще до известной степени загадкой и для буржуазии и для пролетарских революционеров, то теперь сомнений быть не может. Первым всемирно-историческим испытанием для с.-д. была мировая война. Вторым — русская революция. Третьим — ряд полуреволюций в европейских странах. Четвертым — эпоха частичной стабилизации капитализма. Во всех этих испытаниях социал-демократия все больше складывалась и «закалялась» как агентура контрреволюционной буржуазии.

Роль с.-д. без сомнения лишь служебная роль. Но в то же время ход классовой борьбы вплотную подвел к тому, что без с.-д. буржуазия удержаться уже не может. «Без опоры внутри пролетариата (через буржуазных агентов Второго и 2½-го Интернационала) буржуазия в Западной Европе и Америке удержать власть не в состоянии» (Ленин).

Ныне социал-демократия верой и правдой обслуживает буржуазию 1) по линии саботирования революционной борьбы *рабочего класса;* 2) по линии ее попыток разгромить все усиливающееся и разрастающееся *национально-освободительное движение* в колониальных и полуколониальных странах; 3) по линии подавления малейших элементов революционного движения крестьянства; 4) и главное — по линии подготовки войны против СССР.

Не каждый отряд социал-демократии (например с.-д. в небольших захолустных странах) есть отряд сознательных помощников империализма. Но взятая в целом нынешняя социал-демократия — мы говорим об ее руководящей части, определяющей политику с.-д., — есть агентура

империализма, есть «третья партия» буржуазии. И это несмотря на то, что многие *рабочие* с.-д. искренно ненавидят буржуазию и буржуазный строй.

Поскольку капитализм переживает сейчас нечто вроде «бабьего лета», благами этого «сезона» пользуется и социал-демократия. «Отцы» социал-демократии, согревающие свои старые кости в последних лучах закатывающегося капиталистического солнца, разнежились настолько, что им стало казаться, будто дело идет не к осени, не к закату социал-демократии, а к ее весне. Престарелый Каутский во введении к недавно вышедшей двухтомной работе «Материалистическое понимание истории» следующим образом живописует нынешнее политическое положение и ближайшие судьбы с.-д.

«Возбуждение, созданное мировой войной, начинает успокаиваться. Экономические ненормальности, принесенные войной, начинают вновь уступать место нормальным экономическим отношениям, в которых вновь находят выражение экономические законы. В то же время постепенно сходит на-нет раскол в среде трудящихся масс. Несмотря на господствующую еще пока реакцию, сила социал-демократии вновь стала расти, и с.-д. опять вступает на путь победоносного развития, которое было прервано на время. Но это развитие не есть простое продолжение того, что было до 1914 г.

«Революция не прошла бесследно. Она создала новый политический базис, на котором классовая борьба пролетариата может вестись более успешно, чем до сих пор. И она пролетаризировала несметные массы мелкой буржуазии, пробудила интерес к политическим и социальным вопросам и внушила сознание своей силы бесчисленным массам прежде индиферентных и робких людей. Как только эти новые массы людей будут в должной мере организованы и просвещены, их вступление в ряды с.-д. сделает последнюю непобедимой и отдаст ей в руки всю политическую власть. Социал-демократия завоюет власть при таких экономических обстоятельствах, которые позволят ей сделать далеко идущие шаги в направлении к освобождению труда» («Материалистическое понимание истории», стр. XIV).

Вот какие идиллические перспективы!

«Экономические ненормальности», созданные войной, уступят место «нормальным экономическим отношениям». Капитализм, слава всевышнему, вновь окрепнет, и социал-демократия вновь станет «победоносно» расти! На основе «нормальных экономических отношений» она завоюет мелкобуржуазных избирателей, придет «нормальными» путями к власти и сделает далеко идущие шаги «в направлении к освобождению труда».

«Гладко писано в бумаге!»

Беда только в том, что это столь же мало похоже на действительность, как нынешние писания Каутского на революционный марксизм...

Европа идет к революции не так, как мы пришли к ней, но Европа по существу проделывает то же самое. Каждая страна должна по-своему проделать и уже начала проделывать внутреннюю борьбу и против своих меньшевиков, и против своего оппортунизма и эсерства.

которое существует под другим названием и в большей или меньшей степени во всех странах — пишет Ленин.

Нынешний рост влияния с.-д. через некоторое время неизбежно диалектически «перерастет» в полную потерю влияния, в полное бессилие с.-д. Не забудем, что в трех главнейших странах Европы — Англия, Германия, Франция — число рабочих составляет 54 миллиона; что, в конце концов, реформисты охватывают своей организацией лишь меньшинство рабочих; что даже за последние «спокойные» годы частичной «стабилизации» в Европе ощущались могучие подземные толчки.

Коммунизм неизбежно победит в Европе и во всем мире. Одной из важнейших предпосылок ускорения этой победы является правильная оценка социал-демократии. Из всей совокупности обстоятельств вытекает, что социал-демократия есть теперь *буржуазная рабочая партия контрреволюции*, т. е. по составу своему партия еще в значительной мере рабочая, но искусно направляемая *буржуазией* и имеющая главной задачей борьбу против мировой пролетарской революции.

Социал-демократия есть уже теперь партия *буржуазная*. Кто это забыл, тот неизбежно наделает ошибок (правых). Социал-демократия есть еще и теперь партия в значительной мере по составу *рабочая*. Кто это забыл, тот неизбежно наделает ошибок (ультра-левых). Чтобы избежать и тех и других ошибок; чтобы суметь стать не на словах только, а на деле *единственной* рабочей партией во всем мире; чтобы суметь, в частности, по-ленински применить тактику единого фронта *снизу*, — словом, чтобы суметь проложить большевизму широкую дорогу во всем мире, — нужно научиться правильно оценивать современные с.-д. партии, как *буржуазные рабочие партии контрреволюции*.

Каждый вершок, приближающий нас к победе над с.-д., приближает нас и к окончательной победе над буржуазией. Борьба против с.-д. есть в то же время борьба против новых империалистских войн.

XXV. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ.

Внешняя политика главнейших партий II Интернационала носит теперь откровенно буржуазный характер. Социал-демократические вожди теперь уже почти не скрывают того, что их внешняя политика есть внешняя политика «своей» буржуазии, зачастую в самой шовинистской ее форме. Кровавые уроки первой мировой империалистской войны как бы пропали даром. Ни один здравомыслящий человек не может теперь сомневаться ни на одну минуту в том, что в случае новой войны социал-демократические вожди опять выступят откровенными агентами буржуазии, только еще более озлобленными (ибо умудренными опытом) против пролетарской революции.

Если сделать моментальный фотографический снимок с положения вещей в главнейших партиях II Интернационала к данному моменту (пишем эти строки в конце 1929 г.), то картина получится следующая:

II Интернационал, как целое, сидит у ног Лиги наций, на лету принимая от нее поручения. На сессии Лиги наций, где империалисты проваливали предложения СССР по вопросу о разоружении, II Интернационал выступал в следующей роли. Его делегация, состоявшая из авторитетнейших вождей II Интернационала (Де-Брукер, Вельс, Ренодель и др.), явилась в Женеву специально для того, чтобы облегчить представителям империалистских правительств провалить советское предложение о разоружении. Руководители Лиги наций устраивали ряд собеседований с делегацией II Интернационала самого дружеского характера. По окончании этой сессии Лиги наций, II Интернационал выступает с «отчетом» международному пролетариату о том, какое могущественное «давление» оказал II Интернационал на Лигу наций. Это «давление» заключалось в отправлении петиций в Женеву, в секретариат Лиги наций. Петиционная кампания была начата 13 февраля 1929 г. посылкой резолюции Лондонской сессии Исполнительного комитета II Интернационала. После этого решено было отправлять в Женеву петиции с аналогичным текстом от всех организаций, входящих во II Интернационал. К концу этой петиционной кампании набралось 7320 петиций. О количестве подписей на этих бумажках II Интернационал не сообщает. Но интересно распределение петиций по странам. Из 7320 петиций 4047 приходятся на Голландию, на Польшу же, непосредственно угрожающую нападением на СССР, только 2 петиции;

на Швецию приходится 2085 петиций, а на Румынию, которую империалисты специально подготовляют для нападения на СССР, —161. Голландские «социалисты» присылают 4 000 петиций, а из Германии, с ее громадной социал-демократической партией, присылают только 42. Шведские мещане от социализма присылают 2000 петиций, а из Франции приходят только 333 и из Англии 235.

Вся эта петиционная кампания представляет собой сплошную комедию, однако, комедию, выгодную для империалистов и выполненную как бы по специальному заказу. Петиции якобы также добиваются разоружения, на самом же деле они имеют задачей помочь империалистам провалить проект разоружения, представленный советским правительством. В беседах с делегациями II Интернационала вожди Лиги наций, разумеется, наговорили сколько угодно приятных фраз и надавали сколько угодно пустых обещаний. Вернувшись из Женевы, вожди II Интернационала появляются на рабочих собраниях, конечно, не для того, чтобы разоблачить Лигу наций в том, что она провалила советское предложение о разоружении, а для того, чтобы рассказать о чудесах петиционной кампании и о гигантских завоеваниях, сделанных II Интернационалом при помощи «давления» на руководителей Лиги наций. Таково разделение труда между империалистами и их агентами, социал-демократами.

Продолжаем наш моментальный фотографический снимок. Парламентские выборы в *Англии*, и заранее вся Англия, да и весь политический мир знают, что раз победила партия Макдональда, то иностранная политика Англии во всяком случае не изменится. Именно область внешней политики вожди рабочей партии открыто выделяют, как нечто «неприкосновенное». Англию, т. е. буржуазную Англию, Макдональд обязуется защищать не хуже Чемберлена, и по опыту первого правительства Макдональда и первых шагов второго его же правительства известно, что это так и будет. По отношению к СССР, к китайской революции, к революционному движению в Индии второе правительство Макдональда будет вести по существу ту же политику, что и правительство консерваторов. В последнее время мы наблюдаем все растущий подъем революционного движения в Индии. Стачечное движение рабочих в Индии уже получило размах не меньший, нежели имело стачечное движение русских рабочих непосредственно перед 1905 г. И что же? Вожди рабочей партии и Генсовета уже выступают самыми ревностными душителями революционного движения в Индии. Беспокойство господ реформистов по поводу нарастания революционного движения в Индии увеличивается с каждым днем. Уже Персель, вслед за самыми банальными империалистскими писаками, кричит о том, что индустрия Британии будет обессилена Индией. Уже один из вице-председателей Всеиндийского конгресса профсоюзов Шиба Рао заявляет, что «коммунизм должен быть подавлен в Индии, как он подавлен повсюду», что «национальное правительство, ответственное перед народом, не обнаружит никаких колебаний при проведении резких мероприятий, если они окажутся необходимыми». Другими словами, вожди II Интернационала в

Великобритании открыто ставят вопросы революционного движения Индии *с точки зрения английской буржуазии.*

Возьмем *Германию.* 1 мая 1929 г. вожди германской социал-демократии расстреливают берлинских рабочих за попытку устроить мирную маевку, а в конце того же мая германская социал-демократия на своем съезде в Магдебурге обсуждает вопрос о так называемых вооружениях Германии, т. е. по сути дела вопрос о «защите отечества» в предстоящих новых контрреволюционных войнах, главным образом об участии в войне против СССР.

Теоретический вождь всего II Интернационала Карл Каутский 1 мая 1929 г. помещает в «Форвертсе» передовую статью под заглавием «40-летие 1 мая». В этой статье можно прочитать следующее:

«Рядом с агитацией за международное рабочее законодательство майский праздник имел в виду прежде всего агитацию против войны, работу за обеспечение мира. В этом отношении также достигнуты большие успехи. Потребность в устранении какой бы то ни было военной опасности после мировой войны стала настолько всеобщей, что державы-победительницы увидели необходимость основать Лигу наций, как организацию, имеющую задачей мирное разрешение международных конфликтов и обуздание воинственно настроенных правительств. Это и есть то учреждение, которого всегда добивался Интернационал. Конечно форма организации и работа Лиги наций до сих пор только в малой степени соответствует идеалам Интернационала; будучи созданием держав-победительниц, Лига наций является до сих пор их орудием и оказывается бессильной во всех тех случаях, когда ей следовало бы выступать без этих держав-победительниц или даже против них. Однако демократическое и социал-демократическое влияния уже сейчас изменили характер Лиги наций и они изменят его еще больше, по мере того как пролетариату Англии, Франции, Германии удастся приобрести решающее влияние на свои правительства и *когда в России место диктатуры займет демократия*» («Форвертс», 1 мая 1929 г.).

И дальше Каутский живописует тот рай, который наступит в Англии, когда Макдональд станет у власти: «Конечно это не будет еще означать завоевания всей власти пролетариатом, для этого необходимо не только социалистическое правительство, но и социалистическое большинство в парламенте» (там же). И это пишет человек, когда-то считавшийся учеником и продолжателем дела Маркса! Его программа скромна: уничтожить диктатуру пролетариата в СССР, заменив ее буржуазной демократией, демократизировать Лигу наций, завоевать «чистое» макдональдовское большинство в английском парламенте; — тогда... тогда... буржуазия сможет невозбранно бросить Европу, да и весь мир в новое пламя империалистской бойни.

Германская социал-демократическая партия сейчас вновь получает руководство во II Интернационале. О той роли, которую может сыграть внешняя политика германской социал-демократии в ближайшие годы, мы говорим ниже, в особой главе. Здесь достаточно будет ограничиться

сказанным: в начале мая 1929 г. германская социал-демократия расстреливает берлинских рабочих, в конце того же месяца она принимает новую военную программу, означающую «моральную» подготовку германской социал-демократии к новой войне на стороне буржуазии против СССР. Разве это не символ!

В *Америке* Всеобщая конфедерация труда, во главе которой стоят друзья Каутского и Макдональда, тоже видит свою задачу в том, чтобы оказывать «давление»: давление на нового президента, Гувера, чтобы Гувер, боже упаси, не вздумал признать СССР и завязать с ней официальные дипломатические сношения. Правда, эта «опасность» для господ реформистов не очень велика. Но если движимая коммерческими интересами та или другая группа американской буржуазии иногда склонна заявить о необходимости признания СССР, то реформистские вожди американского рабочего движения из кожи лезут вон, чтобы бросить все свое влияние на чашу весов *против* признания СССР. Поддерживая империалистскую политику своей буржуазии по отношению к Южной Америке; поддерживая политику, выражающуюся в плане Дауэса; поддерживая, словом, всю империалистскую политику господствующих классов САСШ, — вожди американского реформизма видят свою *специальную* задачу в том, чтобы изо всех сил раздувать огонь буржуазной ненависти против первого пролетарского государства.

Так же обстоит дело и *во Франции*, и *на Балканах*, и *в Польше*, и *в Чехо-Словакии;* всюду, где существуют социал-демократические партии, они являются сейчас *крайними* партиями в смысле разжигания буржуазной классовой ненависти к СССР. Чем сильнее социал-демократическая партия в данной стране, тем *при прочих равных условиях* вероятнее и ближе нападение буржуазии этой страны на СССР.

Таков моментальный фотографический снимок с положения вещей в социал-демократических партиях главнейших буржуазных стран.

Вожди империалистов совершенно правы, когда они сравнивают роль социал-демократических кадров с ролью кадрового офицерства буржуазных армий. Действительно без социал-демократических кадров, загоняющих рабочих под знамена Людендорфа и Фоша, империалисты так же не могут обойтись, как без комсостава из числа кадрового офицерства. В некоторых отношениях социал-демократические кадры для империалистов еще ценнее, чем кадры офицерства. Ведь социал-демократия делает и общественное мнение в массах. Она поставляет массовое «сырье» для армии, она в массовом масштабе деморализует и разрушает рабочий класс. Разве берлинская маевка 1929 г. не показала этого воочию? Разве не ясно, что расстреливать первомайскую демонстрацию берлинских рабочих *удобнее всего* через социал-демократическую партию? А тем более это относится к обстановке войны. Буржуазия прекрасно знает, что если бы не социал-демократия, рабочий класс мог бы *именно для себя* использовать любую войну. Если услуги социал-демократии крайне ценны для буржуазии и в таких

«операциях», как первомайские расстрелы, то им совершенно уже цены нет во время войны.

Виднейший теоретический вождь II Интернационала, Гильфердинг, уже давно заявил в теоретическом журнале II Интернационала «Die Gesellschaft», что «старый тезис «капитализм есть война, социализм есть мир» стал неверен в обеих частях». Капитализм уже не означает войну, ибо, видите ли, «конкуренция преодолевается благодаря общности интересов: державы взаимно гарантируют друг другу их владения». А социализм потому, видите ли, не означает мира, что «внешняя политика большевиков пытается использовать национальные противоречия и освободительные стремления для их целей, которые являются своеобразной смесью реалистической русской политики экспансии с мировой революционной романтикой».

Тот же Гильфердинг в секретном заседании комиссии рейхстага намечал в 1928 г., незадолго до последних парламентских выборов, план, сводящийся к тому, что именно социал-демократия должна высказаться за военное выступление против СССР. Это, видите ли, будет «в интересах рабочего класса»: сокращение безработицы, приобретение новых рынков, завоевание «демократии» в России.

Подобные заявления столпов II Интернационала объясняют нам, почему именно вожди социал-демократических партий всего мира, как один человек, из месяца в месяц и из года в год повторяют одну и ту же клевету, будто коммунисты желают войны, будто программа Коминтерна, принятая на VI конгрессе, есть «программа войны», будто международный большевизм, и вообще-то являющийся «продуктом войны», добивается новых войн, так как большевики считают-де, что только из новых войн могут родиться новые революции. Вожди II Интернационала поступают по принципу «ловите вора!». Работая по поручению империализма на подготовку новой войны против СССР, вожди II Интернационала и должны прежде всего свалить вину с больной головы на здоровую и попытаться посеять хоть маленькое сомнение в рядах международного пролетариата: не являются ли в самом деле коммунисты виновниками будущих войн?..

Иначе нельзя и понять той прямо зоологической ненависти, которую испытывают к СССР вожди II Интернационала. Если взять даже такой экземпляр из серии травоядных, как престарелый Каутский, то и он, прямо кипящий ненавистью к рабочему классу СССР, поднимается на такую «высоту», на какую не всегда удается подняться даже прямому идеологу денежного мешка.

«С большевистской правительственной системой, — пишет Каутский в книге «Социалистический интернационал и Советская Россия», — у нас не может быть ничего общего... Подобно всякому военному деспотизму, подобно военной монархии Романовых, Габсбургов, Гогенцоллернов, она может быть преодолена только силой».

Лучший способ ликвидировать СССР — это, по мнению Каутского, восстание изнутри. Этот противник насилия, этот почти вегетарианец, — по отношению к советской власти проповедует прямое восстание. Если

русским меньшевикам и эсерам не удастся организованно подготовить восстание внутри СССР, тогда остается надеяться только на восстание стихийное. А стихийное восстание может явиться, по Каутскому, «в результате военной катастрофы, как это имело место с некоторыми монархиями: Гогенцоллернов, Габсбургов, Романовых». О Каутском лично можно было бы еще сказать, что он просто выжил из ума. Но это не так; что у «теоретика» Каутского на языке, то у «практиков» мировой социал-демократии на уме. И если в чем-либо официальное руководство II Интернационала проявляет некоторую стойкость и последовательность, так это только в кампании против СССР, которая нарастает в своей напряженности и будет нарастать еще более по мере обострения противоречий, связанных с «третьим периодом». Одной из типичнейших черт этого третьего периода является все растущая ненависть официальной социал-демократии к советскому государству — ненависть, становящаяся прямо исступленной и не останавливающаяся буквально ни перед чем.

Даже в современной Германии, потерпевшей поражение в империалистической войне, ограбленной Антантой и только еще постепенно обновляющейся в империалистском смысле, только еще мечтающей о возвращении старых колоний или о приобретении новых, только еще мечтающей о создании новой могущественной империалистской армии и флота — в Германии нет партии, более ненавидящей пролетарскую диктатуру в СССР, чем германская социал-демократия. В Германии нет партии, внешняя политика которой была бы более опасной для дела мира, для дела СССР, нежели германская социал-демократия. Центральный орган германской социал-демократии «Форвертс» доходит до такой подлости, что пишет: «Пусть нам положение вещей не изображают так, будто Россия представляет собой овечку, которая неспособна замутить воду. Русские шпионские, заговорщические методы являются бичом для всего света». Редактор международного отдела «Форвертса» «товарищ» Шиф едет на свидание с Пуанкарэ и после интервью с ним заявляет, что Пуанкарэ произвел на него «прекрасное впечатление», что с ним можно договориться, что Пуанкарэ хочет мира и готов итти навстречу Германии, что его обещание «солидно», что германская социал-демократия должна держать курс на сотрудничество с Пуанкарэ.

Поль Бонкур, вождь французских социалистов (он же — недавний представитель французской буржуазной республики в Лиге наций), приглашает социалистическую партию Франции к «бескорыстной» поддержке правительства Пуанкарэ, который «спасши франк, спас отечество». Новая палата депутатов с громадным большинством пуанкаристов выбирает Поля Бонкура председателем комиссии по иностранным делам. Комиссия эта является только одним из колесиков министерства иностранных дел, ее политика на деле есть политика Бриана. И вот председателем этой-то комиссии состоит вождь французской «социалистической» партии. Его выбрали на эту должность не потому, что французские социалисты завоевали в парламенте достаточную силу, его

выбрали потому, что лучшего выбора буржуазия сделать не могла. Ведь недаром имя Бонкура носит и тот закон, который заблаговременно приняла французская палата депутатов на период войны. Закон этот заранее отдает империалистскому правительству в полное распоряжение всю нацию. Закон Бонкура предоставляет правительству право поголовной мобилизации не только мужчин, но и женщин, заранее разрешает правительству ввести военную каторгу на фабриках и заводах. Кто же другой мог заранее провести такой закон, как не «социалистическая» партия? Поль Бонкур вполне достоин доверия французских империалистов. Он удостоился даже известного доверия со стороны английской империи. В заключении военного соглашения между Англией и Францией (1928 г.) Полю Бонкуру также принадлежала видная роль.

Вандервельде, виднейший вождь II Интернационала, не раз бывший министром «своего» короля Альберта, открыто одобряет французскую социалистическую партию, призывая ее бросить «предрассудки» и вступить, если позовут, в министерство Пуанкарэ.

Английская рабочая партия и Генеральный совет профсоюзов открыто поддерживают посылку войск в Китай, открыто участвуют в том союзе контрреволюционных сил, который громит китайскую революцию. Английская рабочая партия и Генсовет фактически дали согласие на разрыв дипломатических отношений с СССР консервативным правительством.

ППС в Польше является важнейшей опорой буржуазии, поскольку дело идет о борьбе против СССР. В вопросах внутренней политики ППС время от времени может еще затеять ту или другую мелкую борьбу с польскими помещиками и промышленниками. Но когда дело идет о внешней политике, прежде всего о политике подготовки войны против СССР — все споры умолкают. У польской буржуазии и польских помещиков нет лучшего слуги, чем ППС.

Во всех главных пунктах, откуда буржуазия сейчас непосредственно угрожает СССР — в Англии, Франции, Польше, Румынии, Германии, Финляндии — социал-демократия является ныне крупнейшей силой, но именно поэтому внешняя политика социал-демократических партий в нынешний период является самой опасной для дела мира, для дела международного пролетариата.

Именно на вопросах войны и мира произошел в 1914—1917 гг. окончательный разрыв между коммунистами и социал-демократами, между большевизмом и меньшевизмом. На вопросах войны и мира больше всего сталкивается международный большевизм с международным меньшевизмом и сейчас. На тех же вопросах произойдут решающие столкновения между Коминтерном и буржуазной рабочей партией контрреволюции, каковой ныне стала «мировая» социал-демократия.

С конца 90-х гг. (когда уже оформился международный оппортунизм) до 1914 г. (начала империалистской войны) задачей реформистов было разлагать революционное рабочее движение изнутри, медленно подтачивать его и вносить деморализацию с тем, чтобы подготовить для буржуазии «своей» страны возможность бросить рабочих одной

страны против рабочих другой страны в империалистской войне. Объективно историческая задача реформизма сводилась именно к этому.

Внутри единого тогда II Интернационала шла идейная борьба между марксизмом и ревизионизмом, борьба, о которой Ленин еще в 1908 г. сказал, что она скоро превратится в борьбу с оружием в руках.

С 1914 по 1918 г. задача официальной социал-демократии заключалась в том, чтобы помогать империалистам «своей» страны довести до «победного конца» мировую империалистскую войну, стоившую человечеству десятков миллионов человеческих жизней. Без социал-демократических кадров буржуазия в этот период не могла обойтись так же, как не могла обойтись без кадрового офицерства в своих буржуазно-помещичьих армиях.

С 1919 по 1929 г. задача официальной социал-демократии заключалась в том, чтобы сначала помочь буржуазии утопить в крови рабочих начавшиеся рабочие восстания; затем — за счет рабочих частично «стабилизировать» капитализм, провести на спине пролетариата капиталистическую рационализацию и наконец начать готовить новые войны, прежде всего против СССР. Главнейший «социальный заказ», который официальная социал-демократия получила от мировой буржуазии в нынешний период, заключается именно в борьбе против первой победившей пролетарской революции, в частности в подготовке общественного мнения пролетариата на предмет войны против СССР.

Этим объясняется в частности то, что социал-демократия открыто и официально закрепила на своем последнем конгрессе в Брюсселе политику поддержки Лиги наций. Вожди социал-демократии привязали себя к Лиге наций, как колодник к тачке. II Интернационал открыто на весь мир заявил, что в сущности все важнейшие вопросы войны и мира он «передает на разрешение Лиги наций». Такие документы, как пресловутый пакт Келлога, II Интернационал открыто объявляет чуть ли не священными скрижалями. Ни о чем подобном не могло быть речи до войны 1914 г. Вождям социал-демократии теперь не удается даже припрятывать свою политическую зависимость от буржуазии. Напротив вожди европейской социал-демократии вынуждены были открыто в значительной мере принять на себя те функции, которые раньше выполняли внутри СССР эсеры и меньшевики. Деятельность русских эсеров и меньшевиков ныне поневоле скромнее, поскольку русская буржуазия разбита революцией, поскольку пролетариат не дает ей возможности легально сорганизоваться. В буржуазных же странах вожди социал-демократии «сильны» именно связями с капиталом, с организациями буржуазии, с ее правительственными органами (в частности, с ее министерством иностранных дел), своим «сращиванием» с хозяйственными и административными органами буржуазии. Именно оттуда, из стран капитализма, II Интернационал ведет свой натиск на СССР в первую очередь, по линии внешней политики. В этой области социал-демократия особенно ценна для буржуазии, как подспорье в борьбе против советов.

Ничего похожего на Базельский манифест (1912 г.), который подписывали вожди социал-демократии, бравшие тогда на себя перед всем миром обязательство борьбы против войны, — теперь нет и быть не может. Стадия борьбы другая: партия революции сплачивает силы контрреволюции; победившая первая пролетарская революция заставляет сплачиваться все контрреволюционные силы. Борьба обостряется настолько, что вождям социал-демократии не удается теперь даже слишком часто парадировать пацифистскими фразами. Пацифистами социал-демократии являются теперь тоже только в той мере, в какой пацифистами выступают иногда господа буржуа. Непревзойденным идеалом миролюбия социал-демократические вожди чаще всего изображают САСШ. Америка, американский капитализм — вот главный источник вдохновения всей социал-демократии. Американский капитал, сыгравший такую громадную роль в деле восстановления буржуазной Германии, попутно посадил в седло и германскую социал-демократию. В скобках заметим, что этот же американский капитал, оплодотворив Италию, укрепил в седле и фашизм.

В предстоящих войнах, в частности в предстоящих войнах против СССР, официальная социал-демократия сыграет еще более контрреволюционную роль, нежели в войне 1914—1917 гг. Но именно в предстоящих военных кризисах целые «куски» рабочего состава социал-демократических партий будут откалываться от официальной социал-демократии, и густые массы социал-демократических рабочих (как и беспартийных рабочих, еще следующих за социал-демократией) будут переходить на сторону коммунизма.

По линии внешней политики, явно контрреволюционной, явно антирабочей, должны мы больше всего преследовать теперь официальные социал-демократические партии. Именно теперь, пока мир еще не нарушен, пока война еще только подготовляется, должны мы заразить рабочих огненною ненавистью к иностранной политике социал-демократии. Именно теперь должны мы создать ясность в широких массах трудящихся: *дело мира не имеет более злостных врагов, чем вожди социал-демократии; дело защиты СССР, отечества международного пролетариата, не имеет более мстительных, разнузданных, оголтелых, готовых на все противников, чем вожди контрреволюционной социал-демократии.*

* * *

События на КВЖД, имеющие мировое значение, послужили еще одной проверкой и для «мировой» социал-демократии. Как всякий крупный политический кризис, китайский кризис не мог не показать подлинного обличья крупных политических сил — в том числе социал-демократии.

Каков действительный смысл нынешних китайских событий? Что случилось в Харбине? Китайский Колчак, Чан-Кай-Ши, которому удалось на время пригнуть к земле китайскую революцию (русские Колчаки и Корниловы тоже имели сначала некоторые удачи), сделал наглое

нападение на СССР. Китайскому Колчаку в данный момент нужны внешние победы, которыми он немедленно воспользуется для того, чтобы еще с большей яростью продолжать свою палаческую работу *внутри* Китая — против «своих» рабочих и революционных крестьян. Китайский Колчак, как в свое время и русский Колчак, пользуется покровительством империалистов богатейших стран. Только слепой не видит, что эти империалисты сговорились. И Чан-Кай-Ши, нападая на СССР, действует в полном согласии со своими англо-американскими и французскими покровителями. Нынешний китайский Колчак не делает ни одного шага без совета с окружающими его представителями английских империалистов («социалист» Макдональд конечно оставил на своих местах всех английских представителей, назначенных Чемберленами), с представителями империалистской Америки и Франции; да и с японскими империалистами китайский Колчак кое-как договаривается. Предложение о «посредничестве», сделанное империалистской шельмой Брианом, конечно также согласовано.

Кажется, дело ясно. Смысл событий настолько очевиден, что не понять их нельзя. Тем не менее «мировая» социал-демократия ухитряется черное объявить белым, а белое — черным. Виновной стороной оказывается не китайский Колчак, а Союз советских социалистических республик. Остервенелая ненависть контрреволюционных вождей «мировой» социал-демократии к Советскому Союзу, к успехам его социалистического строительства, настолько безгранична, что этим господам все равно, кто нападает на СССР — лишь бы нападал.

2 июля 1929 г., т. е. еще за несколько дней до нападения китайского Колчака на КВЖД, «Форвертс», центральный орган германской с.-д., помещает в качестве передовой статью видного «вождя» русских меньшевиков П. Гарви под заглавием «Москва и Нанкин». Уже 2 июля эта, ныне министерская с.-д. газета, видимо знала, что предстоит нападение Чан-Кай-Ши на КВЖД. Ведь Гильфердинги и Мюллеры теперь «вхожи» в самое «высокое» империалистское общество. С особым упоением вдыхают они благоуханный воздух в здании американского посольства. Ничего не будет удивительного, если в свое время в руки рабочих попадут документы, которые докажут с полной бесспорностью, что такие статьи против СССР, в защиту *китайских* Колчаков в центральном органе *германских* социал-демократов пишут *русские* меньшевики по поручению *французских*, или *английских*, или *американских* империалистов. Так переплелись интересы международной контрреволюции против интересов международной революции. «Китаю нужны теперь не революционные инструктора, как Бородин, а финансовые инструктора, как американцы Кемерер и Юнг», пишет П. Гарви в названной статье. «Объединенный Китай не может допустить, чтобы Советская Россия то пользовалась им как разменной монетой в ее борьбе с Англией или Японией, то эксплоатировала его в своих коминтерновских планах мировой революции». Затем идут гнусные выдумки о мнимой связи СССР с генералом Фын-Ю-Сяном, который в последнее время подрался с Чан-Кай-Ши, кое-чего не поделивши с китайским

Колчаком. Далее идут россказни о результатах обыска, произведенного харбинской полицией в зданиях наших консульств, и т. д. Словом, *за несколько дней до нападения Чан-Кай-Ши на КВЖД* один из вождей русского меньшевизма, П. Гарви, в центральном органе германских меньшевиков подготовляет «общественное мнение» к тому, что Чан-Кай-Ши, стоящий на страже «объединенного Китая» и китайской революции (правда, буржуазной), вынужден будет «защищаться» против СССР.

Через несколько дней происходит известное выступление китайского Колчака. СССР вынужден прибегнуть к элементарным мерам самозащиты. На глазах всего мира империалисты богатейших стран, почти уже не стесняясь, вкладывают меч в руки китайского Колчака. Только слепой не видит те факторы империалистской контрреволюции, которые стоят за Чан-Кай-Ши, толкая его одновременно *и* против СССР *и* против китайской революции, вновь собирающейся с силами. Что же делают при такой оказии вожди «мировой» социал-демократии? Они поднимают неистовый вой против СССР. Среди органов буржуазной печати еще можно найти те или другие отдельные случаи, когда читателям рассказывают более или менее правдиво о событиях в Китае — из каковых изложения читатель убеждается в абсолютной правоте СССР. Но в «мировой» социал-демократической печати такого случая не найти. На *всех* языках во *всех* странах вожди контрреволюционной социал-демократии защищают китайского Колчака против СССР и разумеется также против китайской революции. Особенную энергию развивают все те же вожди *германской* социал-демократии, вновь являющейся теперь главной руководящей партией II Интернационала. Скучный «Форвертс» оживляется донельзя. Вся его первая страница полна лжи против СССР. Каждый день помещаются статьи, заметки, карикатуры, сенсационные телеграммы, стихи, письма «собственных» корреспондентов и т. п. — и все это бьет в одну точку: Чан-Кай-Ши ни в чем не виноват, во всем виноват «советский империализм». «Два народа — русский и китайский — стоят друг против друга с обнаженными саблями, а крупнейшие из капиталистических наций выступают посредниками, беря на себя труд умерить претензии Советской России к Китаю» — так изображает положение вещей «Форвертс» от 21 июля 1929 г. в передовой статье, озаглавленной «Преступление против дела мира». Китайский народ это — Чан-Кай-Ши! Китай это — китайский Колчак!

«Вдохновители советской политики жаждут трупов!» — кричит «Форвертс». Протесты рабочих, крестьян, трудящихся всего Советского Союза против нападения китайского Колчака центральный орган германской социал-демократии изображает, как «заказанные» протесты, а тон советской прессы сравнивает с тоном империалистской прессы накануне войны 1914 г. «Китайский народ виновен только в том, что не хочет более терпеть, чтобы Коминтерн навязывал ему формы внутри-политической жизни». Чан-Кай-Ши, видите ли, борется только за то, чтобы полуколониальные народы «не превращались в данников советской власти».

«Форвертсу» вторит «Популер», орган французских социал-предателей, который пропагандирует французским рабочим ту «мысль», что «тупая политика большевизма в Китае является роковой не только для китайской революции, но и для самой России».

Но особенно характерно поведение именно *германской* социал-демократии. Она приняла ближе всех к сердцу интересы китайского Колчака — хотя казалось бы непосредственная заинтересованность германского буржуазного «отечества» в китайско-советском конфликте в данный момент не так остра. В том-то и дело, что вожди германской социал-демократии «возвысились» теперь до защиты не только «отечества» *своей* буржуазии, но интересов капитала вообще, интересов мировой контрреволюции. Все более международной становится не только революция пролетариата, но и буржуазная контрреволюция. В этом разгадка той страстности и того бешенства, с которыми вожди германской социал-демократии защищают дело китайского Колчака. Враг наших врагов есть наш друг, а «наш» главный враг — диктатура пролетариата в СССР, которая одним своим существованием и развитием ускоряет нарастание революции пролетариата во всем мире. В начале империалистской войны Ленин и Либкнехт говорили: главный враг — буржуазия *своей* страны. А Носке и Шейдеманы отвечали: главный враг — правительство «*чужой*» страны, нападающей на наше «отечество». В 1917—1918 гг., когда начали разрастаться рабочие восстания против капитализма, вожди контрреволюционной социал-демократии сказали уже другое: главный враг — революционный рабочий *своей* страны. Теперь они говорят: главный враг — революционный рабочий своей страны *плюс* СССР.

Главный враг — организованная в государство диктатура пролетариата *плюс* «свои» революционные рабочие, зовущие к такой же диктатуре пролетариата, готовящие ее в «своем» отечестве. Всемирным испытанием для вождей мировой социал-демократии были: 1) мировая война; 2) Октябрьская революция и образование Коминтерна; 3) ряд революций в европейских странах; 4) начало революций в Китае и на Востоке вообще; 5) эпоха частичной стабилизации капитализма; 6) подготовка новой войны против СССР. Во всех этих проверках вожди социал-демократии все больше «закалялись», как помощники, а иногда и прямые организаторы контрреволюционной борьбы буржуазии против рабочих. Начинающаяся новая полоса оживления революционного движения в ряде стран делает вождей социал-демократии еще более оголтелыми и бешеными противниками СССР. Уже при первых успехах, при первых симптомах революционного оживления мы видим и еще увидим самое яростное сопротивление со стороны вождей социал-демократии. Именно поэтому мы видим этих господ в первых рядах разжигателей войны против СССР.

Непосредственно перед мировой войной главная задача социал-демократических вождей заключалась в том, чтобы внести оппортунистическое разложение в ряды рабочих и *подготовить* торжество «своей» буржуазии.

Во время самой мировой войны задача социал-демократических вождей заключалась в том, чтобы бросить в огонь войны рабочий класс ради наживы отечественных капиталистов.

Ко времени окончания войны, когда ярким пламенем разгорелись пролетарские восстания, задача социал-демократических вождей заключалась в том, чтобы, соединившись с контрреволюцией, какой угодно ценой подавить начинавшиеся пролетарские восстания.

Когда советская власть стала побеждать в Венгрии, Баварии и Финляндии, задача социал-демократических вождей сводилась к тому, чтобы помочь империалистическим бандитам раздавить советы в этих странах.

Когда стала упрочиваться советская власть в России и создался Коминтерн, как могучая организация, угрожающая твердыням капитализма, профессией социал-демократических вождей стало систематически отравлять сознание европейских рабочих, клевеща на советскую власть и Коминтерн.

Когда в последние годы все больше стала обозначаться полоса подготовки буржуазии к новой войне, социал-демократические вожди увидели свое призвание в том, чтобы помогать буржуазии готовить эту войну.

То, что делают теперь вожди контрреволюционной социал-демократии в связи с событиями в Харбине, это только цветочки; ягодки впереди. Работа вождей социал-демократии на китайского Колчака, являющегося только марионеткой в руках крупнейших империалистов, — это малая репетиция будущих еще больших измен. Уже сейчас ясно: кто бы, при каких бы обстоятельствах и по какому бы то ни было поводу ни напал бы на Советский Союз, — вожди социал-демократии всегда найдут «материал», чтобы оправдать это нападение, разжечь его, приукрасить его и ударить в спину СССР. Уроки этой «малой» репетиции больших измен не должны пропасть даром.

Наш ответ: глубже в массы! Надеяться только на *свои* силы; ясно видеть, что современная социал-демократия есть одна из сил буржуазии; решительней борьба против контрреволюционной социал-демократии; больше сил на разоблачение особенно гнусной роли «левых» с.-д.; ясное понимание того, что современная социал-демократия есть *буржуазная рабочая партия контрреволюции;* предположи о вождях «мировой» социал-демократии *самое худшее,* и тогда ты будешь ближе всего к действительности!

XXVI. ГРЯДУЩАЯ ВОЙНА И ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ.

Пока в генеральных штабах соответствующих империалистских государств на всех парах идет военная подготовка грядущей войны; пока буржуазная дипломатия печет один за другим договоры, направленные против СССР, а еще большее количество договоров заключает втайне; пока в Лиге наций «обобщается» значительная часть этой «работы» по дипломатическому «окружению» СССР, — «мировая» социал-демократия получила задание подготовлять общественное мнение рабочих, т. е. попытаться запутать их настолько, чтобы им трудно было отличить черное от белого. Политические вожди буржуазии и социал-демократии сознают, что обмануть и повести за собою рабочие массы во второй раз после опыта 1914—1918 гг. будет довольно трудно. Стратегия обмана поэтому разрабатывается весьма тщательно.

Замечательно стремление вождей всех крупнейших социал-демократических партий уже заранее подготовить все «принципиальные» позиции для такой роли в будущей войне. Люди перестали уже стесняться; они думают только о том, как бы не потерять золотое время. В этом отношении весьма показательно все то, что происходило накануне Магдебургского съезда (1929 г.) германской социал-демократии.

Германская социал-демократия бесспорно заняла опять руководящее место во II Интернационале. Придя к власти и лучше других понимая, что новая война все более надвигается, она с особенной настоятельностью поставила в порядок дня вопрос о так называемых вооружениях Германии. На деле в этой именно форме вновь поставлен вопрос о «защите отечества» капитализма в предстоящих новых империалистских войнах. Вожди германской социал-демократии знают, где раки зимуют. Открытая постановка ими вопроса о «защите отечества» уже сама по себе есть симптом приближения новой войны.

Важнейшим вопросом на Магдебургском съезде стоял вопрос о проблеме вооружения Германии. Тезисы к нему были выработаны специальной программной комиссией, в которую входили: председателем — пресловутый Дитман, а членами — Брейтшейд, Штампфер, Штребель, Криспин и другие виднейшие вожди партии. Знакомство с этими тезисами необходимо для каждого сознательного рабочего, для каждого человека, искренно желающего бороться против войны. Это — важнейший документ эпохи. Одного его достаточно, чтобы убедиться, что социал-

демократия стала буржуазной рабочей партией, в частности важнейшим орудием буржуазии в деле подготовки новой войны.

В обсуждение вопроса о вооружении буржуазной Германии германская социал-демократия втянула австрийскую социал-демократию и русских меньшевиков, выступающих горячими защитниками этого вооружения. Втянуть английских и французских «социалистов» в это дело и получить их поддержку пока трудно, потому что мешает антагонизм, оставшийся от времен мировой войны. Но как возможны перегруппировки в лагере буржуазных государств, так возможны и вероятны перегруппировки между партиями II Интернационала.

Вокруг этой программы накопилась огромная литература. Так называемое «левое» крыло германской социал-демократии, группирующееся вокруг журнала «Классовая борьба», выступило со своим контрпроектом. Лейпцигская организация внесла третий проект, близкий к позиции журнала «Классовая борьба». Отто Бауэр выступил честным маклером между левыми и Центральным комитетом партии, защищая в основном позицию ЦК. Макс Адлер также выступает маклером между левыми и ЦК, защищая однако в основном проект «левых». Сами «левые», становясь в позу непримиримых «революционеров», пытаются родными счесться с Розой Люксембург. На всех перекрестках кричат они о своем полном согласии с Розой Люксембург, т. е. с ошибками и слабостями этой великой революционерки, против Ленина.

Никакого серьезного расхождения между ЦК и «левыми» на деле конечно нет. Достаточно сказать, что вождь «левых» Пауль Леви в своих тезисах ставит на одну доску Советскую Россию и фашистскую Италию, выдвигая, как одну из важнейших задач, защиту «демократических свобод» германской республики против этих двух стран (см. брошюру Леви, «Вооружение и социал-демократия», стр. 44). На деле «левые» социал-демократы являются более опасными, ибо более искусными обманщиками рабочих. Их оппозиция против проектов ЦК есть чисто показная оппозиция. Их борьба против откровенного социал-патриотизма, есть только словесная борьба.

Ознакомимся подробнее с этими тезисами и с комментариями к ним как виднейших вождей германской социал-демократии, так и крупнейших органов германской буржуазии.

* * *

«Социал-демократическая партия Германии отвергает войну как средство политики. Она требует мирного разрешения всех международных конфликтов посредством обязательных третейских судов, демократизации Лиги наций и развития этой последней в действительный инструмент мира», — таков первый «торжественный» пункт вышеназванных тезисов. Его одного достаточно, чтобы видеть, что мы имеем дело в лучшем случае с буржуазно-пацифистской «рабочей» партией. Разве даже накануне 4 августа 1914 г. были возможны такие заявления хотя бы той же германской социал-демократии? Даже Носке и Шейдеманы не решились бы тогда заявить открыто, что судьбы войны и мира они отдают

в руки империалистских правительств, хотя бы эти последние и называли себя какой угодно «лигой». Даже в разгар империалистской войны в 1915 г. «инструментом мира» Каутский и К° называли II Интернационал. А теперь «инструментом мира» благополучно стала империалистская Лига наций, которую требуется только несколько усовершенствовать и демократизировать. И это говорится о той самой Лиге наций, в которую еще совсем недавно колебалась войти даже германская буржуазия. Советский Союз для германских социал-демократов не существует, зато империалистская Лига наций есть главная их надежда и прибежище. Можно ли итти дальше в предательстве самых коренных, самых жизненных интересов рабочего класса?

А чего стоит первая фраза приведенного первого тезиса! Социал-демократия, видите ли, «отвергает» войну как средство политики. С таким же успехом эти господа могли бы написать, что они «отвергают» капиталистическую систему производства, «отвергают» систему выжимания прибавочной стоимости из рабочих, «отвергают» борьбу классов. Еще Клаузевиц знал, что война есть продолжение политики, только другими средствами. А вот теперь находятся «вожди» рабочих, решающиеся кормить последних фразами о том, что с.-д. «отвергает» войну как средство политики. И это после мировой бойни 1914—1918 гг!

Собравшись теперь писать от имени партии новый программный документ о войне, «отцы» германской социал-демократии довольствуются фразой, что социал-демократическая партия «отвергает войну» как средство политики, и в то же время делают все, что необходимо для поддержки политики буржуазии — прежде всего для подготовки *ее* новой войны против Советского Союза.

К. Каутский, который был, как и Отто Бауэр, запрошен в качестве эксперта, поспешил выпустить комментарии к названным тезисам. В вышедшей его брошюре «Социал-демократия и вопрос о вооружениях» (1929 г.) сей господин пишет: «Там, где достигнута демократия, социал-демократия отвергает какую бы то ни было апелляцию к силе оружия в классовой борьбе. Точно так же социал-демократия отвергает какую бы то ни было апелляцию к силе оружия в конфликтах между двумя государствами — с тех пор как существуют учреждения, которые дают возможность урегулировать противоречия мирным путем, посредством третейского суда. Там, где существуют такие условия, социал-демократия объявляет преступлением разжигание гражданской войны так же, как и войны между государствами».

Не больше и не меньше! Пожалуй даже среди буржуазных писак нелегко найти чернильного кули, который с такой развязностью писал бы такие пошлости и гнусности.

Там — где демократия достигнута! В Англии, в Германии, во Франции сия «демократия», по Каутскому, конечно достигнута. Ведь это именно англо-французские империалисты и создали те, с позволения сказать, «учреждения», перед которыми так лакейски лебезит Каутский. А между тем именно эти «демократии» еще всего год с небольшим тому назад силой оружия громили китайскую революцию.

Г-н Каутский считает преступлением какую бы то ни было апелляцию к силе оружия в классовой борьбе — раз в данном государстве существует буржуазная демократия (Каутский явно говорит о буржуазной демократии, ибо пролетарская демократия существует только в СССР). Как жаль, что г. Каутский во-время не посоветовал своему товарищу по партии, г-ну Носке, не апеллировать к силе оружия в классовой борьбе. Быть может в этом случае до сих пор живы были бы Карл Либкнехт и Роза Люксембург.

Согласно Каутскому все устраивается чрезвычайно просто. Существует Лига наций — ведь именно об этом «учреждении» говорит Каутский, стыдливо не называя его пока по имени. Лига наций всех примирит. Единственное исключение, которое допускает Каутский, это — интервенция против СССР. В отношении к пролетарскому государству можно и должно апеллировать к силе оружия. На эту тему неоднократно распространялся г. Каутский...

«Германская социал-демократия, согласно решениям Брюссельского конгресса Социалистического рабочего интернационала от августа 1928 г., изъявляет свою решимость оказать самое сильное давление даже (!) революционными средствами на каждое правительство, которое откажется подчиниться приговору третейского суда», читаем мы далее в названных тезисах программной комиссии.

Приговору какого третейского суда? Очевидно Лиги наций. До «усовершенствования» ее или после него — остается неясным. Очевидно и до усовершенствования, ибо никакого другого примирительного «учреждения» господа социал-демократы не называют. Комментируя этот тезис, г. Каутский «уточняет»: «правом и обязанностью рабочего народа является восстать против того правительства, которое отказывается передать свой конфликт с другим правительством на суд Лиги наций или какой-либо другой примирительной инстанции».

Никакой другой «примирительной инстанции», приемлемой для Каутского, пока что не существует. Разве что он предложит создать для этой цели клуб старейших социал-предателей. Остается стало быть все та же Лига наций, которую Каутский здесь назвал уже и по имени. Что же получается конкретно? Если, например, пилсудская Польша или боярская Румыния (или оба эти государства вместе) вздумают напасть на Советский Союз, захватят часть его территории и потом заявят, что они согласны на третейское разбирательство империалистской Лиги наций, то, согласно тезисам германской социал-демократии и комментариям г. Каутского, Советский Союз обязан на это согласиться. А если пролетарское государство вздумает защищаться силой оружия, то Каутский и К° призовут рабочих восстать против советского правительства.

«Германской республике выпала на долю историческая миссия стать передовым борцом за международное разоружение» — декламируют авторы тезисов. Должно быть именно поэтому с.-д., придя к власти, немедленно поспешила вотировать кредиты на броненосцы. Должно быть именно поэтому германская социал-демократия в своих программных тезисах забывает хотя бы одним словом обмолвиться о предложениях

Советского Союза, направленных к подлинному разоружению буржуазии. Германская социал-демократия «за разоружение». Но «пока что» она борется против «одностороннего разоружения» своей буржуазии и пишет в указанных тезисах: «Социал-демократия не признает за германской республикой обязательства выполнять до конца возложенные на нее ограничительные условия вооружений, раз к этому ее принудят политические соображения или соображения военной целесообразности». Опять-таки не каждый буржуа выскажется столь откровенно. Что у умного германского буржуа на уме, то у услужливого социал-демократа на языке: мы, обиженные сыны «германской республики» (буржуазной республики, господа социал-демократы), считаемся с навязанными нам обязательствами, ограничивающими наши вооружения, лишь постольку-поскольку. При первой возможности мы постараемся наше буржуазное отечество вооружить до зубов и не пожалеем для этого средств, создаваемых потом и кровью рабочих.

Г-н Каутский разъясняет это место в тезисах следующим образом: «После окончания мировой войны победившими государствами было навязано побежденным государствам одностороннее разоружение — причем такое, которое стоит ниже минимума, требующегося для защиты отечества. Немецкий народ сумел и при этом состоянии безоружности занять подобающее положение в семье народов». Что германское отечество пока что является буржуазным отечеством — об этом ни полслова. Что иностранная буржуазия, обидевши германских буржуа, тем не менее обеспечила их достаточной военной силой для победы над собственными рабочими, для расстрела спартаковцев, для потопления в крови рабочих нескольких пролетарских восстаний — об этом ни полслова. Германская буржуазия вздыхает о том, что она недостаточно вооружена. Об этом же, вслед за своей буржуазией, горько вздыхают и господа социал-демократы.

«Пока существуют эти опасности и пока эти опасности не преодолены социалистическими правительствами по крайней мере в важнейших странах, германская республика вынуждена для защиты самоопределения ее народа содержать военную силу», читаем мы в третьем тезисе программной комиссии...

Германская республика! Дело идет очевидно о нынешней германской республике, т. е. о буржуазной германской республике — иначе надо было написать ясно, что дело идет о будущей социалистической республике. Относительно других стран сказано прямо, что там должны создаться «социалистические правительства». Итак, выходит: пока в других важнейших странах света не создадутся социалистические правительства, германская социал-демократия у себя будет стоять за защиту буржуазного отечества. А с точки зрения рабочего класса надо было бы сказать обратное: когда германская буржуазная республика превратится в советскую социалистическую республику, тогда рабочие будут стоять за защиту социалистического отечества; и тогда конечно социалистическое правительство в любой другой стране будет рассматривать интересы советской Германии, как свои собственные интересы.

После «принципиальной» части тезисов идут 10 пунктов практических «требований», вполне приемлемых для германской буржуазии и целиком укладывающихся в какую угодно умеренную программу какой угодно умеренно-либеральной или буржуазно-республиканской партии. Это — контроль рейхстага над договорами, заключаемыми военным ведомством. Это — «законодательные мероприятия для обеспечения беспристрастного и беспартийного (!) рекрутирования солдат». Это — «обеспечение военно-учебных заведений республиканским преподавательским персоналом и учебниками в республиканском духе». В «республиканском» — т. е. буржуазно-республиканском духе. Самым радикальным из десяти практических требований является требование запретить употребление военной силы при конфликтах между трудом и капиталом. Но с этим требованием недавно выступили во Франции и заведомые социал-шовинисты — когда они убедились, что солдаты начинают браться с бастующими горняками. Солдаты-патриоты считают, что пока достаточно будет полиции и «добровольных» банд, рекрутируемых по американскому образцу господами фабрикантами и заводчиками иногда в тесном сотрудничестве с реформистскими профсоюзами.

Вслед за десятью практическими требованиями буржуазного республиканизма идет тезис о том, как нехорошо поступают те военные авторитеты, которые собираются применять в грядущей войне газы и бактерии. «Социал-демократия, — говорится в этом тезисе, — клеймит позором эти варварские намерения и требует нового подтверждения существовавших ранее правовых норм в духе гуманности». То-то затрепещут «военные авторитеты».

И наконец последний тезис, требующий «морального разоружения» и кончающийся словами: «социализм — вот та сила, которая обеспечит человечеству прочный мир».

В тезисах нехватает только одной «мелочи». Совершенно ни одним словом не объяснено, каким образом осуществят социал-демократы самый социализм, если они своими собственными руками собираются упрочивать военную мощь буржуазии, а рабочим запрещают в классовой борьбе апеллировать к силе оружия.

В программную комиссию, рассказывает г. Штампфер, было внесено несколько проектов. Произошла «необыкновенно интересная дискуссия». В конце концов большинством голосов был принят проект, который мы разобрали выше. Однако ни один из внесенных проектов, по словам г. Штампфера, не высказывался против защиты современного германского отечества и против того, чтобы германская буржуазная республика вооружалась.

«Об употреблении рейхсвера во *внутренней* борьбе в тезисах говорится меньше всего. Поскольку речь идет о конфликтах между трудом и капиталом, применение рейхсвера даже прямо исключается (это «даже» звучит превосходно). Защита демократической республики против попыток насильственного низвержения ее является в первую очередь задачей полиции, сил которой при современных условиях вполне достаточно для этой цели.

Однако тезисы программной комиссии не являются программой-максимум, а лишь программой-минимум (!) политики вооружений. Максимальной же программой является программа защиты французской республики, предусматривающая на случай войны поголовную мобилизацию и то или другое участие в войне всех граждан, без различия пола. За эту программу голосовали наши французские товарищи и вполне последовательно» (Штампфер в № 612 «Форвертса»).

Так рассуждают вожди германской социал-демократии уже теперь, когда война еще не наступила. Можно себе представить, до каких низостей дойдут эти люди, когда грянет война и когда буржуазия, введя осадное положение, попытается обеспечить социал-демократическим вождям неприкосновенность против какой бы то ни было критики.

Германская буржуазия с восторгом приняла тезисы комиссии Дитмана. В «Фоссовой газете» передовик фон-Эрцен писал: «Особенно ценен тот абзац тезисов, который ясно и определенно заявляет, что при нынешних обстоятельствах для защиты самоопределения германского народа нам совершенно необходимо иметь определенные вооружения».

«Германский народ» в лице всех крупных буржуев вполне доволен тем, что социал-демократы не без успеха защищают его право на «самоопределение».

Буржуазные партии Германии только делают вид, что принятый социал-демократией проект «представляет собою принятый сюрприз». На самом деле буржуазия от своей социал-демократии ничего другого не могла ожидать.

«Комиссия германской социал-демократии выразила свой принципиальный взгляд на необходимость вооружения германской республики. То, что она при этом делает некоторые оговорки невинного характера, не имеет существенного значения», пишет газета «Германия».

А другой орган буржуазии «Дейче Альгемейне Цейтунг» еще с более похвальной откровенностью заявляет: «Не надо принимать слишком трагически то, что в социал-демократическом проекте содержится несколько старых привычных фраз относительно мира народов, разоружения и социализма, обеспечивающего мир... важно то, что в проекте содержится *решающий* тезис, что германская республика вынуждена для защиты самоопределения своего народа иметь соответствующую силу». Все остальное — дело второстепенное.

Германия экономически поднялась и опять стоит в ряду могущественнейших в техническом отношении стран. Германия опять входит в разряд империалистских государств, со всеми присущими этим государствам захватными стремлениями. Если на время — в первые годы после войны — Германии даже выгодно было не растрачивать слишком больших средств на милитаризм, то сейчас германская буржуазия может уже себе позволить серьезные расходы на восстановление военной мощи, ибо без нее дальнейшее развитие Германии по империалистскому пути невозможно.

И вот современная германская социал-демократия считает своим священным долгом обслуживать новый германский империализм во всех

его целях. И прежде всего германская социал-демократия принимает на себя два самых деликатных для нынешней германской буржуазии поручения: 1) систематически опорочивать СССР, пытаясь восстановить против него общественное мнение германских рабочих, и 2) систематически доказывать необходимость воссоздать армию и флот новой Германии. Кому же «удобнее» это сделать, как не социал-демократии, «принципиально отвергающей войну как средство политики»! И как же буржуазии не приходить в восторг при виде стараний социал-демократии, в угодном для нее направлении!..

* * *

Даже в старомодном буржуазно-демократическом пацифизме доброго старого времени все-таки иногда бывало немножко полуискреннего негодования против войны, немножко подлинной, хотя и наивной веры в то, что заклинаниями и добрыми словами можно разжалобить и убедить правительства не воевать. В современном «пацифизме» вождей социал-демократии нет даже и этого. Они не верят ни в чорта, ни в бога. Словесного пацифизма у них ровно столько, сколько нужно так сказать «на затравку», чтобы увлечь рабочих и повести их потом по той дороге, которая нужна для буржуазии. Решительно ни в чем существенном нынешняя военная программа социал-демократов не отличается от программы любой буржуазно-демократической или даже либерально-буржуазной партии.

Военная программа, принятая в Магдебурге германской социал-демократией, стоящей у власти, имеет конечно весьма непосредственное отношение к СССР. Всем известно, что ближайшую войну империалисткие разбойники готовят именно против СССР и что одной из важнейших дипломатических задач англо-французского империализма является — полностью завоевать для этого дела Германию. Характернее всего то обстоятельство, что в программном проекте германской социал-демократии нет ни одного слова о СССР, о мирной политике Советского Союза, в частности о предложениях разоружения, сделанных Литвиновым. Как будто СССР не существует на свете!

Достаточно немного припомнить, в какой обстановке появляются названные программные тезисы. Германская социал-демократия получила $9^1/_4$ миллионов голосов на последних выборах и является главной партией в стране. Германская социал-демократия является правительствующей партией. Вождь ее ЦК, Герман Мюллер, возглавляет современное правительство Германии. Иностранная политика германской буржуазии становится все более двусмысленной. Германское государство вошло в Лигу наций — мировую организацию буржуазии, ставящей себе одной из важнейших задач — «окружение» СССР и подготовку войны против него. Виднейший член названной программной комиссии германской социал-демократии г. Штампфер (он же редактор центрального органа партии) в статье, комментирующей тезисы, доказывает необходимость усилить вооружение Германии, между прочим, ссылкой на «устав Лиги наций, возлагающий на Германию, при известных обстоятельствах, уча-

стие в санкциях» («Форвертс», № 612). Конечно и г. Штампфер отлично отдает себе отчет в том, что эти пресловутые санкции имеются в виду прежде всего по отношению к Советскому Союзу.

В одной своей статье г. Отто Бауэр сам признает:

«На ближайший период времени на север от Альп возможна, пожалуй, только одна война: война Польши против Советского Союза, причем Франция, а может быть и Англия будут поддерживать своего польского союзника... В случае такой войны, у Франции будет искушение наладить кратчайшую связь со своим восточным союзником через германскую территорию (например по краткой линии Страсбург—Эгер) и таким образом лучше всего сорганизовать военное снабжение Польши. А Польша, со своей стороны, постарается занять Данциг, быть может и Восточную Пруссию, — чтобы тем обеспечить себе подвоз военного снабжения морским путем» («Кампф», март 1929 г., стр. 111).

И вот при таких обстоятельствах германская социал-демократическая партия принимает программный документ по вопросам войны, вооружений и иностранной политики германской республики, не упоминая ни одним словом даже о существовании Советского государства рядом с Германией.

Сказать прямо германским рабочим, что социал-демократия будет за войну против СССР, все-таки опасно. Рабочие массы в Германии, да и во всем мире не хотят войны, во всяком случае, не хотят войны против Советского государства. Сказать рабочим, что социал-демократия будет защищать Советское государство против буржуазии, вожди социал-демократии не могут и не хотят. Остается просто промолчать о Советском Союзе — хотя вожди социал-демократии несомненно отдают себе отчет в том, что осью мировой политики ныне являются взаимоотношения между Советским Союзом, с одной стороны, и англо-французским империализмом — с другой. Как вор обходит то место, где он совершил кражу, так вожди германской социал-демократии обходят упоминание о СССР, против которого они на деле вступают в прямой союз с империалистскими разбойниками.

Однако шила в мешке не утаишь, и занавес несколько приподнялся. Произошло это в следующей связи. Вырабатывая проект военной программы, комиссия германского ЦК обратилась к Каутскому и Отто Бауэру за ученой экспертизой. Что мог ответить Каутский — это ясно. Еще в недавно вышедшем его двухтомном «ученом» сочинении «Материалистическое понимание истории» Каутский писал: «Как только Россия достигнет демократического режима и примкнет к Лиге наций, наибольшее препятствие для всеобщего разоружения отпадает» (т. II, стр. 448).

А вот с Отто Бауэром, играющим роль «левого» во II Интернационале, приключилась следующая история. Орган русских меньшевиков «Социалистический вестник», целиком разумеется поддерживающий предательство германской социал-демократии, попытался прикрасить позицию Бауэра, а заодно ловчее обмануть русских рабочих. «Социалистический вестник» сообщал, что Отто Бауэр, будучи запрошен про-

граммной комиссией германской социал-демократии, высказался за вооружение Германии. «Бауэр, — писал «Социалистический вестник», — мотивировал свою точку зрения тем, что Германия должна оказать вооруженное сопротивление возможной интервенции стран Антанты против Советского Союза, если бы англо-французский империализм нарушил при этом германский нейтралитет» («Социалистический вестник», № 193).

Итак картина получалась такая. ЦК германской социал-демократии в своей военной программе молчит о СССР, точно этого последнего не существует на свете. Отто Бауэр перед всем внешним миром в основном поддерживает именно эту военную программу германского ЦК. А орган русских меньшевиков, имеющий специальной задачей сбить с толку русских рабочих и посеять в пролетариате Советского Союза хоть немного сомнений, заявляет, что «левый» вождь II Интернационала, Отто Бауэр, поддерживает военную программу германского ЦК *только исходя* из интересов СССР. Отто Бауэр стремится-де вооружить Германию для того, чтобы она могла оказать вооруженное сопротивление интервенции стран Антанты против Советского Союза... И в то же время русские меньшевики сами выпускают своего вождя П. Гарви с подлейшей доносительской книжкой на немецком языке, под заглавием «Красный милитаризм», имеющей задачей оклеветать Советский Союз и его Красную армию. Русские меньшевики не могут не понимать, что, издавая такие книжки, они тем самым помогают готовящейся войне против СССР, хотя на словах эти люди конечно всегда заверяют, что они «против войны».

Ловкое разделение труда, не правда ли?..

Однако «левый» Отто Бауэр не смог примириться с тем, что в глазах буржуазии он был выставлен столь «неблагонадежным», столь «крайним» революционером. И вот Отто Бауэр выступает в центральном органе германской социал-демократии «Кампф» с опровержением. Он пишет: «Орган русской социал-демократии, «Социалистический Вестник», изложил мой взгляд так, будто я стою за то, чтобы Германия оказала вооруженное сопротивление на случай, если англо-французские войска захотят, наступая на Советский Союз, нарушить нейтралитет Германии. Это — ошибка. Сможет ли Германия в этом случае оказать вооруженное сопротивление прохождению англо-французских войск через Германию и должна ли будет германская социал-демократия выступить за то, чтобы Германия это сделала, — это будет зависеть от конкретной исторической обстановки, которую нельзя предвидеть. Я не настолько глуп, чтобы выписывать готовые программные рецепты на случай таких ситуаций, которых я не могу предвидеть. Ход моих мыслей совершенно иной. Я не хотел сказать и не сказал ничего другого, кроме как то, что одностороннее разоружение Германии при нынешней обстановке в Европе, равно как и заявление, что рабочий класс Германии при всех обстоятельствах будет против вооруженной защиты германского нейтралитета, — на деле было бы равносильно почтительнейшему приглашению к сильно вооруженным государствам, чтобы они ни капельки не стеснялись воспользоваться Германией для транзита своих войск против Советского Союза, если только им это заблагорас-

судится сделать в целях контрреволюционной войны» («Кампф», март 1929 г., стр. 111—112).

Краткий смысл этой длинной и запутанной тирады Отто Бауэра ясен. Так и видишь этого «левого» Бауэра, который вертится, как чорт перед заутреней. Ему приписали, видите ли, дерзкую мысль о том, что Германия должна вооруженной рукой защищать свой нейтралитет, в случае, если бы англо-французские империалисты вздумали, наступая на Советский Союз, провести свои войска через Германию. С таким клеймом «карбонария» Отто Бауэр остаться не может, и он спешит с опровержением. Он, видите ли, думает только, что не нужно делать шагов, равносильных *приглашению* англо-французских империалистов провести свои войска через Германию. А если англо-французские империалисты без всякого приглашения сделают это, — а они уж наверняка как-нибудь обойдутся без приглашения со стороны Отто Бауэра, — тогда Отто Бауэр, как и вожди германской социал-демократии еще подумают, что им нужно сделать. Быть может в этом случае можно будет обойтись дипломатической речью в рейхстаге или вежливой резолюцией «протеста», которую пошлют в Лигу наций. Не станут же в самом деле Отто Бауэр и вожди германской социал-демократии проливать свою благородную кровь за дело СССР.

Когда в мировой империалистской войне дело шло о нарушении нейтралитета буржуазной Бельгии с королем Альбертом во главе, тогда социал-патриоты стран Антанты кричали на весь мир, что это есть вопиющее преступление; а социал-патриоты немецкого лагеря на деле поддержали Вильгельма Кровавого, ограничившись парой пустых фраз морального протеста, сдобренных ссылкой на принцип Not kennt kein Gebot (в вольном русском переводе: нужда песенки поет). Теперь готовится несколько иная расстановка сил. Если англо-французские империалисты пойдут «священной» войной против нашего рабочего государства и при этом нарушат нейтралитет буржуазной Германии, то пожалуй вожди социал-патриотов всех стран, в том числе в самой Германии, ограничатся только парой пустых фраз якобы «протеста», а на деле все, без различия языка, поддержат поход империалистов против рабочего государства. Что в случае нападения англо-французских империалистских войск на социалистическое отечество мирового пролетариата, на СССР, — германских рабочих, как и рабочих других стран, следует *призвать к прямой помощи Советскому Союзу*, — это даже не приходит в голову нашему «левому» Отто Бауэру. Его «ход мыслей совершенно иной». Это ход мыслей конечно не пролетария-интернационалиста, а верного слуги буржуазии...

Военная программа ЦК германской социал-демократии говорит о том, что Германии нужна армия, пока военная опасность в Европе не будет погашена «созданием социалистических правительств, по крайней мере, в важнейших странах». Я, заявляет Отто Бауэр, с такой формулировкой не совсем согласен. Такое ограничение я считаю неправильным. «Я бы другими глазами смотрел на разоружение Германии, если бы только взаимоотношения между западными государствами и Советским

Союзом изменились, а измениться они могут отлично и при буржуазных правительствах во Франции и в Польше» (там же, стр. 112).

Что сие значит — пойми, кто может. Буржуазные правительства во Франции и в Польше, как известно, с помощью божией и социал-демократической, существуют и ныне. Эти буржуазные правительства на каждом шагу клянутся, что они за мир. Они подписывают пакт Келлога и целый ряд других торжественных заявлений о мире. Может ли положиться на эти миролюбивые заявления международный рабочий класс, в частности рабочий класс СССР? Повидимому, и Отто Бауэр не смеет сказать, что может, а вместе с тем он делает неопределенный намек на то, чего не ведает никто. Вот если бы взаимоотношения между западными державами и Советским Союзом «изменились» (*в какую сторону*, г. Бауэр, почему вы говорите так нарочито неопределенно?) — тогда Отто Бауэр «по-иному» (*по-каковски*, г-н Бауэр, почему вы говорите так нарочито неопределенно?) поставил бы вопрос о разоружении или вооружении Германии...

Кое в чем как мы уже сказали, Отто Бауэр не согласен с военной программой ЦК германской социал-демократии. Вот одно из его замечаний — крайне характерных и бросающих свет на всю ситуацию. В названной военной программе говорится: до тех пор, пока существует опасность, что другие державы могут злоупотребить военной слабостью Германии и в случае войны двинуть свои войска через германскую территорию — причем германская республика «против ее воли может быть втянута в кровавые осложнения» — германская республика нуждается в армии «для защиты самоопределения ее народа». «Слово «самоопределение», — пишет Отто Бауэр, — кажется нам в этой связи допускающим много толкований и опасным. Оно может получить и то толкование, что Германии нужна армия *на предмет того, чтобы в случае европейской войны она могла свободно самоопределиться за ту или другую воюющую сторону, т. е. вступить в войну на стороне того или другого лагеря* (курсив наш. — *Г. З.*). По моему мнению, надо избегнуть этой опасной формулировки. Надо сказать ясно, что Германии нужна армия для того, чтобы в случае войны между другими державами она смогла сорганизовать охрану нейтральности своих границ» (там же, стр. 112).

Не правда ли, замечательно? Отто Бауэр во всем согласен со своими уважаемыми коллегами из ЦК германской социал-демократии. Он только немножечко подозревает этих последних в том, что они уже сейчас слишком откровенно создают себе лазейку для того, чтобы в случае войны принять прямое и активное участие «на той или другой стороне», т. е. на деле, конечно, на «той» стороне — на стороне государств, которые станут воевать против СССР. Это подозрение Отто Бауэра более чем основательно...

В *практической цели* Отто Бауэр *сходится* со своими уважаемыми коллегами из ЦК германской социал-демократии. Эта практическая цель заключается в том, что нужно создать возможно более сильную армию для нынешней гинденбурговской Германии, что герман-

ских социал-демократов рабочих, как и рабочих социал-демократов других стран, надо воспитывать в недоверии и даже ненависти к СССР и в «уважении» к западным «демократиям». А свою «левую» репутацию Отто Бауэр хочет спасти при помощи маленького фигового листка. Он, Отто Бауэр, стоит, видите ли, за создание германской армии только на тот предмет, чтобы Германия могла защищать свой нейтралитет. Однако когда русские меньшевики, руководясь потребностями своей агитации в стране, где господствует советская власть, хотят приписать Отто Бауэру ту мысль, что нейтралитет, на случай войны против СССР, Германия должна будет защищать всерьез, т. е. *вооруженной рукой,* — Отто Бауэр спешит отречься от своих русских коллег. Вооруженная защита нейтралитета? Чур меня. «Я не так глуп, чтобы выписывать рецепты, не зная еще точно, какая ситуация создастся».

Да, вы не так глупы, господа Бауэры. Но и рабочий класс не так глуп, чтобы не видеть вашей мошеннической игры. В частности, рабочий класс СССР хорошо знает цену и правым и «левым» социал-демократам. А Коммунистический интернационал на основании своего десятилетнего опыта сформулировал на VI конгрессе отношение международных революционных пролетариев к социал-демократии в достаточной степени четко.

Еще в воздухе не запахло порохом, еще не грянул первый выстрел, а уже вожди «мировой» социал-демократии вертятся, как ужи. Уже сейчас пускается в ход вся иезуитская изобретательность этих дрессированных агентов капитала, чтобы напустить как можно больше тумана, чтобы запутать простые и ясные вещи, чтобы уже сейчас засорить мозги рабочих...

Положение Германии сейчас не совсем обычное — говорят господа социал-демократы. Это верно. Но как должны были бы оценить это своеобразное положение вожди подлинно рабочей партии, а не буржуазно-пацифистские шарлатаны.

Пролетарская партия должна была бы сказать следующее:

Империалистская буржуазия нашей страны навлекла в 1914—1918 гг. неслыханные бедствия на нашу родину. Империалистская Германия потерпела поражение в мировой бойне. Грабители победивших стран воспользовались случаем, чтобы пограбить побежденные страны и ослабить своих конкурентов, капиталистов Германии. Империалисты Антанты запретили германской буржуазии содержать большую армию и флот, разрешив ей содержать лишь такую военную силу, которой достаточно для подавления рабочих своей страны. Германская буржуазия тем не менее сумела нелегально сорганизовать значительную военную силу. Поднимающий ныне вновь голову германский империализм ставит теперь на очередь вопрос о легализации этих военных сил, о воссоздании большой армии — конечно под руководством буржуазных офицеров под знаменем расцветающего вновь германского империализма. С этой целью германская буржуазия хочет использовать накопившиеся в германском народе законные чувства ненависти к иностранным завоевателям, использовать патриотизм побежденной страны. Германская буржуазия

разумеется, не смеет и подумать о том, чтобы призвать Германию к революционной войне против иностранного империализма. Все, что она хочет, это самой вновь потверже стать в ряды империалистских государств, завоевать себе известное «равенство» с большими империалистскими разбойниками.

Рабочая партия не приложит рук к этому преступлению. Рабочая партия, как учил Ленин, будет стоять за разоружение буржуазии и вооружение рабочих. Рабочая партия Германии всеми силами будет поддерживать СССР и ее Красную армию — единственную пока армию международного социализма. Рабочая партия Германии знает, что избавить германское отечество от новых империалистских войн может только пролетарская революция. Создание же новой буржуазной армии наверняка навлечет на Германию новые войны. Одной из важнейших политических целей создания новой буржуазной армии в Германии, по всему историческому контексту, может быть участие в военном походе против СССР. Германская рабочая партия бьет в набат по поводу этой опасности. Уже сейчас германская рабочая партия заявляет, что всякую попытку войны против СССР она постарается превратить в войну против собственной буржуазии, против господствующих классов. Такой ответ был бы единственно достойным германского рабочего класса. Но до такого ответа современным вождям германской социал-демократии, как до звезды небесной, далеко.

* * *

Новой роли современной социал-демократии не умеют понять правые, например группа Брандлера в Германии.

Вот, например, как высказывается главный орган германских правых «Против течения»:

«Каждый ребенок знает, что позорные действия реформистов как раз во время войны, в революционный период и после были настолько велики, что они едва ли могут быть превзойдены. Таким образом неправильно говорить о наступившем теперь «изменении» (в поведении реформистов). Нам кажется, что эти мнимые изменения в поведении реформистов — по крайней мере в Германии — выдуманы, чтобы найти хотя бы видимость основания для новой тактики» («Против течения», № 3 за 1929 г.).

Борясь против «безмерных преувеличений» в характеристике предательства социал-демократических вождей, та же передовица говорит:

«Верно, что реформисты ведут официально-государственную и потому антипролетарскую политику. Но это ни в коем случае не исключает того, что в рамках ихней буржуазной государственной политики они ведут и большие стачки и бои» (там же).

Реформисты «ведут большие стачки и бои»! Да, ведут. Хороший пример — английская всеобщая забастовка. Реформисты из Генсовета ее «вели» и... довели до победы *буржуазии*. Да что далеко ходить? Реформисты недавно «вели» бой в Рурской области. А до чего они довели — это хорошо известно...

«Каждый ребенок» знает, что именно во время прошлой войны реформисты особенно подличали и теперь-де их тогдашние позорные действия не могут быть превзойдены. Это звучит «радикально». Но верно ли это? Нет!

В войну 1914 г. реформисты вступали, имея за плечами базельский манифест, торжественные клятвы на империалистскую войну ответить революцией. Теперь они вступают в войну не с базельским манифестом, а с тезисами комиссии Дитмана и законом Поля Бонкура. Есть тут разница? Есть!

В войне 1914 г. дело шло о войне между двумя группами империалистов. В нынешней войне дело может пойти о войне объединенных империалистов против СССР. Социал-демократов буржуазия уже теперь «тренирует» специально против государства пролетарской диктатуры. Есть тут разница? Есть. «Каждый ребенок» это видит.

Вот почему в оценке современной социал-демократии совершенно прав VI конгресс Коминтерна. Попытки «поправлять» Коминтерн как раз в этом вопросе к добру не приведут.

Не лучше дело обстоит с ультра-левыми. Возьмем группу Урбанса, немецкую представительницу современного троцкизма, как наиболее рекламирующую себя по части «левизны».

Конференция по вопросам разоружения в Женеве. Выступление тов. Литвинова с советским проектом разоружения. Его превосходное разоблачение империалистов, в первую очередь английских. Что может сказать по этому поводу действительный коммунист, хотя бы и самый левый? Казалось бы ничего, кроме похвалы, кроме поддержки, кроме энергичных усилий понести эти советские выступления в массы.

Однако, потерявшие голову (и стыд) «левые» поступают не так. Именно по поводу выступлений тов. Литвинова они поднимают крик о мнимом «сближении» СССР с Лигой наций, хотя каждый беспартийный человек видит, что это — такое «сближение», какое бывает, когда честный человек вынужден «сблизить» свои пять пальцев с поверхностью физиономии того или другого негодяя...

Именно по поводу превосходных выступлений Литвинова орган немецких троцкистов подымает крик об отходе от ленинизма и пишет статьи под заглавием «Литвинов или Ленин?».

В чем дело? По какому поводу шум? Ленин в 1916 г. в статье о лозунге разоружения разоблачал Каутского и К° за сеяние пацифистских иллюзий о возможности разоружения без пролетарской революции; Ленин высмеивал центристов, проповедующих империалистам сладенький пацифизм; Ленин говорил о необходимости вооружения рабочих и разоружения буржуазии. А теперь Литвинов-де «тоже» проповедует империалистическим правительствам разоружение. Не ясно ли, что это «измена»? Не ясно ли, что грядет «белая реакция»?..

«Литвинов *или* Ленин! Неужели Урбанс и его друзья не слышали, что всю «пацифистскую» тактику советской делегации в Генуе в 1922 г. определил Ленин и определил во всем существенном именно такой же, как ее проводил в 1928 г. Литвинов в Женеве? Неужели «левые» не

знают, что Ленин даже сам соглашался поехать в Геную конечно для такого же «сближения» с империалистами, какое теперь осуществил Литвинов?

«Литвинов *или* Ленин»! Неужели «левые» так-таки и не понимают, что Литвинов превосходно *иллюстрировал* перед широкими кругами трудящихся именно вышеприведенные положения Ленина, *доказал наглядно* правоту Ленина в статье о разоружении?

Задача честного коммуниста, живущего в буржуазной стране: воспользоваться выступлениями Литвинова, чтобы еще и еще раз доказать правоту Ленина. «Задача» человека, от фракционного озлобления совершенно потерявшего голову, «задача» человека, желающего критиковать ради «критики», желающего смазать успех большевизма в Женеве: запутать вопрос, изобразить выступление Литвинова как «сближение» с империалистами, сделав это хотя бы под «левым» флагом обвинения Литвинова в том, что он предал Ленина. «Левые» идут по этому второму пути. Другими словами, в архиживотрепещущем вопросе, затрагивающем коренные интересы мировой буржуазии и ее агентуры в рабочем классе (социал-демократия), «левые» на деле делают то, что нужно социал-демократии, хотя исходят при этом из очень «левых» соображений.

«Это выступление (тов. Литвинова) совершенно недопустимо и *в корне* фальшиво» пишет «Знамя коммунизма» (№ 17 за 1928 г.).

Нет, в корне фальшиво выступление не Литвинова, а Урбансов.

Рабочие коммунисты должны понять, *кому на пользу* идет такая «работа».

Элементарного международного долга коммуниста «левые» выполнить не умеют. Зато громких фраз — хоть отбавляй. *Вот их «программа борьбы с опасностью войны».*

«Наши предложения в вопросе о борьбе против военной опасности таковы:

Пропаганда всеобщей стачки на предприятиях; изолирование и изгнание всех членов фабзавкомов, которые выступят против этого революционного лозунга; создание *стачечных комитетов* на предприятиях и в концернах *уже сейчас;* подготовка *активных актов саботажа* на случай возникновения войны; воспрепятствование производству военного снаряжения и перевозке его, как и перевозке войск.

Таковы те первые мероприятия, которые нужно осуществить сейчас» и т. д. (Брошюра — платформа «левых», стр. 13).

Некоторые из этих «лозунгов» почти так же «умны», как и «лозунг» бойкота Литвы Советским Союзом, на чем с усердием, достойным лучшего применения, настаивали «левые».

Действительную подготовку против военной опасности международный коммунизм (в том числе и германский) может вести и будет вести только на основе «гаагской» (1922 г.) инструкции Ленина и решений Коминтерна, положившего в основу своих резолюций именно эту инструкцию. У Ленина с классической ясностью обрисовано, как и при каких условиях действительно может не на словах, а на деле нарастать

борьба рабочих против войны (вплоть до стачки и восстания), как начинать с повседневной, будничной нелегальной работы, как больше всего в этой области надо остерегаться пустых «левых» фраз и обещаний. Чем создавать (на бумаге) «уже сейчас» стачечные комитеты на предприятиях и в концернах, чем «останавливать производство военных снаряжений» (реальные силы для такой революционной борьбы против войны могут быть созданы только на путях ленинской, а не урбансовской тактики), не лучше ли пока выполнить хоть *элементарный долг интернационалистов*. А этот элементарный долг требует того, чтобы выступления Литвинова в Женеве были поддержаны, были *понесены в массы*, прежде всего в массы обманутых социал-демократическими вождями рабочих.

XXVII. «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ» ПЕРИОД МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТСКОЙ РЕАКЦИИ И ОПАСНОСТЬ ВОЙНЫ.

Было время, когда историк германской социал-демократии, один из виднейших представителей международного марксизма, Меринг, писал: «Империализм и социал-демократия это — две непримиримые противоположности. Между ними никогда не может быть мира, даже перемирия». Эти гордые слова Меринг написал в своей «Истории германской социал-демократии». Меринг тогда не мог даже себе представить, чтобы между империализмом и социал-демократией могло когда-либо наступить сближение. «Понимание этой простой и очевидной истины настолько вытекает из всех жизненных условий современного пролетариата, что оно не может быть отнято у него ни силой, ни хитростью» (Меринг, «История германской социал-демократии», т. IV, стр. 291). Увы, последующее развитие показало, что это не так. Ленинская теория империализма, показавшая, как за счет сверхприбылей империалистская буржуазия может подкупать верхушечные слои рабочих, объяснила, *почему именно* это не так. На деле вышло так, что социал-демократия стала неизменным спутником империализма, его хвостом. Социал-демократия превратилась в империалистскую «рабочую» партию.

Говоря так, мы имеем в виду конечно *современную* социал-демократию. Было время — и оно не так далеко — когда понятия «социал-демократ», «социалист», «коммунист» в обиходе было равнозначущими. Так было примерно до мировой войны, до всемирного кризиса, пережитого социализмом, в связи с империалистской войной 1914—1918 гг., до раскола II Интернационала. После 1914 г. все, что было революционного, социалистического в социал-демократии — той социал-демократии, о которой в свое время говорил Меринг — отошло (и отходит) к коммунистам, являющимся сейчас единственной партией революционного пролетариата. Ленин и ленинцы тоже когда-то называли себя социал-демократами. Говоря о социал-демократии, ставшей хвостом империализма, мы имеем в виду конечно *оппортунистическую* социал-демократию.

Оппортунизм, как международное направление в рабочем движении, сложился и оформился примерно *тогда* же, когда сложился и оформился империализм: как раз конец 90-х годов является началом расцвета оппортунизма во всем мировом рабочем движении.

Взаимозависимость и параллельность развития между империализмом и оппортунизмом в рабочем движении — вне всякого сомнения. Оппортунизм окончательно превращается в буржуазную рабочую партию контрреволюции к 1914—1917 гг., когда империализм приводит к первой всемирной бойне и когда в ряде крупнейших стран складывается непосредственно-революционная ситуация. Черви оппортунизма становятся особенно жирными на земле, которую империалисты обильно удобрили человеческой кровью в 1914—1918 гг.

* * *

О переживаемом нынешнем периоде можно сказать, что это именно есть *социал-демократический* период мировой империалистской реакции. Во всем капиталистическом мире это так. Только СССР переживает совершенно другой период: строительства социализма.

Когда начался этот социал-демократический период мировой империалистской реакции? В известном смысле можно сказать, что он начался уже в 1914 г. Если бы социал-демократия не перешла на сторону «своих» империалистов, мировая война не могла бы продолжиться четыре года и капитализм не мог бы уцелеть после этой мировой бойни в ряде крупнейших стран.

«Если бы, — писал в 1920 г. Ленин, — Интернационал не был в руках предателей, которые спасали в критический момент буржуазию, то много шансов было бы за то, что во многих воюющих странах непосредственно с окончанием войны, а также в некоторых нейтральных странах, где был вооружен народ, революция могла бы произойти быстро, и тогда исход был бы иным» (Ленин, т. XVII, стр. 40).

Когда будущий историк освободительного движения пролетариата будет писать историю победившей мировой социалистической революции, он скажет: к моменту окончания первой всемирной империалистской войны все объективные предпосылки для победы пролетариата, для низвержения капитализма были налицо; но социал-демократия, окончательно перейдя на сторону буржуазии, спасла этот строй насилия, грязи и крови на столько-то лет. На сколько именно? Один десяток лет жизни капитализм уже получил, благодаря переходу на его сторону «мировой» социал-демократии. Вероятно он получит еще столько же. Десять лет меньше или десять лет больше — это имеет конечно громадное значение для нынешнего поколения пролетарских борцов, но с точки зрения всемирно-исторической это уже только деталь. Сейчас течет как раз та отсрочка, которую капитализм получил благодаря переходу на его сторону социал-демократии. Сейчас человечество «изживает» как раз ту «передышку», которую гниющий, забрызганный кровью капитализм получил через социал-демократию.

В этом смысле будущий историк будет считать социал-демократическую эпоху мировой буржуазной реакции уже с 1914—1919 гг. Однако *внутри* самой этой эпохи можно условно различить и три таких периода. *Первый* период характеризуется преступлениями социал-

демократии во время первой империалистской войны и в годы, когда при окончании войны в ряде стран начались революции и в России была одержана первая решающая победа. Это будет примерно период 1914—1920 гг. *Второй* период характеризуется преступлениями социал-демократии в первые годы так называемой частичной «стабилизации» капитализма, когда вожди социал-демократии поставили себе задачей — все материальные убытки войны и все тяготы «стабилизации» взвалить на плечи рабочих. Это будут примерно годы 1921—1925. И наконец *третий* период, для которого более всего характерна подготовка новых войн и в первую очередь войны против СССР, отечества строящегося социализма — период, который мы переживаем ныне.

В первые периоды социал-демократических измен в среде социал-демократии еще спорили: вотировать или не вотировать за военные кредиты. Еще откалывались от социал-демократических партий большие группы «независимых» — впоследствии вернувшихся в лоно социал-шовинистов. Еще возможен был выстрел Фридриха Адлера. Еще в России была возможна «левая» группа Мартова. Еще существовал 2½ Интернационал. Не то теперь. Самый «левый» социал-демократ ныне является прямым агентом империализма. Самый «левый» социал-демократ ныне считает травлю против СССР своей основной профессией. Самый «левый» социал-демократ ныне ни на минуту не поколеблется проголосовать за военные кредиты в парламенте «своей» буржуазии. Самый «левый» социал-демократ ныне смеется над интернационализмом. Лишь с течением времени стало ясно, что человечеству придется пройти через целый период *социал-демократической* империалистской реакции. «Третьему» периоду в развитии всемирного кризиса капитализма ныне соответствует своего рода «третий» же период преступлений «мировой» социал-демократии.

Развитие мировой революции не идет и не может итти равномерно и плавно. Периоды революционного подъема неизбежно прорываются контрреволюционными «судорогами», о которых говорил Ленин. Последние годы, тяжелые, свинцовые для рабочего класса ряда капиталистических стран годы, и были такой контрреволюционной судорогой. Эта судорога кончается, она сменяется и сменится новым могучим революционным подъемом. Уже недалеко время, когда мы станем свидетелями новых гигантских боев, новых битв международного пролетариата небывалого размаха. И что же? Уже с самого начала нового подъема борьба между коммунизмом и социал-демократией неизбежно обострилась. Она будет обостряться еще больше, по мере того как будет расти революционный подъем. Дорога к победе над империализмом лежит через труп социал-демократии. Каждую пядь придется отвоевывать у капитализма, *натыкаясь на сопротивление социал-демократии.* Самое характерное для начинающегося нового революционного подъема — то, что все твердыни капитализма защищаются социал-демократией и что стало быть международному рабочему классу придется в тяжелой борьбе отбрасывать социал-демокра-

тического стража, чтобы иметь возможность даже только подойти к крепостям капитализма. Борьба между коммунизмом и контрреволюционной социал-демократией получит небывалое еще напряжение и окрасит собой всю предстоящую полосу революционного развития.

* * *

Сравните приход к власти первого «рабочего» правительства Макдональда в 1924 г. и второй приход к власти правительства Макдональда через пять лет — в 1929 г. Возьмем этот вопрос только в одном аспекте: отношение «мировой» социал-демократии к СССР, к юридическому «признанию» Советского Союза. В 1924 г. рабочее правительство Макдональда без всяких предварительных условий, как нечто само собою разумеющееся, немедленно признает Советский Союз. Правительство Макдональда по телеграфу сообщает об этом Москве, и телеграмма первого «рабочего» правительства оглашается на заседавшем Съезде Советов. А в 1929 г. в избирательной кампании английская рабочая партия вынуждена обещать своим же рабочим немедленное признание СССР. Весь II Интернационал выступает как бы «поручителем» в этом деле. В его официальной платформе признание СССР считается чем-то само собою разумеющимся. И что же? На завтра после выборов правительство Макдональда, одержавшее бо̀льшую «победу», нежели в 1924 г., нагло отказывает СССР в признании; а вожди всего II Интернационала, ухмыляясь в бороду и предпочитая поговорить «о чем-либо другом», на деле одобряют вероломство и предательство «рабочего» правительства Макдональда. Что это означает? СССР конечно прожил бы и без юридического признания со стороны Макдональда. Но во всей нынешней мировой обстановке такой «ход» со стороны сильнейшей партии II Интернационала, одобряемый вождями всей «мировой» социал-демократии, означает то, что война надвигается и что чем ближе новая война, тем подлей мировая социал-демократия. Этот вывод целиком остается в силе и после того, как английский парламент принял предложение о признании. Признание СССР нынешним правительством Макдональда уже не изменяет того, что *было* и чего не вырубишь топором. Все поведение «рабочего» правительства по отношению к СССР остается архи-буржуазным.

Еще перед приходом к власти *первого* рабочего правительства Макдональда Сноуден один из виднейших вождей английской рабочей партии, писал: «Многие, будучи убеждены в способности рабочей партии управлять внутренними делами, серьезно сомневаются в ее способностях править империей и руководить международной политикой... Боятся, что рабочее правительство пожертвует интересами империи и нации своим идеалам интернационализма... Утверждают, что иностранная политика рабочего правительства будет диктоваться каким-нибудь социалистическим бюро на континенте... Эти опасения не имеют никакого существенного основания. Лучшим ответом на них является тот факт, что при объявлении войны большинство членов партии, услыхав об опасности для страны, забыли свой интернациона-

лизм и стали самыми ярыми патриотами Британии... Рабочее правительство будет относиться так же ревниво к национальной чести, так же смело поддерживать великие возможности развития империи и так же содействовать добрым международным отношениям, как и любое британское правительство в прошлом» [1].

Второе правительство Макдональда, столпом которого является Сноуден, целиком оправдало эти обещания. Действительно оно является ни капельки не менее империалистским правительством, чем «любое британское правительство в прошлом»...

Какой «прогресс» всего только за пять лет!..

Не будем уже говорить о других «образцах» внешней и внутренней политики «рабочего» правительства Макдональда. Это правительство «соревнуется» в проведении империалистского курса уже не только с либералами, но и прямо с консерваторами. Социал-демократия выступает открыто, как «третья» партия буржуазии. Вот в Гааге сошлись представители крупнейших капиталистических государств. Два из этих крупнейших государств — Англия и Германия — возглавляются «социалистическими» правительствами. И что же? Кому же не ясно: будут ли Германию представлять Штреземаны или Шейдеманы, будет ли Англию представлять Сноуден или Черчилль — разницы в основном никакой. Против СССР, против отечества пролетариата социал-демократические министры будут выступать еще яростней, еще наглей, а коренные интересы «своего» капитала социал-демократические цепные псы станут отстаивать столь же ревностно, как и прямые буржуа. Опыт двух крупнейших партий II Интернационала — германской с.-д. и английской рабочей партии — доказал это теперь с избытком.

Когда Германия вступала в Лигу наций, восторгу германских социал-демократов не было предела. «Форвертс» по поводу этого «великого» события писал буквально так: «В Коммунистическом манифесте основоположники социализма писали когда-то о прыжке из царства необходимости в царство свободы. Такой всемирно-исторический прыжок происходит теперь в Женеве. Германия и Европа в настоящее время переходят из вынужденного состояния международной анархии в состояние международной организации, в котором постепенно суждено осуществиться свободе всех народов».

Еще совсем недавно написаны были эти слова. Что скажет теперь «Форвертс» по поводу «прыжка в царство свободы», имевшего место недавно в Гааге? Научил ли «товарищ» Сноуден «товарищей» из «Форвертса» хоть чему-нибудь? Вряд ли! Интерес тех и других требует одного и того же. И «товарищ» Сноуден и «товарищи» из «Форвертса» одинаково «честно» обслуживают «своих» капиталистов. Как же им не дать друг другу взаимной амнистии?..

Как далеко ушли в прошлое те времена, когда В. И. Ленин в царской ссылке переводил на русский язык книгу английского фабианца Сиднея Вэбба («Фабианцы издали наряду с разной дрянью и

[1] *Филипп Сноуден*, Программа рабочего правительства Англии, 1924 г., стр. 36—47.

несколько хороших пропагандистских сочинений» — писал Энгельс в 1893 г. в письме к Зорге). Ныне даже этот несколько старомодный реформист является *министром колоний* в «рабочем» правительстве Макдональда и переименован из Сиднея Вэбба в лорда Passfield!

Как далеко ушли в прошлое даже те времена, когда «сам» Макдональд — это было в 1919 г. — оплакивал раскол II Интернационала в пространной статье и слезно упрашивал большевиков «не откалываться» и не образовывать особого Третьего интернационала. Ныне «рабочая» партия Англии — страны чартизма — открыто продолжает политику Чемберленов в отношении нашего пролетарского государства, становясь в первые ряды тех контрреволюционных сил, которые готовят войну против СССР.

«Чартисты во главе английского правительства — только в эту минуту социальная революция перейдет из области утопии в область действительности!» — писал Маркс в 1849 г. Лейбористы во главе английского правительства — в эту минуту и Англия входит в *«социал-демократический» период* мировой империалистской реакции! — приходится сказать теперь. Бичуя худшие стороны лассальянства, Энгельс в свое время говорил о том, что «Лассаль придал движению характер *тори-чартистский»* (см. выше письмо Энгельса Марксу от 13 февраля 1865 г.). Макдональды придают теперь английскому рабочему движению характер *«тори-лейбористский»*, консервативно-социал-демократический, буржуазно-империалистский. И тем не менее, «лейбористы во главе английского правительства» это вовсе не так далеко от того, когда социальная революция перейдет «из области утопий в область действительности». Недаром же Ленин в «Детской болезни левизны» доказывал, что чем скорей придут к власти Макдональды и Сноудены, тем быстрей будут изжиты реформистские иллюзии в рабочем классе Англии, тем ближе пролетарская революция и подлинная рабочая власть в этой твердыне капитализма. Социал-демократический период мировой империалистской реакции есть последний заключительный акт капиталистической истории. «Тори-лейборизм» означает приближение пролетарской революции и в Англии. Такова уж диалектика истории. Верно-преданнейшие «социалистические» правительства в Англии, Германии и других капиталистических странах являются вернейшим симптомом того, что гибель капитализма близка.

* * *

Энгельс писал (в письме к Бебелю от 11 декабря 1884 г.):

«Чистая демократия... в момент революции приобретает на короткий срок временное значение... в роли последнего якоря спасения всего буржуазного и даже феодального хозяйства... Точно так же в 1848 г. вся феодально-бюрократическая масса с марта по сентябрь поддерживала либералов для того, чтобы удержать в повиновении революционные массы... Во всяком случае, во время кризиса и на другой день после него нашим единственным противником явится вся реакционная масса, объединяющаяся вокруг чистой демократии, и этого, как

я полагаю, ни в коем случае из виду упускать нельзя» (Политическое завещание Энгельса, русское изд. 1922 г., стр. 13).

Ленин не раз ссылался на это замечательное предсказание Энгельса, подчеркивая, что «Пролетарская революция в России еще и еще раз подтверждает этот опыт... подтверждает слова Фридриха Энгельса» (т. XVIII, ч. 1, стр. 318). Ленин перенес эти слова Энгельса в тезисы третьего конгресса Коминтерна.

В самом деле, разве не подтвердилось это предсказание Энгельса и в опыте великой русской революции? Разве это случайно, что непосредственная борьба за власть накануне Октября 1917 г. шла между партией пролетариата, с одной стороны, и партиями «чистой» демократии — эсерами и меньшевиками — с другой? Разве это случайно, что в самый разгар революционного кризиса в России и «на другой день после него» нашим главным противником была партия эсеров, одно время представлявшая собою количественно разбухшую, разнородную партию с громадной прослойкой мелкой буржуазии?

Будущий историк победившей международной пролетарской революции конечно скажет, что в течение определенного исторического периода в роли последнего якоря спасения всего буржуазного общества фигурировала именно «мировая» социал-демократия. Если империалистская буржуазия богатейших капиталистических стран «приглашает» в свое правительство господ социал-демократов, то конечно «не от хорошей жизни». Уже первые опыты допущения «социалистов» в буржуазные министерства стояли в связи с обострением классовой борьбы. Не успели Мильераны и Брианы переступить порог буржуазных министерств, как на завтра им уже поручалось стрелять в рабочих (рабочие стачки в Дравейле и т. п.). В большом масштабе привлечение «социалистов» в буржуазные министерства имело место в связи с первой всемирной империалистской войной, и всем хорошо памятна роль Альберта Тома, Гендерсона (того самого) и т. д. По окончании войны, после подавления начавшихся пролетарских восстаний, империалисты (примерно с 1922 г.) делают попытки «обойтись» без социалистов. Социал-демократы изгоняются почти из всех буржуазных министерств. Но проходит несколько лет, классовая борьба разгорается с новой силой, и империалисты вскоре видят себя вновь вынужденными допустить социал-демократов в свои правительства. В исторической перспективе контрреволюционная социал-демократия есть именно последний якорь спасения буржуазного господства. В главнейших капиталистических странах мира капиталисты уже почти не скрывают того, что рассматривают современную социал-демократию лишь как одну из фракций буржуазии. Вдумаемся, например, в следующую картинку нравов. Лондонские газеты (от 25 июня 1929 г.) сообщили: «Перед началом организационного заседания новой палаты общин Болдуин, поднявшись со своего места на скамьях оппозиции, пожал руку Макдональду и поздравил его с успехом рабочей партии на выборах. При общем одобрении членов платы Болдуин под руку с Макдональдом направился в палату лордов для заслушания королевского послания

относительно избрания спикера (председателя) палаты». Агентство Рейтер сообщает от того же дня: «Спикером палаты общин избран Фиц Рой. Предложение об избрании Фиц Роя было внесено депутатом рабочей партии Джиллетом». Вот как «милы» взаимоотношения между так называемой рабочей партией Англии и партией тори. Даже между двумя фракциями буржуазии не всегда господствуют столь милые отношения. Если бы дело шло о переходе власти к действительно рабочему правительству, английские тори, рабовладельцы из рабовладельцев, сумели бы показать когти.

В Европе нет еще непосредственно революционной ситуации. Объединенным силам буржуазии и социал-демократии удалось — благодаря отсутствию сильных коммунистических партий — сорвать революционную ситуацию, создавшуюся непосредственно после окончания мировой войны, и отсрочить вот уже на целое десятилетие гибель капитализма. Европейский капитализм, если верить Гильфердингам и нашим правым, «почти стабилизирован». Но странно! В мае 1926 г. дело доходит до баррикад *в Лондоне;* в июле 1927 г. — до баррикад и сотен убитых с обеих сторон *в Вене;* в мае 1929 г. — до баррикад с десятками убитых и сотнями раненых *в Берлине;* при каждой мирной рабочей демонстрации «приходится» арестовывать тысячи пролетариев-коммунистов *в Париже.* До массовых столкновений между рабочими и буржуазными фашистами с сотнями раненых почти каждое лето доходят якобы на «физкультурной» почве (на самом деле, на почве классовой борьбы). Образцом является недавнее столкновение в Сент-Лоренце (Австрия). Лондон, Париж, Берлин, Вена — это ли не центры капиталистической Европы? Кроме всего прочего: ведь именно в этих капиталистических столицах социал-демократия особенно сильна. И что же? Даже совместными усилиями буржуазии и социал-демократии уберечь капитализм от таких потрясений, как всеобщая стачка (Англия), баррикады (Англия, Германия, Австрия), массовые революционные демонстрации (Франция) — уже невозможно. *С помощью* социал-демократии — этого последнего якоря спасения капитализма — буржуазии все еще удается *подавить* разрастающиеся вспышки революционного движения в Европе, но уже не удается предотвратить их. Защитить буржуазный строй от самого возникновения таких подземных толчков — и притом толчков все увеличивающейся силы — этого не может сделать даже уже и мировая социал-демократия. Слишком далеко зашла борьба, слишком глубоки корни большевизма и в «стабилизированной» Европе, слишком неистребимо влияние коммунистических идей в рабочем классе Европы. А Китай еще недавно кипел и закипит вновь. А Индия кипит. А в странах Южной Америки наше дело растет...

Объединение, порой почти слияние сил буржуазии с силами социал-демократии создает иногда видимость «единой реакционной массы». Но это только видимость. Энгельс писал (в письме от 12 июня 1883 г. к Эдуарду Бернштейну), что фраза об единой реакционной массе может быть подходяща для декламации *или для действительно революционной ситуации.* «Ирония истории, работающей в нашу пользу,

состоит именно в том, что среди различных элементов и феодальной и буржуазной массы... происходят постоянные трения, грызня, столкновения, что они, следовательно, составляют прямую противоположность единообразной массы».

В этом же смысле писал и Ленин в «Детской болезни «левизны». Пусть буржуазия объединяется с мелкобуржуазной демократией, пусть ставит у власти Макдональдов и Гендерсонов, называющих себя социалистами. На первых порах получится видимость сплочения сил буржуазного мира, единого фронта против революционного пролетариата. На деле же это должно будет «ускорить их неизбежное банкротство на практике, просвещающее массы именно в нашем духе, именно в направлении к коммунизму; ускорить неизбежные трения, ссоры, конфликты, полный распад между Гендерсонами — Ллойд-Джорджами — Черчиллями (меньшевиками и эсерами — кадетами и монархистами; капповцами, Шейдеманами — буржуазией и т. п.)» (т. XVII, стр. 181).

Они должны «сперва перегрызться друг с другом, изничтожить и скомпрометировать друг друга и тем подготовить почву для нас» — писал в указанном письме Энгельс. Русская «революционная демократия» в 1917 г. действовала так, как будто поставила себе прямой целью подтвердить это предсказание Энгельса. Эсеры, меньшевики, милюковцы, корниловцы как бы поставили себе целью скомпрометировать друг друга и тем подготовить почву для нас. Так будет и в международном масштабе — конечно, с поправкой на историческое разнообразие типов революции.

«История вообще, история революций в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов», — писал Ленин (т. XVII, стр. 181).

Разнообразнее, «хитрее», сложнее, труднее, но в основном таково же будет соотношение между буржуазией и «чистой демократией» в европейской революции. Социал-демократический «якорь спасения» ненадежен, он «спасет» буржуазное владычество лишь на короткое время и тем верней погубит его, когда рабочая масса пройдет и через эту «школу» и на собственном опыте познает, что такое социал-демократия. Нынешний своеобразный «социал-демократический» период мировой империалистской реакции будет относительно недолог. Сократить этот тяжелый мучительный период — мучительный, ибо тяжело видеть, как сыны нашего класса собственными руками помогают современной социал-демократии, т. е. злейшему классовому врагу — можно только отдавая свои силы упорному, настойчивому, не знающему устали строительству коммунистических партий, их пестованию, их большевизации, их иммунизированию против социал-демократических влияний.

* * *

Современная социал-демократия есть *буржуазная рабочая* партия. Это значит, что в данной стадии она берет кое-что *и* от буржуазии *и* от рабочего класса. Она берет *от буржуазии* власть денег, силу

буржуазного государства, с его войском, с его многочисленными органами принуждения, влияние буржуазной школы, парламента, литературы, искусства, силу старой традиции, старых связей, влияние буржуазной науки и т. д. Она берет *от рабочего класса* прежде всего его массовидность, элементы его организованности, колебание его мелкобуржуазных прослоек, предрассудки его отсталых слоев. Социал-демократические вожди тем и ценны на данной стадии для буржуазии, что эти вожди, зачастую вышедшие из рядов рабочего класса, знают слабые стороны рабочих, умеют играть на струнах их отсталости, умеют действовать по принципу: возглавить, чтобы обезглавить.

Только ленинская теория империализма — целиком основанная на продолжении того, что сказали уже Маркс и Энгельс в применении главным образом к современной им Англии — дает объяснение того, как в эпоху империализма оказывается возможным такое на первый взгляд странное образование, как *буржуазная рабочая* партия. Известная массовидность нынешних буржуазных рабочих партий только потому и возможна, что сверхприбыли, получаемые империалистами, дают им возможность подкупать верхушки рабочих и при помощи этих верхушек, составляющих ныне подлинные кадры социал-демократии, вести за собою значительные прослойки пролетариата.

Американский империализм, являющийся ныне бесспорно самым сильным во всем мире, обходится еще даже без образования буржуазной рабочей партии, хотя бы того типа, как английская «рабочая» партия. Значительные слои наилучше оплачиваемых американских рабочих на деле являются просто составной частью буржуазных политических партий, поддерживая обе основные фракции буржуазных партий Америки, в зависимости от преходящей конъюнктуры. Американская федерация труда, которая есть для Америки то же, что социал-демократические свободные профсоюзы для Германии или тред-юнионы для Англии, на деле близка к выполнению роли буржуазной рабочей партии. И характерно: в Америке нет более советофобской, более ненавидящей советскую власть в СССР организации, как верхушка Американской федерации труда. Если бы в Америке завтра встали у власти Грин и К° (американские Томасы), то такое правительство было бы не менее враждебным СССР, нежели откровенное правительство миллиардеров. И вместе с тем — такова диалектика — это означало бы, что Америка делает крупный шаг по пути к будущей победе рабочего класса, по пути создания подлинно рабочего правительства.

Англия быстро идет к утере своего старого привилегированного положения на мировом рынке. Она его частично утеряла — но только частично. Колониальная мощь британского империализма еще очень велика.

Крупнейшие из *буржуазных рабочих* партий современности «процветают» за счет эксплоатации колоний и полуколоний «своей» национальной буржуазии. Но именно из колоний и полуколоний придет их гибель. Часть восстания колониальных и полуколониальных рабов — в сочетании конечно с революционно-пролетарским движением в со-

ответствующих метрополиях и во всем мире — станет часом гибели буржуазных рабочих партий с их Сноуденами, Макдональдами, Гринами, Носке, Мюллерами, Реноделями, Трульстра и К°. Отсюда, из колоний, через колониальную революцию придут впоследствии решающие удары. Великое стачечное движение в Индии является «первоначальным наброском» будущих событий. Но в настоящем английский империализм еще способен грабить колонии и выкачивать из них громадные сверхприбыли. Этим переплетом объясняется серьезное революционизирование английского рабочего класса, это открывает гигантские перспективы для ближайшего развития революционного рабочего движения в Англии. Это привело уже к таким событиям, как всеобщая забастовка в 1926 г. Но позиции английского капитализма на мировом рынке еще очень сильны. И это в свою очередь объясняет, почему мы все еще имеем в Англии партию, сочетающую почти откровенную буржуазность со значительной массовидностью; почему английская рабочая партия, эта типичная буржуазная рабочая партия, способна еще повести за собою 10 миллионов избирателей.

А как объяснить процветание оппортунизма в *германской* социал-демократии после поражения германского империализма, т. е. в течение десятилетия с 1919 по 1929 г.? Было бы наивным представлять себе дело так, что на завтра же после того, как Германии был навязан Версальский мир, из ее экономической структуры выветрились все довоенные отношения. Высокая германская техника осталась; ее замечательная эластичность осталась; предпосылки для быстрого нового расцвета производительных сил на основе высокой техники остались. А вскоре подоспела и связь послевоенной Германии с *американским* империализмом — с самым могущественным империализмом нашего времени. Не случайно, что воспевание американского империализма стало одним из основных мотивов во всей политике современной германской социал-демократии. Ни одна партия в Германии не была столь восторженной сторонницей плана Дауэса, как германская социал-демократия. Ни одна партия не восхваляет столь бесстыдно американский империализм, как вожди германской социал-демократии. И ни одна партия не нападает столь бесстыдно на СССР, как эти же вожди. Привлечение $9^1/_2$ миллиардов марок в виде иностранных займов дали германской буржуазии крупный оборотный капитал и облегчили возможность быстрого восстановления ее промышленности. Вожди германской социал-демократии считают, что на этой основе германский кризис разрешен не только для данного момента, но и «навсегда». Они прославляют и возвеличивают американский империализм, как спасителя Германии от пролетарской революции, воображая, что план Дауэса (или план Юнга), легший столь тяжелым бременем на плечи германских рабочих, обеспечивает германскому капитализму по крайней мере еще столетие мирного существования. Американский империализм — движимый конечно не какими-либо мотивами гуманности, а материальной заинтересованностью — оплодотворил послевоенную Германию громадным количеством капиталов. Он сделал это на условиях весьма тяжелых для герман-

ского рабочего класса и в некоторых отношениях не легких и для германской буржуазии. На основе связи с американским империализмом послевоенная Германия стала вновь и сама «возрождаться» к империализму. Конечно положение далеко не во всем похоже на довоенное, положение — своеобразно. Германская техника *плюс* связь послевоенной германской промышленности с американским империализмом *плюс* наличие сильной социал-демократии, которая уже к 1914 г. вполне сложилась как социал-империалистская буржуазная рабочая партия, — вполне объясняют то громадное влияние, которое оппортунизм имел в германском рабочем движении и в десятилетие 1919—1929 гг. Конечно положение отнюдь уже не старое, отнюдь не довоенное. Этим объясняется и то, что германская социал-демократия теперь имеет уже сильного соперника в лице германской коммунистической партии, которая в труднейшей обстановке и в сложных перипетиях ведет успешную борьбу за отвоевание большинства рабочих из-под влияния социал-демократии. Однако на некоторое время поднимающийся «новый» империализм Германии, пользующийся известным покровительством со стороны империализма американского, обеспечит еще значительное влияние контрреволюционной германской социал-демократии на рабочих этой страны.

Все это объясняет, почему Германия имеет «уже» своих Носке, а Англия имеет «еще» только Макдональдов — английские Носке еще впереди. Макдональды еще будут расстреливать рабочих и подавлять их восстания, а Носке это уже делали. Это же объясняет, почему процесс превращения социал-демократов в социал-фашистов зашел особенно далеко в таких странах, как нынешняя Германия.

Орган германских ликвидаторов «Против течения» писал недавно: «Цель, которую своей агитацией преследует фашизм, заключается в том, чтобы подточить и разбить массовые пролетарские организации, *прежде всего свободные профсоюзы* и политические рабочие организации» («Против течения», № 21). У Брандлеров выходит, что целью германского фашизма является «прежде всего» разбить «свободные», т. е. социал-демократические профсоюзы и социал-демократическую партию («политические рабочие организации»). Это вопиющая ложь, гражданин Брандлер! У германской буржуазии нет лучших помощников, как именно «свободные» профсоюзы. У мировой буржуазии нет лучших помощников, как Амстердамское профобъединение, как социал-демократические партии, руководимые Носке и Вельсами. Это в достаточной степени разъяснил в свое время Ленин. Конечно в случае полной победы фашизма, «по дороге» влетит кое-кому и из реформистов. Как поступил с реформистами и в частности со «свободными» социал-демократическими реформистскими профсоюзами Италии временно победивший итальянский фашизм? Реформиста Маттеоти фашисты *убили*, реформиста Дарагону *купили*, реформистов Турати и Модильяни временно *выслали* за границу, а теперь ведут с ними вновь переговоры о возврате и сотрудничестве. Того или другого германского Маттеоти германские фашисты расстреляют; а в целом гер-

манский реформизм служил, служит и еще значительное время будет служить лучшей опорой германской буржуазии. *Коммунистическую партию* Германии, *большевистские кадры* германских рабочих — вот кого «прежде всего» хотят разбить и раздавить германские фашисты, а вовсе не социал-демократов, граждане Брандлеры!

Буржуазные рабочие партии современности зачастую еще опираются на значительные слои рабочих масс. Это заложено во всей обстановке переживаемого — и теперь уже изживаемого — социал-демократического периода мировой империалистской реакции. Не видеть того, что современная социал-демократия есть *буржуазная* партия, означает подать руку правым ренегатам. Не видеть того, что современные социал-демократические партии еще ведут за собою значительные массы рабочих, значит впасть в опасность ультра-левизны и «кружными путями» притти к тому же разрыву с большевизмом.

* * *

Мы стоим без всякого сомнения у начала нового великого революционного подъема. Пульс революционной борьбы бьется все сильней, все интенсивней. Мы идем навстречу событиям, которые заново будут решать судьбы нашей революции, судьбы всей мировой революции. Противоречия обостряются с каждым днем. Все оппортунистические «анализы» положения отцветают, не успевши расцвесть. Еще вчера даже т. Варге надо было подробно объяснять, что план Юнга означает не смягчение положения, а в ближайшем будущем (не говоря уже о том, что в последнем счете) ведет к обострению. Сегодня это уже подтверждено жизнью. Вчера еще могли среди примиренцев находиться люди, которые искренно верили в то, что социал-демократия поможет нам против новых войн или по крайней мере она не будет в первых рядах организаторов новой войны. Кто решится утверждать это сегодня, тот завтра будет в числе ренегатов коммунизма, тот уже сегодня, быть может сам того не сознавая, порвал с большевизмом.

Борьба обостряется. Борьба кипит. Успехи социалистического строительства в СССР еще больше разжигают злобу империалистов и злопыхательство социал-демократических вождей. *Главная* демаркационная линия проходит между СССР — страной диктатуры пролетариата — и мировым империализмом. Трудно еще сказать, чем непосредственно закончится конфликт из-за КВЖД, останется ли он в этой стадии «локальным» конфликтом. Но одно несомненно: от событий на КВЖД будет впоследствии вестись *новая глава* в международных отношениях. Борьба буржуазных сил против СССР вошла в новую полосу. Кто не с нами, тот против нас — больше, чем когда бы то ни было, мы имеем право и обязаны сказать эти слова всем и каждому.

Еще в «Детской болезни «левизны» Ленин ставил вопрос: в борьбе с какими врагами внутри рабочего движения вырос, окреп и закалился большевизм? И он отвечал: «Во-первых, и главным образом, в борьбе против оппортунизма, который в 1914 г. окончательно перерос в со-

циал-шовинизм, окончательно перешел на сторону буржуазии против пролетариата. Это был естественно главный враг большевизма внутри рабочего движения. *Этот враг и остается главным в международном масштабе*» (т. XVII, стр. 124).

Борьба с правым оппортунизмом остается главной задачей и сейчас.

Но может ли большевизм выполнить свою историческую миссию, не борясь в то же время и против «левых» уклонов? Не может! История международного пролетарского движения знает десятки примеров, когда мнимо-левые, сделав определенное количество верст «вокруг своей собственной оси», превращались в ультра-правых. Достаточно известны примеры Шиппеля, Фольмара, Эрве, Бриана, Алексинского и др. Да и новейшая история — история Коминтерна — дает нам немало примеров тому же. Леви, Фроссар, Хеглунд, Вейнкопф, Транмель, Илек, Нейрат, Тальгеймер и др. — все они в свое время начинали с критики большевизма «слева», а кончают «примирением» с социал-демократами. Леви находил, что большевизм идет слишком «направо» в национальном вопросе. Фроссар и Транмель считали, что тактика единого фронта, намеченная Коминтерном, есть уступка социал-демократии. Тальгеймер в 1921 г. защищал «теорию офензивы» и критиковал Ленина «слева». Илек и Нейрат считали себя «левей» Коминтерна.

События, связанные с захватом КВЖД, были *двоякого рода* «репетицией» будущих измен. Они показали, что не только социал-демократические вожди и правые «коммунисты» стоят по другую сторону баррикады, но что и иные «левые» (см. заграничные органы троцкистов) кружными путями также пришли на другую сторону баррикады.

Социал-демократический период империалистской реакции требует от мировой партии пролетарской революции особенной стойкости, особенной идейной непримиримости, особенно беспощадной борьбы против всяких отступлений от ленинизма. Таковой и является генеральная линия нашей партии. Одной из задач этой линии является — уяснить самым широким массам рабочих СССР и всего мира, что наиболее опасным агентом империалистской реакции в нынешний период является социал-демократия, что именно она отдала свои силы делу подготовки новой войны против СССР, что каждый шаг в дальнейшей нашей борьбе мировому пролетариату придется брать с бою не только у буржуазии, но и у контрреволюционной социал-демократии.

XXVIII. КОЕ-ЧТО О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ.

Мировое положение СССР медленно и сначала как бы незаметно изменялось с тех пор, как его последний раз описывал Ленин; теперь оно во многом стало более сложным и трудным.

В «Лучше меньше, да лучше» Ленин писал:

«Мы стоим, таким образом, в настоящий момент перед вопросом: удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разоренности *до тех пор, пока западноевропейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму?* Но они завершают его не так, как мы ожидали раньше. Они завершают его не равномерным «вызреванием» в них социализма, а путем эксплоатации одних государств другими, *путем эксплоатации первого из побежденных во время империалистической войны государства, соединенной с эксплоатацией всего Востока.* А Восток, с другой стороны, пришел окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения».

«...На нашей стороне тот плюс, что весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию. На нашей стороне тот минус, что империалистам удалось расколоть весь мир на два лагеря, причем этот раскол усложнен тем, что *Германии, стране действительно передового культурного капиталистического развития, подняться теперь до последней степени трудно.* Все капиталистические державы так называемого Запада клюют ее и не дают ей подняться. А, с другой стороны, весь Восток, с его сотнями миллионов трудящегося эксплоатируемого населения, доведенного до последней степени человеческой крайности, поставлен в условия, когда его физические и материальные силы не идут решительно ни в какое сравнение с физическими, материальными и военными силами любого из гораздо меньших западноевропейских государств.

«Можем ли мы спастись от грядущего столкновения с этими империалистическими государствами? *Есть ли у нас надежда на то, что внутренние противоречия и конфликты между преуспевающими империалистическими государствами Запада и преуспевающими империалистическими государствами Востока дадут нам отсрочку второй раз, как они дали в первый, когда поход западно-*

европейской контрреволюции, направленный к поддержке русской контрреволюции, сорвался из-за противоречий в лагере контрреволюционеров Запада и Вост ка, в лагере эксплоататоров восточных и эксплоататоров западных, в лагере Японии и Америки?

«На этот вопрос, мне кажется, следует ответить таким образом, что решение зависит здесь от слишком многих обстоятельств, и исход борьбы в общем и целом можно предвидеть лишь на том основании, что гигантское большинство населения земли, в конце концов, обучается и воспитывается к борьбе самим капитализмом...

«Но нам интересна не эта неизбежность окончательной победы социализма. Нам интересна та тактика, которой должны держаться мы, Российская коммунистическая партия, мы, Российская советская власть... для того, чтобы помешать западно-европейским контрреволюционным государствам раздавить нас. *Для того чтобы обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контрреволюционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком, между цивилизованнейшими государствами мира и государствами по-восточному отсталыми, которые однако составляют большинство, — этому большинству нужно успеть цивилизоваться»* [1].

Это была не просто конъюнктурная оценка «текущего момента» международной политики. Это была фундаментальная оценка мирового положения, данная Лениным в последний раз перед его кончиной.

С тех пор как Ленин написал эти строки, произошло два крупных изменения: 1) изменилась роль Германии, 2) изменилось — на время — соотношение сил между «контрреволюционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком». Оба изменения *в данной стадии* исторического процесса — *не* к нашей выгоде.

На изменение *роли Германии* у нас обращают крайне мало внимания — хотя казалось бы проблема эта находится прямо-таки «под боком». А между тем именно германская проблема может получить в будущем прямо решающее значение.

Ленин писал (в начале 1923 г.), что Германии «подняться теперь до последней степени трудно». Это трудное оказалось все-таки возможным. Буржуазная Германия *поднялась*. Ей помогли подняться а) американский капитал; б) антагонизмы в лагере ее противников из бывшей Антанты, в частности антагонизм между Англией и Францией; в) высокая ступень германского капитализма; то, чего никакими Версальскими договорами отнять нельзя — приспособляемость и крайняя эластичность германского капитализма: «германская» техника, успехи на путях технической революции, организованность капиталистов, буржуазная культура; г) сильная социал-демократия, в частности, помогшая буржуазии впрячь рабочий класс в колесницу *капиталистической* рационализации и т. п.; д) освобождение на время от чрезмерно больших непроизводительных расходов на милитаризм (не было бы

[1] *Ленин* III т. ч., 2XV, стр., 136, 137; курсив везде наш.

счастья, да несчастье помогло; теперь, окрепши, германская буржуазия всеми способами пытается вернуть себе легальное право на «подобающую» армию и флот; а германская с.-д. помогает ей и в этом).

Это не значит, что современная буржуазная Германия вернула себе всю свою былую мощь, что она не зависит от капиталистов других стран и т. п. Нет. Современная Германия является страной ввоза *капитала* (главным образом из Америки). Разумеется американские капиталисты ввозят этот капитал не из благотворительных целей. План Дауэса да и план Юнга говорят об этом достаточно красноречиво. Разумеется, Германия еще посейчас болезненно ощущает на себе результаты поражения в мировой войне; сокращенная территория, частичная оккупация, иностранный контроль, репарационные платежи, чрезмерная зависимость от внешних займов, необходимость вооружаться в *скрытой* форме и т. п. И тем не менее современная Германия вновь становится *империалистической* страной.

Что Германия подымается, — это можно было бы только приветствовать. Но что она подымается на основе *буржуазно-империалистской*, а не на основе победы пролетарской революции, в этом заключается громадная опасность для дела мира.

Буржуазная Германия *поднялась*. Это факт крупнейшей исторической важности. Отдельные крупные отрасли германской промышленности не только вновь догоняют Англию, но имеют тенденцию начать догонять Америку. Технический прогресс в Германии безусловно превосходит Англию. Ближайшие пять целей буржуазной Германии сводятся к тому, чтобы: 1) возможно дешевле отделаться от репарационных платежей и вообще «издержек производства» по войне; 2) возможно скорее освободиться от остатков военной оккупации; 3) вернуть себе утерянные в войне колониальные владения (или заменить их другими); 4) обеспечить себе новые рынки или вернуть старые; 5) получить теперь уже право *легального* воссоздания своей армии и флота в таких размерах, как это «приличествует» «великой» державе. Все эти цели — не говоря уже о главной: борьбе против пролетарской революции — тянут германскую буржуазию к западной ориентации, т. е. против СССР. Германская буржуазия всерьез и надолго западной ориентации сопротивляться не собирается и лишь «страхует» себя в сторону СССР, ввиду определенной заинтересованности.

Что спасло германскую буржуазию в 1918—1919 гг. от пролетарской революции? *Сочетание* двух факторов: 1) буржуазия Антанты все же дала мир — хотя бы и Версальский — Германии, содрогавшейся под толчками пролетарских восстаний; 2) сильная контрреволюционная германская социал-демократия тоже «играла» на западную ориентацию, как якобы обеспечивающую Германии чуть не вечный мир, против советской ориентации, как якобы чреватой чуть не вечными войнами. В *общем* это сочетание, хотя и при сильно изменившейся обстановке, продолжает действовать и сейчас.

Известное сближение побежденной Германии с СССР *после Версальского мира* тем не менее не было случайностью. Оно вытекало

из того, что побежденная страна, прошедшая через Версаль, ограбленная империалистами Антанты и попавшая в положение угнетаемой страны, — не могла не искать сближения с Россией, единственной страной, завоевавшей себе подлинную самостоятельность и порвавшей с империалистской политикой. Но время шло. Положение Германии менялось. И вот уже примерно три года, как германская буржуазия не столько думает о том, чтобы действительно сближаться с СССР, сколько о том, как *выгоднее для себя использовать* переход на западную ориентацию, как лучше маневрировать среди «великих» капиталистических держав, очень «чутко» реагирующих на каждый шаг против СССР и очень ревниво относящихся к каждому шагу навстречу СССР.

Разбитые армии хорошо учатся — это подтверждается на примере Германии. Иностранная политика германской буржуазии за последние годы — образец ловкого лавирования. В это лавирование — это надо твердо запомнить — может входить и план: в решительный момент предать СССР, нанести нам такой удар в спину, который будет особенно щедро оплачен международным капиталом. Часть германской буржуазии уже сейчас рассчитывает на то, что именно участие Германии в каком-либо открытом нажиме на СССР может окончательно вернуть Германию в «семью» «великих» империалистических держав-грабительниц. Медленно, но неуклонно дело развивается именно в сторону сближения Германии с империалистическими государствами-победителями. Вхождение Германии в Лигу наций есть этап в *этом* направлении. Внутреннее развитие Германии — в особенности приход к власти шовинистской социал-демократии (при серьезном росте ее конкурента в рабочем классе: компартии) — тоже может этому содействовать. Недаром же правящая с.-д. партия в Магдебурге (1929) провела программу новых вооружений Германии.

«Ведущая» роль в систематическом походе против СССР в нынешний период принадлежит конечно Англии. С неслыханным упорством, с дьявольской цепкостью ведет английская буржуазия кампанию против СССР, используя все, что только можно, не отступая ни на шаг от раз задуманной цели. А английская «рабочая» партия помогает ей в этом с большим усердием.

Это — факт. Но этот факт настолько очевиден, что о нем вряд ли стоит теперь особенно распространяться. Гораздо менее очевидна *пока что* та роль, которую собирается сыграть подымающаяся *германская* буржуазия, со все большей ненавистью смотрящая на «соседство» Советской страны и все нервнее думающая о том, как бы «не пропустить момент», как бы подороже продать «дружбу» с СССР.

Если бы Германия не была к 1918 г. в значительной мере обессилена и разорена войной с Антантой, если бы в 1918—1919 гг. в Германии не произошла революция (хотя и не ставшая победоносной пролетарской революцией) — наше положение в гражданской войне 1918—1921 гг. было бы гораздо более тяжким. Германия могла повредить нам непосредственно больше, чем любое другое буржуазное

государство. Октябрьской революции помог сначала Брестский мир, затем помогла германская революция — хотя и оставшаяся только буржуазным переворотом. Нейтралитет Германии во время нашей войны с Польшей — да и относительный нейтралитет Германии вообще после 1919 г. — имел громадное значение для исхода нашей гражданской войны. Влиятельная часть германской буржуазии уже сейчас говорит, что в будущей большой войне буржуазная Германия не будет нейтральной или будет нейтральной только по видимости — и то только вначале. Вхождение германских банкиров в международный комитет кредиторов, желающих получить от СССР старые долги, есть немаловажный симптом. Разоблачения, сделанные осенью 1929 г., показали с полной убедительностью, как ряд влиятельнейших германских буржуа в 1927 и 1928 гг. конспирировал с французским империализмом против СССР.

Нет никакого сомнения в том, что последнее (июль 1928 г.) соглашение между Англией и Францией, которое под давлением Америки было «почти» ликвидировано, имело одной из задач заставить Германию поторапливаться на запад, в сторону «западной ориентации». Антагонизм между Англией и Францией до поры до времени позволял Германии сохранять видимость независимости и свободы выбора между восточной и западной ориентациями.

Англия и Франция, выступающие, хотя бы на короткий этап вместе, могут в небывалой степени *ускорить* и без того назревшее решение германской буржуазии уже не только, как «ориентацию», но и как практическое действие.

Опасность, угрожающая СССР со стороны буржуазной *Польши*, тоже достаточно очевидна. Но к ней мы настолько «привыкли», что перестали ее замечать. Если мы «привыкнем» к ней чрезмерно, то как бы не вышло, как в известной сказке с появлением волка. Поведение Пилсудского в последнее время (его обращение с сеймом, вся его литовская политика, его странная «отставка», его заигрывание с Левицким, его гостеприимство по отношению к представителям румынского генштаба, его растущая близость с французскими империалистами, его поездка в Румынию, его игра вокруг предложения советского Наркоминдела о ненападении и т. п.) очень похоже на подготовку в *близком времени* военной авантюры. Если Пилсудский сглотнет *Литву*, то это будет значить, что он готовится (и что ему разрешили большие разбойники) затем нанести удар Советской Украине.

Весьма характерно, что польские политики пробалтываются о конкретном маршруте войны. Один из них недавно заявил, что если на Украине поднимется кулацкое восстание, это будет началом войны, ибо Польша не сможет отнестись к такому факту безучастно и выступит на стороне украинского «народа». Рабочему классу на опыте захвата Вильны достаточно известна способность некоторых польских генералов инсценировать восстания. Не собираются ли они проделать то же самое с частью Советской Украины?

Польша и стоящие за ней враждебные нам силы только «изловчаются» начать «кушать» Литву так, чтобы агрессивные намерения их

не слишком били в нос. Захват Литвы лишь по видимости и лишь на короткий срок был бы локальным инцидентом. На самом деле захват Литвы был бы шагом к войне против СССР и обострил бы международное положение в чрезвычайной степени. В этом смысле противоречия между «маленькими» Польшей и Литвой в *данный период* могут получить для СССР, а стало быть и для всего международного пролетариата, больше *непосредственного* значения, чем зреющие грандиозные, в будущем решающие, противоречия между гигантами: Америкой и Англией. Это надо ясно видеть.

Но ведь и польская опасность стоит в известной связи с *германской* опасностью. Мы слишком привыкли к тому, что Польша и Германия в течение некоторого времени друг друга до известной степени и в известных пределах «уравновешивали» и «нейтрализовали». Новое в международном положении однако заключается в том, что противоречия между Польшей и Германией *на короткое время* — под руководством Англии, сблизившейся с Францией, — могут быть локализованы и «преодолены» настолько, что они на момент перестанут мешать наступлению на СССР. Над этой задачей «работают» серьезнейшие силы враждебного нам мира.

Из наиболее актуального *для нас сейчас новое* в международном положении — это именно изменившаяся роль Германии.

Таково первое изменение, наступившее в мировом положении после смерти Ленина. При центральном месте, занимаемом Германией в Европе, это изменение имеет кардинальнейшее значение.

* * *

Второе изменение сводится к следующему. Ленин искал средств «обеспечить наше существование *до* следующего военного столкновения между контрреволюционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком». Одно из таких столкновений тем временем *произошло:* мы имеем в виду *события в Китае и вокруг Китая*. «Контрреволюционный империалистический Запад» ввел войска в Китай, бомбардировал Нанкин, бомбардировал затем китайскую революцию по всему фронту. Только с помощью контрреволюционного империалистического Запада Чан-Кай-Ши смог на время подавить китайскую революцию. Захват КВЖД тоже был одним из результатов временных побед китайской контрреволюции в 1927 г. Дальновидная политика нашего правительства и успехи Красной армии привели к капитуляции мукденцев.

Конечно исход этого столкновения отнюдь не окончателен. Объективные задачи китайской революции не разрешены и сверху разрешены быть не могут. Оценка IX расширенного ИККИ по китайскому вопросу вполне верна. Бывшее «столкновение» — только *одно из первых*. Там еще будет много столкновений. Первые признаки революционного оживления в Китае уже налицо. В последнем счете победа конечно будет за китайской революцией. Да и как ни велика китайская проблема, она не исчерпывает всего «восточного» вопроса: завтра может вспыхнуть и Индия, и в огне этого пожара может быстро погибнуть

английский империализм. «Но нам интересна не эта неизбежность окончательной победы социализма. Нам интересна та тактика, которой должны держаться мы, Российская коммунистическая партия, мы, Российская советская власть, для того чтобы помешать западно-европейским контрреволюционным государствам раздавить нас» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 127). Под этим углом зрения события в Китае и вокруг Китая в 1927—1928 гг. имеют гигантское значение. На известный промежуток времени — теперь уже вполне ясно, что дело идет о целом этапе, который может при неблагоприятных обстоятельствах занять еще несколько лет[1] — китайская революция потерпела поражение. А ее временное поражение неизбежно и необходимо есть наше (рабочего класса всего мира и СССР) временное поражение, как ее победа неизбежно и необходимо была бы нашей победой.

Нам *удалось* «обеспечить наше существование» *до* первого крупного военного столкновения между контрреволюционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком. Но это столкновение кончилось пока что поражением (временным, отнюдь не окончательным, но серьезным) «революционного и националистического Востока». Это есть серьезное изменение в соотношении сил на мировой арене *не* в нашу пользу.

Ленин учил, что самой большой ошибкой для революционеров является скрывать от себя поражения революции; признать поражение, понять его размеры и причины — значит начать преодолевать его.

«Сливки» с империалистских побед над Китаем теперь снимают: 1) американские империалисты, ведущие особенно большую игру вокруг Китая; 2) английская буржуазия, использующая положение в целях «окружения» СССР, и 3) японский империализм. Менее ясна была до сих пор в этом отношении роль японского империализма, ибо японская буржуазия лавировала чрезвычайно ловко, применяя внешне «мягкие», «кошачьи» приемы. Теперь японский зверь готовится прыгнуть сразу и только изловчается занять исходные позиции получше. Известная «поддержка» Англии этому зверю обеспечена. Америка недовольна. Но недовольство это пока пассивное, «ленивое». Америка заигрывает с Нанкином. Но для Англии не представило труда сделать в отношении Нанкина внешне почти те же жесты, что и Америка. Гвоздь же для нас, — а значит и для всего международного пролетариата — сейчас заключается в том, что за наскок на СССР Японии многое «простят» даже американские империалисты.

В той или другой форме вероятно скоро последуют нажимы английского империализма на кемалистскую Турцию. Нажим может последовать в очень «добренькой» форме. Англия даже наверняка предпочла бы мирный вариант. Но очень вероятно, что она сделает именно теперь настойчивые попытки ввести Турцию в свой «фарватер»...

---

[1] Между 1905 и 1917 гг. лежит этап в целых 12 лет. Но ныне «бег истории» куда быстрее. Китайская контрреволюция сгнивает быстро. Китайская революция подымется скоро.

В последнем счете национально-освободительные движения угнетенных народов несомненно вновь подымутся и сольются с победоносной пролетарской революцией. Но полосы упадка возможны. Мировая революция в общем идет вперед. А внутри этой эпохи «контрреволюционные судороги» неизбежны.

* * *

У нас слишком часто подходят к *Лиге наций* «агитаторски». Она-де бессильна разрешить проблему войны и мира, она-де собирает бесконечные конференции, топчется на месте и т. п. Конечно Лига наций не может и не хочет покончить раз навсегда с войнами и вообще разрешить существующие противоречия так, как этого требовали бы интересы трудящихся масс. Доказывать это, разоблачать Лигу за ее неуменье сделать это, за ее напыщенные фразы и фальшивые декларации — вещь не бесполезная. Разоблачать подлость современных социал-демократических вождей, все более связывающих свою судьбу с Лигой наций, надо. Когда социал-демократические вожди на своем Брюссельском конгрессе выносят резолюцию о том, что дело разоружения должно быть возложено на Лигу наций, что контроль над Суэцким каналом должен быть доверен Лиге наций, что всякая мобилизация, и даже «промышленная», до заключения Лиги наций запрещается и т. п.,— то конечно надо за это пригвождать к позорному столбу социал-шовинистов. Но надо понять, что вожди II Интернационала именно потому и льнут к Лиге наций, что она не «чахоточный плод», а довольно важная составная часть механизма современной империалистической системы. «*Ихнее*» дело, дело империалистов, Лига наций все же выполняет недурно. Где нужно, найдет — на время — компромисс, сгладит, отложит тот или другой вопрос, еще раз поищет компромисса и т. д. Но одна из главных задач империалистов: систематическая изоляция СССР, постепенное окружение его, подкоп под него, «тихая сапа» — эта задача Лигой наций выполняется небезуспешно. Не последним по важности для империалистов делом является образцовая «работа» Лиги наций по вовлечению Германии в ряды Лиги. Дело это удалось Лиге наций вполне.

Входить советскому государству в Лигу наций это все равно, что профсоюзу рабочих входить в союз предпринимателей или стачечникам входить в союз штрейкбрехеров. Об этом нет и не может быть и речи. Наша партия на этот счет вполне единодушна. Но видеть реальное, практическое, реакционное значение этой Лиги, видеть известный *успех* ее политической работы против нас мы обязаны.

Ленин хорошо знал, какие внутренние противоречия и конфликты разъедают лагерь империалистов. Но тем не менее его последняя статья, разбирающая международное положение, полна забот и беспокойства — как бы в самом деле «им» не удалось составить единый фронт против Советского Союза, хотя бы на короткое время. Эта опасность за последнее время, несомненно, приблизилась.

* * *

Мы остановились в первую очередь на двух важных изменениях в мировой обстановке. Ими конечно далеко не исчерпываются изменения в мировом положении СССР.

Когда мы говорим о растущей опасности объединения нескольких важнейших капиталистических государств для прямой атаки против СССР, то мы ни на минуту не забываем о том, что *внутри* империалистического лагеря существуют противоречия, борьба, соревнование, вражда, свара, мешающие им образовать единый фронт против нас. Это доказано даже событиями 1929 г. вокруг КВЖД.

Противоречий внутри капиталистического мира бездна. В период частичной стабилизации капитализма противоречия эти не уменьшаются, а увеличиваются.

После войны и русской революции на мировой арене остались четыре крупнейших империалистических державы: САСШ, Великобритания, Япония, Франция. С известными ограничениями (см. выше) к ним можно еще причислить *пятую* державу: вновь подымающуюся и уже сильно поднявшуюся Германию. Значительную, хотя и архиреакционную международную роль может сыграть современная фашистская Италия. Каждая из четырех «великих» империалистических держав в известной мере соревнует с остальными державами-гигантами. Все остальные государства — более мелкие — группируются в разных комбинациях, иногда очень преходящих, вокруг этих держав-гигантов.

Попробуем перечислить основные противоречия, существующие *между* капиталистическими государствами и целыми группами государств. Это поможет нам понять, каковы будут черты грядущей войны.

1. *Англо-американское соперничество.* Интересы САСШ и Великобритании сталкиваются в Южной Америке, Канаде, Австралии, Китае, частью в Германии. Идет бешеное соревнование в морских вооружениях. Америка вооружается не только против Японии, но и против Англии. На сооружение новых военных кораблей САСШ намерены израсходовать в течение ближайших 20 лет около 3 миллиардов долларов. Идет война вокруг нефти, вокруг каучука и т. п. Достаточно вдуматься в то, какая гигантская борьба идет между САСШ и британским империализмом в одной только Южной Америке. К началу мировой войны сумма *английских* капиталов в Латинской Америке составляла 5 миллиардов долларов, а *сумма капиталов Соединенных штатов* — только $1\frac{1}{2}$ миллиарда долларов. А теперь это соотношение за каких-нибудь 15 лет изменилось коренным образом. Капиталы, вложенные Англией в страны Южной Америки, увеличились на 15—20%, а капиталы, вложенные САСШ, увеличились на 300%. Капиталы, вложенные Соединенными штатами Америки в Латинскую Америку, в 40 раз больше, чем капиталы, вложенные САСШ в Европу. Ясно, какая бешеная конкуренция должна разыгрываться между северо-американскими и великобританскими империалистами уже

из-за одной этой лакомой добычи. В будущем соперничество между САСШ и Великобританией будет главным и абсолютно решающим. Но сейчас конфликт между САСШ и Великобританией далеко еще не назрел настолько, чтобы *непосредственно* облегчить положение единственного пролетарского государства на мировой арене, чтобы *непосредственно* обезопасить нас от атак английского империализма. Если бы латентный конфликт двух крупнейших рабовладельцев стал уже актуальным, злободневным, международное положение СССР было бы совсем другим. Если бы само отношение САСШ и Англии к нам, к СССР, было совершенно различным, — международное положение СССР равным образом было бы совсем другим. Этого еще нет.

Современная *буржуазная* Германия *может* использовать и использовывает противоречия между САСШ и Англией даже в их теперешнем виде. А современный *социалистический* Союз советских республик обладает *этими* возможностями в гораздо меньшей степени, ибо против диктатуры пролетариата оба буржуаазных соперника легко объединяются и оба готовы перегрызть ей горло.

Потуги Макдональдов «примирить» английский империализм с империализмом САСШ серьезным успехом увенчаться не могут. Но сами эти потуги являются симптомом того, что решающее столкновение между САСШ и Англией еще только назревает, а не назрело.

Придет время — оно не за горами, — когда именно англо-американское соперничество, без всякого преувеличения, потрясет мир. Тенденции этого соперничества заслуживают самого пристального внимания и изучения со стороны международного пролетариата и в частности со стороны пролетариата СССР. Но тенденцию, хотя и быстро нарастающую, все же не следует принимать за завершившийся процесс.

2. *Американо-японское соперничество.* Америка заигрывает с Китаем, который Япония считает своим «доменом». Америка требует для Китая политики «открытых дверей», что Япония воспринимает как требование пустить Америку туда, где позиции заняты уже (или завтра будут заняты) японцами. Китаю, как рынку, в будущем предстоит громадная роль. Из-за него стоит и повоевать. Кроме того САСШ и Великобритания чувствуют себя соперниками на всем Тихом океане. На вашингтонской конференции САСШ потеснили Японию, несколько поссорили Англию с Японией. Одно время могло казаться, что Англия и Япония более враждебны друг другу, чем Япония и Америка. Но в 1927 г. Англия и Япония вновь сближаются — против китайской революции. События 1928 г. (Шаньдунь и пр.) делают особо выпуклыми противоречия между САСШ и Японией, по крайней мере в тенденции.

Однако военная и дипломатическая подготовка влиятельной части японской буржуазии на деле идет прежде всего *против* СССР.

На *ближайшее* время Япония может считать себя застрахованной от прямого нападения со стороны САСШ хотя бы уже потому, что морской флот Японии на деле пока еще сильнее американского там, где они могли бы столкнуться сейчас. В то же время Манчжурия

и наше Приморье «манят», и нападение — в «подходящий момент» — на СССР кажется линией наименьшего сопротивления.

Тенденции и тут не следует принимать за нечто готовое и созревшее. Япония *будет* драться с САСШ через некоторое время. Но до того, как это случится, японский империализм вполне может напасть на СССР.

3. *Англо-французское соперничество. Оно же тесно связано и с вопросом о франко-итальянском соперничестве.* Развитие военной техники в значительной мере лишило Англию преимуществ островного положения. Французские пушки могут обстрелять английские берега, французский флот может бомбардировать Лондон. Французские подводные лодки серьезно угрожают всему могуществу английского флота и т. п. Это заставляет Англию либо искать серьезных военных союзников против Франции в Европе, либо итти на сближение с Францией.

Англия в последнее время берет на себя роль арбитра между Францией и Италией (эти последние спорят из-за того, что Италия чувствует себя «обделенной» Версальским миром). Англия проявляет «доброжелательство» к Италии, видя в ней известный фактор против чрезмерного военного могущества Франции в Европе.

Стремясь к изоляции СССР, Англия идет иногда на некоторые уступки Франции. С другой стороны, Англия хочет вовлечь в свою орбиту против СССР Германию, которая однако в последнее время вновь начинает экономически соперничать с Англией. В этом смысле *можно говорить о франко-англо-германском соперничестве.*

Англо-французское соглашение 1928 г. как будто сорвано Америкой. Но ряд тенденций остается в силе. И в более далекой перспективе сближение Англии и Франции конечно направлено против СССР. Получается впечатление, что воссоздается печальной памяти Антанта с той разницей, что тогда в нее входила и царская Россия, а теперь она (Антанта) будет направлена больше всего против СССР. Страстный торг с переторжками, имевший место летом 1929 г. между Брианом и Сноуденом, этому нисколько не противоречит.

Последние сессии Лиги наций подтверждают то, что мы говорили выше о роли Германии. Бриан грозно поводит бровями. Он даже прямо покрикивал на германского канцлера Мюллера. Англия, выступавшая до сих пор представительницей и «защитницей» Германии, показывает, когда нужно, необычайную сдержанность и сухость по отношению к ней. За грубым нажимом последует какая-нибудь небольшая уступочка. И при посредстве французских и германских социал-демократов — лучших маклеров, чем «товарищи» Поль Бонкур и Брейтшейд, и желать нельзя — готовится заключение сделки. Одной из важнейших сторон этого соглашения будет прицел против СССР. Новейшие выступления французской дипломатии также не оставляют на этот счет никаких сомнений.

4. *Франко-германское соперничество.* Оно остается фактом. Буржуазная Германия глубоко «припрятала» идею реванша, но не от-

казалась от нее. Англия искусно использует это противоречие в своих целях, стремясь ослабить и Францию и Германию и в то же время вовлечь оба эти государства в свою антисоветскую политику.

5. *Противоречие между САСШ и европейскими государствами, являющимися их должниками.* Тенденция к известному сближению между европейскими государствами против американского «паука» несомненно существует. Не надо и ее принимать за завершившийся процесс. Эта тенденция пересекается контртенденциями. Возня вокруг «пакта Келлога» [1] показала это в достаточной степени. Но в перспективе это противоречие тоже немаловажно.

К этому надо прибавить противоречия: 6) *между Германией и Польшей;* 7) между Венгрией и Румынией, Югославией и Чехо-Словакией; 8) между Польшей и Литвой; 9) между Болгарией и Югославией; 10) между Италией и Югославией и т. п.

Все эти противоречия более чем достаточны, чтобы из них одних могла родиться новая война — гораздо более истребительная, чем война 1914—1918 гг. Борьба за рынки, за источники сырья и, в связи с этим, за новый передел мира (и во всяком случае за передел колоний, полуколоний и сфер влияния) становится все более острой. Расходы на вооружение бешено растут (для четырех крупнейших держав плюс Италия в 1927/28 г. — 2 100 млн. долларов против 1 100 млн. долларов в 1913 г.). Военная техника «усовершенствовалась» настолько, что в несколько минут будут уничтожаться целые города.

Вышеочерченные противоречия между Америкой и Англией, Америкой и Японией и т. п. надо изучать. Надо, чтобы самые широкие слои рабочих проникли к мистерии иностранной политики. Надо уметь видеть связь между основными противоречиями Вашингтон — Лондон и «текущими» противоречиями, вроде антагонизма Варшава — Вильно — Ковно. *Но надо, чтобы первые не заслоняли от нас вторых* — что у нас иногда к сожалению имеет место. События вокруг Варшавы — Вильно — Ковно могут завтра же очень больно задеть Москву, — тогда как решающее столкновение между Вашингтоном и Лондоном во всяком случае разразится только *послезавтра.* Победа фашизма в Югославии и налаживающийся союз наиболее фашистских государств могут быть использованы против нас в сравнительно скором будущем.

---

[1] Подписание пакта Келлога нашим правительством было вполне правильно. Решающим, по нашему мнению, является соображение о том, как лучше перерезать агитацию империалистов и *ее главного орудия в массах — социал-демократии.* Отказ нашего правительства подписать этот пресловутый пакт был бы использован социал-демократией для бешеной травли против нас в широчайших массах трудящихся. «Пакт Келлога» — помимо других его сторон, являлся своего рода применением «тактики единого фронта» со стороны буржуазии и социал-демократии. Именно интересы разоблачения этого «хода» требовали подписания (конечно мотивированного) пакта с нашей стороны — *при одновременной широкой большевистской разъяснительной кампании.* Разумеется подписание пакта само по себе ни на волос не обеспечивает нас против военных нападений. Малейшие иллюзии в этом отношении были бы глубоко вредны.

Вот почему мы и выдвинули во главу угла *два* вышеочерченных важнейших изменения в мировой обстановке СССР: 1) *изменившаяся роль Германии* и 2) *временное поражение революции в Китае.*

Капитализм на то и капитализм, чтобы под его оболочкой накоплялись противоречия, из которых вырастают войны и революции. А тем более — капитализм в его империалистической фазе. А тем более, когда империализм проходит через частичную «стабилизацию» после громадных потрясений, чуть было не стоивших ему головы. А тем более — в «третий период», когда противоречия обостряются с такой быстротой.

Новые столкновения и новые войны между империалистскими государствами неизбежны. Весь вопрос только в том, не захотят ли господа империалисты *сначала* повоевать с СССР, а *затем уже* воевать друг с другом. Империалисты считают, что если они не будут воевать против СССР, то тем скорее будут воевать друг с другом. Империалистам трудно, невозможно договориться друг с другом сколько-нибудь надолго и образовать сколько-нибудь прочный единый фронт. Это верно. Но некоторое относительное и временное единство фронта против общего врага, против СССР, для них достижимо.

Маркс и Энгельс не могли еще дать достаточно конкретной картины того, *как* будет сопротивляться, *как* будет бешено бороться против одной победившей пролетарской революции буржуазия остальных стран. Ленин смог уже нарисовать эту картину более конкретно. Чем больше мировая буржуазия убеждается, что социалистическая революция не химера, не фантазия, не пустая угроза, что она растет и сплачивает свои силы вокруг СССР, — тем больше она думает о том, как «вырвать с корнем» советскую опасность. И передышкой, которую мировой буржуазии дала частичная стабилизация капитализма, она хочет воспользоваться именно для этого. А имея теперь *свои* усилившиеся социал-демократические партии и социал-демократические профсоюзы, она неизбежно будет действовать более нагло.

Наступление со стороны *международ ой* буржуазии идет параллельно с известным наступлением буржуазных элементов (деревни и города) *внутри* СССР, питая друг друга. Обострение классовой борьбы внутри СССР связано и с нашим международным положением. Известная взаимозависимость налицо, и она останется и впредь.

На самый ближайший период империалисты повидимому непрочь пока «ограничиться» мерами экономического окружения (и попытками «мирного» удушения) нас. А кулак внутри страны склонен пока «ограничиться» попытками к хлебной забастовке и кулацким террором. Однако не только не исключена, а напротив неизбежна попытка со стороны мировой буржуазии *сочетания* экономического окружения с прямой войной против нас. Если бы это случилось, то новая буржуазия внутри страны тоже попробовала бы еще больше «активизироваться» и дошла бы до попыток прямого *восстания.*

Противоречия *между* различными империалистскими державами, противоречия *внутри* буржуазного мира вообще не только продол-

жают существовать, но и приведут неизбежно к новым войнам *между* империалистами. Капитализм на то и капитализм, чтобы в последнем счете увеличить, расширить противоречия внутри буржуазного мира. Использовать эти противоречия, «лавировать и маневрировать» между буржуазными государствами мы можем и должны и теперь в меру того, что позволяют нам обстановка и принципы Коминтерна. Но надо ясно видеть, что *на известный промежуток времени* между буржуазными государствами существует *некоторый* мир, позволяющий им действовать по отношению к «общему врагу», Советскому Союзу, *более дружно*, чем это было в 1917—1918 гг. (до германской революции) и в 1919—1924 гг. (полоса отдельных договоров с Советской Россией, признаний де-юре и т. п.). Антагонизм между победителями и побежденными, т. е. между державами бывшей Антанты и Германией в первую голову, *относительно* и *на время* смягчился. И это — несмотря на то, что по конкретным вопросам нажим империалистов на Германию происходит как раз и сейчас.

Вероятна ли в близком будущем открытая война *между* империалистскими государствами? Не только вероятна, но и *неизбежна*. Но вероятно ли, что крупные империалистские державы *раньше*, чем открыто передраться друг с другом, захотят «разделаться» с СССР? Это очень и очень вероятно.

Удастся ли им так сманеврировать? В этом весь вопрос.

Всего вероятнее, что, как это часто бывает в мировой истории, обстановка сложится «хитрее», чем ожидают обе стороны. Так, например, вести войну (и ряд войн) против колониальных и полуколониальных стран империалистским державам «приходится» уже сейчас, хотя конечно им было бы сподручнее «отложить» и эти столкновения до сведения счетов с СССР. Империалисты напрягают все силы, чтобы «окончательно» расправиться с революцией в Китае. А в это время нарастает революционное движение в Индии, Египте, Корее, Сирии, Марокко, в Южной Америке и т. д. Из войн империалистов против колониальных и полуколониальных стран тоже может вырасти прямая война против СССР.

Во всяком случае, мы обязаны готовиться к *худшему для нас варианту*. Ленин считал, что на очереди второй тур войн *именно против нас, против советской власти*.

* * *

Мировая война 1914—1918 гг. была *империалистской* войной. В самом общем ее значении грядущая война тоже будет империалистской войной в том смысле, что империалистский капитализм произведет нападение на первое рабочее государство в мире, на СССР. Относительно мировой войны 1914—1918 гг. уже в первой ленинской брошюре «Социализм и война» говорилось: «Эта война в трояком смысле есть война рабовладельцев за укрепление худшего рабства. Это, во-первых, за укрепление рабства колоний посредством более «спра-

ведливого» раздела и дальнейшей более «дружной» эксплоатации их; во-вторых, за укрепление гнета над чужими нациями в самих «великих» державах... в-третьих, за укрепление и продление наемного рабства» (т. XIII, стр. 97).

Первый мотив будет налицо и в будущей войне. Колониями вновь будут торговать — например для подкупа германской буржуазии. Судьба колониальных и полуколониальных стран, например Китая, Индии и т. п., заново будет решаться в этой войне.

Второй мотив также в той или другой степени будет налицо в грядущей войне. Буржуазные государства вновь будут торговать национальными меньшинствами. Буржуазные государства будут спекулировать на том, чтобы вновь восстановить национальный гнет в России.

Третий мотив, укрепление и продление *наемного рабства*, будет *главным* мотивом грядущей войны. В столкновении империалистических государств с нашим рабочим государством прежде всего и будет решаться вопрос о том, сделает ли мир громадный шаг назад в деле укрепления и продления наемного рабства или он напротив сделает громадный шаг вперед к свержению этого рабства.

Большевистские партии, не обманываясь внешностью, тишью да гладью на поверхности, должны ясно сознавать и сознают, что приближается *второй тур* войн, в которых вновь будет решаться судьба советской власти. Эта мысль должна пропитывать всю нашу агитацию среди масс внутри СССР и в среде международного пролетариата.

Политика Советов есть *политика мира*. Политика империалистов и их социал-демократии есть *политика войны*. Мы должны вести себя так, чтобы эту истину поняли рабочие, крестьяне, все трудящиеся не только СССР, но и всего мира; так, чтобы в этом не могло быть сомнения ни у одного честного труженика; так, чтобы это было *аксиомой*, непреложной истиной для всего международного пролетариата.

Систематическая, обдуманная, напряженная, неустанная, планомерная борьба за мир! Большевизм в 1917 г. вырвал из ада империалистской войны нашу страну. Большевизм должен в 1929 г. (и в последующие годы) помочь нашей стране и другим странам спастись от ужасов новой войны. Если кто-либо еще может это сделать, так только большевизм, только пролетарские революции.

Ваша политика, господа империалисты, есть политика войны!

Наша политика, товарищи рабочие, есть *политика мира*!

А если война тем не менее будет нам навязана, то она будет «контрреволюционной судорогой», которая однако может быстро смениться громадным революционным подъемом. Коминтерн докажет тогда, что он умеет претворять в дело лозунг Ленина о превращении империалистской войны в войну гражданскую.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ. 5

I. Введение. Маркс и Ленин 7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

II. Общий очерк учения Маркса и Энгельса о войне 21

III. Марксизм и лассальянство 25

IV. Несколько слов о войне и материалистическом понимании истории 39

V. Война и революция.—Революция и война 48

VI. Эпоха 1848 года 58

VII. Эпоха крымской войны 78

VIII. События 1854—1859 гг. Еще раз марксизм и лассальянство . 91

IX. Война 1870—1871 гг. и позиция Маркса и Энгельса 99

X. Работы Энгельса после смерти Маркса 110

XI. Оборонительная и наступательная война 117

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XII. Общий очерк учения Ленина о войне 137

XIII. Учение Ленина о войне и его первое испытание в огне мировых событий 141

XIV. Мировая война и учение Ленина о войне 154

XV. Основное звено в ленинской системе тактики во время мировой войны 162

XVI. Ленинизм и пораженчество 175

XVII. Ленинизм и люксембургианство в вопросах войны 190

XVIII. Ленинизм и троцкизм во время мировой войны 208

XIX. Пролетариат у власти и проблема войны 215

XX. Верно ли, что новые революции невозможны без войны? . . . 227

XXI. Большевистская партия в мировой войне 235

XXII. Против течения 243

XXIII. Историческое подготовление Коминтерна и его рождение из мировой войны 256

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XXIV. Буржуазные рабочие партии в балансе сил империализма . . 279

XXV. Внешняя политика современных социал-демократических партий 296

XXVI. Грядущая война и германская социал-демократия 309

XXVII. «С.-д.» период мировой империалистской реакции и опасность войны 326

XXVIII. Кое-что о международном положении 340

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

Энгельс, Ф. Статьи и письма по военным вопросам. Перевод с немецкого под редакцией, с предисловием и примеч. Н. Н. Попова. 1924. Стр. XIV + 368. Ц. 1 р.

Ленин, В. И. О войне 1914—1918 гг. Избранные статьи и речи. Сборник. Составил Н. Н. Попов. Изд. 2-е, знач. доп. 1926. Стр. VII + 351. Ц. 1 р. 20 к.

I. От начала войны до Циммервальдской конференции. — II. От Циммервальдской конференции до Февральской революции в России. — III. От Февральской революции до Октября. — IV. От Октября до конца империалистической войны.

Ленин, В. И. Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический. Редакция и предисловие Л. Б. Каменева. (Институт Ленина при ЦК ВКП(б).) Стр. 20. Ц. 5 к.

Предисловие. — I. Поворот в мировой политике. — II. Пацифизм Каутского и Туратти. — III. Пацифизм французских социалистов и синдикалистов. — Циммервальд на распутьи.

Сталин, И. Вопросы ленинизма. Изд. 6-е. 1929. Стр. 648. Ц. 1 р. 45 к., в пер. 1 р. 85 к., в кол. пер. 2 р. 20 к.

Попов, К. и **Резвушкин, Я.** О перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Учение Ленина и его критики. 1929. Стр. 472. Ц. 4 р. 50 к.

Ксенофонтов, Ф. Учение Ленина о революции и диктатуре пролетариата. 1925. Стр. 120. Ц. 15 к.

Фридлянд, Ц. Ленин о войне и революции. 1924. Стр. 184. Ц. 30 к.

В этой книжке сделана попытка выявить переплетение опыта русской и европейской классовой борьбы в ленинизме — в большевистской борьбе с войною и в деле организации революции.

Покупайте книги в магазинах и киосках ГОСИЗДАТА

5р. 1659

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

9-й ГОД ИЗДАНИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ИНСТИТУТА ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б)

Под редакцией: В. В. АДОРАТСКОГО, Д. А. БАЕВСКОГО, П. О. ГОРИНА (Зам. ответств. редактора), С. П. КОРШУНОВА, М. С. ОЛЬМИНСКОГО, М. А. САВЕЛЬЕВА (отв. редактор).

Журнал **„ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ“** посвящен изучению ленинизма, истории ВКП(б) и Октябрьской революции, истории революционного движения в России, гражданской войне и борьбе с контрреволюцией, а также истории Коминтерна, деятельности заграничных коммунистических партий и международного рабочего движения.

Все эти вопросы находят свое освещение в виде научно-исследовательских статей и воспоминаний. Журнал **„ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ“** публикует также архивные документы, относящиеся к деятельности В. И. Ленина и истории большевистских партийных организаций.

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА: 1) Статьи. 2) Воспоминания. 3) Материалы. 4) Трибуна. 5) Доклады в институте Ленина. 6) Критика и библиография. 7) Хроника.

К сотрудничеству в журнале привлечены лучшие партийные и научные работники.

Журнал **„ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ“**, являясь органом научной, партийно-исторической мысли и изучая вопросы истории ВКП(б) в марксистско-ленинском понимании, **кроме специалистов-историков, рассчитан также на широкие кадры партийных пропагандистов, научных работников и педагогов, слушателей вузов и комвузов и т. п.**

Из отзывов прессы о журнале „ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ“

Журнал **„ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ“** выполняет весьма полезную работу подготовки материалов из истории революционного движения в России, истории ВКП(б) и Октябрьской революции...

Правильный курс на повышение уровня научной обработки даваемого материала, на более строгий его подбор завоевывает „ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ“ видное место среди существующих научных марксистских журналов...

Журнал заслуживает большого распространения и использования, в частности, в наших партийных учебных заведениях, для которых он является серьезным пособием при прохождении курсов истории партии и ленинизма.

„Книга и революция“, № 1, 1929 г., стр. 44—45.

... С тех пор как журнал „ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ“ стал органом института Ленина при ЦК ВКП(б), центр тяжести внимания редакции журнала все более и более переносится на материалы, связанные с деятельностью и именем В. И. Ленина. Это придает выдающийся интерес почти каждой книжке журнала.

„Историк-марксист“, том 12. 1929 г., стр. 269.

Цена на год — **12** р., на 6 месяцев — **6** р., на 3 месяца — **3** р.

Цена отдельного номера 1 р. 50 к. — 12 НОМЕРОВ В ГОД

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Периодсектором Госиздата РСФСР, **Москва**, центр, Ильинка, 3 тел. 4-87-19; **Ленинград**, Ленотгиз, пр. 25 Октября, 28; в отделениях и магазинах Госиздата РСФСР; у уполномоченных, снабженных удостоверениями, во всех киосках, Всесоюзного контрагентства печати, во всех почтово-телеграфных конторах, а также у письмоносцев.